

ПОЭЗИЯ

Андрей ШАЦКОВ	«ЗАПОВЕДНЫХ ЦВЕТОВ АРОМАТ...»	(12+)	3
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН	«РАСПАХНУЛА ОБЪЯТИЯ ЕЛЬ...»	(12+)	73
Александр КОВАЛЕВ	«И СВЕТЛЕЕТ НЕБО И ДУША...»	(12+)	95
Виктор КИРЮШИН	«МЫ ОСТАЕМСЯ САМИМИ СОБОЙ...»	(12+)	133
Андрей РАСТОРГУЕВ	«ПОКЛОНИСЬ МАРЦИАЛЬНОЙ ВОДЕ...»	(12+)	137
Татьяна МЕХНИНА-ВАН ИНГ	«ПЕРЕД ПРЫЖКОМ В ЗАТЯЖНУЮ ОСЕНЬ...»	(12+)	153

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Василий ДВОРЦОВ	УДЕРЖАНИЕ РУССКОСТИ (12+) В РОССИИ (Задача современности для литературы)	5
------------------------	--	----------

ПРОЗА

Андрей ВОРОНЦОВ	КОРАБЛЬ ОТПЛЫВАЕТ, (16+) роман (окончание)	16
Эдуард ПУОЛОКАЙНЕН	ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ, (12+) рассказ	86

ПРОЗА

Елена НАУМОВА	ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБЕС, (16+) повесть	97
Станислав ОЛЕФИР	Я ПОКАЖУ ВАМ РОССИЮ, рассказы (16+)	163
Виктор РУЖИН	НЕНУЖНЫЕ ЛЮДИ; ФИГУРА; В ОТПУСК С СЕВЕРА, рассказы	211

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Андрей ЦУНСКИЙ	ВО ДВОРЕ 119-го, (12+) главы из книги	75
-----------------------	---------------------------------------	-----------

ОЧЕРК

Олег МОШНИКОВ	ПОЭТИЧЕСКОЕ ЛЕТО (12+)	135
----------------------	------------------------	------------

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Елена МАРКОВА	УЧЕНЫЙ В ПОТОКЕ ИСТОРИИ Памяти Э.Г. Карху (1923–2008)	139
----------------------	---	------------

Литературный конкурс журнала «Север»

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Татьяна БАННОВА	СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛОГО БРАТА, рассказ (12+)	146
Мария МОЛОТКОВА	«УТРОМ ХОЧЕТСЯ ДЕТСКИХ УЛЫБОК...», стихи (12+)	161
Екатерина МИТРОФАНОВА	СЕРДЦЕ ЛЕБЕДЯ, (12+) маленькая трилогия	192

СЕВЕР

М О Н П А Н С Ь Е

Олег КОРНИЕНКО ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА; (6+)
РАНЕННЫЙ «ОРЛЕНОК»;
ПОБЕДНАЯ НИЧЬЯ, рассказы **156**

Светлана ВЬЮГИНА ДОРОГА; ПОЛЯНА; ВОРОНА (0+)
ПОЕТ; РУСАК, рассказы **188**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ольга КРАВЦОВА МОНОЛОГИ ЕВТУШЕНКО: выбор
и альтернативная реальность (12+) **200**

К ЮБИЛЕЮ ТЕАТРА «ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ»

Мария КРАУКЛИТ «ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ»:
25 ЛЕТ ИСКРЕННОСТИ (12+) **204**

Александр ПОБЕРЕЖНЫЙ-БЕРЕГОВСКИЙ «ХОЧЕТСЯ ОТСТАИВАТЬ
ЦЕННОСТИ, КОТОРЫЕ
ПОПРАНЫ И РАСПЯТЫ...» (12+) **208**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Мария ФОМИНА РУССКИЙ БОККАЧЧО
НАРОДИЛСЯ? (12+) **226**

Ирина ВАЖИНСКАЯ «ВСЕГО ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ
ТОМУ НАЗАД...» (12+) **228**

Вениамин СЛЕПКОВ КНИГА О ТРУДНОМ ВЫБОРЕ (12+) **230**

Борис ЛУКИН ПУСТЬ БУДЕТ ВЕЧЕН
ЭТОТ ЧАС... (12+) **233**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2013 ГОД 236

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ 240

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации
областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно
отражает точку зрения редакции
на затронутые темы.

За точность фактов и цифр
ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности
платить авторский гонорар.
Авторам высылаются журналы
с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут
опубликованы.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

При использовании материалов,
опубликованных в журнале, просим
непрерывно ссылаться на «СЕВЕР».

 (8142)

гл. редактор 78 47 36

отв. секретарь. 78 47 36

отделы: 78 48 05

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Формат 84x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 29,66 Заказ 1286. Тираж 1000 экз.

Типография ООО «4+4». 185007, г. Петрозаводск, пр. Лесной, 51.

Верстка выполнена в компьютерном центре журнала «Север»

Андрей ШАЦКОВ

*родился 1 декабря 1952 года в Москве.
Автор одиннадцати поэтических книг.*

*Член Союза писателей России
и Международной ассоциации журналистов.
Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского
РПЦ и многих литературных премий.*

*Главный редактор альманахов
«День православной поэзии-2008»,
«День поэзии-2007, 2009, 2010, 2011, 2012».*

*Проживает в Москве и Рузе.
В журнале «Север» публикуется впервые.*

**Андрей
ШАЦКОВ**

г. Москва

НАД РОДИНОЙ

«Заповедных

цветов аромат...»

Над Родиной, в тоске полынных трав,
Восходит солнце — Спаса ярым оком.
Несутся табуны, хвосты задрав,
И березняк сочится свежим соком.

Течёт светила огненный металл
На холм, открытый сказочным красотам,
Где я, как в детстве, руки разметал,
Чтоб насладиться девственным полётом.

«Не покидай меня, моя весна!» —
Кричу и не надеюсь докричаться.
Пока придёт последняя война,
Позволь пребывать в уделе домочадца.

Позволь успеть благословить судьбу
За то, что жил в «неправильные» годы
И заступил Батыеву тропу
В урочный час свинцовой непогоды...

И бешено бежит по жилам кровь,
И мреет над рекой горячий аэр.
«Не покидай меня, моя любовь!»
Не оставляй извергнутым из рая».

С рукой, дрожащей мелко, от нужды,
И горечи постигнувшей утраты...
А по Руси шатаются дожди
И шастают Иуды и Пилаты!

Но даже если грянут образа
Со стен и мир вокруг перевернётся,
Я верю, что бедовые глаза
Меня приветят взглядом у колодца!

ФЛОКСЫ

Синий сумрак ушедшего лета.
Астры звёзд, звёзды астр и нежна —
На краю подмосковного света
Неподвижно стоит тишина.

Снова ночи таинственный бархат.
И безмолвно глядят в высоту —
Флоксы... Боже мой, как они пахнут
В осенённом Успеньем саду.

В эту терпкую пору до срока
Не уснуть средь древесных купин...
Флоксы, астры стоят у порога,
А на клумбе цветет георгин.

Я дарил их охупками маме,
Понимая, что в створку ворот,
Журавлиными мерить шагами
Этот мир, моё детство уйдёт.

Задержать до последнего вздоха
Заповедных цветов аромат.
Гладиолусы... Школа... Эпоха,
Где стихи заглушали грома!

Где в желанное завтра распахнут,
Просыпался с мечтой о любви...
Флоксы, боже мой, как они пахнут,
Словно горькие губы твои!

ЧАБРЕЦ*(Богородицкая трава)*

В Богородичный день, утопающий в ласковой сини.
Осенин, облачённых в сентябрьский, кровавый багрец,
На бескрайних полях, на безмолвных полянах России
Богородской травой возрастает пахучий чабрец.

Что за дивные сны с чабрецом навевает подушка.
С тем, которым иконный оклад украшали в Престол.
И прекрасной царевною станет простая лягушка,
И не станет помехою кречетам ясный сокол!

Сколько сложено сказок о сём, на людскую потребу.
Как причудлива их златотканая, мудрая вязь...
Рождество Богородицы — лествица в чистое небо.
Рождество Богородицы — осени топкая грязь.

А из грязи, хвостатый бунчук на скаку поднимая,
Смертным мороком явятся тысячи волчьих сердец.
И падут ковыли, в полный рост, под пятою Мамаю,
Но пригнётся к земле,
распрямившись, Непрядвы чабрец!

ПОЛЫНЬ

Полынь, полынь, ты всё-таки взошла,
А я уж не мечтал об этой встрече...
Земли касались ласточек крыла.
И громыхало где-то недалече.

И не хотелось сумрачно смотреть
На сомкнутую рать чертополоха.
Но миг пришёл, и сгинула мокреть,
И началась цветения эпоха!

И стало всё, как в прошлые года.
Сбывалась за приметою примета...
Но в вышине зажглась Полынь-Звезда.
И вспомнилось ещё — бывшее лето.

И навстречу врагу, под хоруговью «Ярого ока»,
В Богородичный день, богородской любимой травой,
Вылетают засадные вершники князя Боброка,
Созываемы в битву Архангела звонкой трубой!

И усеется поле коростою ратного спора —
Куликово, заветное, в поросли из чабреца.
Расточится туман, и заря, словно плат омофора,
Ниспадёт на траву — и не будет России конца!

Когда пропахли волосы твои
Прибрежной мятой и тоской полынной.
Когда мы шли по краешку стерни,
Как нам казалось — стёжкой былинной.

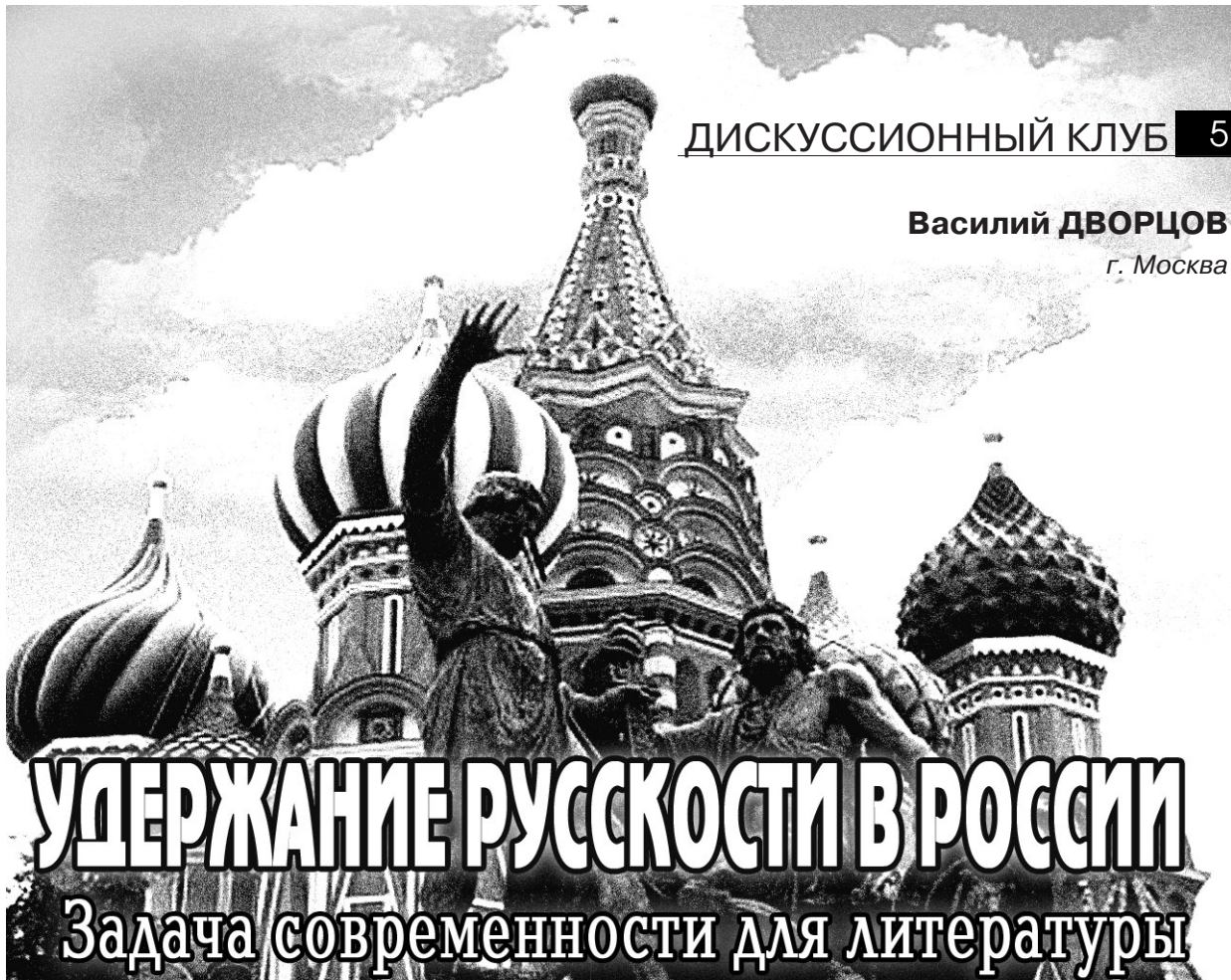
Среди ещё не тронутых боров.
Среди лугов, томящихся в покое...
О, как тогда стучала в сердце кровь!
Сейчас не время вспоминать такое:

России неба вековую синь,
Распахнутую в честь моей державы...
А я не знал — как ты горька, полынь.
Вообще не знал, как звались в поймах травы!

Василий ДВОРЦОВ

г. Москва

УДЕРЖАНИЕ РУССКОСТИ В РОССИИ

Задача современности для литературы

Хоронили мыши кота. Как? Традиционно.

Одни пили, пели и плясали, вспоминая притеснения и страхи, от него испытанные. Другие метафизично морализировали о возмездии свыше и натурально философствовали обо всём в этом мире преходящем. Кто-то срочно планировал вечное функционирование всеблагой жизни без агрессии, но рядом некоторые уже пророчествовали о грядущих из-за гор ещё больших бедах абсолютной свободы передвижения и питания. Нашлись даже такие, что чуток привсплакнули по невольной восхищавшей их мощи и харизме величайшего из противников. А уж разделить шкуру желающего набежало явно больше изначально определённого лимита.

Но кот встал и съел всех.

Хоронят русскую литературу. Как? Традиционно.

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Рим»: *«В движении торговли, ума, везде, во всем видел он только напряженное усилие и стремление к новости. .... Книжная литература прибегала к картинкам и типографической роскоши, чтоб ими привлечь к себе ох-*

лаждающееся внимание. Странностью неслыханных страстей, уродливостью исключений из человеческой природы силились повести и романы овладеть читателем. Всё, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само, без зазыва, как непотребная женщина, ловящая человека ночью на улице, всё одно перед другим вытягивало повыше свою руку, как обступившая толпа надоедливых нищих».

Хоронят русскую литературу те, кто притесняем своей ничтожностью и устрашаем её величием, чей удел подленькое эпигонство и наглый плагиат, кому в своём семействе-отряде-виде дано утверждаться лишь воровством на кухне и ляганьем мёртвых владык. Пьют, поют, пляшут, пророчат и делят: русский литературный процесс, де, усыхает! де, кончилось, иссякло величие русского творческого слова! и не родятся более таланты на Руси, перевелись её мастера. А отсюда, де, и охладел, выпарился читательский интерес.

Но тише, тише, господа грызуны, литературный процесс – это процесс народного самоопределения, самоосознания и самочувствования, это основосоставляющий, сущностный хребет нацио-

нальной культуры, и потому пока жив русский народ, ну никак не может умереть его литература. И не стоило бы никому спешить её хоронить.

Культура нации, тем более имперской – живая интеграция, симбиоз множества субкультур самых разных психологических типов, нацию составляющих. Тут племенные группы и религиозные общины, сословия и возрасты, цеха, союзы и товарищества: словене поморские и русины карпатские, угры пермские и мансийские, тюрки волжские и ленские, эсты, армяне, адыги, шорцы, уйгуры, орочи, коряки... а из них – службисты-дворяне и идейноносцы-разночинцы, амбициозная интеллигенция и меркантильное мещанство, косное духовенство и студенты-протестуны, кулаки-мироеды и юродивые нестяжатели, вольницелюбивые казаки и прочие юристы... И кто из сих взбирается по социальной лестнице на властную вершину, тот и придаёт всему зданию обобщающий фасад. При сохранении внутренней полноты разнообразий, разноцветий и разнозвучий.

Беда же нашего времени в том, что доминирующий на сегодня в России психотип циничного скоробогатого прагматика не просто задаёт тон, но стремится тотально подчинить своей субкультуре культуру общенациональную. Взлетев во власть насильно-революционно, то есть не совсем по сложившимся правилам, это активное мировоззрение не знает иной формы реализации, кроме как диктатуры: неправедность-греховность природы своей власти оно пытается прикрыть-оправдать греховностью природы всеобщей. Для чего во всех социально-гуманитарных сферах безоглядно-наскоро рубятся и выкорчевываются вишневые сады.

Ох, почему революционеры так плохо учат историю? Корабль, на котором все только капитаны или кочегары, при несомненном удобстве взаимопонимания неизбежно сядет на мель, – и это в лучшем случае. Жёсткая, категоричная социализация картины мира только под одну точку зрения – причина контрреволюций. Главная их причина: ведь психические типы со времён Адама не подвержены изменениям ни насильем педагогики, ни генетическим отбором, и чрезмерно ущелённые и сдвоенные, они, рано или поздно, обязательно взрываются. И не экономическими обидами или политическими страстями, а именно мировоззренческими мотивациями. Бессмысленно ли? Это смотря с чьей точки зрения. Но то, что беспощадно, несомненно: кот съедает всех.

Искусство – одно из тех немногих полей интеллектуальной деятельности, на котором

многоцветье субкультур соседствует и даже конкурирует безконфликтно. Более того, творческое взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияние здесь весьма зримо и скоро плодотворит, обогащая и развивая всех соучастников, особенно меньших и окраинных, это многоцветье составляющих. Искусство – важнейшая скрепа жизни нации. Лиши нацию внутрикультурного, творческого конкурирования, живого художественного взаимодействия, и её разорвёт. Под догматическим насильем обязательного для всех единомыслия и одиночества сублимируются такие энергии, что не удержит никакая террор. Старшее поколение хорошо помнит общественную реакцию на соцреализм в его апофеозе. Однако нынешняя гегемония убеждений «экономической целесообразности» для большого, настоящего искусства обернулась тем, что все реально творящие сегодня ощущают себя «хуже, чем при советской власти». Ведь если тогда художника угнетала некая обязательная недоговорённость, то теперь он обречён на полную невыговоренность.

Рынок-рынок-рынок... В современной России рыночно-конкурентных – именно обещанных конкурентных! – отношений нет ни в чём. За двадцать лет как бы «дикого» капитализма во всех сферах жизнедеятельности завершилась коррупционно-картельная монополизация, в том числе и на рынке искусства. Я уже не раз высказывался по поводу сложившегося расхождения интересов книготорговцев и авторов, писал о необходимости различения *литературного процесса* и *литературного рынка*, о фальсификации, подмене статусного народного звания «русский писатель» космополитическим понятием бизнеса «успешный автор реальной литературы».

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Портрет»: *«На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; был принят радушно журналистом, назвавшим его тот же час «почтеннейший», пожавшим ему обе руки, расспросившим подробно об имени, отчестве, месте жительства, и на другой же день появилась в газете вслед за объявлением о новоизобретенных сальных свечах статья с таким заглавием: «О необыкновенных талантах Чарткова»: «Спешим обрадовать образованных жителей столицы прекрасным, можно сказать, во всех отношениях приобретением. Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших физиогномий и прекраснейших лиц, но не было до сих пор средства передать их*

на чудотворный холст, для передачи потомству; теперь недостаток этот пополнен: отыскался художник, соединяющий в себе что нужно».

Что нужно... А, кстати, что? И кому? Через скупленные товаропроизводителями СМИ в общественном сознании реальные лидеры литературного процесса подменяются шоуменами. Наивная наглость, с которой экраны и газетная бумага блефуют, назначая гениев, заявляя «бестселлеры» и вострубляя «хиты», давно даже не смешит. Ну неправда всё это! Не навершие это литературного процесса, а маргинальные наросты. И именно отсюда, из этой лжи, из унижающего представления о русском читателе как о примитивно-всепожрающем рабе рекламы, и охладевает в обществе интерес к книге, падает покупательский спрос.

Нет, литературный процесс рынком не игнорируется. Имитация и фальсификация творчества убедительны лишь в отсутствии истинного художества – цыганскую бижутерию не выложишь на прилавке рядом с настоящим ювелирным изделием. Поэтому литературный рынок самой своей природой просто обречён преследовать литературный процесс, затирать его участников и их произведения. Какие финансовые, какие аппаратно-чиновничьи ресурсы брошены на то, чтобы современная читающая Россия не узнавала о своих новых талантах и забывала прошлые! Ну невозможно же поверить, что государство, замахивающееся на олимпиады и футбольные чемпионаты, никак не находит сил на ежегодное программное обеспечение детско-юношеских и школьных библиотек книгами нравственно-гуманистического, патриотического, гражданского содержания и при этом высокохудожественного письма. Здесь не бессилие, здесь явна, гм, ...чья-то злая воля, ведь весьма регулярно библиотечные коллекторы набиваются бульварным нелеквидом избранных издательских монополистов – за счёт налогоплательщиков.

Мы на собственном опыте познали, как безграничное доминирование одного психотипа несёт нации не просто некую ущербность культуры, а провоцирует массовое одичание. Так, подавляя и принижая иные субкультуры, гегемония идеи скоробогатства нарушила сложнейшие, сложившиеся за века общественные системы сотен и тысяч живых противовесов и взаимоупоров, вызвав из небытия, казалось бы, давно забытые мировоззренческие конфликты, хаотизировав взаимовоздействия социума, она запустила процессы внутригосударственных расколов и войн. Эгоцентристским упрощением-уплощением многоцветья общенационального домостроя правящее скоробогатство

обнаружило полнейшую неспособность планировать и строить будущее для всех, своей природной ограниченностью восприятия времени обрекло уже не одно поколение России на новую посадку на цепи кощеев и уталкивание в кувшины джиннов раздоров и обид.

Мы, выращенные в СССР и вызревшие в РФ, убеждены личной жизнью: любая субкультурная гегемония – классовая, кастовая, сословная, возрастная, политическая, экономическая, националистическая, космополитическая – равно гибельны для нашего имперского общежития. *Вечная Россия – живой, реагирующий на вызовы времени собор*: неслиянное единение, несмесимое согласие. И иерархия управления (вертикаль власти) у нас состоятельна только при ясном стремлении ко всеобщей гармонизации. Истинная империя полногласна и симфонична, в ней власть и народ доверительны.

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Как умно определял Пушкин значение полномощного монарха и как он вообще был умён во всём, что ни говорил в последнее время своей жизни! «Зачем нужно, – говорил он, – чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жёсткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдёшь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в полномощной власти. Государство без полномощного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, чего достигли Соединённые Штаты. А что такое Соединённые Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».*

Культура ограничивает внешние свободы. Культура сковывает нутряной эгоизм. Культура не украшает, а укрощает, она – сужающийся волевой коридор, по которому человечество следует из своей тварной животности в предписанную божественность. Именно поэтому самоубийственны расшатывания и ослабления сложившихся культурных структур: чем выше возведена плотина запретов, тем катастрофичнее её прорывы. И поэтому же все атаки на культуру, попытки избавиться от неё проходили и проходят под флагом «свобод». Вульгарное ли это развращение или эстетизированная натурфилософия.

Культура – материализация культа. И нам, русским, наследникам дел и носителям идей Российской-

кой Империи, которая есть материализация Вселенскости Православия, всегда необходимо помнить, что атаки на нашу культуру – атаки на нашу веру. Ведь рвущиеся к нам с Запада якобы всё новые и новые «свободы человека» на самом-то деле вековечные от первого грехопадения «свободы» от человека, от общества, от совести, от Бога. «Гуманизм», «либерализм», «глобализм», «эмансипация», «толерантность» и прочие «освобождения» личности – всё суть её атомизация. Атомизация, выхолащивающая лики-личности в маски-персоны, универсализация, распыляющая собор в толпу, плюрализм, расщепляющий объёмы иерархий в сетевые плюскости – всё истолчение, извращение духа через унылое, смердяковское ницшеанство, через базарный нигилизм – когда каждый против каждого.

В литературе это отражается заменой героя: героя – любимца народа, на оригинала, отторгаемого «массой»; героя, жертвующего собой «за други своя», на презирающего «толпу» нарцисса. Бульбы на Рахметова. Алеши Карамазова на Челкаша. Корчагина на Живаго. Нагульного на Мастера. А в своей сути – Христа на антихриста.

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведёт теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри её и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви».*

Вот здесь по нашей литературе и пролегает водораздел *русского и русскоязычного*. Деление это не на уровне этническом-национальном, и даже не на культурном, а выше – оно духовное, ибо оно есть исполнение или отрицание заповеди «Да любите друг друга». Всё русское – в любви к ближнему. А русскость – главный критерий оценки творчества писателя России. Славянина ли, тюрка ли, угра, монгола...

Сострадание – первый признак русскости литературы

Вопрос русскости сегодня стоит острее, он воспалённей и болезненней, чем когда-либо. Почему? Сегодня государственность, которая,

как во времена Орды, строится на полном игнорировании великорусской культурно-религиозной матрицы, не просто в кризисе, а в тупиках всех своих ролей: управленческих, защитных, судейских, этнических, социальных. Именно такая государственность глобального золотого тельца рушилась на Куликовом поле и на Угре, обречена она и теперь. И никакие ажиотажные цены на разграбляемые недра не в состоянии более поддерживать иллюзий какого-либо экономико-научно-технологического прорыва. Научная, промышленная и военная деградация, экономическая и продовольственная зависимость от системных мировых кризисов, народное неверие прозападной власти, выразившееся «русским крестом» вымирания, в этой системе уже необратимы.

При этом мы свидетельствуем встречный процесс – может быть, медленное, но постоянное воцерковление народа. Число не только принимающих обряд крещения, но и полноценно религиозно живущих, растёт, прибывает. И неотвратимо грядёт тот, столь долгожданный, столь выстраданный день, когда, накопив необходимую численную силу, русское общественное самосознание восстановит своё православное единство духа, обретёт молитвенную сплочённость в исповедании Истины и национальное согласие в устройении Отечества.

Родина даётся человеку как новый рай, как вероятная возможность трудом в поте лица искупить праотцово грехопадение. Но исполним ли мы в Родине предписанное нам Господом или будем вновь извергнуты? Устоим ли мы в праведности, обращая пустыни в сады, или опять падём, растлевая сады в пустыни?..

Летом 2009 года в Оптиной пустыни монашествующие приветствовали нас, писателей, как «сотрудников словом и сослужителей Слову». Однако всё ли так благобно? Почему воцерковление народа идёт в параллели с общественным охлаждением к чтению?

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Чем выше истины, тем нужно быть осторожнее с ними, иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели Бога... Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда приходит к писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, или гнева, или ка-*

кого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом – в те поры, когда не пришли ещё в стройность его собственная душа: из него выйдет такое слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло».

Видимый кризис культуры – в оскудении или вообще прекращении творческого прирастания. Видимый кризис культуры всегда связан с внутренним ущербом её философских, нравственных, убежденческих и метафизических оснований. И одно дело – кризис в душе художника, внутрисердечный разлад его как творца и человека, самоспор поэта и гражданина, взаимообиды жителя иных миров и брэнного семьянина. Порой такой разлад переходит в отрицание действительности, в нежелание её, и тогда удушье от несправедливостей мира поражает художника неспособностью создавать истинно вдохновенные произведения: «Беда приходит к писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады или гнева...» Как много мастеров слова в перестройку впали в плакатность, в обличительство, вступили в перебранку с ненужным, как много просто замолчало, замкнулось-самосожгло. Но всё же подобные судьбы не обязательная черта конкретного исторического периода – личностные творческие депрессии, то множась, то минимизируясь, постоянно присутствуют в литературном процессе. И каждый раз эти трагедии индивидуальны.

Но есть кризис, который переживает вся Россия, и переживает именно сегодня. Это действительно ситуационный, характеризующий наше время кризис взаимоотношений художника и его аудитории – *невостробованность культуры*. В нём много составляющих: и государственное «невмешательство» в материально сверхобеспеченную агрессию идеологии общества потребления, глобально уничтожающую все национальные культуры, и «пятая колонна», под лозунгом борьбы с «тоталитарным наследием» атакующая нашу русскость, и отсутствие у постсоветского человека иммунитета перед соблазном скоробогатства. Но главное – это общий *синдром безвременья*, со всеми его симптомами: отказом от прошлого, неприятием настоящего и отрицанием будущего. Свидетельствуемая нами бомжовая безответственность общества – реакция на пережитый шок идеологического, государственного, территориального, экономического, социального сломов. Отсюда, из этого шока проистекает *индифферентизм к культуре* – как отказ народа от самонаблюдения и самоб-

людения, самооценки и самовоспитания. Здесь корень национального обезволивания: унижающая русских реальность отзывается их нежеланием самоидентифицироваться.

Однако нельзя в сегодняшней невостробованности культуры не видеть доли вины и самих людей творчества, писателей прежде всех.

Всем всё понятно с литературным рынком. Там, согласно западной практике, чтобы стать «успешным», нужно уметь либо развлекать публику, либо её эпатировать. В первом варианте «издательский проект» запускается как «брендовая» серия, во втором раскручивается как «бестселлер». По-любому, главный критерий ликвидной литературы – сюжетность. Герой-вождь коммерции, герой-гений продажности – сюжет. Увлекающий. Развлекающий. Отвлекающий. Для бульварной литературы сам человек, с его религиозно-нравственными, психологическими, философскими метаниями и поисками, не нужен.

Специфика же литературного процесса в том, что, освобождённые от госцензуры и расцветшие разнообразием тем и наименований книги реальных современных писателей оказались не нужны для контролируемых несколькими издательскими картелями торгово-распространительных сетей. Сотни и сотни замечательных поэтов и прозаиков России сегодня лишились выхода к читателю. Так что если книг по названиям и печатается в разы больше, чем когда-то в СССР, однако, изначально обесмысленные коммерчески, эти книги выйдут крохотными тиражами в пятьсот-тысячу экземпляров. Такого количества едва лишь хватает на внутривидеообмен.

Лишённые необходимой читательской реакции, писатели сегодня работают, всё более ориентируясь на отклик коллег, что чревато неким уклонением в ремесленнические изыски, в композиционные, стилевые и стилистические игры, грозит схлопыванием в корпоративную герметичность. Ибо в такой безаудиторной, безответной литературе есть опасность, что человек тоже станет не самым важным, и мы как-то уже опасно долго не видим новоописанных типов, не слышим новых нарицательных имён. Притом что переживаемое время своей обнажённой трагичностью просто осыпает нас бесчисленными примерами мужества и ломкости, стойкости и предательства, духовного преображения и нравственного перерожденчества. Материала, живого материала для художественной разработки ныне не меньше, чем в началах прошлого и позапрошлого веков, не меньше, чем в години

войн и прорывов в космос, однако даже у живописцев что-то не выходит полножанрового изложения современности, даже у них всё эпическое в древностях – князья, богатыри, не мы... А мы – или в мелкотемных финтифлюшках, или в фантазийной безответственности.

А ведь главная, почти единственная задача русского искусства – свидетельствовать жизнь человеческой души в её богоискании, богоотрицании и богопознании, в соблазнах гибели и благодати воскрешения, весь смысл русского художественного творчества в отражении и описании развития внутреннего человека, его преображения. Душа человека – вот что должно отражаться в произведениях искусства. Виденья и веденья человеческой души ждёт от русского автора русский читатель. И оттого-то, кроме прочих причин, не востребованы сегодня книги, что наш современник не видит в них своего отражения, не видит приоткрытия тайны своих сердечных мук и радостей, своих страхов и чаяний. Не находит он на пахнущих типографской краской страницах вопросов-ответов жизни и смерти, любви и чести, правды и долга, что терзают его и озаряют, жгут и утешают.

В нашей развороченной, разорванной, надруганной России как никогда читатель жаждет сострадания. И на эту тягу сердца к сердцу невозможно никакая ответная фальшь ни за маской вежливости, ни в философии киников, ни под профессиональностью воплей наёмных кликуш-плакальщиц. Не удастся спрятать авторскую несострадательность ни за эпохальной темой, ни за оригинальной конструкцией, ни за изысканной стилистикой. Каким бы узорочным слогом ни вышивались тома, каким бы метафорным кружевом ни выплетались, сколькими зверствами царей ни дыбились, какими кознями спецслужб и масонов ни припутывались – если не уронится девичья слезинка на страницу, если не воспалится юноша жаждой всеобщей правды и счастья и старик не завертится совестной бессонницей, – всё это мимо, всё пусто, безнадобно. Сколько берёзок, ржи и двуперстий ни накладывай – не русско.

Книга всегда разговор личный, писатель и читатель всегда один на один. Сердце к сердцу, душа в душу. А разговор по душам, беседа душ ведётся языком лирики. Лиризм – уникальное свойство русской культуры. Это не сентиментальность германцев, не сплин англичан. Не испанская романтика. Русская лиричность непереводаема, она непередаваемо тонка, тиха, она только наша и только для нас. Лиричность выше смысла, выше тона, она – *русская душевность*.

Лиризм – второй признак русскости литературы

Да, многие элементы культуры объективно обусловлены исторически. Так нашей сей-историей (не новейшей, а сегодняшней, нынешней, текущей, оной – сей) объясняется общественный заказ на «старение» писателя. Современный читатель, переживший 20-летие великих потрясений, ищет в литературе авторов не безответственно революционных и модерновых, а умных и совестных, с которыми есть о чём посоветоваться, у которых есть чему научиться. Лицедейский нигилизм в контексте реальной национальной трагедии давно уже всех утомил, да и «открытия» в девяностых «рисковых молодых» с их декларативной жестью и патологиями оказались не более чем культуртрегерскими играми рынка.

Поэт юридически не обязан быть гражданином – и социальность не единственный источник его вдохновений, да и «правлящий режим» ему ох как зачастую чужд. Не обязан поэт быть и учителем: менторство убийственно для творчества. Но есть любовь, есть сочувствие... Читатель всегда ищет в большой, настоящей литературе свидетельств и толкований своему бытию – внешнему и внутреннему. А сегодняшний читатель, участник и жертва затянувшейся смуты ищет в книгах особенной мудрости. Мудрости, что не увязывается ни с жизненной опытностью, ни с учёностью, а принадлежит области религиозной. Ибо *мудрость определяется нравственностью*: «Начало премудрости есть страх Божий». Знания лишь придают изначально культовой данности дополнительную культурную устойчивость.

Третий признак русскости – нравственная неколебимость

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности, или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои телесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом – мало ли на что можно сослаться»*.

«Соработники словом и сослужители Слову». Литературный процесс глубиной художественной проработки новоприобретаемого народного

опыта, полнотой охвата его тем и сюжетов должен постоянно отвечать интеллектуальным и эмоциональным запросам общества. Труд писателя – в осмыслении, отборе и эстетизации характерных фактов и главных тенденций современности, уложении их художественными образами в фундамент мировоззрению будущего. Из века в век, от поколения к поколению. Написаны книги восемнадцатого века, написаны девятнадцатого и двадцатого. Пишутся двадцать первого – Бог каждому времени посылает своих свидетелей. Невычислима и необъяснима раздача Им талантов, но в том, с каким постоянством и щедростью осыпается литературная Россия благодатью вдохновений, есть наша непреходящая радость сознания Его любви. Наша уверенность и сила, наше оправдание. Оправдание через промыслительную надобность своему народу.

Поэт нравственно обязан быть народным. В России понятие народности в оценке писательского труда неизменно, пожалуй, со времён Дмитрия Веневитинова: народность «отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стране, но в самых чувствах поэта, налитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера». О одиночестве и Аполлон Майков: «На нас, писателях, лежит великий долг – увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует уяснить и осязательно нарисовать тот идеал России, который ощутителен всякому». Аполлон Григорьев: «Поэты суть голоса масс, народностей, местностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни, носители слов, которые служат ключами к разумению эпох – организмов во времени, и народов – организмов в пространстве». А в молитвенной формуле Церкви: «единем усты и едином сердцем».

Так только и следует понимать: сегодняшняя политико-экономическая изоляция писателей от читателей, искусственное отчуждение интеллектуальной элиты от своего народа, коррупционно-рыночный зажим «голоса масс» – преступление против промысла Божия.

* * *

Ваномальной ситуации отсутствия читательской реакции писателям как никогда необходима литературная критика, необходима её ориентирующая помощь в сохранении взятого направления, в удержании уровня, в защите от отчаянья трудового одиночества.

Русская литературная критика, со своей специфичностью развития из «штилевых» споров времён

Тредьяковского и Сумарокова – через перетягивание каната философией эстетики Веневитинова с эстетической публицистикой Белинского, через все «измы» XX века – до победного прорыва лобановского национализма сквозь яковлевский коминтерн, русская критика никогда не укладывалась в рамки меж искусством и наукой, меж поэзией и литературоведением. Она всегда была грозным фронтом мировоззрений и наковальной общественного мнения. Рецензии, обзоры, критические и проблемные статьи, монографии и диссертации, вроде бы только оценивающие и истолковывающие, глоссирующие и комментирующие новоявленные художественные произведения, зачастую становились у нас политическими и гражданскими актами, религиозно-исповедальными поступками.

Поэтому не будем даже поминать хоронёров русского литературного процесса. Пусть глумятся, пусть поют и пляшут, морализируют и философствуют, пусть делят нашу шкуру. Разрушение России и конец русской культуры – их природные чаянья. И корм.

Мы же о нашем.

От начал Киевской и Ладожской Руси мы лишь Ордынским периодом выпадали из общеевропейского цивилизационного котла. Союзничая и воюя, заимствуя и конкурируя, столетиями наши политика и искусство, торговля и товаропроизводство, образование и наука заплетались и диффузировали с европейскими. А преодоление Смуты, колонизация Зауралья и выход к морям позволили нам занять достойное место в ряду нарождающихся империй, разносящих, цивилизаторствуя и стандартизируя под себя местные культуры, европейскую законность и просвещение колониям Америки, Африки и Азии.

Мы – европейцы. Но восточные. И дело не в кровном противостоянии славян и германцев, угров и кельтов, ромеев и тюрков, главное, в чём мы упорно сохраняли и развивали свою самобытность, свой культурно-исторический тип – в нашей вере, в нашем Православии. Однако с революций Петра мы, вначале аристократией, а затем и всё более широкими кругами коммуникативно и этикетно, идейными увлечениями и политическими пристрастиями, причёсками и одеждой становились европейцами прозападными. А далее коммунистический атеизм подсёк нашу вероисповедальную культуросозидающую и государствообразующую ось, «свободой совести» духовно сравнив нас с уже музейно-католическим или, точнее, с иудео-протестантским меркантилизмом, лишив перспектив самобыт-

ного развития. Ныне деспотия капитализма окончательно синхронизирует наши управленческие, образовательные и культурные институты с западноевропейскими, обрекая и рационально, и сенсуально русских детей становиться космополитами. И именно поэтому наш экономико-управленческий афронт, наше российское национально-социально-политическое фиаско – только фрагмент, всего лишь частный случай *крушения общемирового прагматизма и утилитаризма*. Конца рационалистической цивилизации Великого Инквизитора.

Заведенная атеизмом в мировоззренческую несамостоятельность, перестроечно-застойная РФ ныне в тупиках глобализационных. Королевства и республики, империи и колонии, военные блоки и экономические союзы, банковые и торговые сети, картели и корпорации, династии и кланы, аристократии и общественные движения, научные сообщества, политические интернационалы, народные фронты, партии, мафии – всё то, что скрепляло, регулировало и упорядочивало отлаженный под западноевропейское постхристианство механистический мир научно-технического прогресса, вдруг разом завибрировало, закружилось и впало в невозвратное пике производственных стагнаций, банкротств, дефолтов, революций и войн. Кажется, сама Земля сотрясениями и цунами, пожарами и тайфунами пробуждает и возбуждает человеческое сознание, нудя сбросить рутинёрство материализма.

И так уж нам посчастливилось родиться во время перемен, но все мы участники и свидетели заката и восхода культурных эпох, свидетели и участники принципиального переворота человеческого сознания. Так уж нам посчастливилось, но именно на нас закончилось трёхсотлетие искушений, убеждений, наслаждений и насилий безбожностью. И нам выпало встречать *возвращение миру религиозного типа мышления*, реставрацию религиозно устроенных обществ и государств, возрождение религиозного бытия народов.

Так уж сложилось – наша стража перед рассветом, и это нам промысленно в самый тёмный час послушать живой, чувствующей и мыслящей связью, стать живыми проводниками меж сменяющимися цивилизациями, вынося из ветхости в новостное самое ценное, самое сугубое, стволуемой смысл всего нашего существования – нашу русскость.

Потому как сегодня, *нашей* сей-историей перед *нашей* культурой, *нашей* литературой, и в том числе перед литературной критикой ставится задачей

ни больше ни меньше как **удержание русскости в России**. *Это главная национальная идея, главная мысль о будущем и главный план действия в современности*. Задача эпическая, требующая сверхподвига, сверхотдачи, полной подчинённости себя осознанной и прочувствованной миссии. Но всё же выполняемая.

Необходимо лишь волевое, добро-волевое, желанно-волевое принятие на себя ответственности за своё время. За его непрерывность, непресекаемость, связность.

Необходимо лишь сознание, нерасслабляемое, сосредоточенное сознание того, что, чем бы мы ни отговаривались и как бы ни отнекивались, но нам придётся отвечать за данную здесь краткость перед Судом вечности.

Необходимо лишь бесстрашно открытое, нелукавое и неленивое сердце, сердце, через которое прокачивается горячая кровь наших отцов и наших детей.

Необходимо лишь постоянно вслушиваться внутри себя к путееказующему зову отъятого за отступничество Рая, звучащему мелосом данной нам на стойкость Родины.

Необходима лишь ясная, неотвлекаемая память о том, что смысл нашей жизни – любовь, суть наших трудов – любовь, и даже смерть – не смерть, если она во имя любви. Во имя Бога, который и есть Любовь.

Страшно? Да. Но не тоскливо. Потому как не впервой.

Смену цивилизационных эпох Русь-Россия переживала неоднократно: Киев, Орда, Москва, Петербург, СССР... И каждый раз через все ужасы и скорби, гнев и нужды переходных смут и порубежных раздоров проносили мы своё русское предназначение, сохраняли завещанное, выдерживали свой смысл. А затем непостижимо скоро, словно претерпевший страдания Иов, восстанавливали утерянное добро, приумножались числом и возносили хвалу Богу за всё ниспосылаемое.

Но была в прошлых испытаниях за нами поручка, стояла сила, на которую прочно опиралась наша русскость – народные чёрные сотни, чёрные тысячи, миллионы. До последних времён была Россия страной крестьянской, и в этом-то крестьянстве, в косном его консерватизме и упёртой неизменности, спянных из двухтысячелетнего хлебоборства и тысячелетнего Православия, хранились наша самобытность и наша самостоятельность. Проверенная историей мощь христианско-крестьянской культуры, духовное богатство христоролюбивой деревенщины покоили уверенность русского человека любого

сословия и положения, любого образования и философского уклада в невозможности национального нашего растворения ни в Востоке, ни в Западе. А вот теперь...

Домирающая деревня не сможет более выставить ополченцев ни против плотского врага, ни против бесплотного. Разорённо-бесперспективная, она отступила, отжалась в южное Черноземье, опустынив центральную и северную Русь, запогостив былые выкосы и пахоты. А у нынешних огородников, фермеров и батраков атрофирован, за совхозные поколения изжит сам дух крестьянства-христианства – и реденькие поселковые храмы собирают на литургии десяток-другой немощных и убогих. Нет больше за нами той силы, деревня сама молит о спасении.

Мы теперь крайние. Страшно? Да. Но не тоскливо.

Потому что уже верим. Потому что уже знаем свободу. Которая и есть вера: свободное действие в согласии с Промыслом. Ведь переболели мы уже, перестрадали своё блуждение из свободы-любви жизни в «осознанную необходимость существования». Существования ради существования, существования для и во имя существования.

Кто «мы»? Ну уж не те, кто порождён лишь «разделением труда на умственный и физический». Русская интеллигенция и западные интеллектуалы – да, понимающие, да, думающие, разумные. Условия появления общественного слоя «людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры» и на западе Европы и на востоке вроде бы были одинаковы, время – близко. Более того, наша интеллигенция, выходящая из петровской бюрократии, нянчилась иезуитскими и лютеранскими школами и лицеями, религиозно вскармливалась польско-киевской схоластикой, морально – слухами о французских «свободах, равенствах и братствах», она училась видеть окружающую Россию глазами итальянских художников, рассуждать о её благе немецкой философией, планировать английским экономизмом. Но! Но всё равно она так и не стала синонимом западноевропейского интеллектуализма. Не стала благодаря этой самой своей «принадлежности высокой нравственности» – своей корневой русскости, исходно-родовой православности. Сомневаясь, вольнодумствуя даже до богоборчества, а точнее, протестуя против устроенного по всё тому же европейскому образцу синодально-государственного религиозного формализма, русская интеллигенция, соблазняясь «возможностью проявления своей воли на основе осознания зако-

нов развития природы и общества», по полной испила всю желчь «своей воли» рабства антихристу, «в белом венчике из роз» поведшим страну всё убыстряющимся революционным шагом в ад.

Зато есть теперь у интеллигенции очень личный опыт переживания горько-вечного евангельского сюжета: это сын, отделяясь в самоотечение, забывает об отце, но отец-то ждёт сына всегда. Это человек в самолюбовании оставляет Бога, Бог же человека никогда.

Русская интеллигенция собою в себе переболела-преодолела безумие прагматизма, и жертвенной кровью, скорбями и унижениями выстрадала, вымолила своё возвращение из утилитаризма. Теперь она уже верит *зная*. И полнятся городские храмы до пределов, и сколько бы новых приходов ни регистрировали, и сколько б церквей ни восстанавливали, ни строили – городские храмы заполняются. И встают рядом с уже раскаявшимися даже не сомневавшиеся – а это и есть *возвращение миру религиозного мышления*. Пенсионеры и школьники, женщины и солдаты, молодожёны и ветераны, профессора и студенты, музейные работники и офисные служащие – храмы наполняются новым народом для созидания новой России. Потому-то и не тоскливо.

«Соработники словом и сослужители Слову»... Исторически русская литература признаваема вершиной роста-развития национального самопознания, чувственным остриём общественного самоощущения. При этом литература у нас не подменяет философию и не отвергает социологию, просто то, что наш писатель высказывает, потом учёный доказывает: у русских интуиция всегда опережает логику, и настоящий писатель рождён видеть энергии, ещё только в мир входящие, слышать пульс едва начавшегося процесса, а не анализировать уже свершившиеся и доказанные факты.

Писатель – физиолог бытия, философ – его анатом. Писатель особым даром оголённости своей души, инструментами обнажённой сенсорики улавливает дух времени и переводит его в образ, передавая далее общественному сознанию. Ведь действительно, русским обществом принимаются, разбираются-осмысляются и усваиваются только те идеи и представления, что перед этим были уловлены, прочувствованы, просмотрены и отцежены через этико-эстетические сита русской литературой. Наша литература – всегда интеллектуальное поле риска, идейное первопродчество, мыслительная разведка боем. Нередко литературные сюжеты в России пе-

реходят в реальные исторические события, и литературные типы становятся их действующими лицами. И критика тогда первой из наук излагает-толкует увлеченное писательской интуицией нечто только начинаемое.

Да, в период от Ломоносова до Пушкина литературная критика практически не выходила за вкусовщинное распекачество. Новиков в «Путешествии на Парнас» так живописал критиков: «Вид их был угрюмый и свирепый; глаза сверкали как молния, а языком они никого не щадили». И писатели не только к ним не прислушались, но в меру сил игнорировали их фельетоны и сатиры. Ответной реакцией стало внутреннее межавторское рецензирование, герметично символическое – так называемая «масонская литературная критика»: «арзамасцы» хвалили или порицали творения своих собратьев согласно критериям, непонятым непосвящённым.

Первые системно внятные разборы произведений у нас начались в литературных кружках-объединениях Станкевича в Москве и Пушкина в Санкт-Петербурге. Как ни курьёзно, но российская критика своим появлением на свет обязана цензуре: передовая дворянская молодёжь, порусски безоглядно вовлекшись в модный европейский мятеж философии социальной против философии эстетической, однако из-за «последствий декабрьских» не имея возможности открыто спорить о политике, государственном устройстве и народной пользе, пошла в литературную критику. Писатели моделировали ситуации, а критики их обсуждали с уже достаточно методологически проработанной позиции «служения общественному идеалу». И далее эта специфика философичности литературной критики и литературности отечественной философии протянулась, качаясь меж публицистичностью и эстетством, до наших дней. Это на Западе литературная критика в философском аспекте рассматривается лишь как расширенный акт чтения, но в России-то от неё ждут большего – выработки ориентированной на правду общественной позиции в отношении проблем, событий, поведения отдельных личностей или социальных групп. Как нет у нас и «чистых» философов, не отметившихся феноменологическим или объективистским разбором чьего-то литературного творчества, куда более влияющего на идеологическую тональность русского общества, чем самая агрессивная партийная пропаганда.

Понятно, что под «обществом» мы здесь подразумеваем не «совокупность людей, объединённых исторически обусловленными социальными форма-

ми совместной жизни и деятельности» – т.е. не рабовладельческое общество или капиталистическое, а «круг людей, объединённых общностью положения, происхождения, интересов». Здесь «образованное», «передовое общество» – это интеллектуальная элита нации, состоящая из лучших представителей религиозных и художественных, научных и промышленных, военных и разночинных кругов и сословий. Элита, принимающая на себя нравственную ответственность за жизнь всей нации.

Наука критики – как философия литературы развивалась параллельно с науками чисто филологической семьи – с литературоведением с её теорией и литисторией, с текстологией, палеографией, семиотикой. Рождались методологические направления и школы, имена Буслаева, Веселовского, Жирмунского, Потебни вставали рядом с именами Белинского, Григорьева, Григоровича, Страхова, и к двадцатому веку русская литература, оснащённая собственными научно-исследовательскими институтами, вошла в мировое лидерство на равных с литературами других имперских языков. Русская литература за двести лет выросла из любительства одарённых и образованных в профессиональный цех, и право на участие в формировании эстетических вкусов и этических взглядов у других славянских народов, в греко-романской, германской, англо-американской, китайской, японской и иных национальных культурах за нашей литературой утверждалось не феноменами гениев, не единичными их произведениями, а именно как за сущностной постоянной в духовной истории человечества. Уже два столетия цивилизованный мир просто немислим без идеалов и образов Пушкина и Тургенева, Достоевского и Толстого, Чехова и Шолохова. Поэтому режим изолирования современных русских писателей от интеллектуальных читательских кругов Европы, Азии, Африки, обеих Америк и Австралии, с шулерской подменой их русскоязычными фарсёрами литрынка, режим, жестокостью цензурирования перекрывший советский «железный занавес», чувствительно ущемляет, ощутимо беднит и обкрадывает мировые культуры.

Смысловая составляющая в литературе доминирует над эмоциональной так, как ни в одном из иных искусств. Литература в отношении других художеств – как математика к остальным наукам: без цифровых расчётов нет ни физики, ни ботаники, ни космонавтики, ни психологии. Без словесного воплощения мыслеобразы не оформлены, не ясны даже самому их создателю, тем более не передаваемы вовне и не фиксируемы. Поэтому

искусство театра, искусство живописи и музыки – даже танцы! – не самостоятельны вне искусства слова. А критика литературы – русская критика, по высоте поднимаемых идеологических, социальных и ремесленных вопросов и по глубине их проработки не имеет аналогов ни в театроведении, ни тем более в критике живописи или музыки, пожалуй, со времён Стасова. Однако и Стасов в своих идеологических программах для художников и композиторов – наследник и продолжатель духовных и национальных исследований «Современника», «Отечественных записок», «Москвитянина».

Своим первородством в культуре литература поставлена в особую ответственность за векторность, направленность развития всех искусств, за ориентацию всякого творчества относительно того самого «служения общественному идеалу». Из философичности нашей литературы тянется пуповина ко всей культуре. Из философии литературной критики – ко всем видам искусствоведения. И как бы мы ни отнекивались, чем бы ни отговаривались, но это нам, литераторам, прежде и более всех отвечать за непрерывность, непресекаемость времени. Писателям и критикам, коим выпало стать живыми проводниками, живой связью сменяющихся цивилизаций, должно сознавать и чувствовать свою ответственность особо: сегодня сострадание, душевность и нравственная неколебимость востребованы обществом как никогда – ведь эта стража перед рассветом, и ждёт народ от литературы сверхподвига, сверхотдачи, полной подчинённости миссии **удержания русскости в России.**

Идея овладевает массами и становится исторической силой через жертвующую себя ей личность. Только самопожертвование, самосгорание идейного человека способно возвести *настроение* общества в *убеждение*, *желание* новой жизни в *волю* её построения. Поэтому каждая эпоха для нас портретна, каждый исторический период поименован и оличен царями и пророками, святыми и поэтами, первооткрывателями и воеводами. Наречётся в чьи-то имена и грядущая эра: всё вокруг уже видимо настраивается, сосредотачивается, уже концентрируется, сгущает чувства и мысли в ожидании тех новых людей, кто своим примером, своей судьбой зажгут пламя русской духовной реконксты.

Грядут имена и для нашей новой поэзии, и для нашей новой прозы, новой критики. Ведь как всегда русской литературе предназначено первой провозвестить миру о часе религиозного общества. И кто на этот раз вспыхнет Пушкиным, Гоголем, Белинским? Скоро, уже скоро мы всё узнаем. Но сейчас не до гаданий, сейчас наша задача удержать культурную среду, не сдать классическое наследие, защитить и сохранить нашу русскость, в лоне которой, слава богу, уже бьётся сердце новой литературы для будущей России.

□

Василий Владимирович ДВОРЦОВ –

художник, реставратор, прозаик, поэт и публицист.

Секретарь правления Союза писателей России.

Родился в 1960 г. в Томске.

До переезда в Москву 25 лет прожил в Новосибирске.

Автор 11 книг прозы, публицистики, поэзии, драматургии.

*Романы и повести неоднократно переиздавались,
стихи вошли в антологии «Русская поэзия. XXI век»*

и «Молитвы русских поэтов. XX-XXI».

Лауреат международных и всероссийских литературных премий.

В журнале «Север» публикуется впервые.

КОРАБЛЬ ОТПЛЫВАЕТ

роман

Андрей ВОРОНЦОВ

г. Москва

Часть вторая
ЮЛИЯ БЕЗНОСОВА

Не успел я опомниться, как лежал лицом вниз, — точнехонько в меловом контуре неведомого, но уже оставившего земную юдоль гостя. Руки мои грубо завернули за спину и больно защелкнули на запястьях наручники. Безуспешно пытаюсь задрать голову, я видел перед собой только тупоносые высокие армейские ботинки. Они без всякой жалости топтали мои фотографии, странички рукописей, постельное белье, одежду. Один из этих ботинок зачем-то больно двинул меня под ребра. Я застонал, но мозг мой хладнокровно отметил: вся обувь одинакового казенного образца, стало быть, это не бандиты, а милиция.

— Оружие есть?

— Н-нет...

Меня грубо обыскали. Потом пнули еще раз:

— Вставай!

Попробуйте встать, лежа лицом вниз, с руками за спиной! Это только в кино просто. Я перевалился на бок, согнул ноги и с большим трудом, колбасясь, встал сначала на колени, а потом уж на ноги. Я не ошибся: меня окружали люди в сером камуфляже, в бронежилетах, с нашивками МВД и в черных масках. Было их человек пять, и все они наставили на меня воронкообразные дула своих укороченных автоматов. Маски меня смутили: а вдруг всё-таки это переодетые бандиты?

— Кольванов Василий Петрович? — спросил один из незваных гостей, с тремя маленькими звездочками на погонах, держащий в руках мой паспорт.

Я кивнул.

— Вы задержаны по подозрению в убийстве Галины Удовенко.

Окончание. Начало в № 9-10, 2013

Кого?! Гали? Этой несчастной алкоголички? Так это... ее здесь?.. Зачем? И как она попала сюда? Я даже не нашелся, что ответить ментам. Они, впрочем, никакого ответа от меня и не ждали, просто ткнули дулом в спину и повели вниз. Только теперь, когда мы миновали второй этаж, я разглядел в тусклом свете на Галиной двери точно такую же печать, как и на моей. Красно-белых лент, правда, не было.

У подъезда стоял милицейский микроавтобус УАЗ с клеткой-«обезьянником». Туда меня и запихнули. Из окошка в первом этаже за моим арестом наблюдала старуха Липа, очевидно и «стукнувшая» в милицию о моем появлении.

— Как ты думаешь, дадут нам премию за поимку убийцы? — спросил один омовец в маске у другого, когда мы тронулись.

— А х*р его знает, — ответил тот. — Он, может быть, захочет, чтобы его судил суд присяжных, а тот его оправдает. Какая тогда премия? Нет убийцы, нет и премии. Вот если бы мы его взяли при попытке сопротивления...

— Так что же ты только сейчас говоришь? Давай организуем!

Мент, к которому был обращен вопрос, задумался, потом пожал плечами.

— Ну, не знаю... Старлея надо уговаривать... — Он кивком головы указал на начальника, сидевшего рядом с водителем. — Да и мы уже на улице, могут быть нежелательные свидетели. Поздно.

Они обсуждали этот интересный (для меня, во всяком случае) вопрос, не обращая на меня никакого внимания.

У «околотка» меня грубо, за шиворот выволокли из машины и потащили мимо дежурного по коридору. Втолкнули в какой-то кабинет. Там сидел за столом сутулый лопухий мент с капитанскими погонами.

— Вот он! — сказал старлей и с оттяжкой, как козырной картой, шлепнул по столу моим паспортом. — Задержан на месте преступления.

Другой омовец вывалил на стол вещи, отобранные у меня при обыске.

Капитан лениво посмотрел на меня, раскрыл документ, полистал.

— Так это ж хозяин квартиры! — воскликнул он. — Он там прописан. Не видели, что ли?

Старлей зыркнул по мне взглядом, облизнул губы.

— Так это... соседка и позвонила по «02»: явился, мол, хозяин квартиры, где вчера было убийство. А ваш дежурный передал вызов нам. Капитан захохотал.

— А куда ж ему было являться?

— Так это... Может, он и убил?

— И дверь сам у себя выбил? — Капитан, видимо, получал большое удовольствие от этой сцены. Омовцы переглянулись.

— Ну, не знаю... — сказал старлей. — А где же он был во время убийства?

— Вот это мы сейчас у него и выясним. Но для этого незачем было на него надевать наручники и обыскивать. Никто его пока в подозреваемые не записывал. Тот факт, что он не пришел ночью домой, еще не является доказательством его виновности. Я надеюсь, вы ему свои приемники не показывали? А то он, между прочим, журналист, может написать о вас статейку.

Старлей откашлялся.

— Да нет, всё в ажуре... Правда, мужик? — Он дернул меня за рукав.

— Да, правда, — пробормотал я. До меня только сейчас начал доходить смысл происходящего. — Но это — горькая правда.

— Да брось ты, мужик! Ну, положили тебя на пол. Но это же правила задержания.

— Ладно, бойцы, — махнул рукой капитан. — Спасибо вам. Отдыхайте.

Омовцы, лучась приветливостью, приговаривая «извините», «ручки держите вот так», сняли с меня наручники и очень быстро исчезли.

— Капитан Шабров, — представился мент. — Присаживайтесь. Вас не сильно помяли? Но... вы понимаете. ОМОН — это стихия. Так где же вы были вчера вечером и ночью?

— В гостях. У подруги.

— Понимаю, — кивнул Шабров. — Имя, адрес назвать можете?

— Ну, если вы меня арестуете, то назову, конечно. А так — не буду.

— Замужняя, что ли?

— Нет, не замужняя. Но, как бы вам это так сказать... скрытная. Не любит, чтобы кто-то узнавал о подробностях ее личной жизни. Тем более — милиция.

— Ладно, вернемся к этому позже. А как вы думаете, почему Галину Удовенко убили именно в вашей квартире?

Я пожал плечами.

— Ну... может быть, она была наводчицей у грабителей. А когда те увидели, что поживиться нечем, то сорвали на ней злость. И заодно устроили как свидетеля.

Других причин происшедшего я и на самом деле не видел.

— А вы не успели заметить, что у вас похищено?

— Успел — жесткий диск компьютера.

— Ну, это и мы заметили. Значит, ограбление могло быть связано с вашей профессиональной деятельностью?

— Не знаю. Вообще-то моя редакционная деятельность больше связана с искусством, чем с тайнами и сенсациями.

— Были ли в квартире деньги, ценности?

— Только деньги. Тысяч пятнадцать рублей.

— Их не взяли. Значит, искали что-то другое. Что было на украденном жестком диске?

— Мои собственные произведения. Разные мелочи по работе. Больше ничего.

— Перед тем как убить Удовенко, ее жестоко пытали. Взломщики явно пытались что-то у нее выведать. Но что? Может быть, вы что-то прячете в квартире и об этом узнала Удовенко?

— Галя никогда не бывала в моей квартире. Дальше порога я ее не пускал. Ну а если вы считаете, что я мог прятать у себя что-либо, поезжайте и попытайтесь найти. Мне всё равно — там и так полный кавардак.

— М-да. — Капитан задумчиво постучал пальцами по столу. — Что творится в вашем доме? Позавчера украинца какого-то завалили, вчера — Галю эту... Да если бы ее убили в своей квартире, у меня и вопросов бы не возникало, кто и почему. Всю эту шайку-лейку мы знаем. Но взломами они никогда не занимались. Одного из ее сожителей мы взяли, так он алиби железное представил. Хотя, — Шабров махнул рукой, — что железного могут засвидетельствовать такие же ханыги, как он? Ну что ж — поймаем остальных дружков Удовенко, допросим...

Я откашлялся.

— А можно узнать... как ее?

— Ножом или заточкой, в сердце. Орудие убийства на месте преступления не обнаружено. Ну что ж, давайте составим протокол... Стало быть, вы отказываетесь назвать имя своей подружки?

— Ну зачем это вам? — спросил я с досадой. — Ведь не верите же вы, в самом деле, что я убил в своей квартире эту алкоголичку Галю да еще перед смертью пытал ее? Для вас это так называемое алиби — чистая формальность, а для моей знакомой — неприятность. Она знать не знала никогда никакой Гали, и не к чему ее сюда вмешивать.

— Тогда придется взять с вас подписочку о невыезде.

Пока Шабров писал, я курил сигарету из отобранной у меня ментами пачки. Никакого желания поведать капитану об истории с чемоданами я не испытывал. Он, судя по его требованию подписки о невыезде, отправлять меня в КПЗ не собирался, но я понимал, что мне этого не избежать, если я стану рассказывать о Гарькавом, Шматько, Безносовой, бое в Петровском переулке, Караблуте, Шпигуне... Еще недавно, на пороге своей квартиры, я размышлял, что арест, наверное, будет предпочтительней моего дальнейшего мучительного пребывания на свободе, теперь же, после знакомства с омоновцами, я так не думал.

Дверь кабинета распахнулась, и стремительно вошел плотного сложения господин в штатском с квадратной седеющей головой, стриженной под полубокс. Он мельком глянул на меня и показал что-то Шаброву, а что, я не разглядел, так как он стоял ко мне спиной, — «корочку», скорее всего.

— Чем обязан? — осведомился капитан, вставая.

— Этот гражданин — Колыванов Василий Петрович? — вопросом на вопрос ответил господин.

— Так точно.

— Вы закончили следственные мероприятия с ним?

— Да, в принципе, закончил. Ему осталось только прочитать протокол, подписать его и дать подписку о невыезде.

— Хорошо. Мне тоже нужно задать ему несколько вопросов.

— Присаживайтесь.

— Ничего, я сегодня насиделся.

Нехорошее предчувствие охватило меня. Это еще кто такой? И почему я должен отвечать на его вопросы?

— Вы говорите обо мне так, будто меня здесь

нет, — заметил я. — А вот товарищ капитан, прежде чем задавать мне вопросы, представился, между прочим.

Тип в штатском опять достал удостоверение и сунул мне под нос. «Федеральная служба безопасности РФ, — прочитал я. — Полковник Овечкин Евгений Семенович».

«Так, — подумал я, — теперь, кажется, меня зацепили по-настоящему».

Я прочитал протокол, подмахнул его и подписку о невыезде.

— Вы разрешите взглянуть? — спросил у Шаброва Овечкин.

— Пожалуйста. — Капитан протянул ему протокол. — Посидите здесь, подождите, — сказал он мне и вышел.

Я сидел, не глядя на полковника Овечкина, он же стоял, заложив одну руку за спину, как Наполеон или Керенский, и читал протокол. Вернулся Шабров и протянул мне деньги, завернутые в пластиковый «файл».

— Ваши пятнадцать тысяч рублей. Напишите за них расписку, пожалуйста.

— Признаться, я думал о нашей милиции хуже, — сказал я, приятно удивленный. — Спасибо.

— Все только и делают, что думают о милиции хуже, — усмехнулся капитан. — И никто не интересуется, а что же думает милиция о нашем населении. А было бы любопытно поинтересоваться. Милиция знает о людях мно-ого.

— Ну и что же в целом думает милиция о нашем населении? — спросил я, сочиняя расписку.

— Дерьмо, — коротко, как один из героев Маркеса, ответил Шабров и отвернулся.

Я захохотал. Полковник Овечкин насупился.

— У меня очень мало времени, — заявил он. — Вы, вероятно, закончили вашу беседу?

— На сегодня закончили, — сказал капитан. — Вас вызовут, гражданин Кольванов, когда потребуется. Вы прочитали пункт об ответственности за нарушение подписки о невыезде? Хорошо. Стало быть, вы предупреждены. Вы где хотите задавать ваши вопросы? — повернулся он к Овечкину. — Здесь или...

— Или, — ответил полковник. — Идемте, — кивнул он мне.

Я рассовал по карманам вещи, отобранные при обыске, а прозрачный «файл» с деньгами взял в руки. Овечкин прищурился.

— Вы что, так и будете выходить из милиции — с деньгами в руках?

— Небось не ворованные, — усмехнулся я и спрятал пакет во внутренний карман.

Открыв дверь, Овечкин пропустил меня вперед. Идя по коридору, я чувствовал его взгляд у себя на затылке. На улице Овечкин показал припаркованную возле отделения черную «Волгу» последней модели.

— Садитесь.

На передних сиденьях «Волги» я увидел двух мордворотов в черных кожанках.

— Куда же мы, — поинтересовался я, — на Лубянку?

— Вы торопитесь на Лубянку? — поднял брови полковник.

— Да мне по барабану, — честно ответил я, усаживаясь на заднее сиденье. — Надо на Лубянку — поехали на Лубянку.

— Я думаю, можно поговорить и здесь. Ребята, погуляйте.

Мордвороты вылезли из «Волги».

Полковник помолчал, а потом, не глядя на меня, спросил:

— О каком деле вы говорили сегодня по телефону с Виталием Шпигуном?

Ого! Оперативность!

Я подумал и ответил:

— Вы мне не поверите, но я не знаю, о каком деле я говорил с этим Шпигуном. Видите ли, за мной, начиная со вчерашнего дня, идет настоящая охота. И мне приходится блефовать и вертеться, чтобы выжить.

— Нельзя ли поконкретней? Почему за вами идет охота? И по какому, собственно, поводу вы обратились к Шпигуну?

— Если вам известно про мой телефонный разговор с ним, то, надо полагать, известно, по чьему телефону я звонил и по какому поводу.

— Прекратите говорить загадками! Хозяин телефона нам известен, но повод — нет.

— И мне — нет. Но, чтобы выжить, я делаю вид, что он мне известен.

— Как это так?

— А так. Чтобы меня не схватили и не запытали до смерти, как эту несчастную алкоголичку, которую нашли мертвой в моей квартире, я веду переговоры с бандитами, сам не знаю о чем.

— Не морочьте мне голову! Вы торгуетесь с

адвокатом Караблутом, требуете увеличения вашей доли и якобы не знаете, за что вам причитается эта доля? Вы и в самом деле хотите на Лубянку?

Это был странный разговор не только из-за его содержания, но и из-за того, как мы говорили, — глядя не друг на друга, а в окна, за которыми насупленно прохаживались мордovorоты. Я повернулся к Овечкину.

— Евгений эээ... Семенович! Как я понял, вы знаете от Караблута о содержании нашего с ним разговора. Неужели вам неизвестно, о чем посылал его договариваться со мной Шпигун?

— Давайте я буду задавать вопросы. А вы на них будете отвечать. Что являлось предметом сделки, о которой вы говорили с Караблутом?

— Я не знаю! — закричал я. — Могу предположить, что это чемоданы, но не знаю, что в них! Спросите у Караблута!

— Вы не знаете, за что требовали деньги?

— Я даже не знаю, выражалась ли эта так называемая доля в деньгах! Говорю же вам, я блефовал, чтобы со мной вели переговоры, а не пытали и убивали.

— Караблут, напротив, показывает, что это вы угрожали ему огнестрельным оружием, а потом даже отдали распоряжение киллеру убить его не в здании, а на улице. Где, кстати, это оружие? При обыске, как я понял, его у вас не нашли.

— Я пугал этого лоера, гремя в ящике стола железным дыроколом. А «киллер» — это мой сотрудник Анатолий Семенов, художник. Он и курицы в жизни не обидел. Я с его помощью просто разыграл Караблута. Можете проверить.

— Вы хотите сказать, что и номер телефона, который вы передали Караблуту, тоже ненастоящий?

— Нет, номер настоящий.

— Откуда же он у вас?

— Это телефон моего покойного приятеля Олега Шматько.

Наш диалог всё больше напоминал какой-нибудь фарс Ионеско. Овечкин, между тем, не удивился, но нахмурился.

— Шматько? Но среди убитых нет никакого Шматько.

— Убитых?.. — пролепетал я. — Вы хотите сказать...

— А отчего, вы думаете, я здесь?

Так... Стало быть, разборка людей Шпигуна с теми, кто посылал мне «эсэмэски», и впрямь состоялась...

— Кто был ваш покойный приятель? — продолжал наседать полковник. — Бандитом?

Я пожал плечами.

— Вряд ли. Но, видимо, имел дело с ними. Они убили его, завладели телефоном и послали мне по нему «эсэмэски», полагаю, что у меня находится то, чего они не нашли у него.

— Эти «эсэмэски» сохранились?

— Нет, я их стер.

— Почему их послали именно вам?

— Потому что я всё время названивал Шматько, беспокоясь, куда он пропал. Он за день до этого приехал из Одессы, а потом исчез, не пришел ко мне ночевать. Ну, они «вычислили» меня по номеру.

— Зачем вы дали адвокату этот телефон?

— Ну... чтобы они разбирались между собой, а меня оставили в покое...

— А вы знаете, что они разбирались с применением гранат и пулеметов?

— Нет, не знаю... Но представляю.

— Вы понимаете, что обязаны были обратиться в милицию?

— Евгений Семенович, — прямо сказал я, — идите вы в жопу со своей милицией. Тут вы, полковник ФСБ, никак разобраться не можете, а что уж говорить о милиции?

— А может быть, вы потому не обратились в милицию, что действительно замешаны в этом деле, а передо мной разыгрываете комедию?

Я пожал плечами. Что я мог сказать?

— А почему сейчас вы не рассказали это капитану? Вы видите, что жертвами этой истории становятся и невинные люди?

— Мне кажется, тогда одной невинной жертвой стало бы больше. А может быть, и не одной.

— Вы что, угрожаете?

— Помилуйте! Какие угрозы? Просто ни вы, ни милиция не в состоянии справиться с бандитами.

— Это почему же?

— Потому что со времен Ельцина невозможно разобраться, где власть, а где бандиты.

— Очень остроумно, — покривился полковник.

— Да совсем не остроумно! Может быть, еще

прикажете обратиться в милицию по поводу кровавой бойни четвертого октября девяносто третьего года?

— Не будем забираться в исторические дебри. Где Шпигун?

— Что?

— Где Шпигун, я вас спрашиваю?

— Откуда же я знаю?

— Как — откуда? Вы заявили Караблугу, что передадите Шпигуну то, о чем вы якобы представляете, если тот выяснит отношения с другим претендентом. Так?

— Так.

— В результате Шпигун устраивает с этим конкурентом кровавую «стрелку», после которой остается гора трупов. Это уже второй такой случай за три дня. Сам Шпигун исчезает. Значит, теперь он должен звонить вам и требовать искомое нечто. Он вам звонил?

— Мой телефон отключен, — пробормотал я.

— Так включите!

Я включил. Никаких звонков зафиксировано не было.

— Пусто.

— Так-так. — Овечкин постучал пальцами по стеклу. — Надо полагать, что первая бойня, рядом с вашей работой, тоже была связана с этим делом?

— Естественно.

— Вы говорите, этот эээ... Шматько...

— Шматько.

— ... этот Шматько — из Одессы?

— Да. А его товарищ, Гарькавый, убитый накануне у моего дома, — из Днепропетровска.

Овечкин крикнул.

— Тут еще, оказывается, Гарькавый какой-то есть! С вами не соскучишься! Ну что вы мне выдаете информацию в час по капле? Шматько, Гарькавый... — морща лоб, стал припоминать он. — Так это те, о которых говорили по телевизору: «идет охота за украинцами в Москве»?

— Совершенно верно.

— А сегодня постреляли боевиков грузинской группировки! Во что вы влезли, Колыванов? Уже вызвали нашего посла в Тбилиси! Вот результат того, что вы дали Шпигуну «телефончик»!

«Ага, — сообразил я, — значит, «черный человек» и его компания из лендровера были грузины! Я почти угадал!»

— Интересно получается, — сказал я. — Оказывается, во всем я виноват! Вас, ФСБ, не очень волнует то обстоятельство, что в Москве вообще существуют грузинские вооруженные группировки, а вот когда их боевиков убивают такие же боевики и кто-то имеет наглость вызвать по этому поводу нашего посла, вы встаете на уши.

— Не хамите, Колыванов. Наша беседа мной записывается, и если я передам эту запись в милицию, то на уши придется встать вам.

— Ой, ой, как страшно! Никакой милиции вы ее не передадите! Вы прокололись!

— В каком смысле? — оторопел полковник.

— В прямом! Знаете, какой я в себе талант открыл за эти дни? Блефа. И если я буду этот блеф продолжать, вы станете его частью.

— У вас с головой в порядке?

— В порядке, не беспокойтесь. Так вот, теперь, когда вы мне сообщили, что ведете запись, у вас два выхода: либо действительно сдать меня в милицию, либо везти на Лубянку. Мне почему-то кажется, что вы не хотите ни того, ни другого. Милиция — это вообще пустой вариант. Вы отлично понимаете, что, прослушав запись, менты отфутболят вам это дело обратно. А вы еще многого не знаете: например, какие люди могут быть замешаны в этом деле на Украине. Я вижу — вас даже подташнивает от того, что я сообщил. Лезть в это дерьмо вам категорически не хочется. Оно не только не принесет вам генеральскую звезду на погоны, а может и лишить вас одной из имеющихся. А может, и самих погон. Эти боины в Москве, заявления министров иностранных дел, вызовы послов — не шутка. Вырисовывается какой-то международный преступный трафик через Москву, а чего — пока не известно. Это могут быть даже не наркотики и не «донорские» органы, а какие-то неизвестные сверхсекретные стратегические материалы. И вы всё это проспали. Так что меня не надо пугать — я уже пуганный. Я сейчас выйду из вашей машины, и меня могут через две минуты похитить. Поэтому нечего меня пугать Петровкой или Лубянкой. Берите, не страшно! А вам в этой ситуации всё страшно. И отдать запись кому-либо страшно, и не отдать страшно, потому что я вашему начальству, если предстану перед его светлыми очами, обязательно скажу, что вы такую запись вели.

Поэтому я заранее отказываюсь от того, что предложите мне сейчас вы, а вам придется согласиться с тем, что предложу вам я.

Овечкин внимательно слушал, не поднимая на меня глаз.

— Вот как вы заговорили... — после некоторого молчания промолвил он. — Откуда вы знаете, что я вам предложу?

— Ну, я же инженер человеческих душ. Изучил вас за эти минуты. Извините, но годы развала сильно сказались на вашем ведомстве — и не в лучшую сторону. Единственное, чем вы можете оправдаться перед начальством за встречу со мной, это, так сказать, завербовать меня. Будете разные пошлости предлагать: «жучок» или там «маячок» прицепить на себя. Чтобы я, значит, стал наживкой, на которую вы поймаете рыбку. Наживкой я не буду. Хотите — арестовывайте меня, хотите — нет.

— М-да... — Овечкин наконец взглянул мне прямо в глаза. — Всё больше и больше сомневаюсь я, что вы замешаны в это дело случайно, — медленно проговорил он. — Не исключено, что вы — одно из главных действующих лиц.

— Ну, это как вам угодно.

— Я не представляю, как порядочный, законопослушный человек может при таких обстоятельствах отойти в сторону. Ведь убиты не только бандиты, но, как я понял, и ваш приятель, ваша соседка...

— Последний раз, когда я не отошел в сторону, был осенью девяносто третьего года. Я, обызвитель, встал на сторону закона, пошел в пикеты вокруг Белого дома. А вот где были вы? Вы не просто отошли в сторону, вы стреляли в меня и в таких, как я. Вы предали, развалили, погубили страну. Я вас ненавижу.

— Мы ни в кого не стреляли, — сердито сказал чекист. — Мы...

— Ах, да, конечно, я забыл! Вы вели переговоры. Вы обещали безопасность всем, кто выйдет из Верховного Совета, но гарантировали ее только верхушке. А остальных калечили, убивали на стадионе, когда вы уехали. Это были лучшие люди страны. Я вам не верю и работать на вас не стану. Вся эта бандитская мразь гуляет по стране благодаря вам.

— Вы знаете, — заявил Овечкин, — у меня есть еще один выход, которого не предусмот-

рели даже вы, инженер человеческих душ.

— Интересно. Какой же?

— Арестовать вас и представить моему начальству в качестве одного из главных подозреваемых.

— Ну, это поможет вам только в том случае, если я действительно сообщник бандитов. А нет — получится, что вы тянули пустышку. Можете еще задержать Караблута. А там, глядишь, и Шпигуна поймаете. Вот вам и организация. Только вас, товарищ полковник, всё равно по головке не погладят, если всё это окажется липой. Ведь интрига вокруг неизвестного товара не умрет, пока я буду сидеть у вас. Кому-то он очень нужен.

— В таком случае я хочу знать: а какое, собственно, предложение хотели мне сделать вы?

— Охранять меня.

— Что?

— Приставить ко мне круглосуточный «хвост».

— «Хвост»? Ничего не понимаю. Почему же вы, в таком случае, отказываетесь от «жучка» или «маячка»?

— Это слишком простой и дешевый выход. Причем он сулит мне гибель, если я окажусь в руках бандитов и они найдут на мне эти штуки. Да и техника, знаете ли, не всегда срабатывает. Я предпочитаю людей. Со своей стороны я обещаю оповещать вас по телефону, если узнаю что-нибудь существенное.

— Вы не могли мне это сказать без тех гадостей, что...

— Нет, не мог. Мне надо было создать у вас обо мне такое впечатление, чтобы вы приставили ко мне «хвост» независимо от того, поверили мне или нет. Ведь если бы вы решили меня отпустить без «жучка» и «маячка», вам бы не оставалось ничего другого, правда?

— Вы... — сказал Овечкин и выругался.

— С волками жить...

— Что вы там говорили о людях, которые замешаны в этом деле на Украине?

Я коротко рассказал. Полковник еще больше помрачнел.

— Вы не сочиняете?

— Помилуйте! Это данные теленовостей и Интернета. Можете проверить.

— Странно. Если у вас такие аналитические способности, то почему вы прозябаете в этом

своем журнальчике, которого никто не знает?

— Я всю жизнь прозябаю. Что же мне — у вас, что ли, работать?

— Можно и у нас.

— А какая у ваших аналитиков зарплата?

Овечкин махнул рукой и спросил:

— Вы знаете, что упомянутый вами сектант Турчинов является теперь главой службы безопасности Украины?

— Слышал.

— По-вашему, он может играть какую-нибудь роль в этой истории?

— Бесспорно.

— Стало быть, и нынешнее руководство Украины тоже?

— Стало быть, так. А если вы копнете связи грузинской мафии, то вполне может оказаться, что нынешнее грузинское руководство тоже замешано. Оно ведь теперь с «оранжевыми» друзья не разлей вода.

Полковник внимательно выслушал, хмыкнул.

— А потом окажется, что все нити уходят к их кураторам из ЦРУ или госдепартамента?

— Ну, это как водится.

Овечкин задумался. Потом сказал:

— Насчет стратегических материалов вы можете оказаться правы. По одному из наших каналов поступила информация, правда, не подтвержденная пока из других источников, что грузины ищут возможность приобрести на Украине не уничтоженное вопреки международным договоренностям бактериологическое или химическое оружие и отравить им водозаборы в Сухуми и Цхинвали.

— Зачем? — удивился я. Ни о чем подобном я даже от армян в Нагорном Карабахе не слышал, а они любили размышлять о кознях азербайджанцев. Как, впрочем, и азербайджанцы о кознях армян.

— Затем, чтобы большинство населения и наших миротворцев перемерли, а грузины вошли туда с минимальными потерями. Может быть, даже под предлогом помощи. Я не могу утверждать, что в пропавших чемоданах контейнеры с этим оружием, но и исключить этого нельзя. — Лицо его приняло озабоченное выражение. — Что ж, попробую получить санкцию у начальства на круглосуточное наблюдение за вами.

— Желательно, чтобы ваши «топтуны» были вооружены. Для них самих желательно.

— Разберемся. Но предупреждаю: не вздумайте вовлечь наших людей в одну из ваших кровавых комбинаций. В этом случае вы будете просто уничтожены. У меня нет никаких оснований полностью доверять тому, что вы сейчас мне рассказали. А вот в том, что вы человек опасный, я убежден на сто процентов. Если вы полагаете, что с моей помощью вы сможете вернуть какие-то ваши делишки, а потом исчезнуть, то вы глубоко ошибаетесь. Мы вас под землей найдем. Вот номер телефона, по которому вам следует звонить, если вы узнаете что-нибудь важное. Нет, не надо его записывать. Запоминайте. Память у вас, судя по всему, хорошая. Но по вашему мобильному мне звонить не надо. Держите другой, сдадите его по окончании операции. — Он протянул мне не очень новый аппарат «Нокиа». — Теперь идите.

«Куда?» — хотел спросить его я, но вспомнил, что играю в независимость, и молча вылез из машины. Овечкин высунулся из дверцы со своей стороны, знаком подозвал одного из мордovorотов, и через некоторое время я обнаружил, что тот следует за мной метрах в двадцати.

* * *

Я снова пустился в бесконечный, бессмысленный путь по городу. Ветер дул вдоль улицы, подгонял меня в спину. Этот город был завоеван, но я не знал точно кем. Завоевателем мог быть любой человек, идущий мне навстречу. Мы подписали невидимый акт капитуляции. В этом городе мне не принадлежало ничего, даже моя квартира, куда приходили как на вокзал с какими-то страшными чемоданами и уносили их, не ставя меня об этом в известность, где взламывали двери, пытали и убивали людей... Я бежал от кого-то, и кто-то меня преследовал. Я лишь приблизительно знал зачем, но столь же мало знали мои преследователи, иначе бы они просто меня пристрелили или оставили бы в покое. Мы жили в злом, исковерканном мире, где кто-то должен был умереть сегодня ради того, чтобы кто-то жил завтра. Я не мог доказать этим людям, что именно моя-то смерть абсолютно не нужна им. Да и зачем? Ведь ни-

кому не нужна была и моя жизнь. Мне было под сорок. Я не совершил ничего замечательного или даже просто важного. Живу я или нет, ни для кого не имело значения. Моей смерти просто никто не заметит.

Я напоминал себе надпись на пластиковом пакете, который как-то принес домой:

*«Я –
прочный желтый
полиэтиленовый пакет.
Сначала я был нефтью –
нашим богатством.
Меня добывали,
перерабатывали, гранулировали,
окрашивали, резали и склеивали.
А сейчас пик моей карьеры!
Во мне несут подарок
из моей любимой компании
связь оправдывает средства
ЕВРОСЕТЬ.
Я крепкий
и могу носить хоть 10 кг картошки.
Пожалуйста, не засоряйте мной природу.
Выбросьте меня в мусорный бак,
а не на улицу».*

В сущности, это повесть о моей жизни.

На темный тротуар падал свет от витрин до-
рогих магазинов и кафе. Беззвучно шевели-
лись губы сидящих за столиками людей. Их
отделяло от меня вовсе не стекло, – они жили
в мире света, пусть и электрического, а я всё
больше погружался в мир тьмы. Если бы я и
зашел к ним туда, в свет, полный музыки и
звона бокалов, то зашел бы как ступок ночи.
Под окнами стояла мешковато одетая моло-
дежь, вспышки сигарет освещали бледные
прыщавые лица. Они, наверное, хотели туда,
внутри, да, вероятно, не хватало денег. Но всё
равно они были счастливее меня, живущего по
эту, темную, сторону ночи. Разве что бомж,
лежащий на скамейке в стеклянной автобус-
ной остановке, пребывал в том же мире, что и
я. Там, на свету, были люди, а мы с ним были
тени. И незримо витала где-то рядом неприка-
янная душа замученной Гали – женщины в
мужских трусах.

Скоро я буду таким же, как этот бомж. Кварты-

ры, считай, у меня уже нет. Во всяком случае но-
чевать я в ней не собираюсь. На работу идти мне
так же опасно, как и домой. Что ж, за всё в жизни
приходится расплачиваться. В те времена, когда
лица «без определенного места жительства» бы-
ли еще явлением экзотическим, я самонадеянно
написал о них несколько рассказов.

Я выдумал героя, в прошлой жизни интелли-
гента, кочующего в поисках ночлега с вокзала
на вокзал. Однажды ночью он встретил в элект-
ричке женщину из другого мира – красивую,
изящно одетую. Она убежала спяну от своего
любовника – развратного, нехорошего челове-
ка. Женщина, решив покончить жизнь само-
убийством («Я низкая, пошлая женщина. Я жи-
ву с нелюбимым человеком. Я содержанка. Мне
скоро тридцать. Я хочу покончить с собой» и
т.д.), забрела, по дурному примеру Анны Каре-
ниной, на железнодорожные пути. Но я был
добрее Толстого и отменил на это время все по-
езда. Что ж делать героине? Пришлось ей, что-
бы где-то заночевать, открывать, ломая холеные
ногти, двери стоящей на приколе электрички.
Именно в ней лежал без сна и сходил с ума мой
романтический бомж, мечтающий, как солдат
Иванов из анекдота, о женщинах, но не в скотс-
ком смысле, а в ином. Он думал, что вот он ле-
жит на лавке, никому не нужный изгой, но так
понимающий человеческое одиночество, и неу-
жели к нему никогда не придет она, тонкая и
печальная, которую только он сможет понять и
утешить? И надо же такому случиться – она
вдруг входит к нему в темный вагон.

Дав героям, особенно даме, некоторое время,
чтобы прийти в себя, я вложил в их уста такой
разговор.

«– Вы опоздали на последнюю электричку? –
спрашивает героиня.

– Я здесь живу, – отвечает он.

– Как – живете? – глупо переспрашивает она.

– Очень просто.

– А-а... почему вы живете именно здесь?

– Мне нетрудно вам это объяснить, но вам, к
сожалению, будет трудно понять. Скажите, вы
мечтали когда-нибудь о настоящей свободе?

– Да, – вырвалось у нее.

– А сознаете ли вы, что за это надо платить?
Всем – вплоть до последней нитки. Это цена
свободы.

— Цена свободы... — повторила она. — Да, именно об этом я думала сегодня весь вечер.»

Короче, несчастная красавица нашла с моим героем общий язык и осталась жить с ним в вагонах.

Ну а когда похолодало, женщина вернулась, естественно, к своему толстосуму. Толька ведь для нее это было не более чем испытанием, пусть и непростым, а для героя — осуществлением мечты. Он, может быть, не вполне верил в происходящее, пока они были с женщиной вместе. Он иногда полагал, что это галлюцинация. Теперь же он понял со всей беспощадной реальностью: прекрасная незнакомка была. Герой ходил вдоль путей, плакал, звал ее, пока его не задержала милиция. В «ментовке» он стал просить, чтобы его отвезли на Рижский вокзал, к пригородным поездам, в вагон, где он встретил свою женщину-мечту. Менты отвезли его в сумасшедший дом.

Теперь, очевидно, пора отвезти в сумасшедший дом меня.

Надо сказать, что в ту пору, когда я писал этот рассказ, бомжей я видел лишь издалека. Мои первые читатели, приятели-одногодки, справедливо упрекали меня, что я плохо знаю «контингент». И вот однажды, будучи по какой-то надобности на Курском вокзале, я увидел бродягу в драповом пальто образца 40-х годов прошлого века и решил за ним понаблюдать, чтобы в следующем рассказе о городском дне лучше прописать детали. Бомж направлялся в буфет. Там он попросил налить ему в бутылку кипятку, заткнул ее бумажной пробкой и пошел вместе со своим узелком, из которого торчало какое-то невообразимое тряпье, искать свободное место. Когда он его нашел, пространство вокруг него моментально очистилось в радиусе двух метров. Я присел напротив, но всё же немного наискосок, и притворился, Чехов недоделанный, что читаю газету. Первым делом бомж снял свои разбитые офицерские полуботинки с дырищами на подметках величиной с куриное яйцо и с наслаждением пошевелил пальцами. Аромат в воздухе распространился необычайный! Я огромным усилием воли подавил желание покинуть «зону поражения» и продолжал наблюдать за ним поверх газеты, дыша ртом. Бомж развязал узелок, нашел там, напевая, грязный бумажный пакетик с сахаром, откупорил бутылку и осто-

рожно, стараясь не уронить ни песчинки, высыпал сахар в кипяток, потом снова закупорил бутылку, хорошенько взболтал содержимое, подмигнул мне и стал тянуть воду из горлышка, заедая ее какой-то корочкой. Это был его ужин.

Н-да-а... А герои моего рассказа всегда имели в карманах какую-то мелочь и пили по утрам кофе в вокзальных буфетах! А о запахах-то я даже не подумал... Моя героиня вполне могла закончить жизнь самоубийством, но вот жить со вшивым вонючим мужиком, пусть и необычайно духовным, ни за что бы не стала — пока сама не превратилась бы в нечто подобное. Между прочим, и Галя Удовенко, до того как спилась, была вполне интересной женщиной и не спала со всякими отморожками. Единственное, что объединяло бомжа с Курского вокзала с моим героем, так это то, что он тоже был когда-то интеллигентом. Например, между двумя глотками он поведал мне языком людей моего круга о полезных свойствах подсахаренной воды. О прочем я его спрашивать не решился и ушел, неудачливый исследователь городского дна.

Я ушел и с тех пор иду мимо них, скорчившихся у вентиляционных решеток метро... Мимо старухи с землистым, предсмертным лицом, на ногах у которой в лютой мороз вместо обуви — куски ватного одеяла, связанные веревкой... Мимо девушки в тонких вельветовых джинсах, сидевшей, обхватив голову, прямо на ледяной мостовой... Детей она уже рожать не сможет, а мочиться до самой смерти (видимо, уже недалеко) будет кровью... Я иду мимо них, иду... Одни стоят — «умираю с голоду, подайте на пропитание!», другие — «подайте на корм для бездомных котом!»». На котом и собак, я заметил, дают побольше... Одному моему знакомому было вразумление свыше. Он котом любил, держал их дома до восьми штук, да еще подкармливал бездомных. И вот один его кот пропал. Он попросил в ЖЭКе ключ от подвала и спустился туда с фонарем. Кота он не нашел, зато нашел зеленоватую мумию бомжа без следов разложения. А мы говорим — гексоген... Рядом с мумией валялся нехитрый бомжевый скарб, кастрюля, высохшие остатки картошки. Видно, недоужинал... Знакомый, трясаясь, побежал к другу, а тот ему сказал: «Рехнулся ты со своими котами, говорил тебе: не лезь в под-

вал!» И действительно — зачем искать котов там, где могут быть мертвые люди!

На Пушкинской, у выхода из метро, несколько месяцев назад едва ли не каждый день встречал меня человек, наряженный скomorохом. Он раздавал рекламные объявления. А еще раньше он был «человеком-бутербродом» — рекламировал автомобильные масла. Он представлялся поэтом и оппозиционным журналистом, утверждал, что выучил древнееврейский язык. Писал он энергично, но сумбурно и темно — ничего из принесенных им в редакцию вещей я напечатать не смог. Последняя статья называлась, кажется, «Отражение православного миропонимания в монументальном искусстве». Еще он обещал написать очерк о люли — таджикских цыганах, живущих в подмосковных лесах, принес даже два цветных негатива, запечатлевших их стоянку, но с самим очерком, видимо, что-то не заладилось. Да и я хорош: разве непонятно, что человеку, раздающему рекламные объявления в наряде шута и пишущему о православном миропонимании в монументальном искусстве, писать о люли «не в кайф» — они, что называется, для него «социально близкие».

Он широко улыбается, завидев меня, иногда окликает, если я не вижу его, мы здороваемся, он с ходу заводит какой-нибудь «оппозиционный» разговор, иногда, взяв за локоток, провожает меня пару кварталов. Черная борода лопатой, скomorошеский колпак с бубенцами... Прохожие плятятся на меня с улыбкой: к клоунам-то этим они на улицах привыкли, а вот к чудакам, с серьезным видом беседующим с ними, еще нет. И я, тайный раб предрассудков, под благовидным предлогом убегаю от него, как убегаю от более несчастных его собратьев, всучив им какую-нибудь мелочь. Но далеко от них не убежишь — их «много на каждом километре»... У дверей редакции маячит другой мой знакомый, утверждающий, что присматривает за моей машиной, коей у меня нет...

Я бегу от них, как бегают от собственной тени. Мои погибающие братья, которых я, пусть мимоходом, использовал в своих произведениях, ждут меня за каждым поворотом. Так жизнь мстит литературе. Я сочинил историю про вокзал и бомжа, и с тех пор, как ни окажусь на вокзале, меня только бомжи и окружают. Шел я недавно

мимо Каланчевской площади. На скамьях между Ленинградским и Ярославским вокзалами шевелились кучи старого тряпья: пробуждались мои герои. Никогда я не видел их так много в одном месте! Они скрипели зубами, потягивались с медленной, смертельной истомой, тупо, монотонно чесались, далеко запустив под обноски руки, сидели, обхватив нечесанные сальные головы, отхаркивали туберкулезную мокроту...

Я прибавил шагу, я почти бежал, как сквозь строй, старательно, до боли в шее, отвернув голову в другую сторону. И тогда молодая женщина, сидевшая в этом скорбном ряду теней последней, завывала. Ноги у меня сразу ослабели, я споткнулся и чуть не упал. Эта женщина, лица которой я не видел (оно было закрыто свесившимися до пояса черными волосами), кричала так, что не было нужды гадать, отчего она так кричит. Так не воют обиженные, ограбленные или избитые люди. Так воют те, в ком еще один день жизни вызывает неопишутый, метафизический, ни с чем не сравнимый ужас.

Я бежал, держа в нелепо вытянутой руке сумку, а голова моя смотрела назад, как у фигур на древнегреческих вазах. Внезапно, одним ударом, в привычной картине бытия была пробита черная, зияющая дыра — и несся из нее этот жуткий, нечеловеческий вой, от которого не то что стыла, а, казалось, сворачивалась кровь в жилах.

«Господи!» — закричал, не разлепив уста, я и на бегу ударился о столб. «Господи!» — чугунным звоном отозвалось у меня в голове. Я сел с размаху на асфальт, больно ударившись копчиком. Еще секунду назад было утро, и вдруг наступил вечер. Кто-то подхватил меня под локоть, помог подняться. «Живой?» Я закивал, как пьяный: «Живой, живой!» Чуть выше левого уха я нащупал здоровенную шишку, увидел на пальцах кровь. От удара я оглох и не слышал, воет еще женщина или нет. Я достал деньги, на ватных ногах пошел к скамейкам. «Эй, а сумка!» — окликнул меня участливый прохожий. Я послушно вернулся за сумкой. Когда я снова оказался у скамеек, они были пусты, а рядом стоял мент, ловко вращающий резиновую дубинку вокруг кисти. Бомжи рассредоточились. Начался их день. Мент с любопытством смотрел на деньги в моей руке.

«Как я смешон! — подумал я. — Деньги... путешествие из Петербурга в Москву... Взглянул я окрест... Литератор Колыванов, проходя с книгами мимо Николаевского вокзала, проявил милость к падшим... Раскольников и городовой... Униженные и оскорбленные... «По скверам, где харкает туберкулез, где бл*** с хулиганом да сифилис...» И ужас, ужас... Кричал предсмертным криком человек — и что? Что?»

В который раз я сказал себе: «Уходи», — и ушел.

Забудь, говорил я себе. Напрасные усилия! И не в новости даже дело, а в том, что эта скамейка скорби была бесконечной — и было на ней место и для меня, и для миллионов таких же, как я. Одно неверное движение, один неверный шаг...

И вот, похоже, я его сделал, ввязавшись в историю с чемоданами.

Иногда я думаю, что, может быть, смысл нынешних беспощадных времен в том, чтобы зерна отделились от плевел, сгнули супостаты и восторжествовали праведные? И точно: хотя супостаты всё еще в силе, но в лицах их мы уже читаем какую-то печать обреченности. «Полки редеют год от года...» Но сколько их еще, этих годов?

А нищих духом, братьев наших меньших, менты увозят подыхать на свалку... «Пожалуйста, не засоряйте мной природу. Выбросьте меня в мусорный бак, а не на улицу...» Ударят заморозки — и валяются по городу десятки трупов... Но, может быть, и мои герои, и я сам — тоже тяжкий груз на ногах ждущей обновления России, и мы тоже должны уйти, «как проходит косой дождь»? Уйти, исчезнуть, раствориться... Мы — позор России, мы не люди, а тени людей...

Но что-то мне подсказывало, что нет в моем рассуждении правды. Старое дерево в лесу гибнет не оттого, что смерть его нужна молодым деревьям. Оно, пусть неказистое, пусть корявое, гибнет в свой срок. И вот тогда, когда оно гибнет, лес — системой корней и подземных вод — забирает его соки, его силу. Не бывает такого в природе, что лес сам по себе, а деревья сами по себе. Но почему же так сплошь и рядом происходит между людьми и человечеством? «Откуда, как разлад возник? И отчего же в общем хоре душа не то поет, что море, и ропщет мыслящий тростник?»

Я стоял на границе света и тени. За углом маячил «топтун» с Лубянки. Бомж спал в стеклянной остановке, как царевна в хрустальном гробу. Я, выпавший по прихоти судьбы из тепла и света, буквально физически ощущал, как они глядят на меня из нездешнего полумрака, лица встреченных мною в жизни бродяг и алкашей... Что ни год, они всё сильнее уходят в темноту. Там, за тонкой гранью, что разделяет их жизнь и жизнь так называемых нормальных людей, живут миллионы теней. Нация и антинация... А ведь случись, не дай бог, большая война, многих из этих «призраков» стоит только поднять из грязи, почистить, покормить, обуть-одеть, дать в руки автомат — и будут они защищать Родину не хуже, чем мы, «живые». Хроника 41-го: стоят ополченцы со старенькими мосинскими винтовками — лица типичных завсегдаев пивной. Через несколько часов они вступят в бой, израсходуют те пять патронов, что им выдал на брата великий, могучий Советский Союз, и будут, не ведая страха и усталости, колоть ржавыми штыками мускулистых и тренированных зигфридов.

Как в мире природы нет и единицы лишней, не нужной энергии, так нет ее и подавно в том таинственном и непостижимом, что составляет жизненную энергию человечества. Избавившись от «лишних» — пусть пассивно, в порядке некоего гнусного эволюционного закона, — мы не станем сильнее, мы, напротив, значительно ослабеем, как слабеет лес, который вырубает делянка за делянкой в шахматном порядке. Я видел такие леса в Карелии: тянутся на десятки километров среди старых, в два обхвата, пней, ряды хилых, впритирку стоящих друг к другу елочек и сосенок. «Озеленители», видимо, думали, что чем больше они воткнут в землю молодых побегов, тем лучше — особенно для проверяющих из центра. У карликового леса тоже есть единая энергетическая система, но со знаком «минус»: деревья-уродцы не дают друг другу расти. Но проку не будет, даже если вырубить половину из них. Ведь елочки, хотя и маленькие, но старые, и расти они больше не будут... Нет смысла их рубить, как не было смысла Раскольникову убивать старуху процентщицу...

Для общества, сознательно «освободившегося» от «лишних» людей, страшна не только утрата коллективной жизненной энергии, ему

страшны проклятья загубленных напрасно, ибо это тоже энергия, но черная, страшной разрушительной силы. Мы не двинемся с места, куда нас окружают их скорбные тени. Ведь они — «без определенного места жительства», — а коли так, они нигде и везде, они ушли, но останутся с нами навсегда.

«Я не лишний, я еще нужен вам!» — рождалась где-то в глубине меня заискивающая мысль, когда я смотрел на тех, кто веселился за чертой тьмы.

Зазвонил мобильник. Давненько меня не беспокоили... Что ж, давайте покалякаем, отморозки. Я достал телефон, на дисплее высветилось: «Родители». В панике я нажал отбой и отключил устройство.

Вот о ком я почти не вспоминал все эти дни! А напрасно! Им-то я еще нужен! Надо было давно позвонить родителям из автомата, предупредить, чтобы не звонили мне ни домой, ни на сотовый. Ведь «вычислят», приедут, сделают то же самое, что с Галей... Господи, не допусти! Старики-то в чем виноваты? Я запаниковал.

Что, если мама или папа попали на бандитов, когда звонили мне вчера вечером, и их уже «вычислили»? Может, и сейчас мне звонят вовсе не родители, а их незваные страшные гости? Надо это срочно выяснить и, если мое предположение подтвердится, упасть на колени перед Овечкиным, согласиться на все его условия, только бы стариков спрятали куда-нибудь! Они единственное, что дорого мне в этой жизни.

Я достал дрожащими руками «эфэсбэшный» мобильник, но тут же передумал по нему звонить: он наверняка прослушивался. Я огляделся и увидел за стеклянными дверями кафе, в фойе, таксофон. Покосившись на своего «топтуна», я купил в табачном киоске напротив телефонную карту, зашел в фойе и набрал номер родителей.

— Алло! — ответил мамин голос.

— Mamочka! Здравствуй! У вас всё в порядке?

— Господи, Вася! У тебя самого-то всё в порядке? Мы уж не знаем, что и думать! Сначала по телевизору сказали, что у твоего дома какого-то украинца убили. Но на следующий день сообщают, что рядом с твоей работой жуткая перестрелка. А ты не можешь даже нам позвонить, сказать, что с тобой! Разве так делается? Хорошо, я сегодня сама позвонила

в редакцию, и мне сказали, что ты жив-здоров, был на работе, но уже, видимо, ушел. Сам ты не звонишь, сотовый твой не отвечает, домашний тоже...

Я замер.

— А когда вы звонили домой?

— Да вчера звонили, и сегодня...

— И никто не снял трубку?

— Нет... А кто ее должен был снять, кроме тебя? У тебя кто-то гостит?

Я облегченно перевел дух.

— Нет, то есть да, но уже не гостит... А вам домой никто не звонил насчет меня?

— Нет. А кто должен был звонить? Вася, что случилось?!

— Mamочka, лично со мной ничего не случилось, но... у меня — неприятности.

— Я как чувствовала!!! Что за неприятности? Рассказывай!

— Не волнуйся, мамочка, со мной всё в порядке. А вот Шматько... Помнишь моего однокурсника Шматько?

— Это из Одессы, такой веселый?

— Точно, из Одессы, веселый. Но он уже не веселый... потому что не живой. Его убили. Здесь, в Москве.

— Да что ты говоришь? Как — убили? Кто убил?

— Не знаю. Конкуренты по бизнесу. Или партнеры. Он же был бизнесмен.

— Боже мой! Постой, я слышала такую фамилию по телевизору — Шматько... Его убили в Битцевском парке? Маньяк?

— Думаю, всё гораздо серьезней. Понимаешь, он ночевал у меня, но на следующую ночь не пришел. А днем передали, что его убили. А накануне убили того самого украинца, о котором ты говорила. Он приехал со Шматько и тоже ночевал у меня.

— Да что ты говоришь?!

— А вчера вечером кто-то взломал мою квартиру, затащил туда Галю — помнишь мою соседку Галю, пьяницу? — пытал ее, а потом убил.

— Вася, ты что, шутишь?

— Mamочka, мне не до шуток. Не звоните мне больше ни домой, ни на мобильный. Я сам вам буду звонить. Домой я пока приходить не буду, от греха подальше.

— А где же ты будешь жить? Приезжай к нам!

— Ни в коем случае. Ты видишь, эти бандиты что-то ищут вслепую, убивая всех на своем пути. Им всё равно — Галя, я или вы. Поэтому я хочу, чтобы и вы тихо съехали куда-нибудь недельки на две. Вы можете поехать к Галине Тимофеевне?

Галина Тимофеевна — это была родственница отца, имевшая дачу под Москвой.

— Не знаю... — неуверенно сказала мама. — В прошлом году они нас звали, но мы не поехали. Сам знаешь, сидеть сложа руки там не будешь, нужно над парниками и грядками спину гнуть... Опять же полив. Здоровье уже не то. Я могу позвонить, узнать...

— Звони. Или пусть лучше отец. И не просите, а напрашивайтесь. Понимаешь, милиция теперь никого ни от кого и ни от чего не защищает.

— Да мы знаем... — вздохнула мама. — А ты тоже туда приедешь?

— Нет. Это опасно, могут выследить.

— А где же ты будешь жить? У нас?

— Может быть, — солгал я. — Звоните Галине Тимофеевне прямо сейчас. А я позже перезвоню, узнаю, как дела.

На самом деле я и мысли не допускал, чтобы дать возможность бандитам выйти не только на след моих родителей, но даже их квартиры. Я рассчитывал, что им потребуется на это время. Мы разменяли нашу общую «двушку» на две однокомнатные квартиры уже довольно давно, в середине девяностых, причем обмен был не прямой. И прежней нашей «хрущевки», славу богу, уже не существует: ее сломали и выстроили на том месте коммерческую «высотку». Сломали и соседние дома. Найти теперь ЖЭК, где можно выяснить новый адрес родителей, будет непросто. Правда, продавались «левые» компакт-диски с телефонной базой данных Москвы, но в них, я знал, указаны наши прежние телефон и адрес.

Конечно, при желании и деньгах всё можно найти, но пока, судя по тому, что насчет меня никто родителям не звонил, ни одной бандитской группировке не удалось это сделать. Да они, может быть, и не догадались еще искать моих родителей, чтобы взять их в заложники. Но обязательно догадаются. Поэтому я должен не прятаться, а гнуть выбранную мной с самого начала линию: быть на виду, блефо-

вать, вызывать огонь на себя и вовремя «переводить стрелки». Потому что на самом деле есть еще люди, которым я нужен, — отец и мать. Их не сможет спасти не только милиция, но и Овечкин. Не такой уж он профессионал: как-то пропустил мимо ушей мое сообщение о чемоданах, не стал толком расспрашивать о Шматко и Гарькавом, а соответственно, и не узнал ничего о Безносовой. Я думаю, капитан Шабров выудил бы из меня больше.

Чтобы мои старики были в безопасности, я должен идти туда, где меня ждут, — в свою разгромленную квартиру.

* * *

Первым делом, стиснув зубы и почему-то стараясь не дышать, я скатал ковер вместе с окровавленными полотенцами, вытащил его на лестничную площадку, держа за один конец, и поставил в углу. Вынесу, когда пойду на «мусорку». Потом взял швабру с мокрой тряпкой и стал с остервенением тереть пол в том месте, где кровь просочилась сквозь ковер. Грязную тряпку я не стал выжимать, стряхнул прямо со швабры в мусорное ведро и достал другую, чтобы пройти второй раз. Хорошо, что у меня линолеум, а не паркет, а то бы я не смог вымыть засохшую кровь из всех трещинок. Пришлось бы скоблить пол, чтобы страшное пятно не проступало при перемене освещения, как в «Кентервильском привидении» Уайльда. С одеждой, нижним бельем я справился быстро: расстелил на полу затоптанную ногами убийц простыню, покидал на нее всё ношеное и затоптанное во время «шмона» и связал в узел. Со всем этим тряпьем давно следовало поступить так, да как-то руки не доходили. Разлетевшиеся странички рукописей собрал в одну кипу не глядя, — потом буду разбираться. Так же поступил с фотографиями. А вот с книгами оказалось сложнее. У всех литераторов они стоят по годами заведенному порядку, чтобы можно было с закрытыми глазами подойти к полкам и достать нужный том. Расположение книг — это видимая часть внутреннего мира писателя. Если я сейчас стану ставить книги без разбора, то очень скоро мне придется делать всю работу заново, потому что можно жить

среди разрушенной мебели и осыпающихся стен, но нельзя жить с разрушенным внутренним миром. «Ах, ты собираешься жить! — усмехнулся я над собой. — Но немало людей имеют другое мнение на этот счет! Плюнь на внутренний мир и расставляй книги наугад. Сделаешь как положено, если выживешь, — будет даже приятно». Нет, ответил я сам себе. Мой внутренний мир не зависит от того, когда я умру. Пусть рушится твердь и небеса падают на землю, а книга должна стоять там, где стояла. Всеобщий беспорядок не есть доказательство отсутствия высшего порядка. Напротив, даже одно соблюдаемое правило посреди полного беспорядка говорит о непременном торжестве закона. Еще не видя иконы, мы знаем, что она висит в восточном углу. Ее может там и не оказаться, но если она есть, хотя бы в одном доме из ста, значит, закон незыблем. Так и с книгами: их может не быть, но если они существуют, то не могут стоять или лежать в неведомом хозяину порядке.

Тут я очнулся и словно увидел себя со стороны: стою над свалкой книг и размышляю о видимом отражении невидимого мира. Как бы ни загоняла меня действительность в угол, я всё стараюсь от нее спрятаться, хотя бы мысленно. Об иконах для красного словца вспомнил! А где твои иконки? Глянул ли ты в тот угол, где они должны стоять? Я повернулся, посмотрел: иконки и впрямь стояли не потревоженные, на верхней полочке, а между тем с соседних полок всё было сметено. Это придало мне сил; я стал собирать книги и расставлять их в прежнем порядке. Иногда я ошибался, менял тома местами, но в целом, к моему удивлению, работа пошла быстро.

Потом я навел порядок на кухне и в прихожей, подмел там, вымыл пол. Всё оказалось не так уж и сложно. Еще я сделал несколько ходок на помойку: сначала отнес узел с одеждой и бельем, ведро с тряпками и мусором, а затем ковер, предварительно обвязанный бечевкой, чтобы мне к нему не прикасаться. Когда я его тащил за импровизированную ручку, он переломился посередине и стал напоминать человеческое тело. Поэтому, увидев щель в двери бабки Липы и в щели — взыскующий глаз, я внятно сказал, проходя:

— Выношу очередной труп!

Дверь с треском захлопнулась.

Под конец я вынес завернутый в газеты стул, на котором приняла смертные муки несчастная Галя. За всем этим из припаркованной неподалеку от подъезда «четверки» наблюдали, вероятно не без удивления, оба моих «ангела-хранителя», сменивших овечьинского «мордоворота». Может быть, даже сообщили шефу по мобильнику о моих подозрительных походах на «мусорку» с не менее подозрительными предметами. Не исключено, что сейчас на помойку отправилась спецгруппа: проверять, что я там спрятал в узле и ковре.

Вернувшись, я тщательно вымылся под душем. «А всё-таки хорошо, что есть «наружка»! — думал я. — А то бы я дергался, ожидая, что бандюги застукают меня с минуты на минуту голышом. Дверь-то взломана!» Впрочем, ничего не мешало бандитам зайти и при наличии «наружки». Никто за ними бы не последовал из соображений конспирации. Знак тревоги, как сказал человек, позвонивший мне по «эфэсбэшному» мобильнику, я должен был подать нажатием зеленой кнопки этого же мобильного, на котором в положении «посмотр» был выставлен номер телефона дежуривших чекистов. В общем-то, не очень надежный прием, потому что нежелательные гости едва ли дали бы мне возможность засунуть руку в карман. Поэтому мне рекомендовали запасной сигнал тревоги: потушить постоянно горящий на кухне свет. Но это тоже не в любой ситуации можно сделать. Например, «братки» готовятся меня связать и пытаться, а я им говорю: «Извините, пожалуйста, мне надо выключить на кухне свет, чтобы зря не нагорало на счетчик». Так, что ли? В крайнем случае мне предлагалось разбить окно. После этого, очевидно, меня сразу застрелят.

Я вышел из ванной, погасил в ней свет и уже механически хотел сделать то же самое со светом на кухне, но в последний момент отдернул руку. На меня напал приступ идиотского смеха. Вот уж сигнал так сигнал! Да любой обыватель, замордованный Чубайсом, на уровне рефлекса тянется потушить ненужное электричество! Все мои походы на кухню, в ванную и туалет будут заканчиваться лунатической попыткой щелкнуть кухонным выключателем! И когда я забудусь и всё-таки щелкну, мои чекисты с оружием на взводе выскочат из «четверки», побегут на

мой этаж и со страшным криком «На пол, суки!» ворвутся в квартиру. И увидят меня в тапочках.

Я вошел в прибранную комнату, огляделся. Без ковра непривычно, а так ничего. Вот она, новая жизнь, без трупов и крови!.. Пока не появились новые... Чем-то это всё напоминало мне фильм «Криминальное чтиво», в котором гангстеры отмывали машину от мозгов и крови случайно убитого негра, засунули труп в багажник, застелили сиденья одеялами, приняли холодный душ и радуются как идиоты. А человек, приказавший им скрыть следы убийства, говорит: «Рано сосать друг другу концы, джентльмены. Нужно еще избавиться от трупа».

Никуда я уже не спрячусь от воспоминания об этом истерзанном трупе... Прибирайся не прибирайся, а квартира моя уже имеет полное основание именоваться нехорошей, как у Булгакова... Выживу, буду менять. Как у Толстого: «е. б. ж.» — «если буду жив»... Но я едва ли здесь буду жив. Я — живая приманка.

Слава богу, у родителей всё решилось с дачей, о чем я узнал, позвонив им из автомата в переходе. А мне, дураку, поделом.

Но к мысли о том, что нормальной жизни и, может быть, жизни вообще у меня больше не будет, я всё никак не мог привыкнуть и, закулив, стал машинально соображать, как бы мне завтра вставить новый замок. Вот уж нет ничего глупее! Что-что, а замок сломают в первую очередь. «Тебе вообще ничего не надо делать», — сказал я себе.

Что ж, тогда не мешает чего-нибудь съесть. Я побрел на кухню, где горел вечный свет, обследовал колымские закоулки холодильника. Остатки украинской трапезы, пяток яиц, кусок плесневевшего сыра, пара сморщенных сосисок... Мои страшные гости не попользовались этими запасами, побрезговали. Даже полбутылки «Путинки» оставили. А я вот так живу! При виде яловичины, сала и свиной колбасы, уже несколько заветренных, в памяти всплыли трупы Гарькавого и Шматько, и я решил ограничиться яичницей с жареными сосисками.

Я зажег газ, поставил на огонь сковородку. Когда сосиски и яйца весело зашкворчали на ней, в дверь позвонили.

Я рефлексивно сглотнул слюну. Не дали поесть напоследок, суки! Я выключил газ, достал из хо-

лодильника «Путинку», сделал изрядный глоток. Руки тряслись, горлышко стучало о зубы. «Для анестезии», — гадко пошутил я над собой, тварью дрожащей. В глубине души у меня еще теплилась надежда, что это не бандиты. Зачем им звонить, когда открыто? Может быть, бабка Липа пришла новый труп посмотреть? Или чекист прибежал «отлить»? Я подавил водочную отрыжку, перекрестился и пошел к двери.

— Кто там? — откашлявшись, деревянным голосом осведомился я.

— Это я, — ответил знакомый женский голос.

Вика, что ли?! А за ней — «авторитеты», приставившие ей дула к затылку? Я распахнул разбитую дверь, покачивавшуюся в волнах сквозняка.

На пороге стояла накрашенная, в «выходном» платье Вика — одна. Я заглянул ей за плечо, направо, налево — никого. Сама, что ли, пришла?

— Ну я же тебя просил... — простонал я.

— Мне можно войти? — прошептала она.

Мне бы надо было ее прогнать, но я помнил, что она-то меня не прогнала, когда я давеча заявился к ней. Да и поздно, наверное. Если за квартирой наблюдают не только «эфэсбэшники», но и бандиты, они ее, голубушку, уже «отсканировали».

— Заходи, — вяло посторонился я. — Но учти: выйти может оказаться сложнее.

Вика выпрямила стан и решительно шагнула в мою нехорошую квартиру, косясь на покоренную дверь.

— Что это?

— Что, что?! Я тебе разве не говорил что? Не поверила? Или захотела на кладбище? Отсюда только недавно вынесли труп соседки! Ну какая нелегкая дернула тебя приехать? То тебя месяцами здесь нет, а то вот — здарсьте! Я только-только всё уладил, чтобы никого больше не впутывать в это дело! Ну что мне теперь с тобой делать?

— Какой труп, где? — в страхе озиралась она.

— Вынесли, говорю! — махнул рукой я. — Пошли на кухню.

Она, уже забыв об осанке, послушно защелкала каблучками на кухню. Я хотел, чтобы ее увидели в проеме окна чекисты. Пусть хотя бы отвезут ее домой, когда она выйдет. Или знают, что спасать нужно двоих.

На кухне Вика недоуменно уставилась на яичницу с сосисками. Та прекрасно «дозрела»

на горячей сковородке, желток подернулся аппетитной беловатой пленочкой.

— Садись, будем ужинать, — предложил я и снова схватился за «Путинку».

Вика смотрела на меня, раскрыв рот. Я «добил» из горлышка бутылку и по мужской привычке поставил ее под стол. Убрал, так сказать, со стола «покойника».

— Ну, чего стоишь? — Я достал тарелки, разложил на них нехитрую трапезу. Поскольку Вика по-прежнему стояла, а мне зверски захотелось закусить, я сел и стал есть яичницу.

— Я тебя еще никогда таким не видела... — пробормотала Вика.

Я отложил вилку. Облегчающей жаркой волной из живота к голове поднималось опьянение.

— Виктория, тебе чего, собственно, надо? Я, например, на себя вообще смотреть бы не стал. А тебе зачем? Острых ощущений захотелось?

Она сцепила пальцы, заговорила путано:

— По телевизору сообщили... новая бойня в Москве... я подумала... а ты запретил звонить... но ведь приходиться не запрещал... и я...

Идиот! Или она — идиотка! Ведь если нельзя звонить, то нельзя, наверное, и приходиться!

Вика замолчала.

— Ну, и дальше что? — тупо пялился на нее я. Она заплакала.

— Я тебя люблю... Ты мой мужчина... Тебя могут убить...

Хмель моментально слетел с меня. Я даже привстал. Она меня любит?

— Так почему же ты?..

Она отвернулась.

Так, подумал я, она меня любит. И нашла удивительное время для того, чтобы сказать это. Я — ее мужчина. Она — моя женщина. И она беспокоится обо мне.

Это было приятно. Во всяком случае, ничего другого приятного в моем нынешнем положении не было. Я подошел к ней, обнял за плечи. Она задрожала. Стало быть, ее темперамент в постели — не просто темперамент? Я — ее мужчина? Чудеса!

Вика повернулась ко мне. По лицу ее текла тушь.

— Я не хочу, чтобы тебя убивали, — всхлипывала она. — Прости меня... Я гордая и... и...

глупая. Но я... твоя. Твоя, слышишь? Поэтому и пришла.

А, пропади оно всё пропадом! Растроганный, я целовал ее шею, плечи, совершенно не заботясь о том, что доставляю немалое развлечение филерам, пялившимся из машины на окно кухни.

— Я, кажется, не вовремя? — спросил у меня за спиной знакомый женский голос с немосковским выговором.

Я быстро обернулся. В дверном проеме кухни, как в раме картины, стояла Юлия Безносова, одетая лишь в целлофановый плащ-дождевик, схваченный пояском у талии, — но через мгновение я понял, что это не целлофан, а платье такое, сплошь прозрачное, не скрывавшее трусов и отсутствие лифчика.

— Дверь была открыта, — сказала Безносова, без всякого смущения внимательно разглядывая нас.

Я был настолько удивлен ее появлением, что даже не нашелся, что ответить. Почему она здесь? Она одна или?.. Два совершенно противоположных желания возникли во мне: прогнать Безносову, ибо она появилась более чем некстати, в тот редкий момент моей жизни, когда женщине удалось меня растрогать, и задержать ее всеми возможными способами, — ведь другого случая встретиться со столь важным свидетелем или даже соучастником кровавого «чемоданного дела» могло и не быть.

Поэтому я молчал, раскрыв рот, и Виктория, видимо, поняла мое молчание по-своему.

— Ну, я пошла, — сказала она каким-то потусторонним голосом и, неестественно выпрямив спину, двинулась прямо на Безносову, словно не видя ее. Безносова спокойно посторонилась.

— Вика, постой, ты, наверное, не так... — воскликнул я и бросился за ней.

— Подожди, — схватила меня за руку Юлия. — Надо поговорить.

— Надо всё же звонить в дверь, даже если она открыта! — бешено зашептал я. — И чего ты вырядилась как бл***, — трусы видно, сиськи? Так и по улицам ходишь? Уж ночь на дворе! На работу, что ли, вышла?

Безносова криво улыбнулась.

— А тебе какое дело? — Она втянула носом воздух. — Пьяный, что ли?

Я вырвал руку из ее руки.

— Жди меня здесь! Я сейчас. — И побежал догонять Вику.

В подъезде ее уже не было. Я, как был, в тапках, сбегал вниз, выскочил на улицу. Виктория, в сбивчивом ритме щелкая каблучками, уже заворачивала за угол дома, направляясь к проезжей части. Я зашлепал в слетающих тапках за ней, крича: «Виктория, Виктория!» — что означало «победа», но, очевидно, не моя. В ноздри летел тополиный пух, которого еще днем не было. Я чихнул. Вслед за этим зачихал мотор «эфэсбэшной» «четверки», которая, видимо, намеревалась следовать за мной.

Я добежал до угла дома и увидел в свете фонаря на обочине шоссе Вику с поднятой рукой и притормаживающую возле нее легковушку.

— Постой, постой, я объясню!.. — орал я, но Вика села на заднее сиденье, хлопнула дверцей, и машина укатила.

Матерясь, я вытащил мобильник, нашел, пугаясь (выскочил стоящий на «посмотре» номер филеров), телефон Виктории в «записной книжке». Пошел один длинный гудок, другой, а потом — обрыв связи и короткие гудки. Отключилась.

Рядом мягко скрипнули тормоза. Водительское стекло «четверки» опустилось, и сидящий за ним лысоватый мужик негромко спросил:

— Есть проблемы? — Именно этот голос и диктовал мне условные сигналы тревоги.

— Есть, — сквозь зубы сказал я. — Не запомнил номер той машины, что отъехала.

— Я запомнил, — кивнул мужик. — Передам патрульной службе, водителя остановят и проверят. Что еще?

— Женщину, которая сейчас вошла ко мне, упускать нельзя. Она прямо связана с двумя первыми убийствами в этом деле. Вызовите подмогу, что ли, установите за ней слежку.

— Мы уже запутались в ваших женщинах, — сказал не видимый мне напарник лысоватого. — А эту, которая сейчас вышла, упускать можно?

— Надо, чтобы она добралось целой и невредимой до дома. Пусть водителя действительно задержат как можно дольше... Пусть проверят всё, от документов до состояния запаски, а ей в это время остановят другую машину. Она никакого отношения к этому делу не имеет.

— Знать бы еще, что за дело, — буркнул невидимый.

— Начальство знает, — философски заметил лысоватый, видимо, старший в тандеме. — Передай сообщение о машине.

В салоне запищало, затрещало, замигал огонек рации, осветивший на миг напарника — это был молодой парень с калмыковатым лицом.

Я пошел было обратно, но вернулся. Старшой снова опустил стекло.

— А на чем приехала эта... в прозрачном платье?

— На черной «тойоте», — ответил он.

— Одна?

— Вышла одна.

— А где «тойота»?

— Да вон, у подъезда стоит. Мы с одной стороны, они с другой. В машине, кроме водителя, еще два мужика. Есть какие-то проблемы?

— Есть. Это опасные бандиты. Наверняка до зубов вооружены.

— Так что же с ними делать?

— Не знаю, — развел руками я. — Я могу лишь задержать эту девушку подольше.

— Запросить инструкции?

— Да, — с облегчением сказал я, — запросить инструкции. — А какими они будут, я не хотел забивать себе голову.

Я вернулся к подъезду, стараясь не глядеть на «тойоту», поднялся на свой этаж. Когда мой взгляд упал на разбитый замок двери, мне в голову пришла мысль: а ведь те, кто взломал дверь и убил Галю, едва ли были связаны с Безносовой, потому что чемоданы исчезли без взлома, дверь открыли ключом, — вероятно, найденным у Шматько. И, вероятно, не без помощи Юлии. Хотя... Я остановился на пороге квартиры. Открыть дверь и взять чемоданы мог сам Шматько. В сговоре с той же Безносовой. Так я предполагал до убийства Шматько, но что в этом смысле изменилось после? Пока есть только одно объяснение, почему Гарькавый был убит раньше Шматько: он, наверное, заподозрил что-то неладное в действиях партнера и поспешил к моему дому, возле которого встретил Шматько с чемоданами (и, возможно, с сообщниками). Или так: Шматько с сообщниками, предупрежденные Безносовой по телефону (ведь Гарькавый поначалу уехал с ней) о его возвращении, устроили Гарькавому западню в моем дворе и заст-

релили. Что ж, похоже на правду. Но тогда вопрос: почему Шматько мертв, а Безносова жива? Ответ: она играла в двойную игру. Шматько похищал чемоданы, а потом «по наводке» Безносовой появлялась «третья сила», убивающая Шматько и забирающая чемоданы. Забирающая?.. А зачем тогда его долго и мучительно пытали? Отняли бы чемоданы, убили — и концы в воду. Получается, никаких чемоданов у него не было. Либо в тот момент, в Битцевском парке, не было, либо... не было вообще. Ведь Шматько не герой, он бы попыток не выдержал. Ни за какие деньги. Разваливалась и моя версия о его сообщниках. Он убит, а где они? Я мог поверить, что Олег способен что-то похитить, но не мог поверить, что он сам способен убить матерого мужика вроде Гарькавого. Что ж, может быть, Гарькавого убили те же люди, что убили потом Шматько, — то есть его сообщники? Тогда я опять возвращаюсь к вопросу: зачем его пытали? И получаю тот же ответ: затем, что никаких чемоданов у него не было. И Безносовой рядом с ним в Битцевском лесу не было, потому что в ином случае ее тоже бы пытали и убили.

Стало быть, всё сходится на этой сексапильной девице со странной, как у смерти, фамилией? Чемоданы, как видно, ищут сразу несколько жестоких и кровавых банд, они крошат друг друга и всех, кто попадется под руку, почему зря, а Безносова жива. Значит, она является той незаменимой частью этой запутанной интриги, без которой ее распутать невозможно? «Как, впрочем, и я сам с точки зрения шпигунов, — подумал я. — Возможно, Безносова знает о моей роли не больше, чем я — о ее роли. И поэтому она здесь».

Мне вдруг стало как-то не по себе.

Я потянул на себя дверь и вздрогнул. На пороге, вонзив в меня тусклый взгляд, стояла Безносова. Вероятно, она находилась здесь всё то время, что я топтался у двери и размышлял о ней. Я представил, как мы оба молча стоим по разные стороны двери, как Раскольников с Кохом у Достоевского, и мне стало жутковато.

Безносова молчала. Лампа в прихожей освещала ее сзади, и она стояла передо мной в своем условном платье, с обнаженной грудью, нацелившейся в меня сосками. Потом я понял, что это были не соски, а розовые хреновины

вроде колпачков, которые любительницы ходить без лифчика в прозрачных платьях прилепляют на соски.

— Ты один? — глухо спросила она.

— Один, — отозвался я, как эхо.

— Это была твоя женщина?

— Допустим.

— Она приревновала тебя ко мне. — Это было сказано скорее как утверждение, чем вопрос, но без всякого интереса.

— Видимо, так.

Безносова помолчала, а потом без всякой связи с предыдущей фразой, но тем же ровным бесцветным голосом поинтересовалась:

— Ты боишься умереть?

«Да», — подумал я и сказал:

— Нет.

Но она, похоже, поверила. Кивнула.

— Ясно. Поэтому ты такой безбашенный. Так умирай! Но дай, блин, жить другим.

— Не дам.

— Почему?

— Потому что они должны умереть.

— А кто это решил — ты?

— Я. И видишь, они умирают.

Она всё не сводила с меня напряженного взгляда.

— Слушай, чего ты на меня уставилась? — не выдержал я. — Может быть, пройдем в комнату?

Безносова не пошевелилась. Мне становилось всё страшнее, как от общения с умалишенной.

— Зачем тебе это нужно? — наконец спросила она. — Ты же лох, я вижу.

— А тебе зачем? — снова, как эхо, ответил я. — Ты ведь тоже не Юлия Тимошенко. И не Марина Цвигун.

Лицо ее вдруг исказила гримаса вроде судороги.

— Да кто ты такой? — она, казалось, задыхалась. — Куда ты лезешь?

Я внимательно наблюдал за ней. Кажется, я попал в точку.

— Гарькавый ведь был связан с Тимошенко, не так ли? — продолжал я.

— Кто тебе сказал?

Я заставил себя широко улыбнуться

— Если меня спросят кто, я отвечу, что ты.

Безносова открыла рот. На ее лицо стали возвращаться краски.

— Кому скажешь? — пробормотала она.

— Ну, вот ты и проговорилась, — злорадно констатировал я. — Кто спросит, тому и скажу. Я твоя погибель, девочка. Никто тебе не поверит, что я сам догадался насчет Гарькавого, Цвигун и Тимошенко.

— Ты что (она говорила «шо») — мент? Шматько говорил, что ты писатель.

— Шматько тоже был когда-то писатель. Ну и что из того? Вот ты, например, вполне могла бы быть «мисс Украина» или «мисс Днепрпетровск». Однако ты проститутка.

— С чего ты взял?

— Так ты не проститутка?

— Пошел в жопу!

— В общем, так, Юлия Безносова. Мне по барабану, как ты зарабатываешь на жизнь. Ты мне не нужна. Но меня достали Шпигун и грузины, которые думают, что я знаю, где чемоданы. И я сейчас позвоню кому-нибудь из них, чтобы они приехали за тобой. Пусть они у тебя выясняют, где товар, а меня оставят в покое.

— А если я им скажу, что чемоданы у тебя?

— Скажи. В моем нынешнем положении это ничего не изменит. До сих пор они все считали, что они именно у меня.

Безносова поиграла плечиками. Усмехнулась.

— А еще есть варианты?

— Есть. Один. Ты рассказываешь всё мне. А я уж решу, что делать.

— Дай закурить, — попросила она.

Я протянул ей сигарету, чиркнул зажигалкой. Она жадно затянулась.

— Твоя жизнь не станет безопасней, если я тебе всё расскажу, — сказала она между затяжками. — Даже наоборот. А самое главное: моя не станет безопасней. Может, договоримся, а? Витя... или как тебя там... давай потрахуемся и... уладим всё. Я же вижу, что тебе нравлюсь. Я тебе хорошо дам, сладко будет.

— Знаешь что? Ты мне надоела. Я тебе вот еще что забыл сказать. До твоего Гарькавого мне дела нет: он мне не брат, не сват, не приятель. А вот Шматько был моим приятелем. Я очень подозреваю, что его убили из-за твоего предательства. Если бы ты знала, как у меня чешутся руки позвонить и сдать тебя! Говоришь, моя жизнь не станет безопасней? Но

твоя точно у них не станет безопасней. Слишком много с обеих сторон убито людей.

Безносова о чем-то размышляла, наморщив лоб. Потом повернулась, вошла в комнату, села в кресло, вызываяще закинув ногу на ногу. Ножки у нее, следовало признать, были классные, без единого изъяна. Да вот ложились они на плечи сволочей типа Гарькавого. Я сел напротив Юлии.

— Что тебе нужно? — наконец спросила она.

— Где чемоданы?

Она снова открыла рот, а потом захохотала. Смеялась она долго, истерически, до слез на глазах.

— У тебя что — припадок? Может, водички?

Теперь она уставилась на меня — мрачно, глаза в глаза, как давеча.

— Ты что — шутишь? — хрипло поинтересовалась она.

— Да какие уж тут шутки. Так где чемоданы?

— Но именно это я пришла узнать у тебя.

Теперь пришла моя очередь разинуть рот. Потом я подумал: «А действительно, по какой еще причине она могла прийти ко мне?»

Мы молчали, сцепившись взглядами, словно соревнуясь, кто дольше выдержит. Самое странное, мне вовсе не казалось по ее глазам, что она лжет. Очевидно, то же самое чувство испытывала и она.

— Так, — промямлил я. — Давай разбираться. Тебя кто прислал?

— Ты же знаешь кто, — насмешливо сказала она.

— Но не сама же Тимошенко! С кем ты здесь в контакте?

— Какая тебе разница?

— Что значит — какая разница? На эти чемоданы слишком много охотников, дура! И я уже начинаю в них путаться. Ты пришла узнать, где чемоданы, и не хочешь сказать, кто тебя послал? Ты что, чокнулась? С кем же я буду иметь дело?

— С тем, кто тебе заплатит. Тебе это не всё равно?

— Нет, не всё равно. Другие-то тоже обещают заплатить. Как я должен различать, кто есть кто?

По лицу Безносовой я видел, что она колеблется.

— Не бойся, я тебя не выдам! Если не хочешь говорить прямо, пойдем методом исключения.

Не говори на мой вопрос «да», говори только «нет». Это Шпигун?

– Нет.

– Грузины?

Она замялась, но потом сказала:

– Нет.

– А всё-таки?

– Нет. — (На этот раз тверже.)

– Армяне?

– Нет.

– Азербайджанцы?

– Нет.

– Чеченцы?

– Нет.

– Дагестанцы?

– Нет.

Я споткнулся: подходящие по «специализации» кавказцы закончились, а названий «славянских» ОПГ, вычитанных в Интернете, я хорошенько не помнил. Как там? Солнцевские, люберецкие, таганские...

– Они что — все охотятся за чемоданами? — спросила вдруг Безносова. В ее глазах читался страх.

– Все не все, а охотятся. Почему, думаешь, в городе такая стрельба? Ну ладно, ладно. Я же говорю: идем методом исключения. Что делать, если ты не хочешь раскалываться? Давай дальше... — И тут я вспомнил про «украинскую» группировку. — «Донецкий люкс»? Немсадзе? Лепсай?

Она дернулась, но смолчала.

– Ага, вот почему ты замешкалась, когда я про грузин!.. — торжествующе воскликнул я, укрепляясь в трактовке ее молчания. — Немсадзе?

Безносова по-прежнему молчала, отведя глаза.

– Значит — «Донецкий люкс»...

– Я тебе ничего не говорила. Думай что хочешь, но ты всё равно не так понял.

– Понятно, понятно!.. Но почему они послали именно тебя? В этом платье, если его можно назвать платьем? Хотели обменять чемоданы на секс с тобой, что ли? Ты так дорого стоишь?

Она усмехнулась.

– Не в этом дело. Прозрачное платье, грудь — это чтобы ты видел, что на мне не спрятано ни оружия, ни «жучка»... Типа, чтобы не боялся... К тому же я с тобой знакома. Ну, а секс...

— она подняла на меня глаза. — Секс не исключается. И в цену он не входит. Если, конечно, чемоданы у тебя.

– Ясно. Ты, стало быть, парламентар, а твое блядское платье — разновидность белого флага... Ну, теперь давай о главном.

– О каком еще главном?

– Что значит — о каком? Что произошло в тот день, когда утром вы ушли от меня с Гарькавым?

– Ничего не произошло. Поехали на переговоры с клиентами.

– С какими клиентами?

– Слушай, я же сказала...

– Ладно, ладно! Дальше?

– Что — дальше? Я на этих переговорах не была.

– А где ты была?

– В номере гостиницы.

– Зачем?

Безносова повела бровью:

– Значит, так надо было.

– Ничего не понимаю: ночевала у меня, а с утра поехала в гостиницу. А где был Гарькавый?

– В той же гостинице, только в ресторане.

– С клиентами?

– С клиентами. И я там сначала была.

– А потом?

– А потом Коля сказал: «Иди к себе наверх, солнышко. Нам надо конкретно побазарить».

– Так. Что дальше?

– Дальше? Дальше клиенты поднялись ко мне.

Я наконец начал понимать. Впрочем, нечто подобное я предполагал и раньше.

– Ага, ты, значит, презент для клиентов: «секс в цену не входит», но цену с его помощью можно набить.

– Не только. Я должна была задержать их как можно дольше, пока Коля осматривался, нет ли «хвоста», и ехал на встречу с Олегом.

– И сколько же было этих клиентов?

– Трое — если тебя интересует. То есть клиентов — то было двое, один от наших. Для гарантии. Он тоже базар тёр.

– Наши — это «донецкие»?

Безносова не ответила.

– Тяжеловато пришлось с троими?

Она насмешливо глянула на меня.

– Пожалеть, что ли, хочешь? Или просто ин-

тересуешься? Тяжелее всего было их задержать, как хотел Коля. Они же папики, импотенты. Кончили быстро по разу, как кролики. И валяются на диванах. А мне что — им танец живота танцевать? Хорошо, Коля много качественной выпивки в номер заказал. Ну, выпили они, еще попробовали — плохо получается. У одного из них виагра была: приняли, возбуждились, и тут уж им одной меня мало стало, вызвонили гостиничных дивчин. В общем, оттянулись по полной программе, как Коля и планировал.

— С этим ясно. А зачем Гарькавый поехал к Олегу?

— Как — зачем? Олег с помощью наших «стрелку» организовывал, чтобы передать товар и получить бабки.

— В Битцевском парке?

Юлия кивнула.

— Ну, а почему вы сразу по приезде в Москву не отправились к вашим, а поехали ко мне?

— Этого я точно не знаю, но, думаю, Коля не очень им доверял.

— Если он не очень им доверял, отчего именно они должны были присутствовать на «стрелке»?

— Ну кто-то же должен был Колю и Олега охранять. Покупатели тоже бы приехали с охраной. А им Коля доверял еще меньше. Кроме того, наши-то и вышли на клиентов.

— Всё равно не понимаю. Какой смысл использовать в качестве охраны тех, кому не доверяешь?

— Коля с Олегом придумали план. Его, я думаю, Коля и обсуждал с клиентами в ресторане. Обмен товара на деньги производится двое на двое, а охрана обеих сторон находится на расстоянии, но так, что видит всё. Потом покупатели уезжают, Коля тоже, а Олег расплачивается с нашими.

— Что же помешало всему этому?

Юлия пожала плечами.

— Не знаю. Коля должен был встретиться с Олегом, проверить, как всё организовано, взять у него ключ от твоей квартиры. За чемоданами он собирался заехать к тебе часов в семь, за час до «стрелки». Он и поехал, но... не вернулся.

— Так... Ну а что было в лесу?

— В лесу было как договорено: все собрались — покупатели, охрана с обеих сторон, Олег... А Коли всё нет и нет. Сначала думали — пробки.

Олег звонит ему на мобилку — не отвечает. А уже около девяти. Тут все подступили к Шматько: говори, куда поехал Коля. Ну, ему делать нечего, он сказал. Посадили в машину по два хлопца от наших и клиентов, а пятым Олега, и они поехали к твоему дому. Приезжают, а там мертвый Коля на газоне лежит, «скорая» с мигалкой... Чемоданов не видно, вокруг милиции полно, ну они и повернули назад. Приехали в лес, была уже ночь. Начался «разбор полетов». Или «правилка», как они говорят. Все подозревали Шматько, что он сработал на какую-то третью сторону. Больше же никто не знал, где чемоданы. Ну а этот гад говорит: «Как — никто? А Безносова?» Послали за мной в гостиницу, я там спала без задних ног. Растолкали, дали кое-как одеться, привезли в лес. Никогда не забуду: стоим мы на коленях со Шматько в свете фар, друг перед другом, с ножами у горла. Они нам: «Раскальвайтесь, суки!» Я кричу, что весь день была в гостинице, свидетелей полно, и не было у меня ключа от твоей проклятой квартиры. А Шматько: «Не верьте ей, она могла навести по телефону!» Ну, «авторитеты» посоветались и решили: сначала пытать Шматько на моих глазах, а потом взяться за меня.

Безносова замолчала, судорога пробежала по ее красивому лицу.

— Ну — и?.. — осторожно спросил я.

— Шо — «ну — и»? Сделали как решили. Наши были вынуждены согласиться, потому что покупатели могли подумать, будто бы они с нами в стоворе... Залепили Шматько рот пластырем и резали его ножами, прижигали сигаретами... То он терял сознание от боли, то я — от ужаса...

Я представил себе всё это, и меня затошнило.

— Да, девочка, съездила ты в Москву погулять... — пробормотал я. — Но, видно, за тебя всё же не взялись.

— Шматько умер под утро, юшкой истек... Обступили они меня: «Всё видела? Хочешь так же? Колись!» Я землю ела, кричала: «Не знаю!» Они снова посоветались. Кто говорил — «на хор ее поставить, драть во все дыры», а кто — «давайте ее тоже резать». Наши говорили: «Убьем ее, последняя ниточка оборвется». Как я за это время не поседела, не знаю. Уже было решили они меня всем скопом трахать, пока не признаюсь, как прибежал хлопец, который

стоял на шухере, за дорогой следил, и сказал, что вдали конные менты показались. К тому времени уже почти рассвело. Они все побежали к машинам и меня погнали. Короче, смылись отсюда. Приехали в мою гостиницу, спросили обслугу — они еще не успели смениться. Все, кто мог, подтвердил, что я никуда не выходила с момента заселения и до их приезда ночью. Разговор продолжили в моем «люксе». Ну, тут уже они меня ни пытаться, ни убивать, ни насиловать до смерти не могли, потому что «засветились» в этом отеле. Твердили одно и то же: «Кому звонила насчет чемоданов?» Я отвечаю: «Если вы крутые, то проверьте звонки из номера и с моей мобилки у телефонных операторов, и вы узнаете, кому я звонила». А я никому не звонила. Мы договорились с Колей, что я позвоню, если не сумею задержать клиентов в номере после полудня. Но я сумела и не стала звонить.

— Скажи мне, — перебил ее я, — а почему не отвечал телефон Шматько? Я ему постоянно звонил после того, как увидел труп Гарькавого и поднялся к себе. Это было еще до полуночи.

Юлия кивнула.

— Когда они узнали, что Коля мертв, ему кто-то позвонил на мобилку — видимо, ты. Хлопцы, которые сидели со Шматько в машине, ему уже не доверяли. Они подумали, что это звонят его подельники, которые могут установить местонахождение Шматько, если он ответит. Поэтому они отобрали у него телефон и отключили его. Входящие-то всё равно фиксируются. А потом, когда они вытащили Шматько на разборку, про мобилку забыли. Они вспомнили о ней только у меня в гостинице. К тому времени они уже и между собой поцапались, потому что уже навели справки, что я никому не звонила. Теперь они подозревали не только меня, но и друг друга. Клиенты говорили, что их могли «кинуть» наши охранники, которые решили самостоятельно продать чемоданы и завладеть всей выручкой, а наши говорили, что это клиенты разыграли комедию со «стрелкой», а сами установили слежку за Гарькавым, замочили его и завладели чемоданами без всяких денег. Не знаю, чем бы всё это кончилось, если бы кто-то не сказал про Олегов телефон. Принесли его, посмотрели «входящие» — все звонки с одного

номера. Они «пробили» этот номер — оказалось, это твой домашний. И тогда мне пришла в голову мысль... Не знаю, как тебе сказать...

— Да я уж догадался, — усмехнулся я. — Ты сказала, что есть еще один человек, который знал про чемоданы, и не просто знал — они стояли у него дома! Он мог вернуться днем домой, открыть их, увидеть, что там лежит, и подумать: а почему бы мне не нагреть на этом руки?

— Ну, не совсем так... но похоже. Они стали ругаться: какие, типа, мы идиоты, и позвонили тебе. Но никто не отвечал. Они «пробили» номер твоей мобилки и рабочий телефон. Между прочим, идиотами они себя называли правильно. Они потратили уйму времени, «пробивая» твои номера, а потом оказалось, что все они записаны в телефоне Шматько. «Кольванов дом.», «Кольванов моб.», «Кольванов раб.»...

— Почти как стихи, — пробормотал я. — «Я царь, я раб, я червь, я Бог...»

— Какие стихи? — не поняла Безносова.

— Да так, никакие... Скажи, а этим мыслителям не приходило в голову, что чемоданы могли оказаться в руках ментов?

— Приходило, но кто-то сказал: не для того застрелили Гарькавого, чтобы оставлять чемоданы ментам. А позже они через своих людей в милиции выяснили, что никаких вещей на месте убийства не обнаружено.

— И они поверили? А если ментов настолько заинтересовало содержимое чемоданов, что они решили не вносить их в протокол?

Она развела руками:

— Этого я не знаю. Наверное, они платят людям в ментовке не для того, чтобы те говорили только то, что написано в протоколе.

— Ну, это смотря сколько им платят и каково было содержимое чемоданов. Может быть, оно окупало любой риск. Кстати, маленький вопрос — так, между прочим: а что было в чемоданах?

Безносова искоса глянула на меня, как бы спрашивая себя: «Прикидывается?», потом помотала головой:

— Если ты этого не знаешь, я тем более не могу сказать.

— Ну а если я знаю — можешь?

— Отцепись.

— Скажи лучше мне, а то другие, которым ты это скажешь, снова начнут тебя убивать.

Она покривилась, как от зубной боли, стиснула руки.

— Ты ничем не лучше других, и никто еще не доказал, что чемоданы не у тебя. Вот ты говоришь, что уже много людей из-за них убили. А ты почему жив? Ведь на тебя вышли почти сразу.

— Между прочим, первыми на меня вышли грузины и Шпигун, которых ты якобы не знаешь. Нестыковочка получается...

— Ни с какими грузинами я дела не имела, — решительно заявила Безносова. — Я знаю только Ги... Ой! — она закрыла ладошкой рот.

— Ну, правильно, правильно: Гиви Немсадзе, — продолжил за нее я, смеясь. — Хватит играть в таинственность, «Донецкий люкс» — это уже секрет полишинеля.

— Секрет кого? — сдвинула брови Юлия.

— Никого. То, что знают двое, знает свинья.

— Какая Свинья? — по-прежнему не понимала Безносова. — Это кликуха, что ли?

— Да, видимо, ваше поколение действительно выбрало «пепси»...

Что такое «пепси», она меня не спросила, но, кажется, обиделась.

— Ну, хорошо, грузин, кроме Немсадзе, ты не знаешь, а как же быть со Шпигуном?

— Слушай, не морочь мне голову: не знаю я никакого Шпигуна, никакого Полу-Шанеля, никакой Свиньи!.. Я вообще почти никого в Москве по фамилиям не знаю.

И впрямь, подумал я, откуда ей знать фамилии? Девушкам ее типа по фамилиям не представляются.

— Ну, а по именам, отчествам, кличкам? Шпигун, например, Виталий Адамович. Клички не знаю.

— Тю! — воскликнула она, как истая уроженка Хохляндии. — Так бы и сказал — Виталий Адамович! Такой был со мной в номере! Импотент!

— Ну вот! Кое-что мы и выяснили. Значит, ваши и «Донецкого люкса» клиенты — Шпигун и его люди. Что ж, уже вырисовывается какая-то картина. Значит, вы, люди, работающие на клан Тимошенко, везете с Украины некие чемоданы...

— Почему с Украины? Ничего мы с Украины не везли, кроме своих вещей. Чемоданы Коля и Олег взяли в камере хранения на Курском вокзале.

Я почесал репу. Нет, если в этом деле и вырисовывается какая-то картина, то я по-прежнему не разбираю, что на ней изображено.

— Хорошо — взяли на Курском вокзале... Чемоданы с неизвестным (по крайней мере, мне) содержимым вы должны продать группировке Виталия Шпигуна при посредничестве московской банды «Донецкий люкс», видимо, как-то связанной с «днепропетровскими». Они же за долю от сделки осуществляют ваше прикрытие. Но Гарькавый и Шматько не очень доверяют «донецким» и скрывают от них, где находятся чемоданы. А находятся они у ничего не подозревающего московского литератора Василия Кольванова, институтского приятеля Шматько. В день сделки Гарькавый отправляется к Кольванову за чемоданами один. На чем он, кстати, отправился? На метро, что ли?

— На такси.

— Он всегда ездил по Москве на такси?

— Да. Подельникам он не доверял и в их машины не садился.

— Стало быть, он и из Битцы поехал к моему дому на такси?

— Откуда я знаю? — раздраженно пожала плечами Юлия. — Меня там не было. Да и какое это имеет значение?

— Большое, девочка! Потому что обычный, законопослушный таксист, увидев, как убивают его пассажира, обязательно сообщил бы о этом в милицию. Ведь в ином случае его могли бы счесть сообщником. А милиции на сегодняшний день ни о каком таксисте, привезшем Гарькавого, ничего не известно. Меня там допрашивали, я знаю. Значит, это был не обычный и вовсе не законопослушный таксист. Это был бандит, следивший за Гарькавым, возможно от самой гостиницы, и быстренько подсуетившийся подать ему машину с шашечками, когда тот поднял руку. Я говорю «от гостиницы», потому что эта третья сила, охотившаяся за чемоданами, не знала, где вы переночевали и оставили чемоданы, иначе бы они пришли ко мне после моего ухода на работу и просто забрали бы чемоданы. Логично?

Безносова криво улыбнулась.

— Тебе бы детективы писать!

Ну вот, дождался я от этой сумрачной днепропетровской красавицы гетеры и комплимента.

— Что ж тут удивительного — я же писатель. Итак, мнимый таксист привозит Гарькавого к моему дому, тот уходит за чемоданами, возвращается с ними, «таксист» стреляет в него, забирает чемоданы и уезжает. Или это делают те, кого он навел. Допустим, за «такси» следовала еще одна машина. Скорей всего, так и было. «Таксист» высадил пассажира, проследил, куда он зашел, сделал знак своим и уехал. Теперь спросим себя, пани Безносова: а откуда эта третья сила узнала, что Гарькавого надо «пасти» возле Битцевского парка? Вариант первый: третьей силе об этом сказали либо Шматько, либо ты. Так, собственно, поначалу решили и Шпигун, и «донецкие», о чем ты хорошо знаешь. Вариант второй: киллер был из числа «донецких». Вариант третий: киллер был от Шпигуна. Ну, в последних двух случаях ни о какой третьей силе и речи быть не может. Но Шпигуна из этих версий можно исключить. Он охотится за чемоданами, бьется с грузинами, теряет людей. Сейчас ударился в бег. Что делают «донецкие», я не знаю. Это они послали тебя сюда?

— Как тебе сказать? После того как они узнали о тебе и решили пока меня не трогать, они действуют совместно. Меня постоянно «пасут» один наш хлопец и один — от клиента. Они и привезли меня сюда.

— На черной «тойоте», — кивнул я.

— И это ты знаешь? — неприятно удивилась Безносова. — Ты что — в окно глядел, когда я подъехала?

— Это не я глядел, а ФСБ. Знаешь такую? Там, внизу, стоит «жигуль», люди в котором и тебя уже зафиксировали, и вашу «тойоту».

Безносова вскочила, но у нее подвернулся каблук, и она рухнула обратно в кресло.

— Так ты «мусор», что ли?! — завопила она, вцепившись коготками в подлокотники.

— Ты меня уже спрашивала об этом. Я не «мусор» и не эфэсбэшник, но для тебя это уже не имеет никакого значения. Ты уже не уйдешь от чекистов. Главное для тебя сейчас то, что я им скажу о тебе. Пока они не знают, что ты за птица. Хочешь, чтобы они сами с тобой разбирались — иди, пожалуйста, тебя там внизу встретят. Хочешь, чтобы я тебе помог, изборозил из тебя жертву обстоятельств — выкла-

дывай всё начистоту. И о содержимом чемоданов, и о третьей силе, и о грузинах. Почему они появились одновременно с людьми Шпигуна? Они и есть третья сила?

Юлия с ненавистью смотрела на меня. Я встал, расправил затекшие члены, закурил.

— Слушай, я ведь не звал тебя сюда, правда, не расставлял на тебя силки? Ты сама пришла. Точнее, тебя привезли. Я тоже мог бы пенять на то, что вы со Шматько и Гарькавым ворвались без спросу в мою жизнь и всю ее испоганили, да что толку? Ты что, думаешь, в ФСБ тебе будет хуже, чем в Битцевском лесу, где ты стояла на коленях с ножом у горла? Или тебе будет лучше, когда ты вернешься в Днепропетровск? Там тебя тоже начнут пытать и «на хор ставить». Всё, девочка, безопасная жизнь для тебя заказана! Ты свидетель, которого необходимо устранить независимо от того, чем окончится история с чемоданами. Поэтому, если трезво поглядеть, ФСБ для тебя — не худший выход. Если «контора» возьмет тебя под защиту, у тебя появляется надежда выжить, хотя я не знаю, сможешь ли ты теперь вернуться на Украину.

— Я ненавижу Украину, — вырвалось у Юлии.

— Тогда зачем тебе служить уродам, которые ее сделали для тебя ненавистной?

— Я всех вас ненавижу, — тихо сказала Безносова. — А в этом деле, чтоб ты знал, может быть и третья сила, и четвертая, и пятая. Тут цепочка, понимаешь? Клиенты не стали бы так нервничать, если бы приобретали товар для себя. Ну, пропали чемоданы, но ведь они за них еще ничего не платили. Но они сами рассчитывали быстро «наварить» на нем бабки. Из того, что «крутые» говорили тогда утром в номере, я поняла, что клиенты брали товар не для себя, его уже ждали другие клиенты. А они должны были еще кому-то перепродать. Тут вся «фишка» в наваре, понял? Вся цепочка рассчитывала на навар, а тут кто-то увел из-под носа чемоданы. И они все думают друг на друга, что кто-то решил толкнуть товар последнему клиенту самостоятельно. Или нашел нового клиента, с большими бабками. Были ли в цепочке грузины, я не знаю, но почему бы им не быть?

— Ладно, теперь давай думать, что нам делать дальше. Там, внизу, дежурят и эфэсбэшники, и ваши. Полагаю, уже подтянулся спецназ. Будет

стрельба. Впрочем, чекисты могут решить просто сесть вам на хвост. Что ты хочешь — сдать или вернуться к бандитам? Я могу позвонить эфэсбэшникам, посоветоваться.

— А можно сначала в туалет сходить?

Я смутился:

— Конечно, можно, о чем разговор. Прошу.

Я проводил ее чуть ли не до дверей туалета, дабы удостовериться, что она не собирается смыться. Потом вернулся в комнату, подошел сбоку к окну, слегка отодвинул в сторону шторы. В ночи бушевала тополиная метель. «Четверка» стояла в неосвещенном месте, я ее не очень хорошо видел, а вот менее профессиональные бандиты поставили свою «тойоту» неподалеку от фонаря. За ветровым стеклом смутно белели неподвижные пятна лиц. Я окинул взглядом двор. Ничто не указывало на присутствие в нем обещанного мной Безносовой спецназа. Впрочем, сказал я себе, он на то и спецназ, чтобы не высовываться. Прислушиваясь, не загремит ли щеколда двери ванной, чтобы не пропустить выход Безносовой, я размышлял, куда бы мне позвонить. Лучше всего было бы мужикам в «четверке», но мы не договаривались о звонках в смысле общения, это был сигнал тревоги. Или они всё-таки догадаются, что мне нужно посоветоваться? А может, следует звонить напрямую Овечкину? Но Овечкин далеко, он может дать неправильный совет. Хотя не исключено, что он приехал.

Зашумела вода в сливном бачке. Я переместился ближе к двери. Загудел водопроводный кран, смолк, потом клацнула задвижка. Безносова вышла из ванной, щелкнула выключателем — раз и другой. Этот второй щелчок пробудил во мне какое-то воспоминание. Что-то было не так. Блин — неужели погасила свет на кухне?! Я выскочил в коридор, врезался в Безносому. Она чуть не упала.

— Ты что? — в страхе закричала она. — Очумел?

Точно — погасила свет на кухне! Женщины, даже лярвы, любят аккуратность!

— Всё, капут, — сказал я, — начинаются «маски-шоу». Ты подала сигнал тревоги. Садись на пол, дура!

Я угадал: за окном сразу несколько голосов дико заорали: «Не двигаться! Бросить оружие!», раздался звон разбитого стекла, грянул салют и в небо полетели трассеры. Я бросил

Безносому на пол — и вовремя. В тот же миг кулонное окно разлетелось вдребезги.

Снаружи бушевал русский бой — бессмысленный и беспощадный. Бабахнуло в подъездную дверь. По лестнице затоптали тяжелые башмаки спецназа.

Часть третья

ИНДУКТИВНЫЙ МЕТОД КОЛЫВАНОВА

«Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг — распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом».

Так Конан Дойл устами Шерлока Холмса объяснял название своего романа «Этюд в багровых тонах».

Обнажить дюйм за дюймом, господин Колыванов!

А что если применить к моему «Этуду в багровых тонах» метод Шерлока Холмса? — размышлял я. Моего метода разгадки тайных знаков бытия мне явно не хватало.

Шерлок Холмс говорил: «По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слышал. Всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену».

А я думаю, всё это полная ерунда. Человек, мыслящий логически, делает вывод о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада с помощью чего угодно, но только не капли воды. Конан Дойл сам убедился в этом, когда была поставлена пьеса по его рассказу о Холмсе «Пестрая лента». Орудием преступления в нем, как хорошо известно, является ядовитая змея. Для большего устрашения зрителей на сцену по шнуру от звонка спускалась настоящая ядовитая змея (видимо, за кулисами присутствовал дрессировщик). И что же написали по этому поводу газеты? «Весь спектакль портит отвратительное чучело змеи!» Пораженный таким эффектом, Дойл подбирал новых и новых живых змей, но никто его трудов не оценил. Какая-то змея, допустим, была страшнее или

больше предыдущей, но слушалась команд дрессировщика хуже и т. п. Тогда Конан Дойл плюнул, и по шнуру стали спускать муляж. Как же отозвались на это газеты? «Прекрасно смотрится на сцене живая змея»!

Таким образом, Конан Дойл столкнулся с сопротивлением собственного литературного метода. Ведь несчастная Джулия Стонер, укушенная ядовитой змеей, тоже не поняла, что это змея, и вскричала: «Пестрая лента!» Таковы «правила игры» в этом рассказе, который и называется «Пестрая лента», а не, скажем, «Дрессированная змея». А Дойл захотел, чтобы сценическая Джулия тоже играла по этим правилам, а зрители воспринимали действие по-другому! Но они отреагировали точно так же, как и Джулия Стонер. И это, в общем, правильно. Рецензенты оценили приемы Дойла (и с живой змеей, и с муляжом) по закону, «им самим над собою признанному».

Получается, что «изучение жизни» по Дойлу — это совсем не то, что «изучение жизни» по Холмсу. Холмс считает: «Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг — распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом». Дойл-романист, напротив, вплетает дюйм за дюймом багровую нить в «бесцветную пряжу жизни». А Холмс затем ее энергично расплетает. Писатель идет от общего к частному, а герой от частного к общему. Метод Холмса, в сущности, не дедукция, а индукция. Дедуктивным методом оперирует Конан Дойл.

А может быть, мне ближе метод Огюста Дюпена у Эдгара По — накопления информации на основе чужих ошибок? И не эффективней ли он метода Дойла-Холмса, с его сугубо литературным сочетанием индукции и дедукции?

Приемы Дойла, назовем их действием, призваны вызывать противодействие в виде приемов Холмса. Багровая нить то вплетается в «бесцветную пряжу жизни», то выплетается из нее. Статья, которую написал Холмс, называется «Книга жизни», но эту книгу на самом деле читает не Холмс, а Дюпен, причем читает между строк, потому что, по мнению По, никакой правды «книга жизни» отобразить не в состоянии. До правды можно докопаться лишь путем анализа неправды. В рамках этого представле-

ния о мире способности Холмса практически бесполезны. Мир в рассказах По (и не только в детективных) — не таков, каким он нам кажется, и познаваем частично, да и то лишь гением Дюпеном, а Холмс, невзирая на все свои способности, не может исходить из принципиальной непознаваемости мира. Он убежден, что всякая жизнь — это огромная цепь причин и следствий и природу ее мы можем познать по одному звену. А по Дюпену, видимая жизнь — это огромная цепь неверных причин и следствий. Как же ее можно познать по одному звену? Нет, напротив, следует отбрасывать звено за звеном, чтобы подобраться к истине. Причем эта истина вовсе не является универсальной.

Всё тайное, по Конан Дойлу, обязательно станет явным. Не удастся избежать возмездия ни мормонам из «Этюда в багровых тонах», ни масонам из «Долины страха». Тайна беззакония никогда не станет законом жизни. Мир основан на принципах гармонии, и хаос одолеет его. Аполлоническое, то есть разумное, справедливое, начало жизни, носителями которого у Дойла являются Шерлок Холмс и Джон Ватсон, всегда будет побеждать дионисийское — темное, преступное.

Возьмем «Собаку Баскервилей». Несмотря на то что происходящему в романе Шерлок Холмс находит, в конце концов, рациональное объяснение, перед нами, безусловно, мистическое произведение. Камертоном в этом смысле является манускрипт с преданием о развратном Хьюго Баскервиле и страшной собаке, прочитанный Холмсу и Ватсону доктором Мортимером. «...Заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно». Холмс так реагирует на чтение манускрипта: «Интересно для любителей сказок». Но ведь в «Собаке Баскервилей» всё происходит, как в манускрипте — и по идее, и по сюжету! В первой половине романа вроде бы разоблачается идея о родовом проклятии Баскервилей, однако во второй — удивительным образом подтверждается. То, что в романе не появляется настоящая собака-призрак, самого проклятия-то не снимает... Натуралист Стэплтон тоже оказывается Баскервилем, да еще как две капли воды похожим на злосчастного Хьюго Баскервиля, и погибает

ет, в общем-то, из-за своей затеи воссоздать «собаку-призрак», — именно в тот час, «когда силы зла властвуют безраздельно»...

Холмс не смог методом познания изучить мир непознаваемый, зато сумел с его помощью раскрыть преступление. В замечательной сцене, когда Холмс закрывает согнутой рукой шляпу и локоны на старинном портрете Хьюго Баскервиля-старшего и с полотна на Ватсона взглянуло вдруг лицо Стэплтона, этот рациональный до мозга костей сыщик-интеллектуал, которого сам Конан Дойл называл «счетной машиной», говорит: «Да, любопытный пример возврата к прошлому и в физическом, и в духовном отношении. Вот так начнешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, уверуешь в переселение душ».

Для Дойла всё это закончилось увлечением спиритизмом, для Холмса — наркоманией.

Что же будет со мной?

Что будет — не знаю, а в том, что стало, стыдно признаться.

* * *

Я нахожусь вовсе не в тюремной камере, что было бы, в общем, справедливо. Я сижу как ни в чем не бывало в своем странном кабинете в «Новой России». У меня теперь есть помощница — Юлия Безносова. Она, сдвинув брови, тычет на маникюрным пальчиком в клавиатуру компьютера — осваивает технику, которую, конечно, предоставила не «Новая Россия», а Лубянка. Электричество, с помощью которого работает компьютер, починили, точнее, провели заново, полностью заменив проводку, тоже специалисты ФСБ. Другие специалисты в штатском, до зубов вооруженные, охраняют нас. Они везде — за дверью, на лестничных площадках, у парадного и черного входов. Есть «топтуны» и на улице.

В дело включилось государство — со словней грацией, ему присущей. Людей и средств теперь не жалеют. Операция «на контроле» в Кремле.

Да вот беда — ничего, по сути, с места не сдвинулось. Охранников Безносовой из «тойоты», которые не захотели сдаваться, бравый спецназ убил при штурме. В съемной квартире,

где держали в плену Безносову, никого не оказалось, что и следовало ожидать. Шпигун, Немсадзе и Лепсай растворились в московских, а может быть, и немосковских просторах. «Зачистки» грузинских «авторитетов» ничего не дали в смысле чемоданов. Не удалось даже обнаружить ниточки, ведущей к ним. Более того, по-прежнему не было известно, что в них находилось — по крайней мере, мне. Безносову, конечно, интенсивно допрашивали, но что она говорила, я не знал, а чекисты меня насчет этого не просвещали. Подключать к делу Службу безопасности Украины Лубянка не решилась, учитывая возможную связь Тимошенко и директора СБУ Турчинова с Гарькавым.

Полный ноль! Правда, эфэбэшники, на мою голову, сообразили дать дезинформацию в электронных СМИ и прессе о перестрелке возле моего дома. Дескать, произошла очередная бандитская разборка. А поскольку в последние дни и часы только о них и говорили, то журналоги легко поверили. Это обстоятельство позволило не выводить меня из игры, а использовать и дальше в качестве живца — точнее, объекта для уничтожения или похищения.

Но, с другой стороны, я стал, по сути, одним из самых крутых «беспредельщиков» в Москве. Судите сами: всех, кто посмел даже приблизиться ко мне с дурными намерениями, беспощадно уничтожали. Имя Колыванов, без сомнения, наводило ужас на шпигунов и лепсаев. Не скрою, в какой-то степени мне это льстило. Хоть таким образом останусь в истории! Меня теперь надо было брать крупными силами, и Петровский переулок, где под «крышей» «Новой России» находилась штаб-квартира Аль-Капоне XXI века, превратился в гигантскую мышеловку. Такая же была и у моего дома. Страшное дело! Я передвигался по городу в «навороченном» кортеже, в окружении людей со специально подобранными бандитскими мордами. Хотя, может быть, в ФСБ теперь именно такие типажи. В советское время всё были какие-то полуинтеллигенты — ну и где теперь Советский Союз?

Другая «светлая идея», пришедшая в голову руководству ФСБ, — «соединить» меня с Безносовой. Эта конфигурация была призвана заставить претендентов на чемоданы и их нынешних

обладателей еще больше подозревать друг друга и, как следствие, открыться, проявить себя. Они должны были думать так: если Безносова с самого начала действовала как мой человек, то в каком качестве действуют остальные? А как они думали на самом деле, бог знает. Может быть, они раскусили игру чекистов и поняли, что мы с Безносовой — их подсадные утки. И поэтому, в отличие от прошлой недели, в Петровском и у моего дома была тишь да гладь.

Хуже всего, что, по этому же плану Лубянки, Безносова жила у меня — в качестве соратницы или любовницы, точно не знаю. Последнее, наверное, могло меня хоть как-то утешить, но ни я, ни Юлия смотреть друг на друга не могли после пережитых злоключений.

В комедии, устроенной в Петровском переулке ФСБ, участвовали, в сущности, не только мы с Безносовой, но и все работники журнала, начиная с Мишарина. Как государственный, автор патриотической пьесы «Равняется четверем Франциям» и романа «Карьера» Мишарин, конечно, не мог не предоставить «крышу» государственному ведомству, отвечавшему за безопасность страны.

Впрочем, журнал теперь делали в другом месте, в соседнем здании на территории Совета Федерации. Мишарин и прочие лишь входили в редакцию, а дальше через черный вход и двор перебирались в любезно предоставленное запасное помещение. Точно таким же образом, только в обратном порядке, они покидали работу. В четырехэтажном особняке постоянно сидели лишь мы с Безносовой да охрана.

Вот так: был я свободным человеком, а стал наживкой на крючке крутых рыбаков. Это как в анекдоте: червяк-мальш спрашивает маму: «А где папа?», а мама важно отвечает: «Папа пошел с большими мужиками рыбу ловить». Нечего делать: если хочешь, чтобы тебя защищала госбезопасность, забудь про независимость. Я-то совсем не хотел, но... Одно хорошо: ФСБ взялась обеспечить безопасность моих родителей, поселила их в своем закрытом доме отдыха.

Не знаю уж, охраняли ли они Викторию, но мне не разрешили с ней встретиться. А мне, не скрою, хотелось бы как-то развеять ее подозрения насчет Безносовой. Всё-таки человек, как-никак, признался мне в любви. Но Овечкин ут-

верждал, что это совершенно необязательно и что с Викторией проведена «разъяснительная беседа». Он думает, что этим меня успокоил! Если он беседовал с бедной Викой в том же стиле, что и некогда со мной, то в ее глазах я стану еще более подозрительным типом, чем показался за две последние встречи.

Вы будете смеяться, но у меня с тех пор, как журнал стал декорацией ФСБ, работы по сравнению с прежними временами только прибавилось. Дело в том, что декорацией «Новая Россия» была для бандитов и вероятных шпионов, охотившихся за чемоданами, но не для авторов и посетителей. Они как приходили, так и приходят. Их встречает на вахте плечистый оперативник, временно сменивший нашего пенсионера, проверяет документы, дотошно выпрашивает, что, как и зачем, а затем, предварительно позвонив, направляет всех ко мне, в том числе и публицистов, которые ранее находились в компетенции другого редактора. Но он теперь якобы в отпуске, и все эти публицисты и эксперты тащатся ко мне в литературный отдел, с удивлением поглядывая на встречающихся как бы случайно в коридорах «новых сотрудников» в странно топорщащихся на груди пиджаках, под коими — бронежилеты. (Между прочим, мои друзья из ФСБ хотели установить на входе рамку металлодетектора, но я сказал, что в таком случае редакцию лучше перенести прямо на Лубянку.)

Я, конечно, рукописей этих публицистов и экспертов не читаю, а передаю с курьером в соседнее здание, но авторы, как правило, хотят объяснить «свою концепцию». И я, косясь со вздохом на свою мнимую помощницу, которой, конечно, нельзя поручить столь деликатное дело ввиду отсутствия терпения и образования, вынужден всех выслушивать, гадая при этом: а не достанет ли вот сейчас мой гость из-под мышки пистолетик? Правда, за нами наблюдает с помощью скрытой камеры эфэсбэшник в соседнем кабинете, но я, если почувствую опасность, всё равно должен громко сказать: «Вы с ума сошли!» (очередной сигнал тревоги!), и в кабинет влетят мускулистые «редакторы», дежурящие за дверью. Ну а дальше, известное дело, «маски-шоу», стрельба, мы с Безносовой превращаемся в окровавленные трупы et cetera.

Но всё это происходит, слава богу, пока в моем воображении, а приходят настоящие авторы, которых вообще летом больше, чем в другие времена года, потому что авторы имеют обыкновение перед отпуском «сбрасывать» рукописи, словно змеи кожу.

Безносова как-то спросила меня, а сколько денег получают за свой труд приходящие ко мне литераторы, и, когда я ответил, она подняла брови и состроила такую гримасу, которую уважающим себя публицистам, а равно прозаикам, поэтам и критикам, лучше не видеть. Хорошо еще, она не спросила, какая у меня самого зарплата, а то бы мой авторитет сильно пошатнулся. Я подозреваю, правда, что он и так невысок, ибо, пользуясь моей бытовухой, с позволения сказать, техникой, Безносова часто бормочет, что у них в Днепропетровске люди живут и то лучше.

Боже мой, я помился «рублевскими историями» Виктории, а вы бы послушали, какие истории про «настоящую жизнь» своих преуспевающих знакомых из Днепропетровска мне рассказывает от нечего делать, когда мы остаемся наедине вечерами, Безносова! Я могу охарактеризовать их лишь фразой из украинской рекламы, услышанной мной когда-то в Крыму: «Нестрымна сила бажань!», что означает: «Неудержимая сила желаний». А каковы эти «бажанья» у хохлов, представить совсем не трудно, если вспомнить, что слово «корысть» на их наречии означает «польза», а слово «непогано» имеет превосходную степень.

Но, слушая Безносову, я помалкиваю, ибо мои язвительные реплики могли быть доступны Виктории, но никак не Юлии. Она бы их просто не поняла. Мужик (он же «чоловик») обязан, по представлениям дам из Хохляндии, быть крутым и весь в «бабле», с золотой цепью толщиной в палец и с золотым же крестом, закрывающим половину волосатой груди. А его «дружина» (это супруга, а отнюдь не войско) либо «жинка» (это не супруга, а просто женщина) должна, как старуха из пушкинской «Сказки о золотой рыбке», иметь парчовую на маковке кичку, новенький «порше-кайенн» и возможность покупать без разбора, охапками, шмотки в бутиках и тут же, в примерочной, оставлять на полу вещи, в коих пришла в магазин, — вплоть до трусов. Короче,

идеалом для Юлии Безносовой были Ксения Собчак и Оксана Робски. Какая пародия на героев Викиных историй, которые, по ее словам, читали Фаулза и Зюскинда! А Безносова не читала даже знаменитого русскоязычного украинского «письменника» Куркова.

Это обстоятельство навело меня на мысль, что есть определенное несоответствие между умственными способностями Безносовой и некоторыми словами, которые она мне сказала перед незабываемым штурмом моей квартиры. Тогда я истолковал их как размышление, теперь же думаю, что она, по принципиальной неспособности размышлять, выказала некую осведомленность, которую по сей день скрывает не только от меня, но, возможно, и от ФСБ. Я осторожно попытался прощупать Безносову в этом направлении, но ничего не добился: она сразу замолкала или переходила на другую тему. Это привело меня к другой мысли: для человека, случайно участвовавшего в этом деле, Юлия слишком скрытна. Но подтврдить свои подозрения я ничем не мог.

Вынужденная жизнь в моей квартире тяготит нас обоих. Даже читать мне приходится на кухне, потому что вечерами Безносова смотрит по «ящику» шоу или сериалы. Сплю я тоже на кухне, как и в тот злосчастный день, когда дома у меня появились незваные гости из Украины. Правда, уже не на матрасике: чекисты доставили мне раскладушку с инвентаризационным номером, намалеванным краской на изнанке изголовья. Но женщина есть женщина. Я предоставил свою единственную комнату практически в полное распоряжение Безносовой, но она хотела бы, чтобы и кухня была в ее полном распоряжении, когда ей надо подкрепиться. Непонятно, смущаю я ее, что ли? И это при том, что ее абсолютно не смущает, когда я вижу ее по утрам полуобнаженной, а вечером в халатикераспашонке, надетом прямо на голое тело. Воистину, интимное общение со средой — это не секс, а прием пищи.

Я удаляюсь в комнату, чтобы она могла спокойно подогревать и поглощать полуфабрикаты, которыми ФСБ постоянно наполняет, как в шоу «Дом-2», которое смотрит Безносова, мой старенький холодильник. Я включаю телевизор, чтобы посмотреть хотя бы новости. Но, если я не

успеваю это сделать до возвращения Безносовой, она начинает ворчать, что находится здесь не по своей воле и имеет такое же право смотреть телевизор, как и я. Если бы я слушал, скажем, радио, она наверняка сказала бы то же самое. Я опять плетусь с книжкой на кухню...

Может быть, для сглаживания острых углов мне надо было вступить в близость с Безносовой? — иногда думаю я и неизменно прихожу к выводу, что от этого мало что изменилось бы, напротив, ее претензии ко мне увеличились бы. Да и как, позвольте спросить, заниматься сексом под скрытыми камерами и микрофонами, установленными в квартире чекистами? Между прочим, недавно, с хрустом потянувшись на диване, Юлия сказала мне: «Может, нам переспать? А то мне уже мужики начали снится». Но предложение имело такую неприкрыто эгоистичную форму, что я вынужден был не очень вежливо ответить: «Попроси себе у ФСБ фаллоимитатор». Она, конечно, обиделась и больше к этой теме не возвращалась. И вот наказание: я, холостой и еще не старый мужчина, живу под одной крышей с невероятно сексапильной женщиной и пробавляюсь с ней мелкими склоками из-за кухни, ванны и телевизора.

Утром, на забаву соседям и особенно бабке Олимпиаде, приезжает чекистский кортеж, мы с Безносовой спускаемся вниз и едем «на работу». Здесь мы должны ждать, что на нас «выйдут», как вышел некогда на меня адвокат Караблут. Но томительно проходит день за днем, и ничего не происходит. Воистину, в одиночку я действовал куда разнообразней, чем Лубянка с ее бюрократическим аппаратом! В Петровском переулке часто появляется наш «куратор» Овечкин. Он уединяется со мной или Безносовой и снимает показания. В последнюю встречу я не выдержал и сказал ему:

— Вам не кажется, что пора разнообразить вашу операцию?

— В каком смысле? — удивился Овечкин.

— В таком, что на меня и Безносову уже не клюют. Во всяком случае, здесь. Эта «точка» явно засвечена. Время уходит, а вы топчетесь на месте.

— Вы так полагаете? — прищурился полковник.

— Тут и полагать нечего. Вспомните, как бешено на меня клевали в первые дни. А теперь?

Они либо поняли, что я подставное лицо, либо вышли на настоящих владельцев чемоданов.

— Кто — они?

— Вам виднее кто. Пришельцы из космоса, например. Если вы не знаете, то откуда я знаю?

— Что вы предлагаете?

— Ну, подкинуть какую-нибудь «дезу» украинцам, грузинам или ЦРУ. Чтобы они зашевелились.

— А почему вы думаете, что они не шевелятся? Наружное наблюдение зафиксировало, что их агенты так и кружат вокруг редакции и вашего дома.

— Отчего же они ничего не предпринимают?

Евгений Семенович хмыкнул.

— Они боятся вас, Колыванов. Все, кто предпринимал резкие действия против вас, стали трупами. По нашим агентурным данным, авторитеты говорят о вас: «Колыванов — это страшный человек». Вот они и страхуются.

Я невесело засмеялся.

— А может, они просто раскусили, что я действую под вашей «крышей»?

— Ну, раскусили... Это ничего не меняет. Всё равно нужны доказательства. Одних подозрений мало.

— Послушайте, ведь время идет! А что, если ваша «непроверенная информация» насчет бактериологического или химического оружия правильна? Вы проспите доставку чемоданов на Кавказ, и погибнут тысячи людей! Разве можно в такой ситуации сидеть и ждать у моря погоды?

Овечкин вздохнул.

— Вы думаете, мы сами этого не знаем? Вы ведь видите только то, что происходит здесь. А это лишь часть операции. Мы ведем активные следственно-розыскные мероприятия в отношении Шпигуна, Немсадзе, Лепсая и других причастных лиц.

— А что с чемоданами?

— Ищем.

— Но сколько я еще буду сидеть здесь под наблюдением и жить с этой Безносовой? — прямо спросил я.

— Сколько надо, — столь же прямо ответил Евгений Семенович.

Я уныло уставился мимо него в угол.

— А что вы хотели, Колыванов? Ваша нынешняя жизнь — результат ваших авантюр

ных, непродуманных, а то и прямо преступных действий. Вы просили о защите? Мы вам ее предоставили.

— Но нельзя ли отселить от меня Безносову? Например, в ту гостиницу, где она оказывала эээ... интимные услуги?

— Считаю это пока нецелесообразным по оперативным соображениям. К тому же вместе нам легче вас охранять. Представляете, если бы нам пришлось использовать такой же штат охраны, какой у вас сейчас, еще и лично для Безносовой?

— Так и сказали бы... — с горечью пробормотал я. — А еще — что вы не доверяете мне и ждете, что я о чем-нибудь проболтаюсь в обществе Безносовой...

— А почему мы должны вам доверять? — осклабился полковник. — Согласитесь, у нас нет на это особых оснований.

— Но я больше не могу так жить!

— Вы думаете, в тюрьме жить лучше?

Я повесил голову. Циничный Бисмарк был прав: проигравшим остаются только глаза, чтобы плакать. Эти парни с Лубянки уже за меня решили, как мне жить. Ну ладно Безносова: ей-то, может быть, выпал в жизни шанс. Сделают из нее агентку — всё лучше, чем проституткой быть. Точнее, лучше, чем быть только проституткой. Ну а я-то, я?! «Страшный человек!» Мне-то каково быть у них на подхвате в сорок лет? Конца этой истории не видно, да и есть ли он у нее, конец? Все эти чемоданы, может быть, лишь видимая часть айсберга, а что под водой?

— Ну-ну, — похлопал меня по плечу Овечкин. — Вы же патриот, Колыванов! Завязалась большая игра. Нам пока неизвестно, насколько сильно в нее втянуты Ющенко и Тимошенко, но мы точно знаем, что Тимошенко не оправдала надежд Ющенко и он готовит ее отставку. Не исключено, что это связано с провалом операции «Чемоданы». Нам такое развитие событий выгодно, мы можем, используя раскол в рядах «оранжевых», протолкнуть во власть на Украине пророссийские силы.

— Не обольщайтесь, — усмехнулся я. — Пророссийские силы на Украине — только в простом народе. А гетманы, старшины, полковники, президенты и прочая знать всегда были поражены вирусом измены.

Овечкин развел руками: поглядим, мол. Поглядите, поглядите. Как пошутил один знаковый издатель, живущий в Киеве: в душе украинца одновременно уживаются партизан и предатель.

Но меня занимала другая мысль, пришедшая в голову, когда я случайно упомянул гостиницу, в которой принимала «гостей» Безносова.

— Послушайте, Евгений Семенович, — сказал я. — Насколько я понял, вы по-прежнему не совсем доверяете мне. А Безносовой доверяете?

— Еще в меньшей степени, чем вам, — безраздумий ответил он.

— Так-так... — проговорил я. — Значит, не очень-то она вам помогла.

Овечкин как-то неопределенно хмыкнул.

— Вот что, Евгений Семенович. Что бы вы там обо мне ни думали, но должны признать, что кое-какие аналитические способности у меня есть. Пусть я напортачил много лишнего, но ведь и помог же вам? Как бы вы без меня узнали про Шпигуна? И про «Донецкий люкс»?

— Я не отрицаю.

— Так дайте же мне возможность самостоятельно поработать — под вашим контролем, разумеется. А то в той роли, которую вы мне отвели, я совсем заки.

— Что вы имеете в виду под словом «поработать»? — насторожился полковник.

— Ну, например, я хотел бы поехать с вашими парнями в гостиницу, про которую упомянул, и поговорить там кое с кем. Ваши люди, кстати, там были?

— Конечно. Они установили, что в этой гостинице Гарькавый и Безносова действительно встречались со Шпигуном и еще двоими неизвестными.

— И всё?

— А что еще надо?

Я хотел съязвить, но удержался.

— Надо выяснить кое-какие детали. Вашему расследованию это в любом случае не повредит.

— Вы, Колыванов, не темните, а выкладывайте начистоту, что там хотите делать.

— То, что я там буду делать, вам расскажут ваши сотрудники. Без их помощи мне не обойтись. Я хочу проверить некоторые свои соображения, о которых не хотел бы распространяться заранее, потому что они могут оказаться вздо-

ром. Но если они им не окажутся, то это сильно продвинет ваши поиски.

— Опять он говорит загадками... — вздохнул Овечкин. — Только в гостиницу — и всё?

— И всё.

— С Безносовой?

Я расхохотался.

— Конечно, нет! Вы что, предполагаете, что я под видом расследования хочу уединиться с девушкой в номерочке, без телекамер?

— Нет, я боюсь другого: что в результате вашей поездки в отеле произойдет очередная бойня. Такая уж у вас репутация.

— Обещаю всё делать в присутствии ваших людей. Только опрос персонала и, может быть, еще кое-кого. Клянусь!

— Вы подозреваете кого-то из персонала? — осведомился полковник, глядя мне прямо в глаза.

— Можно сказать и так.

— Но какое отношение он вообще имеет к этой истории?

— Всё выяснится на месте.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Евгений Семенович. — Не представляю, что там может выясниться, однако чутье у вас действительно есть. Думаю, запрашивать санкцию вышестоящего начальства на такую поездку необязательно. Скажем, вас отвезут в гостиницу в рамках следственных мероприятий. Но по приезде прошу высказать мне все свои соображения, пусть они и не подтвердятся.

— Согласен. Только прикажите своим, чтобы они помогли мне. Показали в нужный момент «корочку» и тому подобное. И сделайте, пожалуйста, так, чтобы за мной не было слежки. Я имею в виду тех, кто, по вашим словам, крутится вокруг редакции.

— Хорошо. Выйдете через Совет Федерации. Там вас будет ждать машина с обычным, не нашим номером. Двух человек вам хватит?

— Но ведь один из них, наверное, будет присматривать за мной?

— Естественно, — хмыкнул Овечкин.

— Тогда давайте трех. Не исключено, за кем-то из свидетелей придется послать машину.

— А вертолет не надо будет послать? Или роту спецназа?

— Вы знаете, не исключено, — без улыбки ответил я.

— Я начинаю жалеть, что в очередной раз связываюсь с вами, Кольванов.

— Виноват, пошутил.

— Ну, так-то.

— А еще мне нужны фотографии Безносовой, Гарькавого, Шматько, Шпигуна, Немсадзе и Лепсяя.

— Это можно. Но фото живых Гарькавого и Шматько у нас нет.

— Ну что ж, — подумав, сказал я, — давайте мертвых.

* * *

Гостиница представляла собой четырехэтажный «новодел», то есть бетонную болванку, обложенную красным кирпичом, которую втиснули между двумя неэстетичными «хрущевками», — вероятно, на месте детской площадки. «Точечная застройка», как говорится. Назывался отель претенциозно «Континенталем», хотя, как я полагаю, к мировой системе «Континенталей» не имел никакого отношения. Уже одного взгляда на пижонский, в стиле «Центра Помпиду», фасад «Континенталей» с неизменным псевдопортиком из стекла и нержавеющей стали, было достаточно, чтобы понять: отель тянул только на «три звезды», а «трехзвездных» «Континенталей», как известно, не бывает.

В сопровождении чекистов я прошел прямо к управляющему. Он, узнав, что отель снова посетила ФСБ, сильно «завибрировал». Был это до блеска выбритый молодой пузатый армянин в белой рубашке и галстук-бабочке. Я его успокоил, заявив, что наша проверка не будет иметь для отеля никаких последствий, но при том условии, что помощь нам окажется действенной. Управляющий прижал руку к сердцу и заявил, что искренне готов к сотрудничеству.

— Вы, конечно, понимаете, — заявил в свою очередь я, — что искреннее сотрудничество предполагает полную откровенность и неразглашение предмета беседы.

— О, конечно, конечно!

Далее я попросил выяснить, кто из персонала, работавшего в день убийства Гарькавого, находится в наличии.

Большинство оказалось на месте.

— И вот теперь, Гурген Саркисович, открытый вопрос. Допустим, я ваш клиент и мне захотелось «отдохнуть», как в таких случаях говорится, с особой противоположного пола. К кому из упомянутых лиц я мог бы по этому поводу обратиться за содействием?

Эфэсбэшники переглянулись, а Гурген Саркисович густо покраснел.

— Правилами это запрещено, — выдал из себя он.

— Но мы сюда, как вы сами понимаете, не с правилами приехали знакомиться, а за вашим содействием. Мы не собираемся искоренять институт интимных услуг в вашем отеле, нам нужна информация.

Управляющий задумался, потерев бабочку, откашлялся.

— В принципе... есть подозрение... ничем, впрочем, не подтвержденное... что этим занимается Юрий Макаров... наш секьюрити... В тот день он работал.

— Давайте сюда этого Макарова.

Гурген Саркисович нажал кнопку «переговорника» и велел вызвать к нему Макарова.

Через минуту-другую вошел рыжий веснучатый дылда, одетый точно так же, как Гурген Саркисович, — черные брюки, белая рубашка, галстук-бабочка. На груди его красовался бейджик, на коем было написано: «Defence². Georg Makaroff». Мы видели этого джентльмена в фойе, когда входили. Это был один из миллионов здоровых молодых людей, которые, вместо того чтобы трудиться на заводах и пашнях, изнывали, раскачиваясь с пятки на носок, у дверей отелей, борделей, офисов и банков.

— Слушай, Макаров, — сказал Гурген Саркисович, избегая взгляда рыжего секьюрити. — Я тебя давно предупреждал. Но ты меня не слушал.

«Джордж» удивленно поднял брови.

— И вот ты дождался. Короче: скажешь этим людям всё, о чем они тебя спросят. За последствия не беспокойся. Они обещали — их не будет.

Макаров исподлобья внимательно оглядел нас и кивнул.

— Вы не могли бы оказать нам любезность и оставить нас с господином Макаровым наедине? — попросил я Гургена Саркисовича.

Тот засопел, вылез из-за стола и покинул кабинет.

— Вот что, Юрий... Георгий... — поправился я, глянув на его бейджик. — Ты секьюрити, и мы «секьюрити». Только мы служим не в отеле и не в борделе, как ты можешь догадаться. Но это не так уж и важно. Важно то, что секьюрити должны помогать друг другу. Всё, что ты скажешь, останется между нами. А о нашем приходе сюда ты можешь сразу забыть в целях собственной же безопасности. Понял?

— Чего ж не понять, — угроמו отозвался mr Makaroff. — Я понятливый, в милиции служил.

— Ну, тем проще. Несколько дней назад в твое дежурство здесь в «люксе» на четвертом этаже остановилась вот эта девушка. — Я показал ему фотографию Безносовой. — Дело было утром. Сначала она сидела в ресторане с четырьмя мужчинами. Вот фото одного, — я показал фотографию мертвого Гарькавого, — а вот другого, — я показал фото Шпигуна. — Помнишь их?

Юрий, нимало не смутясь видом Гарькавого, кивнул.

— Прекрасно. А этих? — я достал фото Немсадзе и Лепсая.

— Этого помню, — Макаров указал на Немсадзе. — А другого нет.

«Эх, Овечкин! — подумал я. — «Что еще надо?» — говоришь. Немсадзе-то твои пинкертоны прошляпили!»

— Девушка, — продолжил я, — сидела в ресторане недолго, поднялась в номер. Через некоторое время за ней последовали трое мужчин. Так или нет?

— Так.

— У мужчин были чемоданы?

— Нет.

— И портье не принимал у них чемоданов?

— Это надо спросить у портье, но лично я чемоданов у них не видел.

— Хорошо. Через некоторое время — допустим, через час-полтора, — в этот номер поднялись еще две девушки. Так?

Глаза у Макарова забегали, но он сказал:

— Так.

— Ты помнишь, что тебе сказал Гурген Саркисович? Вопрос: этих девушек вызвал ты?

— Нет. — Сказано было твердо, хотя в глаза мне по-прежнему «Джордж» не смотрел.

² Защита (англ.)

— Макаров, ты меня разочаровываешь. Мне что — позвать управляющего?

— Я их не вызывал, — упрямо твердил Макаров.

— И вообще этим никогда не занимался? — связвил я.

— Почему никогда не занимался? — неожиданно ответил тот. — Договорились — начистоту и без последствий, так я готов. Занимался, не буду врать. Но девушки, которые пришли тогда в номер, не числятся среди моих... — он замялся и нашел слово, — ... клиенток. Говорю точно.

— А чьими же они были клиентками?

— Работает тут в округе один. Эскорт-услуги... Кстати, знакомый этой вашей девушки. — Он указал на фото Безносовой.

Вот как?!

Овечкин, Овечкин! Что бы ты без меня делал? Я почувствовал вкус удачи. Вот что значит: послужался первого сигнала мозга, поехал в отель!

— Как его зовут? — стараясь, чтобы мой голос звучал небрежно, спросил я.

— Кажется, Саша... Да у меня записано. — Макаров достал мобильник и принялся «листать» телефонный справочник. — Вот — Саша Харлан.

— Дай-ка глянуть. — Я взял у него из рук мобильник. Над номером было написано: «Такси. Саша Харлан».

Такси?! Неужели и здесь — удача?

— А почему такси? — хрипло осведомился я.

— Ну, он под «бомбилу» работает... У него даже магнитный фонарь с «шашечками» есть, — такой, знаете, на крышу ставится, как «маяк». Но на самом деле он почти не «бомбит», а девчонок своих развозит. Фонарь с «шашечками» ему нужен, чтобы, например, парковаться у отелей.

Я переписал в блокнот телефон.

— Что у него за машина?

— Синий «фольксваген». Не «клоп», а такой, знаете, «пассат».

— Номер не помнишь?

— Не помню. Мне это ни к чему. Я эту машину видел только через стекло, когда он здесь парковался.

— А откуда у тебя телефон Харлана? Безносова — девушка из «люкса» — дала?

— Нет, я этого Сашу и раньше знал. У нас даже договоренность была... — Макаров запнулся.

— Ну-ну?! Какая договоренность?

— Ну, допустим... происходит у нас в ресторане корпоратив. Клиенты «дозрели» до девочек, а тех, что у меня на примете, не хватает... Нет, вы поймите меня правильно, я не сутенер, а только беру свой процент. Всем надо жить: и тем, кого потянуло на девочек, и самим девочкам... И мне, естественно, тоже. А правильно это или неправильно, мне по барабану. Если я не буду этим заниматься, найдется кто-нибудь другой. У Саркисовича желающих хоть отбавляй. Он ведь тоже свой процент получает. Так вот: когда девочек не хватает, я звоню Саше, и он привозит. Между прочим, иногда он привозил и эту девушку из «люкса», Безносову. Редко, правда. Она, похоже, бывает в Москве только наездами.

— Ага. А сам Харлан откуда?

— С Украины, из Днепродзержинска вроде...

Я закурил, чтобы перевести дух. Гарькавый и Безносова тоже были из Днепродзержинска.

— Послушай, Юрий, — сказал я, несколько раз жадно затянувшись. — Вот ты — бывший милиционер, и глаз у тебя должен быть наметанный. Харлан — преступник или так просто, лох?

— Преступник, — не задумываясь, ответил Макаров. — У него даже ствол есть, но дело не в этом, он у многих сейчас есть. Саша ведет себя как бывалый.

— А что это значит?

— Ну, он не боится никого. Тут же есть авторитеты, «крышующие» этот бизнес. Они Харлана не трогают. И он с ними вась-вась. Стало быть, он либо с ними в одной упряжке, либо «в законе». Но поскольку Саша действует в одиночку, он, скорее всего, «в законе».

— То есть, ты полагаешь, что он уже сидел?

— Конечно.

Ах, Безносова! Провела всех, а самое главное, Гарькавого, который тоже был не новичок в преступном мире.

— Давай вернемся к тому моменту, когда вызвали Харлана с девочками. Это сделала Безносова?

— Да.

— Но, по имеющимся сведениям, из ее номера в тот день никто не звонил.

— А звонок по внутреннему телефону считается?

— Она позвонила тебе по внутреннему телефону и попросила вызвать Сашу с девочками?

— Нет, по внутреннему я таких разговоров не веду. Мало ли кто услышит. Она позвонила, я поднялся, она вышла ко мне в коридор и попросила, как вы говорите. Я сказал, что нет нужды звать посторонних, есть свои девочки, но она сказала, что клиенты хотят Сашиных, а ты, мол, внакладе не останешься. И я позвонил Харлану.

— Он быстро приехал?

— Да, минут через пятнадцать.

— И всегда так быстро приезжал?

— Ну, вы знаете, я бы не сказал. Ведь девочки могут быть на вызове, а он...

— Хорошо, — перебил я. — Что было дальше?

— А что дальше? Девочки, их было двое, поднялись в номер.

— Харлан поднялся с ними?

— Да.

— Он разговаривал в коридоре с Безносовой?

— Этого я не знаю, я с ними не поднимался.

Но Саше не было минут десять.

— Как долго девушки находились в номере?

— В номере они были недолго, потому что всей компанией спустились в нашу сауну. Там они находились приблизительно часа два. Но точно сказать не могу, не засекал.

— Харлан за ними приезжал?

— Нет. Они ушли своим ходом, довольно поддатые.

— А клиенты?

— Клиенты заказали кофе и через полчаса тоже ушли.

— Во сколько это было, не помнишь?

— Часа в четыре-пять.

— Телефоны девушек, приехавших с Харланом, у тебя есть?

— У меня нет, но можно узнать через наших девочек.

— Узнай, окажи любезность. Только не вздумай звонить Саше и предупреждать его. Боря, — попросил я чекиста, который, кстати, шел за мной в день знакомства с Овечкиным, — проследи.

Они вышли, а я посмотрел на своих эфэбэшников, которые, судя по скучающим мордам, мало что поняли из нашей беседы. Их физиономии несколько оживлялись лишь тогда,

когда речь заходила о девочках. В дверь деликатно постучали, и в кабинет заглянул хозяин, Гурген Саркисович.

— Простите, вы еще не закончили? — откашлявшись, осведомился он.

— Еще несколько минут, и кабинет в вашем распоряжении, — как можно шире улыбнулся ему я. — Но в гостинице мы еще задержимся.

— Нет-нет, я не по этому поводу. Сидите сколько угодно, я же понимаю — служба. Я только хотел сказать, что вы очень нас обяжете, если отобедаете в нашем ресторане. Кухня прекрасная: европейская, кавказская, азиатская — какая угодно. Широчайший выбор напитков.

Я с сочувствием посмотрел на своих спутников. Конечно, они бы не отказались отобедать. Но до обедов ли теперь? Да и сомнительная роль Саркисовича в деле оказания интимных услуг клиентам «Континенталья» не позволяла воспользоваться его хлебосольством. Чекистам, во всяком случае. Я же, лицо безответственное, обязательно бы пообедал. Но только не сегодня.

— Извините, дела, — развел руками я.

Управляющий изобразил гримасу сожаления и скрылся.

— Развел тут притон, толстая морда, — неприязненно сказал чекист по имени Анатолий.

— Еще бабочку нацепил, сука!

Я ждал, что кто-нибудь из них упрекнет меня за отказ от соблазнительного предложения отобедать, но они, надо отдать им должное, молчали.

Вошли Макаров с Борей, секьюрити молча протянул бумажки с телефонами. Девушек звали Лида и Аня.

— Вы нам очень помогли, господин Макаров, — сказал я. — Думаю, излишне напоминать вам о необходимости хранить молчание о нашем разговоре.

Рыжий прохиндей с бабочкой энергично закивал и ретировался. Я сказал Борису:

— Давай снова за ним. Если он попытается кому-нибудь звонить, отбери телефон. А ты, Толя, — попросил я другого чекиста, — выйди, пожалуйста, в коридор и проследи, чтобы никто не торчал с той стороны у двери. Мне надо позвонить Овечкину.

Я коротко пересказал полковнику содержа-

ние разговора с Макаровым. Он был поражен и крайне раздосадован, чувствовалось по голосу, нерасторопностью следователя, проводившего дознание в «Континентале». Я предложил Овечкину вызвать через Макарова Харлана с Аней и Лидой в «Континенталь», якобы для оказания «услуг», и здесь провести операцию по задержанию.

– Только пришлите сначала квалифицированное подкрепление. Харлан, по словам Макарова, вооружен. Наша троица, конечно, с ним справится, но он после этого может оказаться немного неживой, как парни в «тойоте». А Харлан вам нужен живой.

– Ясно, высылаю, – коротко ответил Овечкин.

– Неужели ты думаешь, что мы не сможем взять живьем какого-то гнилого сутенера, даже если он со стволом? – обидчиво спросил Сергей, третий эфэсбэшник, когда я повесил трубку.

– А, профессиональная гордость заговорила! – засмеялся я. – Это хорошо. Что ж, извини, если ненароком обидел. Только ты зря лезешь в бутылку. Это не простой сутенер, раз он смог перехитрить таких авторитетов, как Гарькавый, Шпигун, Немсадзе и Лепсай. Если он что-то почует, а вы не сможете сразу на него надеть наручники, он поведет себя как гангстер из американского боевика. Например, возьмет в заложницы своих потаскух. Или потаскухи просто разбегутся, когда вы будете его брать, а они, между прочим, свидетельницы. А может быть, и сообщницы. Вам нужен этот геморрой? Нет, уж лучше действовать наверняка.

* * *

Увы, наверняка не получилось.

Мобильник Харлана был надежно отключен. Где он мог находиться и где вообще обитает, Макаров, по его словам, не знал. Это же в один голос твердили задержанные Аня и Лида. Харлан якобы не появлялся и не звонил им аккуратно после их визита в «Континенталь», и ни о каких его делах с Безносовой они не знают. Их всех увезли на Лубянку, чтобы там освежить память, и начали трясти гостиничную службу, включая макаровских шлюх, чтобы

получить какие-то наводки на Харлана. Можно было попытаться выяснить всё это прямо у Безносовой, но, поскольку она оказалась такой изворотливой лгуньей, Овечкин решил не спешить, – и правильно. Опыт показал: с Безносовой следует действовать наверняка. Тем более что Овечкин был не совсем уверен в обоснованности моих подозрений.

Мы сидели с ним в мишаринском кабинете на втором этаже. Обескураженный полковник притащил бутылку коньяку, чего с ним раньше никогда не бывало. Этажом выше, прямо над нами, осваивала компьютер коварная Безносова.

– Что навело вас на эти подозрения? – допытывался Овечкин у меня, как доктор Ватсон у Шерлока Холмса.

– Жизнь с Безносовой под одной крышей. Она хитрый и до предела практичный человек, но совершенно не способна к абстрактному мышлению. А между тем во время второй нашей встречи у меня дома, когда я ее спросил: «Грузины – это третья сила?», она сказала, что в этом деле может быть и третья сила, и четвертая, и пятая – целая цепочка. Клиенты, говорила она, не стали бы так нервничать, если бы приобретали товар для себя. Ведь пропали чемоданы, за которые они еще ничего не платили. Но они сами рассчитывали быстро «наварить» на них деньги. Из слов бандитов Безносова якобы поняла, что клиенты брали товар не для себя, его уже ждали другие клиенты. А они должны были еще кому-то перепродать. То есть всё дело в «наваре». На него рассчитывала вся цепочка, а тут кто-то увел из-под носа чемоданы. И они все думают друг на друга, что кто-то решил толкнуть товар последнему клиенту самостоятельно. Или нашел нового клиента, с большими деньгами. Что же касается грузин, то она не знает, были ли они в «цепочке», но почему бы им не быть? Теперь скажите мне: слышали ли вы от нее подобные логичные умозаключения, когда ее допрашивали?

– Нет, – признался Евгений Семенович.

– Вот-вот! Вспомнив эти ее размышления, когда мы прожили с ней вместе несколько дней, я подумал: нет, это были не размышления, потому что она о более простых вещах рассуждала куда примитивней.

— А что же это было? — гнул линию Ватсона Овечкин.

— Она просто выказала свою осведомленность о реальном состоянии дел, вот и всё! Проговорилась! Не исключено, что перед нами — стиль рассуждений господина Харлана. Но это не единственное, что вызвало у меня подозрение. В том разговоре я спросил Безнососу, а откуда убийцы узнали, что Гарькавого надо «пасти» возле Битцевского парка? — и сам же ответил: «Им об этом сказали либо Шматько, либо ты». Но потом я пришел к выводу, что Шматько вообще не нужно было убивать Гарькавого, во всяком случае возле моего дома: имея ключ, он мог поехать ко мне и спокойно забрать чемоданы. К тому же Шматько не признался и под нечеловеческими пытками, что участвовал в похищении чемоданов, а он был вовсе не герой. В каком-то смысле признание было его единственным шансом если не сохранить жизнь, то оттянуть казнь. Значит, в заговоре участвовала Безносова, в чем и уверял бандитов Шматько.

— Что ж, не исключено, — сказал, потирая лоб, полковник. — Однако, по-вашему, выходит, что Харлан отвез Гарькавого из «Континенталья» в Битцевский парк, а потом из Битцы — к вашему дому, где застрелил его и завладел чемоданами. В то же время нам известно, что именно Харлан привез проституток в «Континенталь», когда Гарькавый, по всем раскладам, должен был уже быть в Битце. Что же получается: Харлан высадил Гарькавого в лесопарке, потом, по звонку от Макарова, повез девочек в отель, а потом поехал снова в Битцу за Гарькавым? Как вы себе это представляете? Гарькавый выходит на шоссе в Битце, и перед ним снова тормозит «фольксваген» Харлана? И Гарькавый, с его-то подозрительностью, в него садится?

— Я думал об этом, — кивнул я, наполняя рюмки. — Мне кажется, снять эти вопросы не так уж трудно. Скажите, среди вещей убитого Гарькавого был мобильный телефон?

— Да.

— С российской сим-картой?

— Нет, с роумингом какого-то украинского оператора.

— Хорошо. Вы можете позвонить туда, где хранятся вещдоки, и выяснить, есть в телефон-

ном справочнике Гарькавого слова «таксист», «тачка», «машина», «Саша», «Харлан»?

— Вы думаете?.. — поднял брови полковник. — Попробуем.

Овечкин быстрым точным движением осушил рюмку и позвонил на Лубянку.

Через некоторое время, выслушав ответ, он сообщил с заблестевшими глазами:

— Есть запись «Такси в Москве». Какой телефон? — спросил он уже в трубку. — Записав номер, он протянул его мне. — Действительно, телефон Харлана! — Он потянулся к коньяку, избегая встречаться со мной глазами. На его лице снова проступило выражение доктора Ватсона.

— Неплохо бы получить распечатку всех телефонных адресов Гарькавого, — как можно невинней сказал я, отлично понимая, что сыплю соль на рану.

— Получим, — буркнул Евгений Семенович. — Стало быть, вы полагаете, что Гарькавый всегда пользовался услугами Харлана, приезжая в Москву?

— Всегда не всегда, а пользовался, если записал телефон. Безносова сказала, что в последний приезд он категорически отказывался ездить в машинах московских сообщников и клиентов. Но планы Гарькавого требовали быстрого перемещения по городу. Своего автотранспорта у него здесь не было, а ловить каждый раз такси — потеря времени. И вот, я думаю, Безносова ему предложила: есть, мол, один знакомый хлопец, наш, днепропетровский, зарабатывает извозом, можно заарендовать его машину и вызывать в любое удобное время. Так что, полагаю, Харлан не только возил Гарькавого из «Континенталья» в Битцу и из Битцы к моему дому, но, может быть, накануне привез всю троицу ко мне с Курского вокзала и утром увез от меня Гарькавого и Безнососу в «Континенталь». Хотя это уже непринципиально.

— Тогда непонятно, зачем он рисковал, связавшись с доставкой проституток в «Континенталь». Ведь он мог просто не успеть вернуться по вызову Гарькавого в Битцевский парк, застряв в пробке, да мало ли что еще?

— Вы забываете, что он не только привез проституток, а около десяти минут общался с Безносовой — в коридоре отеля, очевидно. Думаю, Безносовой были известны не все детали плана

передачи товара и получения денег. Утром она сначала сидела в ресторане «Континенталья» вместе со Шпигуном, Немсадзе и с кем-то третьим, а потом Гарькавый сказал: «Иди к себе наверх, солнышко. Нам надо конкретно побазарить», и Безносова была вынуждена уйти. Это, кстати, подтверждает и Макаров. После завершения переговоров Гарькавый уехал в Битцу, а остальные поднялись в номер угоститься Безносовой. Так было нужно прежде всего Гарькавому, чтобы подольше задержать подельников в отеле. Но они оказались, по словам Безносовой, импотентами и, простите, цитирую: «кончили быстро по разу, как кролики». Выпили, еще попробовали — плохо получается. И тут произносится слово «виагра». Безносова утверждает, что мысль о таблетках пришла самим клиентам, а я думаю, что предложение исходило именно от нее. Она, наверное, прикинулась неудовлетворенной, и это уязвило мужское самолюбие наших селадонов. Когда же они приняли препарат и он подействовал, одной Безносовой им, конечно, показалось мало. И тут она предлагает: хотите, через пятнадцать минут здесь будут еще две девочки? Такой вариант, видимо, был у них обговорен с Харланом в случае, если потребуются дополнительная информация для него. Клиенты же, согласившись на «продолжение банкета», неизбежно начинают обсуждать, сколько в их распоряжении остается времени до «стрелки». Именно эта информация и нужна Харлану, чтобы точно знать, как действовать, когда Гарькавый вызвонит — или не вызвонит — его из Битцы. Напрямую звонить сообщнику Безносова не может, она вызывает наверх Макарова и заказывает Харлана с девочками через него. Те, наверное, уже находились в полной готовности.

— Да, они показали, что ждали в кафе неподалеку от «Континенталья», — кивнул Овечкин. — Харлан позвонил им еще утром.

— Вот. Сам Харлан, отвезя Гарькавого в Битцу, крутился, видимо, где-то неподалеку. Он забирает проституток, едет в «Континенталь», поднимается наверх вместе с девочками, а Безносова, выбравшись из-под какого-нибудь пыхтящего Немсадзе, накидывает халатик и выходит к Саше в коридор — якобы оговорить условия. Харлан получает нужную информа-

цию и едет, скорее всего, в место, равно удаленное и от Битцы, и от моего дома, чтобы в том случае, если Гарькавый его вдруг не вызовет, ехать к моему дому самостоятельно и ждать Гарькавого с чемоданами там. Ну, а насколько всё сказанное мной соответствует действительности и где теперь чемоданы, мы можем узнать только от Безносовой. Послушайте, Евгений Семенович. Ведь я, как у вас говорится, оправдал ваше доверие, когда поехал в гостиницу? Давайте я попробую расколоть Безносову — в вашем, конечно, присутствии. Я ее немного изучил: ведь мы с ней, как-никак, почти семья.

Овечкин ухмыльнулся и выпил еще коньяку.

— Не возражаю. Вы правы, необходимо переводить операцию в завершающую фазу. Не исключено, что перед нами — шанс. Пошли. Только прошу без фокусов.

* * *

Мы поднялись в мой кабинет.

Безносова подкрашивалась, изучая в зеркало поры своего лица с усердием энтомолога. На наше появление она никак не отреагировала, хотя, судя по быстрому взгляду, брошенному на нас, ей всё же было интересно, где я пропал столько времени.

— Ну что же, Юлия, — бодро сказал я. — Жаль, конечно, но настала пора нам прощаться.

Она уставилась на меня поверх зеркала.

— В каком смысле?

— Ну, в смысле, что ты теперь будешь жить в тюрьме, а не у меня, и сюда тебя тоже возить не станут.

Пудреница выпала из рук Юлии.

— Почему в тюрьме? — Она так резко повернулась к Овечкину, что бюст ее колыхнулся в противоположную сторону. — Вы же обещали!..

Тот, неплохо играя свою роль, с видом сожаления развел руками.

— Видишь ли, — терпеливо объяснил я, — раньше ты не считалась соучастницей в преднамеренном убийстве, а на остальное Евгений Семенович мог закрыть глаза. А теперь...

В глазах Безносовой плеснулся страх.

Она была моя.

— В каком убийстве? — пролепетала Юлия.

— Ну, в том самом, — сказал я как о чем-то само собой разумеющемся, — которое вы задумали и осуществили с этим... как его... Харламовым. Или нет — Харланом. Правильно?

Безносова разинула рот. Лицо ее побелело, точнее, посинело.

— Тут тяжелая статья, — сокрушенно продолжал я, как бы размышляя. — Харлану светит пожизненное заключение, а тебе — не меньше пятиарика. Сама понимаешь, Евгению Семеновичу стало рискованно держать тебя на особом положении. Тем более что оно не имеет никакого смысла. — Я нажал на слово «никакого».

— Почему не имеет? — мгновенно оживилась она, попавшись на эту удочку. — Ведь я же помогала! И еще помогу! Ведь без меня... как же без меня?

— Дело в том, Юлия, — покачал я головой, — что ты обманывала Евгения Семеновича и в действительности твоей помощи он, мягко говоря, сомневается. Я вот упрашиваю его оставить тебя. Но он отвечает за операцию перед начальством. Сама понимаешь, что...

— Евгений Семенович! — взмолилась Безносова, вскочив на ноги. Казалось, от желания переубедить Овечкина она даже подпрыгивает на месте. — Я не хочу в тюрьму! Простите меня! Я больше не буду вас обманывать! Я буду по-настоящему помогать!

— Юлия, это детский сад, — поморщился я. — Евгению Семеновичу не твои благие намерения нужны, а дела. Ты готова?

— Да, да! — кричала Безносова Овечкину, будто это он разговаривал с ней.

— Ты прямо сейчас готова?

— Да!

Тут, экспромтом (всё-таки мы с ним сработались!), вступил в свою партию Овечкин.

Он тихо спросил:

— Так где же Харлан и чемоданы?

Юлия рухнула обратно на стул.

— Так вы... вы не знаете?! — с ужасом воскликнула она.

— Безносова, — грубо, с интонацией «злого следователя» сказал я, — если бы мы знали, на кой хрен ты бы нам сдалась? С тобой бы разговаривали в другом месте. Торопись, это твой последний шанс. Тебе его больше никто не

предоставит, если мы сами найдем Харлана и чемоданы.

— Откуда же я знаю, где эти чемоданы?! — с отчаянием закричала она.

Я ощутил леденящий холодок подступающего разочарования.

— Как откуда? — спросил я, не глядя в сторону своего Ватсона. — Куда вы должны были их отвезти после убийства Гарькавого?

— Саша не говорил куда! Меня это не касалось!

— Где сейчас может быть Харлан?

— Не знаю! Он снимал квартиру в Текстильщиках, но выехал оттуда накануне сделки.

— Как же вы должны были держать связь?

— По телефону!

— Какому?

Она назвала номер мобильного телефона Харлана, который был уже известен нам.

Круг замкнулся.

* * *

Без особой надежды на успех послали группу захвата на бывшую квартиру Харлана. После этого снова приступили к допросу Безносовой. Она сидела, опустив голову.

— Ну теперь-то ты скажешь, что в этих чемоданах? — спросил я.

— Стоп! — поднял палец вверх Овечкин. — Это она скажет мне одному.

Вот сволочь! Я почувствовал себя уязвленным. Стараешься-стараешься для них, а как доходит до самого интересного, они тебе напоминают, что ты не имеешь допуска к секретности. Хорошо же! Пусть дальше вкалывает один. Я сложил руки на груди и откинулся на спинку стула, возведя глаза к потолку.

Наступила пауза. Овечкин искоса зыркнул на меня, но я не отреагировал. Работай, работай, гад, тебя этому учили! Евгений Семенович пожевал губами, видимо, думая о том, выставить меня из кабинета или нет, но так и не надумал и, откашлявшись, спросил:

— В день преступления Гарькавый перемещался по Москве в машине Харлана?

— Да, — кивнула Безносова.

Что бы ты делал без меня, Овечкин?

— Это ты порекомендовала Гарькавому Харлана в качестве водителя? — продолжал полковник.

— Я.

— Кто такой Харлан?

— Наш, днепропетровский... Мы с ним встречались. Он после армии отсидел за грабеж, а потом всё искал, где зашибить побольше бабла. Уехал в Москву, чтобы создать фирму по оказанию эскорт-услуг.

— То есть бордель для девочек по вызову?

— Ну да... Он этим и в Днепропетровске занимался, но у нас девочка стоит сто гривен, то есть двадцать долларов, а в Москве — в пять раз дороже... Договорились, что я ему буду помогать.

— Каким образом? Ездил по вызову в Москву из Днепропетровска?

— Нет, я ездила редко, потому что уже сошлась с Гарькавым, а он любил меня таскать всюду с собой. Я присматривала для Шуры девушек, которые хотели бы поехать в Москву... давала им его координаты...

— То есть занималась сводничеством. Каким же образом Харлан оказался втянут в историю с чемоданами?

— Ну, он всё спрашивал меня, чем занимается Гарькавый... Вокруг Коли всегда крутились большие бабки. Он был «смотрящим», через него шли «откаты»...

— Так, так, подожди... — замигал Овечкин. — Ты вот что, давай попонятней: над кем он был смотрящим и откуда шли откаты? И, самое главное, кому?

— Я в этом сама не сильно разбираюсь... Ну вот, например, получает какая-нибудь посредническая фирма, с помощью того же Коли, у которого наверху всё было схвачено, квоты на торговлю нефтью... или там газом... оружием... Фирма должна дать откат «шишкам», выделяющим квоты. Передача денег, отмывка, обналачка, если нужно, — задача Коли. С этого он имел свою долю. Занимался он еще политикой, наркотиками... Шура ему завидовал, говорил: вот, мол, мужик при крупных делах, а тут мелочевой приходится заниматься, прошмандовок возить. А однажды спрашивает: ты с кем вообще хочешь по жизни быть — со мной или с Гарькавым? Я говорю: вообще с тобой, но ты же меня не зовешь. А он: «Деньги нужны, здесь тоже на эскорт-услугах много не заработаешь, всем при-

ходится отстегивать, чтобы удержаться на плаву. А без больших денег какая у нас с тобой будет жизнь? Будем вечно дыры латать, без угла своего, без счета в банке, без детей. В жизни надо обязательно хотя бы раз сорвать крупный куш». «Где ж его взять?» — спрашиваю. «Да у Коли твоего, — говорит. — Вот он возит тебя на переговоры, на сходки разные, ты бываешь в курсе сделок...» Я обалдела. «Что ж, по-твоему, Коля дурак?» — говорю. — Когда заключаются сделки, я сижу в гостиничном номере и жду, когда какой-нибудь боров придет меня на четыре точки ставить». Он нахмурился и опять свое: «Всё равно ты, если будешь внимательной, можешь уловить, что к чему. Да и боров, который приходит к тебе, тоже ведь участник сделки. Можно подмахнуть ему так классно, чтобы он потом разговорился. Мне бы, например, хоть раз пересечься с Гарькавым, когда он будет с большими деньгами. Или, на худой конец, с товаром. Товар я тоже найду, куда толкнуть». «Ну, спасибо, — говорю, — теперь я буду работать в постели на Колю и на тебя! А ты у меня спросил: каково мне подмахивать этим боровам? Тем более, что всё это без толку. Если ты уведешь у них деньги или товар, они тебя под землей найдут. И меня тоже». «Не рискнув, не сорвешь никогда куша, — отвечает. — Ты думаешь, те, кто сейчас наверху, не рисковали? Та же Юля в тюрьме сидела. Запомни: никто просто так, за здорово живешь, наверх не выбивается. Вот Ющ Кирзовый: не рисковал, не сидел в тюрьме, — всё для него Юля делала. Но и ему пришлось мордой лица заплатить, чтобы стать первым! Нет, просто так ничего не бывает! Если всю жизнь промышлять по мелочи, то и останешься навсегда мелочью. Вот тебя, например, что ждет дальше? Изотрут тебя до выпадения матки твои борова, и Гарькавый себе найдет другую красотку. Куда ж тебе тогда? В эскорт-услуги? На иглу? На кладбище? Ты думала об этом? Все живут для того, чтобы рано или поздно сорвать куш, и человечество делится на тех, кому это удалось и кому не удалось. Да, нас будут искать и под землей, если нам удастся, а мы будем прятаться. А ты как хотела? В жизни никто никого не пускает за флажки. Тот, кто вырвался из круга, должен долго бежать. А то нагонят и ноги вырвут. Но другого пути нет, понимаешь? Гарькавый — это шанс. Нет смысла рис-

ковать попусту. А тут реальный, конкретный чувак, от которого за версту несет о***енными бабками! Или, может быть, ты его любишь?»

Нет, Колю я не любила. Если бы он не подкладывал меня всё время под других мужиков, я бы, конечно, на что-то надеялась, а так... И я согласилась на предложение Шуры. Правда, возможности выведать, когда Коля получает деньги или товар, долго не было. Зато в один из приездов с Гарькавым в Москву я познакомила Колю с Шурой, порекомендовав его как водилу. В Москве Гарькавый мне больше доверял, потому что своих людей у него здесь было мало. В тот раз он ничего не передавал и не получил, только тёр базары — со Шпигуном, с донецкими, грузинами, еще с какими-то крутыми дядями. Нам с Шурой стало ясно, что наконец-то намечается что-то серьезное, — скорее всего, как я поняла из разговоров, которые слышала, передача товара по цепочке. Причем всю цепочку знал только Коля, а те, с кем он тер базары, друг друга не знали, кроме Шпигуна и донецких. Через месяц Коля говорит, что мы снова едем в Москву, да еще почему-то поездом, в секретной обстановке. Я успела предупредить по телефону Шуру. На Курском вокзале Гарькавый и Шматько взяли из камеры хранения чемоданы.

— Вас встречал на своей машине Харлан?

— Нет, мы сели на обычное такси, пропустив для верности первые две машины. Когда мы приехали на хату к Колыванову, я в туалете послала Шуру «эсэмэску»: «Увага! Чемоданы!» Так и началась охота.

— Стало быть, вы нацелились на товар, а не на деньги? — уточнил Овечкин.

— Шура, когда привез в гостиницу девочек, сказал мне в коридоре, что работать придется по обстоятельствам. У Гарькавого и Шматько при себе были стволы, потому-то, видно, мы не полетели на самолете. Нападать на них обоим было стрёмно, а получится ли так, что кто-нибудь из них останется один с чемоданами или с деньгами, мы не знали. И только на хате у Колыванова, из разговора Коли с Олегом, стало ясно, что с утра они разъедутся: один в «Континенталь», другой — готовить «стрелку». Я снова пошла в туалет и послала Саше еще одну «эсэмэску». Поскольку я тоже ехала в гостиницу, значит, предстояло рабо-

тать под клиентами. Я написала Саше и об этом. Он ответил, чтобы я задержала их как можно дольше, пока он будет возить Колю. В дальнейшем он мне велел звонить или посылать «эсэмэски» только в крайнем случае. Связь — через вызов такси или девочек.

— Но Харлана с проститутками вызвал охранник гостиницы Макаров. Он что — был вашим сообщником?

— Нет, просто у них был один и тот же бизнес. Они сотрудничали, — пояснила Безносова.

— Ну да, — усмехнулся полковник, — вас, дур, под мужиков подкладывали. Но если они были связаны только сутенерским бизнесом, как ты объяснишь, что переговоры проходили именно в той гостинице, которую Макаров с Харланом превратили в бордель?

— Так этот «Континенталь» Шура Коле и рекомендовал, когда тот в прошлый приезд спросил, знает ли он в Москве какой-нибудь тихий отель.

— Как вы с Гарькавым добирались утром до «Континенталья»?

— Коля вызвал Шуру.

— А на чем поехал в Битцу Шматько?

— Этого я не знаю.

— Шматько был знаком с Харланом?

— Нет. Он его увидел первый раз в жизни, когда Шура подъехал к дому Колыванова на своем «фольксвагене».

— Выходит, Шматько не знал, что Гарькавый нанял Харлана для поездок по Москве?

— Откуда ему было знать? В тот раз, когда Коля договорился с Шурой, что тот будет его водилой, Олега в Москве не было. А на хате у Колыванова Гарькавый просто сказал: «Надо вызвать такси» и позвонил по мобилке Шуру. Если бы Шматько знал, что у Коли был в Москве свой водила, он обязательно бы сказал об этом в лесу, когда его пытали.

— Логично. Итак, Харлан в конце концов с твоей помощью выждал момент, когда Гарькавый один вышел с чемоданами из дома Колыванова, застрелил его и завладел товаром. Что он с ним дальше собирался делать?

— Сначала он собирался залечь на дно, а уж потом заниматься товаром.

— Но как?

— Вся «цепочка» в принципе была ему изве-

стна по моим рассказам. Причем он знал куда больше, чем я, потому что пробил по своим каналам всех, с кем Гарькавый встречался в прошлый приезд в Москву. Шура говорил, что те, кому нужен товар, обязательно его купят, не важно у кого. Нужно лишь разработать план, как получить деньги и остаться в живых. Что он придумал, не знаю. Все эти разговоры велись во время нашей прошлой встречи в Москве.

— А не проще Харлану было бы взломать квартиру Кольванова, когда там никого не было, и забрать чемоданы?

— Не знаю, мы об этом не говорили — у нас даже возможности такой не было. Да и не стал бы Шура среди бела дня взламывать хату, он не любил попадаться на мелочах. А вообще, ему больше хотелось перехватить деньги, а не товар.

— Гарькавый приехал в Битцу на машине Харлана, удостоверился у Шматько, что всё подготовлено к «стрелке» и обмену, забрал ключ от квартиры Кольванова, вызвал по мобильному Харлана и поехал за чемоданами. Как ты думаешь, почему потом, после убийства, ни Шматько, ни бандитам не пришлось в голову проверить водителя машины, на которой приехал и уехал Гарькавый?

— Я, конечно, в это время в лесу не была, но уверена, что Коля к самому месту «стрелки» на Шуриной машине не поехал, вышел где-то на шоссе и туда же велел приехать Шуре, когда собрался за чемоданами. Эти люди чужим места «стрелок» не показывают. Мне кажется, никто из бандитов в лесу не знал, на чем приехал и уехал Гарькавый. Во всяком случае, они про это ничего не говорили.

— Похоже на правду, — задумчиво промолвил Евгений Семенович и посмотрел на меня. — Да и довольно большой отрезок времени, проведенный Гарькавым в Битце, говорит о том, что он шел к месту сходимки пешком и таким же образом возвратился на шоссе.

Я кивнул, по-прежнему гордо храня молчание. Овечкин посопел и снова повернулся к Безносовой.

— Ты говорила, что Харлан обдумывал, как вам остаться в живых после похищения денег или товара. Ну и как же предполагал обезопасить лично тебя?

Юлия вздохнула.

— Сутки или двое я должна была перекантоваться у Ани, его девочки, на съемной квартире. Потом он обещал меня забрать. Мне бы сразу уйти из гостиницы... Но он велел дожидаться звонка: мало ли, операция сорвется, а я раньше времени сделаю ноги... Ждала-ждала и уснула. Даже не знаю, как это произошло: я ведь нервничала ужасно... Выпивка, наверное, сказалась, да и с козлами этими старыми возиться устала... А Шура так и не позвонил. Даже не знаю почему. Или он меня кинул, или у него что-то не так. Ну а дальше вы знаете: в отель приехали бандиты и повезли меня в лес.

— Значит, Харлан мог позвонить этой Ане или даже появиться у нее?

— В принципе, мог.

— Что же ты раньше не сказала?!

— Вы не спрашивали, — последовал классический ответ.

Овечкин со злым лицом стал звонить — очевидно, следователям на Лубянку.

— Березкин? Задержанная проститутка, зовут Анна, дала показания? Так. Что говорит? И всё? Харлан после убийства не выходил на нее? Говорит — нет? Потряси ее хорошенько, очень может быть, что она врет.

— Да нет, скорее всего не врет, — сказала Безносова, когда Евгений Семенович повесил трубку. — Если он меня бросил, то и ее бросил. Только я думаю, что-то здесь не так. Слишком много я знаю, чтобы меня просто взять и бросить. Что-то у Шуры не получилось, наверное. Может, и чемоданы-то вовсе не у него.

— Приехали! — опешил Овечкин. — А у кого?

— Да вот хоть у него! — Юлия со злобой указала на меня. — Вы ему верите, а у него возможностей прибрать товар было больше! Между прочим, когда бандиты меня к нему послали, я тоже думала, что это он заныкал чемоданы!

Евгений Семенович прищурился и посмотрел на меня взглядом, который я запомнил еще при первой нашей встрече.

Смотри, смотри, дурилка-Ватсон! Может, что-нибудь и вымотришь!

— Ну что ж, — вздохнул я. — Придется всё начать с начала.

* * *

Мои индуктивно-дедуктивные открытия привели к тому, что в уравнение со многими неизвестными, которым являлось дело с чемоданами, добавилось еще одно — исчезновение Александра Харлана. Конечно, не обнаружили его ни на бывшей квартире, ни на квартире у проститутки Ани. Искали, наверное, его синий «фольксваген-пассат» — но, судя по молчанию Овечкина, безрезультатно. Это и понятно: скорее всего, Харлан сменил номер, а «фольксвагенов» таких в Москве — тьма. Да и кто сказал, что Харлан в Москве?

В моей жизни произошло лишь одно изменение, впрочем, немаловажное: Безносову забрали от меня на квартиру проститутки Ани, где организовали засаду на Харлана. Правда, каждый день ее зачем-то исправно возили ко мне в «Новую Россию» — «на работу». Зачем, я не знаю: в бесплодных хитросплетениях овечкинских замыслов я устал разбираться. Наверное, ночью Безносова служила приманкой для Харлана, а днем — для «кинутых» Харланом «клиентов».

Я ощутил счастье, которое раньше мало ценил, — я жил один! Пусть под наблюдением, пусть под камерами — но один! Без этой красивой стержневой шлюхи, так отравлявшей мое существование. Целый день я проветривал квартиру, чтобы избавиться от запаха ее парфюма, даже насморк заработал. Зато я валялся на диване, безраздельно владел пультом от телевизора, принимал душ когда хотел и перекусывал когда заблагорассудится. Я чувствовал себя так, словно избавился от опостылевшей до тошноты жены. Но удивительное дело: уже на другой день своего пленительного одиночества я стал думать о Виктории. Как там она? Осталось в ней хоть что-то от чувства ко мне, о котором она говорила в свой последний, такой памятный приход? Почему-то мне это было совсем не безразлично.

В конце концов я решился: плюнул на конспирацию и набрал Виккин номер по «эфэсбэшному» мобильнику (пусть слушают!). Она сразу отозвалась, поскольку номер был ей неизвестен:

— Алло.

— Привет, Вика! Это Колыванов. — Эхо повторило мои слова, это означало, как говорят знатоки, что телефон — на «прослушке».

В ответ — молчание.

Я откашлялся и продолжил:

— Решил вот позвонить. Хотел сказать, что та женщина у меня в квартире — просто недоразумение. Ее появление связано с тем делом, о котором я тебе говорил...

— Ах, дело! — нараспев отозвалась наконец Виктория. — Мне кое-что объясняли насчет него твои эээ... товарищи или кто там они тебе. Правда, о женщине они ничего не говорили. Она тоже проходит как свидетель по вашему загадочному делу?

— Конечно!

— И поэтому она ходит без нижнего белья?

— Ну да... то есть нет! — торопливо поправился я. — Она так ходит по своей надобности, к делу это не относится.

— Значит, она к тебе пришла по надобности, а не по делу?

— Нет, она ко мне пришла именно по делу.

— Странно. Зачем же тогда она сняла бюстгальтер?

— Откуда я знаю, зачем вы сейчас снимаете бюстгальтеры, когда идете по делу? — разозлился я.

— Ну, это смотря какое дело. Если оно связано с определенной, как ты говоришь, надобностью...

— Да ничего не связано! Не жонглируй словами! Я ее видел всего лишь второй раз в своей жизни! Она ночевала у меня с Гарькавым и Шматько накануне их смерти.

— Ах, вот оно что! И после этого вы перешли на «ты»?

— Почему после этого? Сразу перешли. Она же не дама с высшим образованием, как ты.

— А кто же она?

— Днепропетровская Кармен, если тебе интересно.

— Конечно, интересно. Девушка — днепропетровская Кармен, а пришла почему-то ночью к тебе.

— Говорю тебе — по делу!

— По какому же, если не секрет?

— Да в том-то и дело, что секрет! Ну, помнишь, я тебе говорил...

В телефоне шелкнуло, и раздалось короткое гудки. Пока я размышлял, что бы это значило — Вика ли в сердцах отключилась или произошел обрыв связи, — запиликал мобильник. Ага, сама звонит, хороший знак! Но меня ждало разочарование. Когда я взглянул на дисплей, то увидел: «Подавление номера». Этой опцией пользовались мои друзья-чекисты. И точно: ответив, я услышал голос Овечкина:

— Василий Петрович, мы так не договаривались! Вы же давали подписку о неразглашении!

— Да разве я что-нибудь разгласил?

— Достаточно того, что вы вообще беседуете на эту тему!

— Ну и что? Моя подруга застает у меня Безносову, причем едва одетую. Должен же я ей что-то объяснить? Вы же, оказывается, не удосужились сказать Виктории, что девушка, которую она видела у меня, тоже свидетель! Или вы полагаете, что, дав вам подписку, я обязан отказаться и от личной жизни? Вот у вас, наверное, семья, дети... А у меня что? Вы? Безносова?

— Да, — помолчав, ответил Евгений Семенович. — Теперь вы член нашей семьи. Попытайтесь смириться с этим и наберитесь терпения.

— Сколько же мне еще ждать? Делу вашему нет конца и края!

— Вашему делу, — поправил меня полковник. — Не забывайте, что вы в нем далеко не постороннее лицо. И я бы даже сказал — не случайное.

— Ну, конечно! У вас так выходит: кто запутался, тот и виноват!

— А кто сказал, что запутавшийся — не виноват?

Действительно, кто?

Я нажал отбой. Пошли вы к черту! Я швырнул в угол дивана эфэсбэшную «Нокию» и набрал Викин номер по домашнему телефону. Она и на этот раз сняла трубку.

— Вика, — сказал я без предисловий, — я попал в трудную ситуацию, это-то тебе объяснили? Я даже не могу прийти к тебе, а ты ко мне. Поверь, мне не до девушек без лифчиков. Мне даже поговорить не с кем. Хоть ты-то не отворачивайся от меня в такой ситуации.

Она молчала, дышала в трубку. Потом тихо спросила:

— Что я могу для тебя сделать?

— Пока, увы, ничего. Просто помни о тех словах, которые ты мне сказала, когда пришла ко мне.

— А они для тебя важны?

— Ничего более важного я сейчас не знаю.

Я не лукавил.

— Хорошо, — просто сказала Виктория. И спросила с прорвавшейся вдруг надеждой: — Но когда-нибудь мы с тобой увидимся?

— Обязательно, — уверенно сказал я. — Обязательно! И знаешь, я тут подумал... Я тоже тебя люблю.

На самом деле ни о чем подобном я раньше не думал, я просто сказал то, что мне только что пришло в голову. И это было правдой. Первый сигнал мозга всегда самый правильный.

Виктория молчала. Я хотел бы видеть сейчас ее лицо.

— Ты веришь мне? — с надеждой спросил я.

— Если ты любишь, то знаешь, — ответила она.

— Я тебе верю и думаю о тебе.

— А если меня посадят в тюрьму?

— Как — в тюрьму?! Нет, не могут тебя посадить в тюрьму! Ведь ты же невиновен! Скажи!

— Конечно, невиновен, — без особой уверенности сказал я. — Ну, если всё-таки посадят — я думаю, всё же ненадолго, — ты будешь меня ждать?

Она не колебалась, верная душа!

— Буду.

— Вот и всё, что я хотел знать. Я обязательно вернусь к тебе, но просто я не могу сказать когда.

— Возвращайся когда-нибудь.

— В последнее время мы нечасто виделись. Когда я вернусь, этого больше не будет. Мы каждую ночь будем вместе и утром просыпаться будем вместе.

— Да, — шепнула она. — Да. Да.

Я повесил трубку. Я должен найти эти долбаные чемоданы! Этого Харлана! Этого Шпигуна! Немсадзе! Лепсяя! Должен найти, чтобы снова обрести ту жизнь, которая мне казалась такой никчемной.

* * *

Назавтра меня вызвал Овечкин. Я спустился в мишаринский кабинет. Полковник уныло сидел за широким редакторским столом.

— Есть новости, — сказал он, вяло пожимая мне руку. — «Фольксваген» Харлана обнаружили на штрафплощадке ГИБДД. Эвакуирован с платной стоянки у Щелковского автовокзала ввиду просрочки платежа. Допрошенный охранник стоянки показал, что хозяин машины вынул из багажника два чемодана и вошел в автовокзал.

— А когда он поставил туда машину?

— В день убийства Гарькавого, — мрачно ответил Овечкин.

— Значит?..

— Значит, сел с чемоданами в автобус и укатил в неизвестном направлении. Может быть, в сторону Кавказа.

— Почему же так поздно обнаружили «фольксваген»? Ведь Центральный автовокзал — это не какие-нибудь задворки!

— Да дело в том, что поиски начались именно тогда, когда машину убрали от автовокзала и перевезли на штрафплощадку. А они там сняли номера...

Я засмеялся, хотя было не до смеха. «Фольксваген» был единственной зацепкой в поисках Харлана. Оставались, конечно, еще чемоданы... Но что мешало Харлану переложить их содержимое в какой-нибудь баул? Овечкин кисло смотрел на меня. Видимо, начальство сказало ему пару неласковых слов. А может быть, речь уже шла о его башке. Он явно нуждался во мне.

Я присел, закурил. Мы молчали.

И тут меня осенило.

— Никуда он не уехал!

— Почему? — оживился Овечкин.

— Потому что не для того он охотился за чемоданами, чтобы смыться с ними с того места, где их можно продать! вспомните, Безносова рассказывала, что он «пробивал» всех клиентов, с которыми Гарькавый вел переговоры, выявлял всю цепочку! Значит, он хотел иметь дело именно с ними. Зачем же ему уезжать из Москвы?

— Тогда почему машина оказалась у автовокзала?

— Это не вопрос, это ответ! Потому что в автовокзале есть камера хранения! У него мозги

работают, у этого Харлана! Он и так рассчитал, что вы, найдя машину, решите, что он махнул с чемоданами за тридевять земель. Давайте, мол, ищите! А сам положил чемоданчики в камеру хранения и спокойно уехал куда-нибудь в Подмоскowie.

— Вы полагаете? — в голосе Евгения Семеновича явно прозвучала надежда.

— Уверен! Встаньте на его место! Вряд ли он сомневался, что Безносова рано или поздно расколется. Точнее, на «поздно» он вовсе не рассчитывал. Он же знал, с кем имеет дело. Стало быть, понимал, что начнется охота за машиной. Таскаться с такими заметными чемоданами по Москве и Подмоскowie тоже опасно. Остается один выход, если у него нет надежного схрона, — положить их в камеру хранения. Кстати, те, от кого Гарькавый со Шматько получили чемоданы, тоже так сделали. Если этот банальный способ хранения используют более серьезные люди, чем Харлан, то почему это не делать и ему?

— А если у него есть надежный схрон?

— В Москве — едва ли. Как я понимаю, надежный схрон тот, где нет поблизости людей. В Москве вы таких мест не найдете. Тем более, что Харлан действует без сообщников. Остается Подмоскowie. Но он, как видите, не поехал на машине в Подмоскowie. А ведь ему удобней было бы ехать с чемоданами на машине, а не светиться с ними в автобусе. А потом еще идти куда-то от автобуса... Нет, Евгений Семенович, если он и уехал автобусом куда-нибудь в область, то без чемоданов! А где могут быть чемоданы? В камере хранения!

— Так-так-так, — Овечкин размышлял. — Что же — провести проверку всех ячеек? Но есть ли смысл? С того дня он уже много раз мог забрать оттуда чемоданы. К тому же закон запрещает вскрытие ячеек до истечения срока хранения. А это обычно от трех до пяти дней. Допустим, мы сумеем получить необходимую санкцию, но вы представляете, что будет, если мы не обнаружим там этих чемоданов? Полетят головы, в том числе и моя.

— Я думаю, речь пойдет именно о вашей, — невинно заметил я.

— И о вашей, Василий Петрович, и о вашей! Вы не сидите в следственном изоляторе ФСБ только потому, что я вас прикрываю!

Зазвонил телефон. Овечкин снял трубку.

— Слушаю. Так. Так. Ага! Что? Вышел?! Куда?
— Полковник неотрывно глядел на меня, как будто со мной разговаривал. — Номер машины на плёнке виден? Немедленно найдите водителя. Уже ищите? Хорошо. Только побыстрее. И пришлите съемку на мой э-мэйл.

Повесив трубку, Овечкин продолжал смотреть на меня — теперь, как мне показалось, с некоторым любопытством.

— Знаете, Кольванов, — наконец сказал он, — вы меня иногда просто гипнотизируете своими речами, и я начинаю вам верить, забывая, что вы сочинитель. Вот мне сейчас сообщили, — он указал на телефон, — что охранник автостоянки, просматривая материалы видеонаблюдения, опознал Харлана. Одна камера была установлена над центральным входом...

— Ну и слава богу. Но разве это противоречит моим словам?

— Вы не дослушали. Одна камера действительно сняла, как Харлан с чемоданами входит в автовокзал. А вот камера над другим входом через семь минут зафиксировала, что он вышел из автовокзала. С теми же чемоданами. И сел в такси.

Я почесал затылок. Мне никак не удавалось выдержать линию Холмса. Стройная цепь моих рассуждений почему-то рвалась на последнем звене. Мой Ватсон насмеялся надо мной, собака. Но он рано смеялся. Что-то здесь было не так.

— Зачем же он ездил на автовокзал? — высказал свое сомнение я. — Хотел продать чемоданы и не встретился с покупателем? Но в этом случае он ждал бы больше семи минут. А я скажу вам зачем. Он хотел, чтобы вы подумали то, что вы и подумали: будто бы он сел на автобус и укатил в неизвестном направлении. Для этого и машину на стоянке оставил. Он всё хорошо просчитал, чтобы навести вас на ложный след. Смешался с толпой на автовокзале, побродил семь минут и вышел через другие двери. Но не учел, что над ними тоже есть камера. Но это, как мы знаем, сплошь и рядом случается и с более матерыми преступниками, чем Харлан. Не привыкли они еще к видеокамерам. Да, Харлан не оставил чемоданы в камере хранения, — если только он вышел с этими же чемоданами, а не с чемоданами, полными денег...

— Вы что же, полагаете, они товар на деньги по весу меняли? Два чемодана на два чемодана?

— Да, это вряд ли, — признал я. — Даже для очень больших денег хватило бы одного. А внутренние камеры наблюдения на вокзале есть? Они могли бы ответить на эти вопросы.

Овечкин пожал плечами.

— Пока мы имеем то, что имеем. Конечно, мои люди просматривают съемку со всех камер.

— Но заметьте, товарищ полковник: Харлан всё-таки из Москвы не уехал! А ведь я, так называемый сочинитель, именно это и утверждал! Первая мысль всегда правильная.

Овечкин снисходительно кивнул.

Снова заверещал телефон. Евгений Семенович покосился на него уже с некоторым испугом, но тут же схватил трубку.

Сообщение, полученное им, видимо, было столь же неожиданно, как и первое, потому что он даже открыл рот.

— Так. Так. А там есть камеры наблюдения? Нет? Распечатайте с видео его фото и покажите всем работавшим в тот день. Проверьте все рейсы. Да. Он может быть еще на борту.

«Улетел на самолете? — мелькнуло у меня в голове. — Опять я попал впросак!»

— Нет, не хочет он оставаться в Москве, — в унисон моим мыслям поддакнул Овечкин, снова поглядывая на меня с иронией. — Допрошенный таксист показал, что высадил Харлана с чемоданами у Северного речного вокзала.

Вот как?

— Непонятно... — пробормотал я. — Был я недавно на этом Речном вокзале. Рейсов теперь мало, одни круизы. Затеряться трудно. Если только сел на подмосковную «комету»... Но они тоже ходят редко, и пассажиров немного. Вообще, вокзал огромный, пустой. Зачем ему «светиться»? Куда проще было бы на автобусе.

Евгений Семенович хмыкнул.

— Этот господин еще ни разу не действовал по принципу «проще».

— Да, — уныло согласился я. — А там есть камера хранения?

Овечкин раздраженно отмахнулся.

— Откуда я знаю? Что вы носитесь с этой камерой хранения?

— Но вы же не можете исключить эту возможность! Я вам напоминаю: чемоданы были полу-

чены Гарькавым и Шматко именно в камере хранения! Что бы вы там ни думали о моих умо-заклечениях, вы просто обязаны установить наблюдение, если камера хранения на Речном вокзале есть! Узнайте!

Полковник вздохнул, взял трубку. Получив информацию, сообщил:

— Да, там есть камера хранения, на нулевом этаже, прямо под рестораном, рядом с игральными автоматами. Наблюдение установим. Но вскрывать пока ничего не будем. Пассажиры — в основном иностранцы. Неприятностей не оберешься. Ну, а теперь посмотрим на нашего героя.

Он повернулся к экрану компьютера. Щелкнул «мышкой» по значку электронной почты, открыл сообщение, вложенный файл. Я привстал, чтобы лучше видеть. На экране появилась смазанная скверным изображением черно-белая толпа. Я увидел сначала даже не Харлана, а два хорошо знакомых мне чемодана. Они мерно покачивались в толпе как бы сами по себе. Затем, когда слитная масса идущих в автовокзал людей приблизилась к камере, я различил высокого худого мужчину, в руках у которого были чемоданы. Овечкин оставил кадр, увеличил «картинку».

Узкое костистое лицо. Тонкие губы. Нос с горбинкой. Оттопыренные уши. На лоб падает черная, стриженная по-боксерски челка. Прищуренные глаза глядят исподлобья. В них ни страха, ни сомнения, ни веры, ни надежды, только решимость. Решимость идти до конца.

* * *

Этот взгляд мне знаком.

Я его часто теперь вижу. В толпе, метро, автобусах, на рынке. Раньше я его почти не встречал. Глаза бывали пустыми, но чаще — мечтательными. В сердцах наших людей находилось место для страха, сомнений, веры и надежды. В них даже оставалось место для любви. Откуда же у людей появились такие глаза? Откуда эта решимость шагнуть в пропасть? И увлечь за собой кого угодно, без счету?

Что произошло за эти годы с нашим народом?

Я не люблю осуждать свой народ. Это, во-пер-

вых, не по-христиански, а во-вторых, лицо любого народа складывается из лучших черт, потому что худшие у всех одинаковы. В Карабахе, например, я слышал, как многие армяне называют азербайджанцев нечистоплотными, а те их — жадными. Даже если оба мнения справедливы, они ничего не скажут нам о том, чем отличаются друг от друга эти народы. Можно ведь быть и жадными, и грязными, не так ли?

Но я все чаще ловлю себя на крамольной мысли, что лучшие черты нашего народа как-то так удалены друг от друга, что надо то ли отойти далеко-далеко от народа, чтобы охватить взглядом всю картину, то ли этот рисунок еще не закончен Богом.

Разговоры о пресловутой «амбивалентности» русского (а равно украинского и белорусского) человека, якобы соединяющего в себе и праведника, и грешника, я считаю пустым вздором. Скромный опыт моей жизни говорит, что подлец это подлец, а праведник это праведник. Полутон, разумеется, может быть немало и у того, и у другого, но видели ли вы в живописи, чтобы полутона были одинаково хороши и в шедевре, и в бездарной мазне? Каковы бы ни были полутона и оттенки, хорошей или плохой картину делает общая композиция. Подлец и праведник одновременно это душевнобольной, не более. Человек не может с одинаковой силой неосознанно стремиться то к добру, то к злу. Это бесцельное существование, а у всякого есть в жизни хоть маленькая, но цель.

В патриотических кругах до сих пор бытует легенда, что в «глубинке», в народных недрах, живут еще воля к сопротивлению, правда и справедливость. Как бы хотелось верить!

Но вот вам народ — Харлан и Безносова. Поколение, так сказать, «беспредельщиков». Мы (я имею в виду — интеллигенция) нужны им? Абсолютно не нужны. Харлан, между прочим, от слова «харло» — хайлó, пасть, зев, горло. «Харлить», по Далю, — «жилить, оттягивать неправдой чужое». Путешествуя в юности по Украине, на Херсонщине я проезжал такое село — Хорлы, где, видать, с незапамятных времен селились эти хлопцы со своими жинками — горластые, хищные, хваткие до всего, что плохо лежит. В других местах они, наверное, не смогли прижиться. Так бы и жить им отдельно, как волкам, наводя страх

на соседей, но тектонические сдвиги в жизни страны побудили их вылезти из вековых углов, двинуться за наживой в крупные города.

И сегодня это наиболее пассионарная, активная часть народа.

Помню, в университете профессора — «левые» и «правые», «космополиты» и «патриоты», — высокопарно, значительно произносили на лекциях слово «народ», вкладывая в него, как я сейчас понимаю, совершенно разный смысл. Одни говорили: «русский», реже «советский», другие почему-то просто — «народ», никогда не конкретизируя какой. Не исключено, что имелись в виду разные народы.

А когда нас, студентов, отправляли вечерами дежурить в народную дружину, я встречался во время наших рейдов с настоящим народом. И стоит перед моими глазами, как будто я его увидел вчера, рабочий в майке и «трениках», партгруппорг цеха... Несколько возбужденный действиями спиртных напитков, он проводил воспитательную работу с супругой, подкрепляя свои доводы, как и положено коммунисту, весомыми пролетарскими аргументами. Сынок пролетария, светленький мальш лет двух-трех, стоял в кровати и ревел, насколько хватало сил: «Не бей мамку! Не бей мамку!» «Замолчи!» — приказал цеховой партийный вождь и грозно пошел на дитя. Но не по годам проворный мальчуган взял и врезал сердитому тятю между глаз железной кружечкой, которую держал в ручонке, да так сильно, что рассек ему лоб. Вы не поверите, но стоило нашему дюжему главарю и агитатору увидеть собственную кровь, как он упал в обморок.

Оказалось, это еще цветочки, «бытовуха»... А теперь люди в глубинке буквально вымирают от пьянства, девчонки вроде Безносовой пошли в проститутки, а харланы убивают людей и сами гибнут от пуль в больших городах. Народ распылен на атомы, а где же те, кто призывал вернуться к нему лицом?

Однажды летним утром я видел, как горничная писательского дома отдыха в Малеевке, ныне несуществующего, взяла косу и стала косить траву на лужайке. Заслышав заветный звон, донесшийся словно из солнечных глубин детства, взволнованные «деревенщики» сбегались к лужайке, стали давать тетке ценные

указания. Потом отобрали у сконфуженной горничной «литовку» и замахали ею, как хоккеисты клюшкой, рискуя порезать себе до кости ноги, срезали несколько былинки, а потом вспомнили, что давно уже пора на завтрак, и дружно ретировались. Горничная подняла «литовку» и сильными круговыми взмахами «вжик вжик!» пошла окашивать газон дальше.

И вот ведь анекдот: именно эти косцы-витии нас учили «проникать в глубины народной жизни»! Они без конца курили народу фимиам, как идолу какому-то, и дождались благодарности: народ, когда они стали, начиная года с 90-го, писать воззвания к нему, удивленно выпучился на них. Какие «идеалы»? Какая «Родина»? Какая «духовность»? Это результат тотальной обработки мозгов телевидением, решили тогда вы. Но люди и до «перестройки» жили почти без идеалов, угрюмой свинцовой жизнью без Бога, оживляемой лишь звоном нелегко достающихся рублей. И если телевидение позвало их в светлую даль западных супермаркетов, что они могли сказать в ответ на пламенные призывы «спасти Родину»? Помню, появилась новая игрушка — кабельное телевидение со срамными программами. Одна знакомая пришла поздно вечером домой и вдруг видит, что ее почтенного возраста мать, женщина во всех отношениях положительная, с увлечением смотрит по «ящику» то скотство, что называется нынче эротикой. «Мам, — засмеялась дочь, — тебе-то зачем это нужно? Шла бы спать». А та вполне серьезно ей отвечает: «Вам хорошо смеяться, вы всё это видели. А нам бы хоть под конец жизни посмотреть».

Вот где ужас-то!

Если бы люди, по всему складу предыдущей жизни не нуждались в том, чем забивает им голову телевидение и радио, они не имели бы над ними столь колоссального влияния. Взять хотя бы рекламу: уж сколько лет приучают к ней людей, а они всё так и не привыкли.

Нельзя славное прошлое народа, его культуру и традиции автоматически переносить на нынешний народ, наделять его чертами, которых он уже лишен, и называть это любовью. В иных случаях это не любовь, а самообман. Надо любить не народ, а людей, когда они в беде и им больно. Абстрактно любить народ не нужно. Это, как писал Достоевский, всё равно что лю-

бить не отдельного человека, а все человечество. Ведь любовь, согласитесь, предполагает некое ответное чувство. Или любите на здоровье (нельзя же, в самом деле, это запретить), но отдавайте себе отчет: это любовь без взаимности. Чтобы не посыпать потом голову пеплом: где же мой народ? В Турцию поехал, за шмотками...

Мы приблизились к той роковой черте, когда можем идентифицировать себя как народ только в прошлом. Так, наверное, римляне под властью гуннов и вестготов смутно помнили о своем величии, но в настоящем у них были только развалины. Конечно, в отличие от Хазарии, кое-что осталось и помимо развалин, но осталось кому? Германские племена многим обязаны римлянам, но вот римляне им не обязаны ничем.

Наивно в наше время уповать на некую коллективную народную мудрость. Признавая априори ее существование, я лично никогда не видел ее в действии. «Соборное сознание»? Но оно теперь чаще всего проявляется в пушкинском «народ безмолвствует». Мы живем в рабстве у бандитов — преступников и политиков.

Авторы «Вех» подошли в свое время к очень важному выводу, правда, либеральное и марксистское прошлое не позволило им высказать его прямо. Нельзя жертвовать ни интеллигенцией ради народа, ни народом ради интеллигенции: есть устройство, в котором и те, и другие смогут, если захотят, осуществить свои чаяния и свести на нет противоречия, национальное государство. Жизнь любой семьи немислима без драм, но сама семья есть ценность большая, чем правда какой-либо из сторон. Семья либо есть, либо ее нет. Государство может быть суровым отцом, но не может быть злодеем отчимом. Это форма народной жизни, которая создается столь же долго и кропотливо, как культура. Народ, существующий вне государства, это литературщина, инфантильное толстовство. Таких народов на земле нет. Люди живут либо в своем государстве, либо в чужом, вот и все.

Когда на крутых выражах истории у нас уходит из-под ног наша земля, мы просыпаемся, обретаем снова человеческое и национальное достоинство. Видимо, нам нужна не великая Россия: нам нужны великие потрясения. В потрясениях мы снова обретаем родину. Правда, лучшие из

нас погибают в священных войнах в первую очередь. Вот им-то и надо проснуться раньше других, чтобы крикнуть нам: «Подъем!» Не то нас разбудят уже трубы Страшного суда.

А может быть, не надо просыпаться, ведь все в истории предопределено Богом? В истории, может быть, и предопределено, а в нашей жизни, как сказал Дмитрий Карамазов, дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей. Пусть наши лучшие черты никак не складываются в цельную картину, но не нужно забывать, что этот рисунок только задуман Богом, а выводит линии наша рука.

Поэтому нельзя жить только по воле обстоятельств. Даже смертью можно управлять.

* * *

Следов Харлана не удалось обнаружить ни на одном из круизных маршрутов, отправленных в день убийства Гарькавого и на следующий день из Северного речного вокзала. Да и маршрутов этих было немного: Питер, Углич, Казань, Астрахань... Не опознали его и среди пассажиров «комет». Никто не видел, как Харлан выходил из Речного вокзала — с чемоданами или без них. Впрочем, не видели и как он входил. Не исключена была возможность, что Харлан направился в грузовой порт и там, «подмазав» капитана, сел на какой-нибудь танкер, баржу или буксир. Но пока следственные действия в этом направлении тоже ничего не дали.

— Вскройте же наконец ячейки камеры хранения! — призвал я Овечкина.

— Вскрыли уже, — отмахнулся он. — И не нашли ничего похожего на чемоданы, описанные вами и Безносовой. Предположение, что он переложил товар в другие чемоданы или сумки, маловероятно. Да и не будем же мы вскрывать всю кладь подряд, не зная, что именно было в чемоданах Гарькавого и Шматько! К тому же дама, которая продает внизу жетоны для камеры хранения и игровых автоматов, не напоминает, чтобы у нее приобретал жетоны человек, похожий на Харлана. А он уже должен был это сделать не менее трех раз, учитывая срок хранения в трое суток. В стационарной камере хранения похожих чемоданов тоже нет. Всё это

говорит о том, что Харлан вообще не пользовался услугами камер хранения.

— Значит, и впрямь уехал... — уныло сказал я.

— Не знаю, уехал ли. Но чемоданы, скорее всего, находятся где-то на территории вокзала.

— Не понял. Почему?

— Потому что Харлана опознала по фотографии официантка вокзального ресторана. Он зашел и заказал двести пятьдесят граммов водки «Немиров». Решил, очевидно, расслабиться после трудного дня... Было это минут через пятнадцать-двадцать после того, как Харлан, по показаниям таксиста, приехал на Речной вокзал. Но в ресторане он появился уже без чемоданов. Значит, они где-то на вокзале, а не, скажем, на территории грузового порта. Он просто не успел бы сходить туда и обратно. Мы уже несколько раз обыскали вокзал снизу доверху, но безрезультатно. Теперь ищем в порту — пытку тянем...

Н-да-а... Я осмысливал сообщенную мне Овечкиным новость.

— Нужно как-то принудить Харлана к активным действиям, — предложил я. — Заставить его беспокоиться за судьбу чемоданов. Всё же вокзал — это вокзал... А что если дать объявление по телевидению, радио и в крупных газетах: «Послезавтра здание Северного речного вокзала закрывается на реконструкцию. Будут работать только билетные кассы на первом этаже»? Если чемоданы спрятаны на вокзале, Харлану не останется ничего другого, как прийти за ними.

— А если — нет?

— Он за ними не придет, вот и всё. И мы будем точно знать, что они в другом месте. А в ином случае мы не будем ничего знать...

— Это я понимаю. Но если Харлан не придет за чемоданами, мы что, должны будем дать новое объявление: «Реконструкция Речного вокзала откладывается»?

— Евгений Семенович, не забивайте себе голову мелочами! Что тут такого? Хотели закрыть, а потом передумали. Первый раз, что ли? Люди привыкли к бардаку. Не так-то уж много пассажиров на Речном вокзале, чтобы о каждом шаге администрации трубить на всю Москву. Для туристов достаточно будет вывески на дверях: «Вокзал работает в прежнем режиме». Вы поймите, с каждым днем угроза, что Харлан заберет

чемоданы, увеличивается. Камеры наблюдения могут и не помочь — не везде же вы их развесили.

— Входы и выходы контролируются.

— Входы и выходы? Главные, что ли? А другие? Служебные, например?

— Там, конечно, нет камер. Но едва ли Харлан настолько знает вокзал, чтобы пользоваться черными ходами.

— Да? Однако он так запрятал на этом вокзале чемоданы, что вы их найти не можете! Потом, если надо, он может уйти не через дверь, а через окно. Там множество низких окон на первом этаже, и все выходят прямо в галерею. Народу мало, он откроет окно потихоньку, выставит чемоданы и вылезет сам. Нет, либо вы берете под контроль все входы, выходы и окна, либо вам следует принять мой план о мнимом закрытии вокзала.

— Надо подумать, — хмурился Овечкин. — И посоветоваться с начальством. Да, кстати: вы просили сделать распечатку телефонных абонентов Гарькавого. Пожалуйста, вот она. К сожалению, кроме Харлана, никого из известных нам фигурантов обнаружить не удалось. Телефоны в основном украинские.

Он протянул мне листок. Я бегло пробежал список и зацепил сразу четыре имени. Похоже, мой Ватсон, как всегда, лоханулся.

— Ну как же: нет фигурантов? А Пастор?

— А кто это — пастор? Священник?

— Ну, вы даете! Стал бы этот бандюга Гарькавый записывать телефоны священников! Простых священников, во всяком случае! Пастор — это руководитель конкурирующей фирмы — Службы безопасности Украины! Турчинов! У него партийная кличка — Пастор! Он сектант баптистского толка! Мы же об этом с вами говорили!

Овечкин пробормотал что-то типа «надо проверить». Он был заметно смущен. Мне же, не скрою, было приятно смотреть на него после недавних осечек моей дедукции, когда я рассчитывал найти Харлана через Безносову и обнаружить чемоданы в камере хранения.

— Пойдем дальше, — безжалостно продолжал я. — Вот телефон, помеченный лишь одной буквой — «Ю». Вам это ни о чем не говорит?

— Юлия Безносова, что ли? — пожав плечами, предположил полковник.

— Разве это мобильный Безносовой? Я и то за-

помнил ее номер. Вот он, в списке, рядом, под именем «Юля».

— Мне слишком много надо запоминать, — огрызнулся Евгений Семенович. — Гораздо больше, чем вам.

— О, несколько не сомневаюсь. Но я не хотел вас обидеть, поверьте, — беззастенчиво лгал я. — Просто я с вашей помощью проверяю свои догадки методом исключения.

— Знаете что! Экспериментируйте на крысах, как говорит наш президент! Что вы всё ходите вокруг да около! Хотите сказать, что это телефон самого Ющенко, что ли?

— Интересное предположение! Но кое-какое обстоятельство мешает мне поверить в него. Я-то полагаю, что это телефон Юлии Тимошенко. Ведь украинская пресса называет ее «Леди Ю».

— Что ж, проверим... Ну а почему всё-таки вы так уверены, что «Ю» — это не Ющенко?

— Потому что в списке есть имя «Кирзовый».

— Имя! — усмехнулся Овечкин. — Кликуха! Подельника какого-то.

— Совершенно с вами согласен. Но я считаю, что этот подельник — именно Ющенко.

— Почему? Разве он ходит в кирзовых сапогах?

— Нет. У него лицо после странной прошлогодней болезни похоже, да простит меня Ющенко, на кирзовый сапог. Грешно, конечно, смеяться над чужими недугами, но мы-то не смеемся, а устанавливаем факт. Тем более, что эту кличку вовсе не я придумал. Помните, Безносова рассказывала нам, как Харлан вовлекал ее в свою авантюру?

— Помню. И что?

— Он сказал ей что-то вроде: «Запомни: никто просто так, за здорово живешь, наверх не выбирается. Вот Ющ Кирзовый: не рисковал, не сидел в тюрьме, — всё для него Юля делала. Но и ему пришлось мордой лица заплатить, чтобы стать первым!»

— Что значит: человек — писатель! — искренне восхитился Евгений Семенович. — Запоминаете все яркие обороты! Мне бы так!

Я был польщен, хотя и думал не без ехидства: «Клички хорошо бы и тебе запоминать по профессиональной надобности! Руководителя украинской спецслужбы-то уж точно!»

— А вот еще, обратите внимание — «Ираклий», — сказал я. — Код мобильного явно не украинский, у них они на ноль начинаются. Думаю, это Ираклий Окруашвили, министр обороны Грузии, хотя в данном случае я не очень уверен.

— Ну что ж, — потер руки Овечкин, — обрабатываем эти телефончики. Хотя я не знаю, что, собственно, нам даст их идентификация.

— Важен уже сам факт, что они обнаружены в телефонной книге провинциального мафиози. Вот возьмёте вы, например, Шпигуна. Давно, кстати, пора. Найдете вы у него номера мобильных телефонов Путина, Фрадкова и Патрушева?

Евгений Семенович ничего не ответил, но как-то так повел бровью, что я понял: подобной возможности совершенно исключить нельзя. Я несколько смутился, но продолжал:

— Тем более что это, я думаю, особые номера — оперативной связи для избранных. Знать их ФСБ в любом случае не помешает.

— Естественно, — кивнул Овечкин, пожимая мне руку. — Лишь бы это были те самые номера.

Я отвел глаза. Именно здесь-то, на последнем этапе, и могла, как это уже бывало, случиться осечка.

Я вернулся в свой кабинет, где Безносова играла в карты на компьютере. После того как я разоблачил ее связь с Харланом, она со мной не разговаривала. Я, в общем-то, этому был рад, потому что от разговоров с ней у меня всегда болела голова. Я раскрыл рукопись, которую мне передали из «Новой России». Каждый абзац приходилось читать по два раза, потому что меня не оставляли мысли о задуманной мной комбинации с объявлением. Хорошо бы построить ее так, чтобы найти не только Харлана и чемоданы, но изловить и тех, кто за этими чемоданами охотится! Ведь рано или поздно, согласно закону, что спрос рождает предложение, появятся новые чемоданы. Стало быть, надо не только завладеть товаром, но и уничтожить спрос. Но как это сделать? Харлана можно спровоцировать объявлением, а чем спровоцировать других охотников за чемоданами? Может быть, моим появлением? Или появлением Безносовой? Посадить за собой на Петровском «хвост» и поехать утром, в последний день перед закрытием, к Речному вокзалу... Мои размышления прервал звонок телефона.

— С вахты беспокоят. К вам Попов Станислав Владимирович. Пропустить?

Станислав! Гость из прежней моей жизни, которая кажется уже такой далекой и даже никогда не существовавшей.

— Конечно, пропустить.

Через несколько минут вошел Попов — как-то боком, озираясь.

— А что это за амбалы у вас в коридорах и на лестнице? Никогда раньше таких не видел.

— Новые сотрудники, — кратко ответил я, пожимая ему руку. — Присаживайся.

— Что — редакторы такие?

— Гм... — поперхнулся я. — В общем, да... редакторы. Но не по моей части.

— Вижу, однако, и у тебя прибавление. — Попов перевел свои выпуклые, припухшие тяжелыми веками глаза на Безнососу и поклонился. — Доброго здоровья. Станислав Попов.

— И вам не болеть, — бойко ответила та. — Юлия Безнососова. — Она построила ему глазки поверх монитора. Ей, наверное, нравились солидные импозантные «папики» вроде Станислава.

Попов приосанился, внушительно разгладил усы.

— Что ж, очень приятно, очень приятно. Будем знакомы. Теперь, Василий, мне придется искать предлоги, чтобы чаще к тебе заходить. Такую сотрудницу заполучил! Класс!

Безнососова сияла, искоса кидая на меня, супостата, мстительные взгляды.

«Возьми ее себе совсем», — так и подмывало меня сказать, но я сдержался. Станислав понял кислую гримасу, мелькнувшую, очевидно, у меня на лице, по-своему и накрыл мою руку своей ладонью.

— Только легкое ухаживание, сэр! Красивых женщин нужно окружать вниманием, тогда они еще больше расцветают.

Безнососова, эта подруга двух гангстеров и соучастница в убийстве одного из них, цвела. Попов же продолжал рассыпаться мелким бесом:

— К тому же, я вижу, красота у вас сочетается с волевым, целеустремленным характером.

— Откуда вы знаете? — игриво спросила Безнососова.

— А вот обратите внимание, как у вас сложены руки: правая лежит на левой. Это значит,

что вы человек, привыкший доминировать.

Я невольно посмотрел на свои руки: левая лежала на правой.

— Я что зашел, Василий, — наконец повернулся ко мне Станислав. — Ты помнишь наш разговор на теплоходе? Вы сговорились с хозяевами, что ты набросаешь вчерне рекламный проспект, программу и доработаешь их во время плавания. Очередной круиз через полторы недели. Ты как, готов?

«Эх, рад бы в рай, да грехи не пускают!» — хотелось воскликнуть мне. Речной вокзал, теплоходы... Знал бы ты, какие тут истории разворачиваются вокруг этого Речного вокзала! Я уже было открыл рот, чтобы промямлить: увы, не могу, непредвиденные обстоятельства, приношу свои извинения и т. д., как меня посетила новая идея.

«А почему бы не поплыть?» — подумал я.

* * *

Юлия Безнососова, толкая плечом тяжелую дверь, вышла из здания Северного речного вокзала. В руках у нее были два хорошо знакомых мне чемодана. Сильно виляя бедрами, она с трудом дотащила их до ступенек лестницы, поставила на землю и замахала рукой таксистам, среди которых все были сплошь чекисты. Подвижные плечи Юлии, сейчас напряженно сгорбленные, выдавали, как ей страшно. И тут вдруг из-за колонн галереи молнией мелькнул кто-то в черном и сильно толкнул Безнососу в спину. Она полетела со ступенек грудью вперед.

— Шура! — закричала распростертая на асфальте Безнососова. Ее колени и ладони были ободраны в кровь.

Человек в черном, не обращая никакого внимания на Юлию, схватил чемоданы и побежал с ними в вокзал. Она вскочила на ноги и устремилась вслед за ним, крича: «Шура! Шура!»

— На пристань рванул! — возбужденно предположил Овечкин.

Мы быстро переместились к другой стороне смотровой площадки. Вход в вокзал и выход на причал находились по разные концы вестибюля, друг против друга. Мы рассматривали вариант, что Харлан побежит к порту. Был даже отдан приказ в этом случае в вестибюле его не трогать.

Овечкин не ошибся: Харлан с чемоданами прыгал по ступеням широкой гранитной лестницы, ведущей на пристань.

Мы нарушили его планы. Вечером по телевидению и радио во всех новостных выпусках передали про закрытие через день здания Северного речного порта на реконструкцию.

Мы все, включая Безносову, уже с вечера были на вокзале. Его запирали на ночь, и поэтому до утра Харлан забрать чемоданы не мог. В этом смысле он ошибся, выбрав для схрона Речной вокзал. Мы рассчитывали, что он подойдет прямо к открытию вокзала, но решили не пускать его внутрь. За ним надо было следить, а переодеть чекисты могли его спугнуть. Не хотелось также, чтобы он устроил в помещении перестрелку. Поэтому у меня возникла идея выпустить Безносову с чемоданами из вокзала еще до того, как Харлан войдет в него. Если бы он увидел знакомые ему чемоданы в руках незнакомого человека, то мог предположить совпадение, а если бы и поверил, то, насколько мы его знали, стал бы действовать осторожно, пошел бы вслед за этим человеком и т. д. Иное дело, если бы он увидел с заветными чемоданами свою бывшую помощницу. Тут он сомневаться бы не стал и отреагировал бы немедленно, не задумываясь о последствиях. Ведь добычу уведут из-под носа! И кто?

Утром в здании вокзала не было никого, кроме нас и спецназа. Как только чекисты открыли двери, из них вышла Безносова с чемоданами, похожими на те, что были у Гарькавого и Шматько. Их подобрали по моим и Безносовой описаниям и набили стекловатой. По нашим предположениям, Харлан должен был приехать заранее и прятаться неподалеку.

Так оно и вышло.

...Он бежал по огромной пустой набережной. Безносовой не было видно: ее, наверное, перехватили в вестибюле чекисты. Отсюда, со смотровой площадки на крыше вокзала, Харлан казался совсем маленьким. Черный человек, снедаемый алчностью. Чемоданы, его несправедная добыча, мотались в разные стороны. Овечкин следил за ним в морской бинокль, другой рукой держа у уха мобильный телефон. Когда Харлан поравнялся с теплоходом «Тарас Шевченко», полковник скомандовал: «Вперед!» Прямо со сходней на спину бег-

лецу прыгнул спецназовец, переодетый матросом. Харлан грохнулся ничком. Чемоданы, подсакивая, полетели дальше, словно продолжая прерванный их носильщиком бег. Со сходней сбегали другие чекисты. На вывернутых за спину руках Харлана защелкнули наручники. С ним всё было кончено.

И тут сзади нас, со стороны парка, грохнул выстрел, другой, третий.

Там всё только начиналось.

Пригнувшись, мы перебежали на другую сторону площадки. Отсюда, с плоской крыши, на которой в сталинские времена размещался замечательный летний ресторан, всё было прекрасно видно. Широкие аллеи парка, еще пять минут назад совершенно пустые, были вкривь и вкось забиты десятками разномастных джипов, преграждавших путь друг другу. Из машин, из кустов выпрыгивали зеленые и черные фигуры с пистолетами, автоматами, помповыми ружьями и палили друг в друга в упор. По всему парку, куда ни глянь, замигали, как огни рекламы, язычки выстрелов. Их эхо в ужасе металось по «зеленой зоне», отражаясь от воды и стен вокзала.

Похоже, на это кровавое рандеву прибыли все «сливки» бандитской Москвы. Чекисты позвонили или послали «эсэмэски» с телефона адвоката Караблута всем фигурантам «чемоданного дела», включая Кирзового, Ю, Пастора и Ираклия (проверка подтвердила — это именно те лица, что я и предполагал). В сообщении говорилось, что беспредельщик Кольванов и его сообщница Безносова планируют передать товар конкурентам в обмен на деньги сегодня в восемь ноль-ноль на площади Северного речного вокзала. О каких именно конкурентах шла речь, естественно, не уточнялось. Все они — киевские, днепропетровские, донецкие, московские, тбилисские — были друг другу конкуренты. Даже если бы они заподозрили провокацию или ловушку, то, по нашим расчетам, всё равно должны были явиться для проверки. Алчность в этих случаях побеждает осторожность. И точно: бандиты начали скапливаться в парке, под прикрытием кустарников и деревьев, за несколько часов до назначенного времени. Их снайперы оборудовали себе позиции. Наши снайперы, в свою очередь, брали их на прицел.

Еще до рассвета парк был очищен милицией от бомжей и случайных лиц. Все частные автомобили со стоянки на привокзальной площади, а также из района Ленинградского шоссе и Фестивальной улицы эвакуировали. Прибывающие на место отряды бандитов не вступали друг с другом в перепалки, не вели переговоры, тихо сидели на своих местах, — видно, такеры были полученные инструкции.

Но, когда Безносова с чемоданами появилась на площади и Харлан вдруг из-под носа собравшихся чемоданы увел, они все разом бросились к вокзалу. И, естественно, неминуемо столкнулись.

...Трещала беспорядочная пальба, хрустальными фонтанчиками вдребезги разлетались фары. Немало зеленых и черных фигурок уже лежало на асфальте. Ветерок усеивал их нежными лепестками из развороченных пулями цветников. «Гробов еще нет, а цветы для покойников уже есть», — мелькнула у меня дурацкая мысль. Солнце, встающее в просвете аллеи, играло в алых лужицах крови. Казалось, ничто, даже пальба, кровь и трупы, не могло омрачить картину безоблачного летнего утра. Всё было как-то нереально, не как на самом деле.

Один из джипов всё же вырвался вперед и понесся по центральной аллее к вокзалу. Слева от нас загрохотал, засверкал длинными клинками огня крупнокалиберный пулемет, со смачным лязгом выплевывая здоровенные дымящиеся гильзы. Там, за мешками с песком, была оборудована спецназом огневая точка. Такая же находилась на другом конце крыши.

Джип завалился, пошел юзом, перевернулся, с диким скрежетом проехался на крыше по аллее, врезался в дерево, вспыхнул и с потрясающим душу звуком взорвался, высоко взметнув сноп огня. Мерзко запахло гарью.

Тут же внизу зазвенели разбитые окна, а над нашими головами засвистали пули. С крыши одного из «хаммеров» по зданию работал пулемет. Мы залегли. Хлестко, точно забивая гвозди по шляпку, ударил два раза наш снайпер, лежавший неподалеку. Пулеметчик на крыше «хаммера» подпрыгнул, как тряпичная кукла, и свалился со своим аппаратом вниз.

— О! А вот и наш друг Шпигун! — воскликнул глядящий в бинокль куда-то вверх горящего

джипа Овечкин. — Бежит, собака! Далеко не убежишь!

— Вы бы убрали бинокль, — попросил я, пряча голову за парапет. — А то он бликует против солнца, не ровен час, долбанут прямо по нам.

— Да-да, — снисходительно отозвался этот герой. — Нам вообще пора уходить, здесь становится небезопасно. Остальное доделают без нас.

То и дело приседая, мы устремились к лестнице. На прощанье я окинул взглядом поле боя. Там был крошечный ад, война всех против всех. В дело уже пустили гранаты. Аспидный курчавый дым от горящих автомобилей затянул прекрасный парк с цветниками. Нечто подобное я видел в Петровском переулке, но там сражались единицы бойцов, а здесь — сотни. Часть машин и людей уже удирали. Но это было бесполезно: весь парк уже окружили по периметру вышедшие из укрытий войска и бронетехника. Никто не мог ни зайти за оцепление, ни выйти из него. Как только прозвучал первый выстрел, внутреннее кольцо начало медленно сжиматься. В него, как мы надеялись, угодит вся «цепочка», кроме, конечно, верховных воротил, всегда выходящих сухими из воды. Уцелевшие в бойне за чемоданы должны были либо сложить оружие, либо умереть. Государство снова устанавливало свой закон, гласящий, что выше этого закона нет никого.

Непросто мне было уговорить Овечкина представить руководству мой план: одним ударом убить сразу многих зайцев. Но неведомое мне начальство неожиданно согласилось с моими доводами, что хищные конкуренты, увидев «живьем» Безносову с чемоданами, а может быть, и Харлана, клюнут на приманку. К тому же окружавшая вокзал территория, как никакая другая в Москве, позволяла провести на ней спецоперацию. Парк в 50 гектаров, достаточно открытый, безлюдный утром, за ним — гладь Химкинского водохранилища. Конечно, случайных жертв и здесь нельзя было исключить, но, наверное, на лубяньских генералов тоже давили сверху вопросом: когда?

Мы спустились вниз, зашли в вокзал. Пули повредили кое-где сталинскую лепнину — гербы бывших советских республик. Но она и без того давно уже нуждалась в реставрации.

Под ногами хрустели осколки стекла, спецназовцы в своих космических шлемах сидели на корточках в простенках многочисленных окон. Двое громадных бойцов под руки вели к выходу бледную растрепанную Безносову, третий тащил два чемодана. Очевидно, это были не те, с которыми бежал Харлан, а настоящие, изъятые из тайника. Я проводил их взглядом. Неужели?! Быстро же Харлан раскололся!

Всё происходило как-то деловито, буднично, а между тем для меня эти проклятые чемоданы сделались явлением чуть ли не мистическим! Казалось уже невозможным, что их когда-нибудь обнаружат в подлунном мире, а нет — вот они, скучно, как обычный багаж, покачиваются в руках спецназовца.

Я победил, но полноты своей победы почему-то не ощущал.

Штаб чекистов располагался на «Тарасе Шевченко». Все остальные теплоходы отогнали на другие стоянки. Это тоже была моя идея, невольно подсказанная мне Поповым. Как бы ни развивалась ситуация, мы всегда могли просто уплыть с чемоданами, что мы, собственно, и собирались сделать. У вокзала становилось слишком жарко.

Наверное, так белые отплывали из Севастополя с Графской пристани, думал я, поднимаясь по сходням. Отсюда, снизу, боя уже не было видно. В окнах вокзала плясали багровые отсветы пылавших автомобилей. В небо косо ввинчивались столбы черного дыма. Над шпилем с кремлевской звездой зависли вертолеты. Водная гладь далеко разносила канонаду. В ней уже господствовал долбящий ритм крупнокалиберных пулеметов. Басовито взрыкивали дизельные движки. В дело, наверное, вступили мотострелки. Армия негодяев была обречена. «Сдавайтесь! Бросайте оружие!» — доносилось из динамиков с берега.

По коридорам теплохода деловито сновали спецназовцы, гремя амуницией. Голосами простуженных гномов разговаривали их хриплые рации. Бойцы почтительно пропускали, прижимаясь к стене, озабоченных людей с бумагами в руках, в мешковато сидящих «камуфляжах». Это были, наверное, чиновники с Лубянки, которым всё равно, по каким коридо-

рам с бумагами ходить. Переборки гасили звуки сражения на берегу. Откуда-то доносились запахи еды — значит, будут даже кормить. Пол под ногами дрожал — как и в тот раз, когда я пил пиво на теплоходе. На меня никто не обращал никакого внимания. Овечкин куда-то исчез. Я в нерешительности стоял в маленьком фойе с диванчиками, пока какой-то боец не указал мне в сторону внутреннего трапа: «На верхнюю палубу!»

Я поднялся туда одновременно с гудком. Наверху я увидел Безносову — она стояла, вцепившись в поручни, со злым, несчастным лицом, с ободранными, щедро смазанными йодом коленками. Мне стало ее вдруг жалко: она так бежала за этим своим подлым Шурой, который не задумываясь бросил ее на верную смерть в день убийства Гарькавого. Я встал рядом, не зная, что ей сказать. Безносова покосилась на меня и отвернулась.

Палуба дрогнула, на миг ушла из-под ног. Слово женщина, сбросившая с плеч халат, обнажилась вдруг светло-светлая полоса воды внизу, между бортом и причалом. «Шевченко» плавно отвалил от стенки. Птицы из парка бестолково кружились над нами, крича, — жаловались, наверное, что их прогнали из парка люди, плюющиеся огнем. Но недолго они жаловались: их и отсюда прогнал вертолет, который полетел за нами, пристроившись над кормой. Уменьшающийся на глазах вокзал напоминал теперь причаленный к берегу корабль, что соответствовало замыслу архитекторов. Мы уходили от стреляющего, горящего берега всё дальше. И чем дальше мы уходили, тем легче становилось у меня на душе, словно там остались все болезни, печали, несчастья, а счастье было впереди. Я уплывал, чтобы вернуться в этот мир, где ждали меня те, кого я любил, — отец, мать, Виктория...

По палубе спешил куда-то мимо нас Овечкин. Он вдруг остановился, крепко схватил меня за локоть. В глазах его плескался смех.

— Значит, вы думали, что чемоданы в камере хранения? — спросил он. — Поздравляю: вы не ошиблись!

— Как? — удивился я. — Но вы же сказали, что всё обыскали и ничего не нашли!

— Всё, да не всё! Сыскари брезгливые оказались! — Он погрозил кому-то кулаком. — На

этом вокзале, оказывается, кроме автоматической и общей камеры хранения, была еще одна, частная! Ее держал у себя в подсобке охранник туалета, земляк Харлана. Одновременно это было что-то вроде ломбарда. Несли туда и краденое. Наши, когда по ночам обыскивали вокзал, заглядывали, конечно, и в сортир, но тщательно осматривать его не стали — уж больно он гадкий. А дверка в подсобку — рядом с кабинками, практически такая же. Но закрытая, конечно. Ну, дерни за ручку, проверь! Нет! Сыскари! Я им покажу! А вам, Кольванов, руководством будет объявлена благодарность.

Овечкин побежал дальше. Ну и ну! Я взглянул на Безносову. Ей, судя по всему, было не очень интересно, где находились чемоданы. К тому же лубянское руководство вряд ли собиралось объявить Юлии благодарность. Она раздраженно передергивала плечами: видно, ее угнетал бронезилет, надетый под джинсовый сарафан.

— Ну теперь-то ты можешь сказать, что было в этих чемоданах? — тихо поинтересовался я.

— Я знаю?! — Она посмотрела на меня как на идиота. — Шо я их — открывала?

Я засмеялся. Безносова зло отвернулась.

Мой метод чтения знаков судьбы в превращениях нашей жизни помог мне узнать практически всё в истории с чемоданами, кроме

главного — их содержимого. Но, может, это вовсе и не главное? Тайнопись мироздания, согласно моему методу, открывается нам с помощью повторяющихся знаков и слов.

А ключевое слово в этом деле — смерть.

Чемоданы были наполнены смертью. Те, кто пытался торговать ею, умерли или попали в беду. Но могло ведь быть и наоборот. Торговцы смертью сплошь и рядом живут припеваючи, а лучшие люди из-за них погибают. Это происходит оттого, что мы неправильно читаем Книгу мироздания, буквами которой являются люди. Первыми должны умирать худшие.

Они сеют смерть — пусть ее и пожинают.

Над Москвой-рекой сияло солнце. «Тарас Шевченко» летел по выпуклой, как огромное увеличительное стекло, глади воды. Свежий ветер упруго толкал меня в грудь. Оставшийся далеко за кормой порт салютовал нам беспорядочными залпами и дымом горящих иномарок. Там погибали негодяи. Я был полон жизни и счастлив. И только мысль, что смерть, запертая в двух новеньких пластиковых чемоданах с кодовыми замками, была где-то рядом, в недрах огромного, гудящего, как овод, корабля, мешала мне быть счастливым абсолютно.

□

Андрей Венедиктович ВОРОНЦОВ —

прозаик, публицист.

Родился в 1961 г. Окончил Литературный институт им. Горького.

Публикуется с 1985 г.

Автор известных романов «Огонь в степи» («Шолохов»),

«Тайный коридор», «Необъяснимые правила смерти»,

«Называйте меня пророком» («Будущее не продается»),

историко-публицистических книг

«Почему Россия была и будет православной», «Крещение Руси»,

«Православие и католицизм»,

«Неизвестная история русского народа» (2013).

Лауреат Булгаковской (2004) и Кожинской (2009) премий,

премии журнала «Наши современники» (2000),

награжден юбилейной медалью «К 100-летию М. А. Шолохова» (2005).

В настоящее время — заместитель главного редактора

журнала «Москва».

Секретарь правления Союза писателей России.

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН –
главный редактор журнала «Север».
Автор нескольких поэтических книг
и книги прозы для детей.

Лауреат международных поэтических конкурсов
«Золотое перо» – 2009,
«Звезда полей» – 2010,
«Душа и слово» – 2011.

Секретарь правления Союза писателей России.
Координатор Международной ассоциации писателей
и публицистов по Северо-Западу.

**Елена
ПИЕТИЛЯЙНЕН**
г. Петрозаводск

«Распахнула объятия ель...»

* * *

Берез изысканная вязь
Дрожит на полинявшем небе.
Росу смакует гибкий стебель,
И в нем – земли и неба связь.

Так и во мне – творенье Божьем –
Земная соль и звездный блеск.
А солнышко по светлым пожням
Закатится в угрюмый лес.

И ночь обнимет на рассвете
Розовощекий теплый день.
И будет, как ребенок, ветер
Плескаться радостно в воде!

И не разрушить темным ссорам
Благую вечность бытия.
Пока тот стебелек не сорван –
Еще не сорвана и я.

* * *

Ну что, мой ветер, лес распотрошил?
И на кого, скажи, твоя охота?
А дождь косыми струями зашил
Прореху между небом и болотом.
И там печалью больше не сквозит.
Уймись! Не рви и мой подол натужно,

* * *

Распахнула объятия ель,
Нам с тобой – не разжать объятий.
Молодая танцует метель
Во дворе в подвенечном платье.

Стук столового серебра...
Плачут свечи на тонкую скатерть,
И торопится ветер собрать
В полы розовый снег на закате.

Сладострастно фонарь горел
В серебристой ночной истоме.
Мы с тобою – на белой горе,
В деревенском старинном доме.

А внизу – словно счастья ладонь –
Озерцо с накрахмаленным снегом.
И луна – мой прохладный огонь –
Сыплет жёлтые искры с неба...

Смотри – звезда застенчиво скользит...
Желаний нет. А может, и не нужно?
Ах, ветер, ветер! Мой соперник – друг!
Как будет жаль с тобою мне прощаться!
Тревожным солнцем вызывает счастье
И завершает свой последний круг...

Андрей ЦУНСКИЙ
г. Петрозаводск

Эти истории — отрывки из книги о детстве, которое прошло в доме № 50 (это он теперь №26) по проспекту Ленина в Петрозаводске. Говорят, что вспоминается только хорошее. Это не так. Вспоминается всякое. Но тут весь вопрос — как вспоминать. Плохо вспоминают те, кто не любил. Не любил своих соседей, учителей. Конечно, были те, кого ты не любил. Но даже их лучше вспоминать с улыбкой. Жаль тех, кто злится годами!

На что уходит такая жизнь?..

Понять, почему мы сейчас живем так, как живем, можно, только если вспомнить, как мы жили когда-то, из какого города, дома, времени мы родом...

Но и тут выводы каждый делает только сам — мне не хотелось бы кому-то помешать...

Ну, и чтобы не было путаницы, часть людей выведены под своими фамилиями, часть — под чужими, а часть — вообще собирательные образы. И многие из персонажей этих историй в «119-м»¹ доме не жили.

Поэтому обойдемся без персональных посвящений.

Давайте просто любить родной город!

Искренне ваш, Цунский

КУБОК И АНАНАС

Когда мне было лет пять, дядя Эйно как-то позвонил в нашу дверь и спросил меня строгим голосом, вымыл ли я посуду. Я удивился, но сказал, что через десять минут уже вымою.

— Вот когда вымоешь, тогда и позвони мне! — всё так же строго сказал дядя Эйно.

Я уже заканчивал этот процесс, ранее мною вполне обрисованный. Мне тогда, правда, доверяли только споласкивать холодной водой уже вымытое мамой. Я сделал обещанное и набрал соседский телефон.

— Ну, — сказал дядя Эйно, — бери самое красивое и большое блюдце и поднимайся к нам.

Ничего не понимая, я взял блюдце и поплелся вверх. У дяди Эйно два звонка на дверях: один высоко — для взрослых, второй он сделал, когда Леша и Миша были маленькими. Этот звонок сейчас очень меня выручил — Леша уже учился на инженера-строителя, а Миша заканчивал школу, так что им он был точно не нужен, а мне оказался в самый раз.

¹ В доме № 26 по проспекту Ленина в Петрозаводске находился продуктовый магазин №119.

Во дворе 119-го

главы из книги

Дядя Эйно торжественно проводил меня в кухню, и я увидел на столе какое-то чудище. Оно было колочее, с острыми зелеными хвостами, покрытое чешуей и выглядело зловеще.

— Это что, алоэ от кашля? — спросил я тоскливо.

Дядя Эйно рассмеялся и ловко разрезал подозрительную вещь поперек. Отрезав несколько колец, он положил три штуки мне на тарелку.

— Иди поделись с мамой и папой! Передай им от меня привет!

Так я впервые попробовал ананас.

В другое время дядя Эйно запросто пригласил бы нас к себе или сам спустился. Но еще совсем недавно плавал я у него в ванне и слушаю сказки, а в нашей квартире было совсем другое настроение... Он был деликатен, дядя Эйно.

Вкус ананаса поразил меня. Это ощущение непередаваемо. Фрукты у нас были в диковинку и по сезону — апельсины и мандарины, лимоны — все это появлялось зимой. Гранаты я попробовал только классе в третьем — они были дорогие. Ананас затмил все.

Мама часто ездила в командировки. Она всегда привозила мне что-нибудь оттуда, любую мелочь или глупость, или что-то ценное — фонарик, работавший без батареек, или альбом с образцами целлюлозы, выпускаемой на сегежском комбинате. Я все принимал с благодарностью и интересом, а слово «командировка» звучало для меня как что-то таинственное и торжественное. Magical Mystery Tour. Кстати, так и сейчас осталось. Люблю ездить в командировки и что-нибудь непременно оттуда привозить. А маму я вечно просил привезти из командировки ананас. Это была неизменная и совершенно бесполезная просьба. Ананасы у нас не растут, к сожалению.

В течение нескольких лет мама привозила из своих поездок все что угодно, кроме ананасов. Я и думать о них перестал. Я понял, что их привозят откуда-то из другого места. Из командировки его не привезти, потому что там их не бывает. Не бывает — и все.

Ананас я так с тех пор и не пробовал, но командировки мамы от этого не прекращались. А однажды мама уже приготовила сумку и собралась уезжать в очередную из них, но тут в дверь позвонили, и старик в ленинской кепке-восьмиклинке и в круглых очках на сморщенном но-

су вручил папе повестку с приказом явиться на военные сборы.

Так я впервые на три дня остался дома один. Мамина подруга приходила по пути с работы проверить, сделал ли я уроки, поел ли и вымыл ли посуду, прибрал ли за кошкой и пропылесосил ли в комнате. Потом я должен был ей звонить перед сном, а она звонила в любое время, интересуясь, чем я занят. Заходил и дядя Эйно, проглядывал тетрадки и помогал мне с задачками.

А в один из вечеров и мама подруга, и дядя Эйно могли быть совершенно спокойны на мой счет, как и на счет всех жителей нашего дома мужского пола. Начинался Кубок Вызова!

Не буду отвлекать вас историей противостояния НХЛ и сборной Советского Союза по хоккею. Кто знает — тот уж знает, кто не знает — тот не поймет. Наши упорно побеждали на чемпионатах мира, серия встреч в Москве и Америке, о которой пел Высоцкий, была делом давним, в самих Штатах и Канаде решили выяснить, кто же главный на хоккейном льду. Предполагалось сыграть три матча, и если результат по их итогам окажется ничейным, то предполагалось дополнительное время, а если и оно не выявляло победителя, то команда всех звезд НХЛ и сборная СССР должны были играть до первой шайбы — хоть до утра! Так сказал сам Николай Николаевич Озеров. Опять же кто знает — тот знает, кто не знает — тот не поймет, какой это был комментатор!

Матч показывали поздно, и я, пользуясь отсутствием родителей в доме, спокойно его посмотрел. Но как же я был удручен... Да как весь наш дом, как весь город, как вся страна! Наши проиграли со счетом 4:2 и выглядели вяло и тоскливо, а канадцы — так называли всех НХЛ-овцев заодно с американцами — наоборот. Дерзко и мощно, на высоченных скоростях носились они, взметая на разворотах маленькие бураны, победно играл электрический орган во время остановок игры, Мэдисон-сквер-гарден неистовствовал, публика на трибунах экзотически орала, перекрикивая даже самого Озерова. В слезах я рухнул в постель и наутро заметил у своих одноклассников такие же распухшие и красные глаза, как и у себя самого. Даже Владимир Валерианович, встретившийся мне в коридоре (он тогда еще не преподавал у

нас физику, она начиналась с шестого класса), забыл закрыть дверь в лаборантскую, и я видел, как он открыл дверцу лабораторного шкафа, хлопнул рюмку и печально произнес: «Эх... Хотя не смотри завтра ничего!»

Вечер без хоккея дрожал напряжением предстоящего на следующий день матча. Делали прогнозы, партия оптимистов и партия пессимистов были невелики, самая большая часть болельщиков вошла в партию надежды. «Посмотрим!» — неуверенно говорили друг другу ее представители.

Мне свезло. Двоек я не нахватал. Ждал вечера. Родители должны были приехать только на следующий день. Я уже наскоро порешал гнусную математику, обозначил в упражнениях по русскому языку суффиксы и приставки, выучил даже текст про Трафальгарскую площадь в Лондоне для урока английского языка. Чего не сделаешь от такого волнения!

Я уже включил телевизор и уселся в кресло, но вдруг щелкнул замок, заскрипела дверь, и в квартиру вошел папа с тремя другими мужчинами его возраста. Одного из них я знал — он был маминым сослуживцем. В его руках была сеточка, а в сеточке — бутылки с коньяком, лимонад для меня и какой-то серый кулек. Следующий нес два бумажных пакета, и что там было, я не видел. И третий нес пакеты, и папа тоже, а еще каждый тащил на спине по рюкзаку.

Военные сборы закончились сами собой после поражения сборной СССР в первом матче. Даже какой-то генерал, который командовал этими сборами, понял, что если он не хочет массовых самовольных отлучек, надо вовремя остановиться. А то, что четыре «партизана», освободившись от воинского долга на день раньше, пришли к нам, объяснялось еще проще. Мама в командировке. А это значит, что можно спокойно посмотреть хоккей, выпить коньячку, курить в комнате и просто пообщаться мужской компанией, объединенной так недавно рытвем окопов или дурью в штабе с картами. Кто-то тут же похвастал, что пару карт из штаба умыкнул. Карты местности тогда были в цене. Их нельзя было купить в магазине, а вояки продавали фотокопии за пять рублей лист.

Мгновенно я был мобилизован на кухню

очистить картошку, а дядя Валера, мамин сослуживец, жарил на большой сковородке невероятное количество магазинных готовых котлет. Уж не знаю, из чего их делали. Картон-то в них точно был. И сухари в неограниченном количестве. Но и такие достать было непросто. Почистив картошку, я нарезал ее, как учил папа, соломкой и нажарил до хруста ореховой скорлупы. Так любил папа. Остальные гости входили в кухню и просили кто ножик, кто вилки, кто тарелки, кто еще что...

Когда я вошел в комнату, на раздвижном журнальном столике раскинулся великолепный холостяцкий пир! Шпроты, финики, тонко нарезанный лимон, сало, зеленый горошек в глубокой тарелке, лук кружевами под уксусом, поднос яблок, хлеб белый и черный, сыр, нарезанный в толщину фанеры, и маринованные помидоры и огурцы в банке с надписью «Глобус». Один из «партизан» работал не то в магазине, не то на складе... Когда внесли котлеты и картошку, телевизор уже показывал арену, уже разминались игроки и надрылся орган.

Первый период и второй тоже шли мрачно. Уровень коньяка в бутылках почти не понижался. Наши проигрывали — и снова 4:2. И вдруг в течение одной минуты Михайлов и Капустин сравняли счет. А через полторы минуты после начала третьего периода Владимир Голиков вывел наших вперед, и в течение всего периода канадцы пытались сравнять счет, но...

Сирена совпала со всесоюзным криком «Ура!» и всесоюзным же звоном рюмок. Теперь можно было расслабиться. Пошли разговоры — обычные мужские разговоры о хоккее, о машинах, о так удачно «приобретенных» картах, о возможных в будущем поездках за грибами. Я тихонько сидел за столом, боясь, что меня выгонят спать, но не выгоняли, наоборот — за что-то даже хвалили, хотя ничего особенного я не сделал.

И тут все замерли. В комнату, не сняв пальто, вошла мама...

Но защитников родины уже нельзя было взять на пушку! Маме сообщили о победе нашей сборной, налили рюмку, приобщили к беседе. Но она вдруг вскочила, чтобы снять пальто и сапоги, с торжественным видом вызвала меня в коридор и достала из сумки два ананаса!

И огорчению моему не было предела. Они

были совершенно зеленые. Меня утешали, говорили, что они дозреют, надо только держать их в темноте, и что совсем скоро — недели через две или три...

Уж не знаю, что это был за сорт ананасов или что мы неправильно сделали, но один мы все-таки съели, не дождавшись полного созревания, а второй дошел до кондиции только ко дню моего рождения — в конце июля. И сморщился при этом до размеров груши. И теперь, когда это чудо уже не чудо и есть в каждом магазине, я предпочитаю ананасы в банках. А кольцами или кусочками — все равно. Целиком ананасы мне не нравятся. Сколько одни хвост и шкура весят! Перевод денег.

А любовь к командировкам осталась на всю жизнь, только езжу я в них теперь сам. И всегда стараюсь оттуда что-нибудь привезти.

ПИОНЕРСКАЯ ЗОРЬКА

Прошел еще один день. Болельщики нашей сборной натянули нервы как струны, и играли на них то гимн СССР, то похоронный марш. При слове «хоккей», громко произнесенном на улице, вздрагивали и оборачивались человек сто. Матч перенесли на такое время, что в прямом эфире его показать было нельзя — он шел глубокой ночью. Проснувшись утром, все знали — там, в заокеанской дали, в проклятом Мэдисон-сквер-гардене катки «Замбони» уже спрятаны, а лед убран, все уже состоялось, все уже свершилось. Но что? Каков результат?

Все обладатели приемников с УКВ (это вам не нынешний FM, это куда круче) пытались выяснить хоть что-то. Но по идиотской логике КГБ (или кто там этим занимался), на привычных частотах «Голоса Америки», «Би-би-си» и прочих вражбых частотах, где каждый день сквозь треск можно было слушать всякую антисоветчину, стоял дикий хрип и гундеж. Придушили и «Немецкую волну», и даже радио Ватикана. Уж его-то можно было и вовсе не трогать, но страна погрузилась в эфирный вакуум. И сделать с этим никто ничего не мог. Даже некоторые граждане, про которых шепотом говорили, что они работают «там», в этот день ходили мрачнее тучи — им тоже ничего известно

не было! Трансляция была назначена на семь вечера, и ночное радиомолчание можно было объяснить только тем, что великий советский народ не хотят расстраивать раньше времени.

Только одно в этот день порадовало: как только кончилась по радио «Пионерская зорька», голос диктора нашего карельского радио и телевидения Евгения Ивановича Рубаева сообщил, что температура воздуха минус тридцать два градуса и занятия в школах республики отменяются. Тот же текст ехидным басом проговорил дикторфинн дядя Энсио Вент.

«Ура!» — крикнули школьники и получили от отцов по затылку — те подумали, что есть какие-то вести о матче. Решающем матче Кубка Вызова! А тут ерунда какая-то, тем более что взрослых от работы никто не освободил.

Школьники затихли, но как только двери за родителями, отправившимися трудиться, захлопнулись, все бросились по углам и шкафам, переоделись в дворовую одежду и рванули играть в хоккей.

Дворовый хоккей проходил в дальней части двора, на обледеневшей асфальтированной поверхности, ворота были сделаны из досок от уничтоженной к тому времени «трибуны». Коньков не было — дорогая штука, не все могли позволить себе, а кое-кто, например я, даже не умели на них кататься (каюсь — не умею и до сих пор). Но клюшки сортавальской фабрики были у всех, а вместо шайбы играли теннисным мячиком. Шайбы-то в продаже были, но после того как одному из игроков пришлось вставлять зубы после прямого попадания, всем двором решили, что мячик гуманнее. Родиончик стал одним из штатных вратарей и купил себе пластмассовую маску, сделал самопальные щитки из фанеры. Маску он примерил, попробовал в игре и забраковал:

— Не видно мне! Глазки как у китайца: вправо-влево зырь-зырь — одна пластмасса, а Серый уже с угла хренак, и тащи мыша за хвост из сетки. Стоишь, обгадившись, как Валерий Леонтьев под куполом цирка... «Лица желтые над городом кружатся!»

При помощи перочинного ножа отверстия для глаз были расширены и стали круглыми. Этот вариант Родиончика устроил, первый гол он властно отменил, и борьба вспыхнула с новой силой.

Через полчаса Родиончик потребовал замены хотя бы на время:

— Да я задубел уже тут, как пингвин! Вы-то носитесь, как танки, а я только и могу: «жопка влево — жопка вправо, вот вам полька п...с!» Цунич, замени!

Свои полчаса я отмерз в воротах и подтверждаю: Родиончик совершенно не врал. Было еще темно (север у нас, уважаемые, север!), и вдруг я, рванув за мячиком, упал на спину и увидел... По всему небу разлились желтые, огненные и зеленые сполохи.

— Мужики! Бошки задержите! Там оно... Северное... Сияет! — только и смог я выхрипеть.

С минуту мы любовались чудным явлением природы, все набравшем силу. Оно еще даже не совсем кончилось, как вдруг Родиончик завопил:

— Ага, щас совсем согреемся, нехило будет шириночку паяльной лампой расстегивать? Играй, астроном!

Потом меня заменил Серый — «Червонный валет», но и я, и он стояли плохо, и Родиончик снова выступил:

— А, болтаетесь в воротах, как дохлые кошки, идите лучше подрочить в туалетике! Полезно для здоровья! Дайте мастер встанет! — и натянул щитки сам.

У ворот постоянно образовывалась куча из игроков, как на настоящем мэдисоновском льду. Если кто-то задерживался на своей половине площадки, ему кричали: «На пятак кидай! На пятак!» И снова на пятаке у ворот возникала потасовка, и Родиончик хихикал:

— Ой-ёёёёёй! Уссаться! Борьба онанайских мальчиков!

Я устал и еле ползал от одних ворот к другим, так что мой маневр при счете 24:24 нельзя объяснить тактическим талантом. Просто я не успел к свалке у своих ворот, и мячик вдруг нечаянно откатился в мою сторону и понесся к воротам Родиончика. Он плавно, идеально накручивался мне под клюшку... Я вложил в удар все силы. Родиончик бросился вперед по всем правилам дворового хоккейно-футбольного искусства.

Такого мата наш двор не слышал даже от бывалых алкашей, пасшихся возле гастронома.

Родиончик стоял перед спасенными воротами. Мяч идеально вошел в глазное отверстие и торчал оттуда, как шишка. Сняв маску, Роди-

ончик продемонстрировал всем идеально круглый фингал.

Он уже устал орать, только плюнул на лед и, погрозив мне пальцем, беззлобно сказал: «У, гнида!»

А после вбрасывания мячик опять откатился ко мне, и я шархнул по воротам с прежней силой — не со злости, а просто не видя другого решения. Тут уже слово «гнида» Родиончик проорал с обидой и восхищением. «Девяточка! Что, козлины, башками вертеть не научились?»

Играли до двадцати пяти, так что матч кончился, и все замерзли и пошли в гастроном пить сок. Родиончику дважды грозили выгнать его из магазина за нецензурные выражения, и он заметил: «Да... Все на свете видел, но чтобы из винного отдела за мат гоняли — слышу в первый раз!» Соки в стеклянных конусах действительно продавали в винном отделе. А о предстоящей вечером трансляции сказал мрачно:

— Да ясное дело, просрали! Как всегда — Михайлов-Петров-Пихайлов-Метров, и вдруг, блин — Гэйни — Ги Лефлер, и коленвал вам в очко, дорогие товарищи!»

Играть больше не хотелось. Расползлись по домам. Зорька кончилась. Солнце вошло в короткий зимний зенит.

ПЕРВАЯ ТАЙНА ЮРИЯ ЛЬВОВИЧА

Я вовремя пришел домой. Позвонила мама. — Андрюношка, ты не скучаешь?

— Да нет вроде... — сказал я с одышкой.

— А что у тебя с голосом?

— Да еле успел к телефону... Заснул! — быстро изобрел я ответ.

— Ой, а дома же совершенно нечего есть. Слушай, а ты до «четверки» добежишь? У нас на студии тепло, и в буфете хоть что-то. Надя говорила, будет борщ и бифштексы рубленые...

Через полчаса езды в теплом автобусе я был в буфете и занял очередь на всю художественную редакцию. У нас за получкой и в буфет очереди занимали корпоративно — операторы, киноплемя, гараж, звуковики, видеозапись, редакции...

Поддержать меня пришел Юрий Львович Хорош. Мой самый любимый режиссер и вообще — человек удивительный. Кругленький, в клетча-

том пиджаке и очках он выглядел как иностранец. Нас связывала давняя дружба, если так можно выразиться. Мы дружили с моих трех лет.

Я частенько торчал у мамы на студии, знал все кнопки на режиссерском пульте, умел крутить «рога» у всех павильонных камер. А всё Юрий Львович. Он мне разрешал все трогать на «трактах» — репетициях. Когда я был совсем маленьким, то звал его «Юрий Львович», и он очень радовался.

И что был за человек! Он родился в Харбине и после школы не мог позволить себе учиться дальше, так что некоторое время работал в советском представительстве счетоводом. Частенько он уличал повара представительской столовки в мошенничестве — валютный курс все время колебался, и этот повар проявлял отнюдь не советскую оборотистость при покупке продуктов на рынке. Когда Юрий Львович приходил с очередной жалобой, тот серьезно смотрел на него, качал головой, затем вынимал из плиты противень с горячей выпечкой, сворачивал бумажный кулек, клал туда пирожок с мясом и говорил:

— Юрочка! Вот тебе пирожок, милый мой. Вот тебе пирожок. Что — мало? Вот два. И иди отсюда!

Юрий Львович играл в Харбинском русском театре. Он видел живого Шаляпина, живого Вертинского и кого только еще не встречал...

Когда русский Харбин кончился, Юрий Львович украл себе жену. Свою невесту, точнее говоря. Тетя Лия вместе с родственниками собиралась в Америку. Юрий Львович разубеждал ее: «Лиечка! Единственная страна, где ты сможешь чего-то добиться, если у тебя нет денег, это Россия!» Родителей и саму Лиечку довод не убеждал. Ее решили увозить поездом до какого-то города, откуда шел пароход в Америку...

Маленький Юрий Львович, тогда еще и худенький, попросил двух приятелей приподнять его, чтобы в последний раз обнять любимую через окно трогаящегося вагона и... вытянул ее наружу. Впрочем, почему-то мне кажется, что она не слишком сопротивлялась.

В России он стал режиссером. Сначала поработал в театре в Минусинске (дальше не пускали), потом — на телевидении в Мурманске, а оттуда уже перебрался в Петрозаводск.

Он знал несколько языков, переводил книги с английского и французского. Его телеспектакли дважды шли на весь Союз в прямом эфире. И такое ведь было тогда! И такое было!

На телевидении тогда были строгие правила — приходиться надо было в девять, а уходить в шесть. Плевать, что нужные книги все под рукой дома, а думать лучше в привычном уютном кресле. Вам предоставлены столы и стулья! И даже авторучки!

Иногда формально подчиненный моей маме Юрий Львович подходил к ней и говорил: «Анечка! Тут рядом в «Строителе» идет фильм с интересной операторской работой, который мне надо бы посмотреть... Нельзя ли мне часа в три уйти? Я и Андрюшку с собой возьму, ему интересно будет!» Отпустить режиссера посмотреть нужный для работы фильм — это производственная необходимость. Мама и так бы отпустила, но тут у нее была еще и железная «отмазка» для начальства повыше.

Он брал меня с собой, и мы шли в кино. И смотрели всегда один и тот же фильм. Какой? Ну ладно, не спешите! Всеу свое время...

Мы уже сидели за столом и ели борщ, ждали своей очереди рубленые бифштексы. Юрий Львович хитро посмотрел на меня.

— Андрюшка, что ты так нервничаешь?

— Так хоккей...

— Скажи, ты сторонник предсказуемых сюжетных ходов или предпочитаешь произведения с неожиданными финалами?

— Ну как... Если кино, то с неожиданными. А вот хоккей...

— Да, это слишком сильная страсть. Все взволнованы.

На нас уже искоса поглядывали, не знает ли чего Юрий Львович.

Мы доели бифштексы, допили чай и вышли в пустой коридор. Вдруг Юрий Львович сурово на меня посмотрел и сделал руками несколько таинственных пассов, как волшебник, что-то пошептал, закатил глаза и с совершенно закрытым ртом застыл, а рядом зазвучал странного тембра голос:

— С самого начала всех ждет удивительное происшествие! Появится тот, кого не ждали! Он сделает чудо! А счет...

Голос стих.

Юрий Львович осмотрелся, не идет ли кто, и взмолился чуть не со слезами на глазах:

— Но всемогущий джинн, вы же видите, как мальчик волнуется! Нельзя же так, в самом деле!

Фильм по Драгунскому я уже смотрел. Стало кисло.

Он закрыл рот, а голос снова заговорил:

— Ну, если мальчик волнуется... Да успокойся, милый, сборная СССР победит, шесть — ноль!

Я обиделся. Во-первых, судя по игре в двух первых матчах, такой счет казался невозможным. Во-вторых, Юрий Львович с этим голосом просто показал какой-то фокус и смеется надо мной. Так я в первый и в последний раз на него обиделся. Но он неожиданно обиделся тоже:

— Андрюшка, верить или не верить джинну, хотя он и всемогущий, — это дело твое. Но не поверить мне... Это не по-дружески и просто нехорошо...

Тут его позвали на тракт, и несколько часов я таил обиду.

Да, о кино. Как-то мама спросила меня, какой фильм мы смотрели на этот раз с Юрием Львовичем, и я ответил с гордостью:

— «Великолепную семерку».

— А в прошлый раз?

— Тоже! Мы всегда ее смотрим, если где-то идет!

Тут вошел Юрий Львович, который, видимо, только что опять договорился пойти посмотреть «нужный» фильм и взять с собой меня, и получил от мамы удивленный вопрос:

— Юрий Львович! Но почему вы смотрите все время какую-то «семерку»? Что это за фильм? И зачем вы все время берете с собой Андрея?

— Ах, Анечка... Это классический вестерн, снятый по мотивам старого фильма Акиро Куросавы. Там действительно прекрасная операторская работа... И фильм замечательный. Он нравится нам обоим. Но дело, конечно, не только в этом. Там в главной роли Юл Бриннер, понимаете?

— Нет... Юл Бриннер? А что, он такой хороший актер?

— Гениальный! Да только мне-то он какой «Юл»? Это Юлька Бриннер! Мы с ним учились в одном классе...

ВТОРАЯ ТАЙНА ЮРИЯ ЛЬВОВИЧА

Вечером, около шести, мы вернулись домой и Вадва успели снять пальто и размотаться из толстых шарфиков, как зазвонил телефон.

— Анечка, это Эйно! Дома ли Юра?

Папа был дома.

— Позвать его?

— Да, но не к телефону. Сегодня все — Лева, Валера Корнеев, Зося и вы всем семейством — смотрите хоккей у меня!

Дядя Эйно отдал маленький телевизор, который сам и спаял по схеме из журнала, в комнату Мише и Леше. Отдал вместе с висящей на нем смешной табличкой, на которой была нарисована улыбающаяся рожица и буквы «КВН», значение которых я не знал. К тому времени, когда я осознанно начал смотреть телевизор, программу «Клуб веселых и находчивых» уже запретили. Ее участники оказались слишком веселыми и находчивыми. Тот «КВН», который показывают сейчас, как мне кажется, названию не соответствует, ни находчивости, ни тем более веселья я там что-то не вижу.

А отдал дядя Эйно и телевизор, и табличку, потому что купил огромное цветное чудо «Электрон», с экраном невероятного размера. Если посмотреть на изображение близко-близко, то можно было увидеть множество синих, зеленых и красных точек, расположенных треугольничками.

По случаю покупки телевизора жена дяди Эйно напекла много-много печенья, приглашенные соседи, видевшие, как коробку вносили в подъезд, тоже что-то сообразили и принесли с собой кто что смог. У мамы не было времени готовить, и меня поспешно послали за тортом и дали как-то очень уж много денег. Потом папа меня догнал на лестнице, сообразив, что коньяк мне не продадут.

За полчаса до начала игры уже закипал большой электрический самовар. Стратеги обменялись мнениями: «Да наши просто боятся! Там же профи! Ему ногу сломают — и миллион в кармане. А нашему что — жизнь сломана!»

Мой папа — спортсмен и тренер. Он квалифицированно пояснил, что к чему, но тоже выразил сомнение:

— При такой игре канадцы, конечно, выглядят наглее, а наши играют на контратаках — от обороны. Коробка канадская уже, меньше места для набора скорости и комбинирования. Нужно какое-то неожиданное решение.

До начала матча к единому мнению прийти не удалось, а я боялся слово сказать о том, что поведал «джинн» Юрия Львовича. И словно черт меня дернул перед самым началом трансляции сказать:

— Наши победят: шесть-ноль!

Все засмеялись, но по-доброму, называли меня оптимистом, но мне это слово именно сегодня показалось обидным, и я возвестил, мрачно, как джинн:

— Вот сейчас начнется, и вы все сразу удивитесь. А папа правильно сказал про неожиданное решение! Еще как будет все неожиданно. Появится тот, кого никто не ожидает!

Я так надулся, что даже интеллигентные соседи не могли сдержатъ смеха. Но смеялись они всего минуту. Николай Николаевич Озеров начал комментарий, когда на экране появился Кубок Вызова на красной подставке с желтой скатертью:

— Говорит и показывает Нью-Йорк! Телевидение Советского Союза начинает последнюю передачу из Америки, из Нью-Йорка, из «Мэдисон-гардена», о хоккейном матче между сборной Советского Союза и командой всех звезд национальной лиги профессионального хоккея — НХЛ! Ничей сегодня быть не может, никакого подсчета забитых и пропущенных шайб, если три периода не выявят победителя, будет назначен четвертый, дополнительный период — до первого забитого гола, а если и в этом периоде гол забит не будет, то будут играть до первого гола — хоть до утра!

Все приуныли. Судить матч должны были канадцы, и ждать от их бригады ничего хорошего не приходилось.

— Тренеры команд сделали небольшую перестановку сил. У нас, к сожалению, не выйдет на поле Харламов, он заболел и играть не может... Нет Владимира Голикова — он получил травму... А в воротах — Владимир Мышкин. Наш молодой игрок, у него хорошо идут игры в этом сезоне...

— Ну вот вам и увидели, кого не ждали... — за-

тосковал дядя Валера. — Еще и без Третьяка. Ладно. Можно уже и не смотреть...

— Шайба круглая, — неуверенно сказал папа и вдруг рассердился: — Валера, не хочешь смотреть — не смотри, но не порти всем настроение!

Первый период кончился со счетом 0:0. Я люблю смотреть хоккей еще и потому, что между периодами показывают мультики. Когда на льду такое творится, мультики хоть немного отвлекают. Но взрослым было не до мультиков. Ругали Тихонова, жалели, что нет Харламова, «который бы уж точно забил на месте Михайлова уже дважды», но больше всего доставалось Мышкину. «Что эта козявка делает в воротах в таком матче! Болонка на воротах!» — неистовствовал дядя Валера. Опытный дядя Эйно оценил состояние гостя, предложил покурить на кухне и там налил ему стакан водки.

Дядя Валера — пьяница. Он вообще-то добрый и хороший человек. Я не помню, кто он был по профессии. Помню только, что у него была очень красивая и добрая жена — тетя Зося, полька. Это немного ее со мной сблизало, ведь мой папа тоже обрусевший поляк. У них не было детей. Тетя Зося в гостях всегда волновалась и была очень грустная. Дядя Валера, выпив, успокоился. Вернувшись в комнату, он даже воспрянул духом:

— Да ничего... Страшного-то еще ничего не случилось!

Тетя Зося улыбнулась, но глаза у нее заблестели...

Начался второй период.

На ворота Мышкина понеслась лавина канадцев — энхаэловцев никто упорно не хотел звать «американцами». Но и наши не терялись и забивали, сначала — Михайлов, потом — Жлуктов! Два — ноль! Взрослые забыли про печенье и торт (к моей великой радости), и я продолжал активно болеть с набитым ртом. В другой обстановке мне бы точно сделали замечание, но не сегодня.

Канадцы поперли к воротам, судьи удалили Васильева, и тут вдруг один из энхаэловцев откровенно ударил Мышкина кулаком по маске. Судья засвистел и ... удалил Мышкина. В гневе от такой несправедливости взревел весь огромный Советский Союз. Дядя Валера осторожно охнул (ему было хорошо, и это состояние он ценил, словно боялся расплескать

водку в желудке). Папа стукнул по столу кулаком. Дядя Эйно назвал судью сволочью. Но игру продолжили с удаленным за Мышкина Гимаевым — вратаря все же с поля не убирают, но за него отсиживает другой. Такая несправедливость случается не только в хоккее.

Второй период закончился. Наши вели — 2:0.

Я забыл даже про торт и мультик. Все понимали — сейчас судья будет судить в одни ворота, канадцы рванут вперед всеми силами, может не обойтись и без кулачных драк...

В Мышкина сразу полетели две шайбы, одна за другой. Он фантастически их отбивал и вытаскивал из невозможных, «мертвых» положений... Гэйни, Макдоналд, Кларк, Тротье, Лефлер — все палили по воротам, в которых стоял маленький невозмутимый человечек в красном куперовском шлеме. Озеров несколько раз повторял: «Отлично, Мышкин! Отлично, Мышкин! Молодец, Мышкин!» И потом твердил — «Спокойнее, спокойнее!» Две наших атаки прошли безуспешно. Не попали наши даже по пустым воротам, когда Чиверс, королевский вратарь НХЛ, вышел далеко из ворот... И опять атака — и снова промах... И вновь — канадский штурм... «Мышкин! Мышкин! Мышкин!» До конца периода — четырнадцать минут, наши ведут 2:0... 12 минут. Озеров стал все чаще напоминать о времени. И тут Хельмут Балдерис заколотил третью шайбу. «А-а-а!!!» — заорал Советский Союз, раскрыв глотку от океана до границы со странами соцлагеря. Я начал верить в джинна... Но еще не до конца. 6:0 — это было бы как-то слишком сказочно. И тут четвертую шайбу чуть ли не от синей линии вбил в ворота Чиверса Ковин. Чиверс и шелохнуться не успел... Джинн приобрел в моих глазах все больший авторитет.

За семь минут и шестнадцать секунд до конца матча, спокойно, как на тренировке, Макаров легко закинул шайбу в ворота Чиверса. Советский Союз довольно заурчал всей седьмой частью земной суши...

Канадцы снова рванулись — уже хотя бы для того, чтобы за пять минут до конца просто любыми силами забить, затолкать, впихнуть хотя бы одну шайбу, хоть что-то. И тут удалили Михайлова. И я усомнился — может быть, джинн имел в виду не 6:0, а что будет забито шесть голов?

Наши были в меньшинстве. Канад... Но тут Голиков рванул вперед. 6:0. Наши забили и в меньшинстве.

— Это «баранка»! — закричал Озеров. — Вот это самая настоящая «баранка»!

Джинн оказался полностью прав. Еще минут двадцать с азартом приканчивали коньяк, изумлялись, куда делись торт и печенье, смеялись надо мной (папа и мама смотрели на мой округлившийся живот укоризненно), допивали чай. В прекрасном настроении разошлись по домам.

Михайлов, Петров, Харламов, братья Голиковы, Балдерис, Жлуктов, Васильев, Бабинов... Дети третьего тысячелетия! Мне жаль вас. У вас никогда не будет таких героев. Это не герои советской эпохи — это герои нашего поколения, которому до звезды названия эпох. И Мышкин. Он тогда тоже стал героем. Ненадолго — для газет. И навсегда для тех, кто видел тот матч...

А на следующий день на студии мы опять сидели в буфете, на этот раз с мамой. А за соседним столиком подозреваемый (и не без оснований) всеми в стукачестве товарищ завел «издалека» разговор с Юрием Львовичем.

— Ох, как я волновался из-за хоккея... Но какой матч! Какой матч! А я накануне все ловил, извиняюсь, вражий голоса... Все глушили! Все! Ни слова слышно не было.

— Ну что вы такое говорите! — возразил вдруг Юрий Львович. — Я ведь некоторым образом, как сотрудник идеологической организации (тут он лукаво подмигнул нам с мамой, так, чтобы стукач не видел), должен следить, что там про нас врут на Западе. И слушаю постоянно. И все слышно просто великолепно! Я даже музыку очень люблю слушать. Джаз! У меня хороший приемник и все прекрасно принимается, безукоризненное звучание, стерео!

Стукач ушел озадаченный. А мама удивленно спросила:

— Юрий Львович, но мы... — и перешла на шепот, — мы ведь тоже слушали, но ничего действительно нельзя было разобрать... Что же вы такое ему сказали?

— А пусть поломает голову. Пусть.

Но я все же настаивал:

— Юрий Львович, а как вы с глушилками боретесь?

— Да никак! — весело отвечал Юрий Львович. —

Просто «Би-би-си» и «Голос Америки» надо слушать по-английски, «Дойче велле» — по-немецки, французское радио — по-французски. И никаких глушилок. Между человеком и информацией не должно быть посредников!

Вот что значит — родиться при капитализме!

Это был февраль 1979 года. И никто из нас не знал еще, что скоро мы не увидим на площадке Харламова совсем по другой причине... Что нашу сборную ждет трагическое поражение в Лейк-Плэсиде. Что больше хоккей никогда не будет таким праздником. Что только во дворе мы еще будем счастливы, щелкая клюшками по мячику и вытряхивая снег из продранных валенок.

А я не знал, сколько всего еще успею понять, узнать, постичь благодаря великолепному Юрию Львовичу. И уж предположить не мог, что будет твориться у меня на душе, когда я через четыре года понесу крышку за его гробом.

ЧАЙ

«**R**ain, rain, la-la-la-la-la-la-la...» — печально завывает магнитофон «Весна» на окне у Таньки Лобановой. Она нашего возраста, но мы для нее — никто. Справедливости ради — она для нас тоже никто.

Но мелодия вполне соответствует обстановке. В четверг с утра зарядил дождь. Мелкий. Но теплый. Чтобы такая-то мелочь нас остановила! Мы на футбольном поле, уже откоряли, меня засунули в ворота, и битва началась. Третий матч до десяти голов подходил к концу со счетом 9:9. На меня смотрели убийственно.

Родиончик замыслил очередной финт, но поскользнулся, и Колька Васильев нанес с пяти метров пушечный удар в середину ворот. Я прыгнул на мяч без всякой надежды и выставил вперед кулаки без перчаток.

Придя в себя, я обнаружил, что все смотрят вверх. Мяч был тяжелый и грязный, скользнул по рукам и теперь медленно, как кирпич, летел за тюремный забор.

Такое случалось регулярно. Дальше все должно было идти по сценарию: крики жалобными голосами «Дяденьки, киньте мячик», беготня к воротам тюрьмы и звонок в окошко караульных, а там — выкинут или покуражатся

часок. Но тут — чудо! Мяч вылетел из-за забора минуты через две и шлепнулся на землю, даже не подпрыгнув, так он размок.

Я отразил пенальти, и Родиончик зачмокал губами и жизнерадостно крикнул мне: «Люблю я тебя, сучку! Цунич, ты...» Но в это время Колька снова пробил, и матч кончился. Родиончик сразу изменился в лице.

— Б..., только похвалили тебя. Чтоб ты на воротах повесился, козлина!

Колька тем временем осматривал мяч. С удивлением он извлек из-под шнуровки...

(Да знаете ли вы, дети двадцать первого столетия, что такое шнуровка на футбольном мяче?! Даже про великого футболиста Кевина Кигана говорили когда-то: «Это настолько джентльмен, что даже если дает пас на голову, мяч никогда не прилетает шнуровкой вниз!» Красные следы от этой самой шнуровки еще не прошли у меня на кулаках после Колькиных ударов. Зато можно было спокойно поменять камеру и не покупать новый мяч. Впрочем, внешняя оболочка тоже размокала и рвалась...)

...Так вот, извлек из-под шнуровки бумажку, в которую были завернуты двадцать пять рублей и записка: «Пацаны, будьте людьми! Киньте чаю с угла!»

Мы были честными пацанами. Мы еще многого не знали, в частности, и того, что четвертак — это цена одной пачки грузинского чаю за этим забором...

Шестером мы минут десять делили, сколько чаю за 36 копеек можно купить на 25 рублей. Слегка недоставало до 70 пачек. Мы добавили своей мелочи и отправились в гастроном.

Продавщица удивилась, куда нам столько, но Родиончик немедленно ответил: «В поход идем. Двумя классами, на неделю!» Пришлось добавить еще 8 копеек — на два бумажных пакета, в один 70 пачек точно не влезали.

Вернувшись во двор, Родиончик попробовал кинуть пакет, как и просили, с угла — но тот был слишком легким или была у него, как это правильно называется, «большая парусность», но только пакет не взлетал высоко и возвращался назад, как бумеранг. Но наш конструктор тут же сбегал за бечевкой. Привязал к ручкам обоих пакетов полкирпича и начал

раскручивать конструкцию, как австралийский абориген сигнальную трещотку. Пакеты взмыли вверх.

Они закрутились как раз над забором. На грани между «там» и «тут». Над границей двух миров... И если с этой стороны мы следили за этим кружением с любопытством, то представьте себе, с каким отчаянием смотрел кто-то на это сооружение с другой стороны, да еще и не понимая, что там летит — он ждал маленького кубика, а тут — не пойми что. Ветер усилился. Он снес наш «вертолет» за забор и тут пакеты, размокшие от дождевой влаги, порвались, и над тюрьмой пролился новый чайный дождь.

Такого «ура!» не слышал никакой Брежнев на демонстрации у кремлевской стены! Гагарин не был так оглушен встречей восхищенных землян! «Битлз» получали аплодисменты потише на самых отчаянных стадионах!

Никакие крики «стоять!», «все на месте!», «стреляю без предупреждения!» уже не могли испортить праздника по ту сторону забора...

Мы благоразумно смылись со двора.

Недели через две во время футбола к теннисному столу подошли двое мужчин строгого вида. Они смотрели на нашу игру и словно чего-то ждали. Тут Родиончик завопил очередному

вратарю: «Люблю я тебя, сучку!», мужчины кивнули друг другу и ушли со двора. А через полчаса они вернулись, поставили на теннисный стол десять тортов и два ящика лимонада. Ничего не сказали, развернулись и ушли. Торты были связаны по пять, коробка на коробке. На верхнем торте лежала пачка грузинского чая за 36 копеек.

Уходя, один из мужчин обернулся и, не выдержав, крикнул:

— Спасибо, пацаны! Там тоже люди живут!

Мне рассказали потом, что цирикам не удалось отобрать ни одной пачки и СИЗО чифирил целый месяц. Ну не весь, конечно... Потом мы узнали, что люди там живут, но очень разные. Кое-кто это узнал даже на практике.

□

Андрей Юрьевич ЦУНСКИЙ

родился в 1967 году в Петрозаводске.

Окончил факультет журналистики Ленинградского университета.

Лауреат литературных конкурсов «Art-Teneta-97»,

«Art-Teneta -99»,

автор двух книг, выпущенных издательствами «Геликон +»

и «Амфора».

Рассказы вошли в антологию Макса Фрая.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Эдуард
ПУОЛОКАЙНЕН

г. Петрозаводск

Яша Левинский был опером по малолеткам, а еще он был евреем. Наверное, поэтому его отличали приписываемые этому народу неумная жажда деятельности и даже некоторая истеричность. Яков был добрым человеком, поэтому у него часто возникали непонятки с начальством, а дальше следовала истеричность в ответ на замечания руководства, что лишь усугубляло его положение. «Детскому» оперу было около тридцати лет, из-за взысканий он давно переживал в старших лейтенантах, и перспектив карьерного роста не наблюдалось.

Яша жил один в коммуналке, но зато в центре города. Он вполне мог бы обменять ее на благоустроенную квартиру на окраине, но не хотел. Наверное, привык. А еще Яша мечтал о том, что у него будет много денег и он уедет жить в жаркие страны. На историческую родину ему ехать не хотелось, он поселился бы в Австралии. Левинский считал, что в жизни каждого человека обязательно выпадает день, когда сбываются любые желания. Именно в такой день он и мечтал разбогатеть. Как? Вариантов много, и обычно он перебирал их перед сном.

В тот знаменательный осенний день с утра лил дождь. Дождь холодный, мелкий и колючий. Уж такие унылые дни по определению не могут стать самыми знаменательными в жизни — в этом Яша был почти уверен.

После того как на планерке, где присутствовал и начальник отдела подполковник Горбань, его обвинили в мягкотелости и неуважении к труду своих коллег, настроение совсем испортилось. Вчера, подменяя дежурного опера, Яша раскрыл кражу сумки в женской общаге, что была метрах в ста от отдела. Вроде честь и хвала, но Яша уговорил потерпевшую девчонку на «отказник». Собственно, она сама была виновата. В одной комнате с ней жили еще три студентки. Двум, как и ей, по восемнадцать, а новенькой, что стащила ее сумку, только пятнадцать лет. Только-только приехала из глухой деревушки. Старшие не приняли ее в свой круг, к тому же старались унизить и оскорбить при всяком случае. Ну, девчонка тиснула сумку и выбросила ее в проем стены в женской душевой. Колонулась сразу. Можно, конечно, было, как и требовал начальник, повесить на нее статью 158 УК РФ, поставить вопросы так, чтобы неопытная девчонка сама подписала себе условный срок, но Яша этого делать не стал. Он был добрый и не хотел портить девушке жизнь.

В тот самый момент, когда Яша думал, как несправедливо устроена жизнь, в кабинете раздался телефонный звонок. Звонил его «человек». Гриша Попов был бомжом, жил в подвале, пил горькую и занимался собирательством. Сбирал он, конечно, не марки или старинные монеты, а бутылки, жестяные банки и цветмет.

Как-то год назад на планерке Яше ткнули, что количество его «негласного аппарата» не выдерживает никакой критики, а спустя полчаса к нему в кабинет привели опустившегося мужчину тридцати пяти лет, которого «пепсы» задержали, потому что он за вознаграждение покупал для подростков водку.

— Будешь моим агентом?— предложил Яша без всяких предисловий и энтузиазма, будто ему все равно, согласится тот или откажется.

— Буду, а что надо делать?— так же равнодушно спросил бомж.

— А ни хрена не надо делать. Так, для галочки, для количества.

— Ладно. Только относись ко мне как к человеку, — сказал Гриша и хитро посмотрел на опера.

Левинский работал в розыске более семи лет и просёк его сразу:

— Учти: я хоть и еврей, но человек небогатый, хлебом поделюсь и червонец на опохмелку всегда найду.

Яша тогда не знал, что встретить Григория с похмелья можно гораздо чаще, чем найти лишние червонцы в кармане...

Оперативный псевдоним долго выдумывать не стали. Яша на личном деле так и написал — «Человек».

Так вот в тот серый день позвонил «Человек».

— Яков Самуилович, надо срочно встретиться, я к вам не могу, надо, чтобы срочно вы подъехали ко мне, на мою запасную фазенду...

От такой наглости Яша даже обалдел:

— Что, уже ноги от бухла не слушаются? Офицер милиции тебе опохмел должен в подвал принести?! — возмутился он.

— Яша, все очень серьезно, очень тебя прошу, у меня, кроме тебя, никого нет... — после короткого молчания ответил «Человек», по голосу было понятно, что ему не до шуток.

А Яша Левинский был по природе добрым и отзывчивым. Как-то в поезде случайная попутчица даже сказала ему: «Вы, молодой человек, как я погляжу, очень добрый, хотя работаете в органах. Но поверьте: рано или поздно вы будете вознаграждены за свое отношение к людям. Добрых людей любит Бог».

Что оставалось Яше? Через полчаса опер спустился в подвал многоэтажки. Услышав шаги, Гриша выглянул из проема стены и шепотом отчетливо приказал: «Начальник, выйди во двор, где столик самодельный в сквере...»

Выражение лица Гриши было непривычным, к тому же он старался говорить тихо, хотя рядом никого не было. Таким его Яша еще не видел, поэтому без вопросов послушно вышел на улицу.

Вслед за Яшей на свет божий из подвальной темени показался и Гриша. Наконец-то они

уселись на пустые ящики. Высокий кустарник надежно прикрывал их свидание или конспиративную встречу — кому как больше нравится — от посторонних глаз. На столик Гриша положил спортивную сумку, довольно увесистую, судя по размерам.

Выжидающе посмотрев на Яшу, «Человек» с нотками торжественности в голосе, будто делает «официальное заявление», начал:

— Яков, я обращаюсь к тебе не потому, что ты опер и мужик толковый и сможешь сделать правильный ход. Я доверяю тебе. Так уж случилось у меня в жизни, что я никому не верю, кроме тебя, а ты единственный мой друг на земле.

При этом лицо у Григория было такое, что Левинский сразу понял: произошло что-то очень серьезное и совершенно незаурядное.

Гриша дёрнул «молнию» и раскрыл сумку. В сумке были иностранные деньги. Много денег. Новенькие купюры по сто долларов — все в банковских упаковках. Упаковок было много, очень много...

— Это наше! — с присвистом прошептал Гриша, преданно глядя в глаза Левинскому.

Тут в голову Яше что-то ударило горячее, а желудок и сердце сжались, как никогда раньше. В мозгу крутилась дурацкая мысль: вообще-то, день с утра как-то сразу не заладился, и если ему повезло, как мечталось, то почему именно сегодня? Яков закурил сигарету и настроился слушать Гришины откровения.

Оказывается, той ночью Гриша проснулся в своем благоустроенном подвале весь в поту. Ему было плохо. Очень плохо. Накануне удалось насобирать на бутылку вина. Оставался еще червонец, на который он хотел купить батон, но от бутылки вина он не может проспать до самого утра, а перспектива проснуться посреди ночи хоть и в благоустроенном, но давно опостылевшем подвале, с трясучкой во всем теле не прельщала, так что Гриша купил стакан настойки в розлив...

Проснувшись, он стал вспоминать, сколько дней уже пьет. Мысли в голове то шли нескончаемым потоком, как железнодорожный товарняк, то какая-нибудь отдельная никчем-

ная, случайно где-то услышанная фраза назойливо вертелась в голове, не давая покоя. Иногда даже казалось, будто голова раздувается до невероятных размеров, угрожая взорваться. Гриша чувствовал, что сходит с ума. Белой горячки у него не было, но он понимал, что «белка» уже не за горами. Доведенный перепадами давления, жалостью и ненавистью к себе, Гриша вставал на колени и молился как умел, — он просто стоял на коленях на бетонном полу подвала и бубнил: «Господи, Господи, помоги мне, Господи, помоги, помоги, не могу больше».

Как-то Яков Самуилович, единственный, кто относился к «Человеку» по-человечески, отвез его на остров посреди большого озера. Неделью Гриша жил в палатке, ел оставленные консервы, пил чай, заваренный на костре. Они с опером тогда договорились, что после недели воздержания от спиртного Гриша «завяжет». Левинский даже пообещал оплатить врача-нарколога. А через неделю он забрал своего непутевого приятеля, но к врачу не отвел — задержали зарплату. Гриша пообещал держаться, да через два дня вдрызг набрался со случайными друзьями-алкашами. И понеслось по новой! Случалось, правда, что он сам уходил в «завязку», но со временем вдруг приходил к выводу, что всё вокруг против того, чтобы он не пил. Приятели-бомжи, загулявшие мужики, которым посреди ночи была нужна компания, унылый подвал — все и вся против трезвой жизни. Трезвым быть тоже страшно.

Чтобы стряхнуть похмельное уныние и прилипчивые мысли той ночи, Гриша вышел из подвала. Темень во дворе стояла хоть глаз выколи, вот-вот должен был пойти дождь. Трясаясь от похмелья и озноба, направился в сторону витрин ночного магазина. Чем черт не шутит, может, найдется добрый человек — не даст помереть.

Решив сократить путь, Гриша пошел наперерез, через освещенный пустырь, и почти сразу споткнулся и упал. Сначала сил хватило лишь ругнуться, медленно, пошатываясь, он стал подниматься и тут совсем рядом, практически под ногами, разглядел сумку. На фоне всевозможного мусора и грязи она красо-

валась чистотой и чуть ли не благородством форм. На вид почти новенькая. Неужели повезло?! Сумку вполне можно было бы продать у магазина за пару сотен. Заглянув в сумку, Гриша понял, что он «попал», — от зелени зарябило в глазах. В сумке оказалось несколько килограммов валюты. Предусмотрительно осмотревшись по сторонам, Гриша потащил сумку в свой запасной подвал. Жизнь его кое-чему да научила, и обязательное в советское время среднее образование сказывалось. Гриша понимал, что если появится хозяин сумки, то искать будут везде и подвал поблизости не исключение.

На месте голова малость прояснилась, Гриша сообразил, что пока радоваться нечему. За такие деньги его сразу прибудут. Кто? Да кто угодно. Хозяева сумки, сабутыльники, возвращающиеся с «делюги» уголовники, отморозки-малолетки — желающих на такую добычу найдется много. Покумекал тогда Гриша и решил сразу с утра позвонить Якову Самуиловичу. Он офицер, опер, еврей, наконец. Голова светлая, почти не пьет. А пока, надежно припрятав сумку в проеме стены своего запасного лежбища, Гриша, как намечал, потрусил к магазину по улице, освещенной через один работающими фонарями. Вид у него, наверно, был странноватый: вроде трясет человека, а на лице довольная улыбка. Проходивший мимо прилично одетый и не менее прилично принявший на грудь молодой парень с удивлением посмотрел на блаженного Гришу, пошатнулся и чуть не грохнулся на тротуар. Упасть-то не упал, но пятидесятирублевку выронил. Гриша с видом человека, вполне заслужившего и этот подарок судьбы, аккуратно подобрал купюру и, проследив, чтобы мужик не хватился потери, заскочил в ночной магазин.

Через пятнадцать минут бомж сидел на скамейке возле детской площадки, с удовольствием потягивал пиво и, контролируя вход в подвал, думал о том, как завтра позвонит Яше и жизнь пойдёт путём. «Яков Самуилович все-таки еврей, человек с образованием и опытом работы в уголковке...» — рассуждал про себя Григорий.

Пока Гриша негромко выкладывал всю историю своей находки, Яша его не перебивал, мотал, как говорится, на ус. Еще пару минут посидели молча. Улица, конечно, не лучшее место для таких бесед — везде уши, глаза...

— Давай ко мне домой. Там сориентируемся, — бросил Яша и, не дожидаясь реакции бомжа, поднялся со скамейки.

Так бомж впервые оказался у опера дома. Пока он осматривал сумку, Гриша принял ванну, переоделся в чистое белье, а потом, нетерпеливо затягиваясь сигаретой, ждал, что скажет Яков.

Расхаживая по комнате со скрещенными на груди руками, тот рассуждал вслух:

— Итак, что мы имеем? В сумке пять миллионов долларов. Охренеть! Как они попали на пустырь, непонятно. Кому принадлежат, неизвестно. Можно лишь предположить с полной уверенностью, что люди это очень крутые и свои деньги будут искать. Все купюры по сто баксов. Все новенькие и в банковской упаковке. Так-с... Думаю, определить номера и серии купюр для них не проблема. Тратить эти деньги — безумие. Люди, потерявшие пять миллионов долларов, обладают, по всей видимости, неограниченными финансовыми возможностями. А так как сейчас все решают деньги, эти ребята поставят на уши весь город. Воры, менты, фейсы, банковские служащие и менялы, торгаши — все будут заряжены желанием за вознаграждение отсигналить при получении малейшей информации о деньгах либо внезапно разбогатевших счастливицах. Даже если рванем в другой город или страну, нас вычислят, — Яша обреченно вздохнул и выдал: — Лучше бы ты, Гриша, сто тысяч баксов нашел, не больше.

Заметив наконец недоуменный взгляд бомжа, пояснил:

— Сто тысяч баксов мог иметь простой обеспеченный человек, например, продавший квартиру. Деньги бы искали. Дней десять... Ну, месяц. Все. А для очень крутых чиновников и бизнесменов это хоть и неплохие деньги, но недостаточные, чтобы поставить на ноги трехсоттысячный город.

— Давай вернем за вознаграждение, а? —

Гриша в уме стал прикидывать, сколько могут отвалить за такую находку.

— Ты знаешь, должен тебя разочаровать, — развел руками Яша. — Мне ничего не дадут как менту, а тебе как божму. Нас просто кинут, и мы будем всю оставшуюся жизнь мучиться от того, что в руках держали такие деньги и остались с носом, а весь город будет над нами смеяться.

Судя по выражениям лиц, такой исход не устраивал ни одного, ни другого.

— Слушай, Гриша, у меня есть план, но ты, — опер испытующе уставился ему в глаза, — должен бросить пить. Иначе всем хана — погубишь и себя, и меня.

— Что за план? Пить я брошу. Если срубим денюгу, то пропить их и не использовать шанс выбраться наверх просто глупо, — с энтузиазмом ответил Гриша, будто был готов на всё.

— Тут хитро надо... Иначе с носом останемся... Мы, точнее я, помогу им найти деньги. Они наймут меня, как и других, и именно я найду им деньги, — подбирая слова, предложил Яша, всё так же измеряя шагами расстояние от дивана до окна.

— Ты же говорил, что они кинут и тебя, и меня... — усомнился Гриша, крутя между пальцами окурок.

— Они могут кинуть мента, но юридическое лицо при грамотно составленном договоре, с продуманными нюансами — это вряд ли, — подмигнул опер, в его словах угадывалась уверенность. — Короче, так: через пару месяцев я уволюсь из органов и зарегистрирую свое детективное агентство. Понятно, что какое-то время они будут сами искать сумку, а потом перейдут к просьбам вернуть утерянное или украденное за вознаграждение. Чем дольше они будут искать, тем больше будет премия и сговорчивей будут заказчики.

— На сколько можно рассчитывать? — Гриша снова нервно закурил.

— Фирмы по возврату долгов работают за тридцать процентов. Я попрошу один миллион. Это — двадцать. По пятьсот штук на брата. Уеду в Австралию. А ты?

Гриша от такой суммы, замаячившей на горизонте, даже расстроился:

— Меня эти деньги погубят. Я бы их тебе от-

дал... Ну, в аренду, что ли. Возьми меня с собой, если все получится, конечно... А?..

— Ладно, подумаем, — пообещал опер. — Но тебе придется вернуться в подвал. В своей прежней одежде. И ничто не должно измениться. Постарайся только не пить много. Со мной на связь выходи в экстренном случае. Деньги будут у меня, я их надежно спрячу — никто не найдет. У меня здесь точно не воруют.

Всего лишь через месяц Левинский уволился по собственному желанию. Его уход, казалось, никого не удивил. В милиции всегда была большая текучка кадров. Его для приличия, конечно, пытались уговорить остаться, обещали повесить оклад на сто рублей, снять взыскание и присвоить капитана, тогда зарплата увеличилась бы еще на сто рублей, но почему-то это предложение не нашло понимания.

Еще через две недели бывший опер стал частным детективом. С Гришей они договорились встречаться раз в неделю на квартире знакомого пенсионера, бывшего мента, человека сильно пьющего и превратившего свою жизнь и квартиру в полный бардак.

К своему удивлению, Яша стал зарабатывать довольно приличные деньги. Не пошikuешь, конечно, но раза в два выходило больше, чем в уголовке. Половина заказов составляла слежка за неверными супругами, загулявшими чадами обеспеченных родителей, другая половина — консультации по общению с правоохранительными органами. Яша имел обширные связи в органах, а главное: он знал, что, где и как. Он мог дать ответ, что делать человеку, попавшему в беду, кто ему может помочь, как с меньшими потерями разрешить возникшую проблему. Раньше он помогал людям в счет зарплаты, а сейчас стал это делать за деньги. Разница в благосостоянии оказалась существенной.

А все события после пропажи денег развивались именно так, как и планировал Левинский. Сначала в родном отделе было зарегистрировано заявление от дочернего предприятия крупнейшей московской фирмы, занима-

ющейся нефтепродуктами, о пропаже при непонятных обстоятельствах сумки, в которой находились важные документы и некоторая сумма денег. Причем лощеные представители фирмы разговаривали лично с начальником отдела в присутствии высокого «гоблина» из министерства. Начальник даже вышел провожать бизнесменов и суетливо путался у них под ногами.

Через месяц во всех газетах появились объявления о том, что нашедшего сумку просят позвонить по телефону фирмы в любое время. Вознаграждение гарантировалось. Яша позвонил и поинтересовался суммой. Обещали сто тысяч рублей.

Еще через месяц в газетах появилось намного более красноречивое обращение. В нем говорилось, что воспользоваться содержимым сумки очень сложно и чревато негативными последствиями для нашедшего. Вознаграждение за информацию возросло до ста пятидесяти тысяч рублей, а за возвращение сумки с содержимым обещали миллион деревянных.

Яша был опытным сыщиком и прозондировал почву — по городу прокатилась волна суеты по розыску денег, действовали люди очень профессионально и четко. Гриша сообщил, что в кругу его приятелей-бомжей появились новые личности. Если они и опустились на дно жизни, то только недавно, да и деньги у них всегда водились.

— Засланные казачки, точно, — заверил Яшу соучастник. — Спрашивали, не пропал ли кто из наших после того дня. Не «поднимался» ли кто. Да и истории разные рассказывали, как бомжам иногда везет найти кольцо золотое или пачку денег. Ну как дети... — довольно усмехнулся Гриша.

— А ты?

— Обижаетесь, начальник! Долго ждать-то еще?

— Не знаю. Месяц, может, больше...

Примерно через три недели к Яше обратились из службы безопасности той самой фирмы и договорились о встрече. В кафе его ждали двое мужчин лет сорока пяти — пятидесяти. Оба одеты с иголочки, от них пахло дорогой

туалетной водой — баксов сто за флакон, не меньше.

Первый представился Олегом Станиславовичем, и Яша почему-то сразу понял, что он бывший комитетчик. Второй был попроще, и было видно, что он еще не привык ни к дорогому костюму, ни к дорогим ароматам, ни к слащавой манере разговора своего коллеги. «Наверное, опер с уголовки», — догадался Яша. Бывшего опера с уголовки, как оказалось, звали Сергеем Ивановичем.

«Безопасники» с ходу предложили Яше заняться сбором информации по исчезновению сумки. Он заметил, что они уже явно устали от поисков и, скорее всего, теперь им надо для начальства просто списать очередную сумму, выделенную на розыск.

— Чтобы качественно проводить розыскные мероприятия, мне необходимо знать, что было в сумке, — Яша, сохраняя спокойствие, внимательно смотрел на комитетчика, который был, естественно, главным.

— Деньги... Много денег... Валюта... Пять миллионов долларов... Все в банковских упаковках, все купюры по пятьсот зеленых. Номера имеются. Насколько мы знаем, деньги в нашем регионе не всплывали, — устало ответил Олег Станиславович. Судя по всему, на положительный результат поисков он особо не рассчитывал.

— Аванс будет? — Яша решил сразу брать быка за рога.

— Да, на первое время получите тридцать тысяч рублей. Отчет по работе и расходам — каждые три дня. Никакой туфты.

— Давайте так, — деловито начал Яша излагать давно обмозгованный план. — Мы составим договор. За информацию, которая позволит выйти на людей, причастных к пропаже, — пятьдесят тысяч долларов. За человека, который вернет вам сумку с деньгами, — сто тысяч долларов. Если я вам принесу сумку с пятью лимонами — лимон баксов.

Услышав про миллион, комитетчик аж подпрыгнул на стуле.

— Что значит «человек с сумкой»?

— Понимаете, в ходе работы я могу выйти на человека, но вынудить его сознаться, где день-

ги, — не факт. Будут ли у меня полномочия обещать ему вознаграждение и сохранение инкогнито — вот вопрос, — терпеливо растолковывал Яша.

— А миллиона долларов не много? — в разговор включился Сергей Иванович.

— А вы имеете полномочия устанавливать сумму премиальных? — поддел несговорчивых собеседников Яша.

— Вообще, откуда у вас уверенность, что сможете вернуть нашей фирме деньги? У вас есть наработки, информация? — начал докапываться комитетчик.

— Может, и есть. Может, нет, — Яша многозначительно помолчал и неторопливо взглянул на часы. — А мы еще не договорились по поводу суммы.

— Хорошо, мы доложим руководству и позвоним дня через три.

Бывшие коллеги поняли, что Яша — крепкий орешек. Им ничего не оставалось, как свернуть беседу. Они встали и по очереди пожали Якову руку, тем самым показывая, что на сегодня разговор окончен.

Яша направился к выходу из зала кафе.

Комитетчик посмотрел на подчиненного и задумчиво произнес:

— Этот еврей что-то знает...

— Может, и знает, а может, просто блефует, хочет вытянуть побольше денег. Терять-то ему нечего.

Олег Станиславович спешно вытащил мобильник и набрал водителя, который их привез на встречу.

— Даниил, сейчас из кафе вышел мужчина. Около тридцати лет. Среднего роста. Одет в дешевую коричневую кожанку. Похож на еврея. В руках — дорожная сумка. Попаси его до подхода нашей наружки. Имей в виду: он бывший мент, может срисовать.

Комитетчик сбросил на телефоне вызов, окинул взглядом почти пустой зал.

— К вечеру у меня должно быть полное досье на него. Беги, работай, не хрен деньги зря получать.

Сергей Иванович обиделся, но виду не подал. Неприязнь между сотрудниками МВД и ФСБ общеизвестна. Менты считают фейсов

бездельниками и чистоплюями, получающими более высокое денежное содержание за непыльную работу. Контингент ФСБ — иностранцы, чиновники, ученые и крупные торгаши, это тебе не вшивые, вонючие бомжи и отмороженные уголовники. Комитетчики же никогда не доверяли ментам и чуть ли не в каждом видели взяточников и мздоимцев, короче, угрозу общественной и государственной безопасности. Государевы люди второго сорта...

У Сергея Ивановича была свежа в памяти история, как на уборщицу здания ФСБ напал грабитель и стал вырывать сумку. Находившийся неподалеку комитетчик подоспел вовремя и задержал преступника. Приехал наряд милиции. Возбудили уголовное дело. МВД хотело поощрить разведчика, но руководство ФСБ запротестовало и ответило отказом. Еще не хватало, чтобы менты офицера ФСБ награждали! Самое смешное в этом деле было то, что в сумке у уборщицы обнаружилось множество безделушек, которые до этого пропадали из кабинетов сверхсекретной организации с завидной регулярностью.

Вместе бывшие силовики Сергей Иванович и Олег Станиславович стали работать по воле директора фирмы. Константин Геннадьевич Тверской когда-то сам служил в ГРУ Генерального штаба Министерства обороны СССР и никому не доверял. Он прекрасно знал о соперничестве представителей двух спецслужб и специально определил в службу безопасности двух таких разных людей. «Разделяй и властвуй», как говорили древние римляне. Да и различный подход к решению вопросов безопасности фирмы, по мнению Тверского, должен был пойти только на пользу.

Яша, конечно, предвидел такое развитие разговора с представителями фирмы и его последствия, но не ожидал, что его начнут пасти сразу. «Ну ладно. Поиграем», — решил он про себя. Через час детектив «проверился» и понял, что за ним ходят уже профессиональные «ноги».

Через три дня договор всё же был заключен. Правда, сумма вознаграждения была снижена

ровно вдвое. Ну, полмиллиона баксов тоже ничего.

Каждый день на стол начальника безопасности фирмы ложились отчеты работы сотрудников отделения безопасности по наружному наблюдению и технического отдела: «Объект встречался с сотрудниками Заречного уголовного розыска.

Объект встретился с нелегальными торговцами валютой.

Объект имел контакт со службой безопасности банка «Русский мираж».

Объект распивал спиртные напитки с лицами бомж перед овощными базами на улице Завгородной, после чего пятнадцать минут его рвало в кустах за остановочным комплексом. Место осмотрено. Ничего подозрительного не обнаружено.

Объект осуществлял скрытое наблюдение за мужчиной средних лет и девушкой лет восемнадцати, проституткой агентства «Сладкие карамельки».

Объект встретился с группой несовершеннолетних с криминальной направленностью поведения.

Объект распивал спиртные напитки с тремя мужчинами в сауне «Оторвись». Установлено, что мужчины являются участковыми уполномоченными Первоапрельского РОВД.

Объект посетил дом ночного пребывания для лиц бомж.

Объект посетил ресторан «Чебурашка», где распивал спиртные напитки с сотрудниками уголовного розыска города по поводу профессионального праздника.

Объект посетил отдел транспортной милиции».

Прослушка телефонных переговоров Яши и осмотр его комнаты каких-либо результатов не дали. Легендированный опрос соседей тоже ни к чему не привел. Через две недели Олег Станиславович приказал прекратить разработку объекта и снять наружное наблюдение.

За прошедшие с этого времени три месяца случилось несчастье. Гриша попал в наркологию в состоянии сильнейшей алкогольной интоксикации, был на грани комы, но обош-

лось — врачи откачали. Яша узнал об этом случайно и сразу с соблюдением необходимой конспирации нагрянул в отделение ИТАР. В палате, куда провели Яшу, кроме подельника, никого не было. Гриша лежал под капельницами и спал. С трудом приоткрыв отяжелевшие веки, он увидел над собой склонившегося Якова. На нем от расстройства лица не было, но вместо долгих внушений он взял себя в руки и сухо сказал:

— Не пугай меня больше. Береги себя, — бывший опер оставил пакет с соками и деликатесами, после чего вышел из палаты.

Что-то в душе у Гриши-«Человека» дрогнуло и перевернулось. Расчувствовавшись, он даже всплакнул, старательно пытаясь проморгать слезу. Вот в это самое мгновение, когда за Яшей Левинским закрылась белая больничная дверь, он понял две вещи. Первая — что он не ошибся в Якове Самуиловиче и все будет хорошо. Вторая — что пить он больше уже точно не станет.

В канун Нового года Яша сообщил в фирму, что ему удалось найти деньги — все пять миллионов долларов в целости и сохранности. Сергей Иванович назначил встречу в офисе, и в тот же день Яша принес три лимона в той самой сумке, которую бомж Гриша нашел на пустыре. «Безопасники» удивились или сделали вид, что удивились. Олег Станиславович подозрительно посмотрел на Якова и спросил:

— А где еще два?

О, как ждал бывший опер этого вопроса! Он с заговорщицким видом улыбнулся и попросил перечислить на его счет в банке всю сумму причитающегося вознаграждения. Олег Станиславович напрягся и угрожающе поднял бровь.

— А после оплаты моей работы принесу остаток. Всё по-чесноку, как договаривались, — добродушно, но твердо заверил Яша, давая понять, что других вариантов быть не может.

Знал бы Олег Станиславович, откуда уши торчат! Схему передачи денег подсказал не кто иной, как бывший опер московского уголовного розыска, тот самый Сергей Иванович Мельников, а нынче — его коллега, который

сейчас сидел за одним столом с комитетчиком. Не бесплатно, разумеется. За десять тысяч долларов США. И, естественно, в тайне от своего «старшего брата».

Олег Станиславович изначально и не собирался платить какому-то Яше Левинскому, и на это у него имелись заранее подготовленные ходы. В конце концов, забрать у него деньги и выставить подальше... Но Яша упёрся рогом: «утром — деньги, вечером — стулья». В итоге после долгих уговоров и увещеваний, намёков, консультаций с начальством комитетчик с треском согласился перевести обещанную сумму на Яшин счет, что и было сделано. Почему и как его перехитрил какой-то бывший «земельный» опер, он так и не смог понять, и не надо. Да и к тому же должно ведь простому оперу Яше и бомжу Грише когда-то в этой жизни подфартить?.. Хотя бы в тот самый день...

Через полгода счастливые обладатели солидного состояния Яша и Гриша отбыли в Москву, откуда самолетом полетели на зеленый континент под названием Австралия, где всегда тепло и прыгают кенгуру.

Перед отъездом весь Первоапрельский отдел гулял с небывалым шиком. Потерпевшие с не-

доумением глядели, как в помещение милиции постоянно завозили длинноногих девиц и пакеты с дорогой выпивкой. Задержанные пьянчуги и бомжи на следующий день не хотели уходить из камер административно задержанных, где всюду стояли марочные вина, виски и заморские яства.

Через пару месяцев от Левинского на адрес отдела пришло письмо с фотографией, где он и Гриша были запечатлены в обнимку с кенгуром на фоне безбрежного зеленого океана. Они были такие разные: маленький, похудевший чернявый Яша и располневший рыжий Григорий, которого все с трудом узнали. Общим был их вид — так выглядят люди, чья жизнь удалась.

□

Эдуард Викторович ПУОЛОКАЙНЕН

*родился в 1968 г. в пос. Соломенное (Петрозаводск),
в семье финнов-ингерманландцев.*

Срочную службу проходил в частях спецназначения ВВ МВД.

Окончил истфак Петрозаводского государственного университета.

*В правоохранительных органах прошел путь
от рядового до майора милиции.*

Дважды находился в служебных командировках в Чеченской республике.

Награжден шестью правительственными и ведомственными медалями.

В настоящее время пенсионер МВД.

Заместитель генерального директора

«Агентства экономической безопасности НОРМАН».

Александр Николаевич КОВАЛЕВ —

доктор технических наук.

Поэт, прозаик, публицист,

автор многих книг и публикаций в периодике.

Член Союза писателей России,

лауреат премии Ленинского комсомола и Всероссийской

литературной премии им. Бориса Корнилова.

Профессор,

академик Петровской академии наук и искусств.

Член редакционного совета журнала «Север».

Живет и работает в Санкт-Петербурге.

**Александр
КОВАЛЕВ**

г. Санкт-Петербург

«И светлеет небо и душа...»

ЗАКЛИНАНИЕ

Когда сорвавшийся болид
сгорит дотла в пыли обочин,
и боль ночная отболит
на переломе дня и ночи.

Когда в гранитный парапет
волна устанет биться с лёта,
и бледный августовский свет
затеплится у переплёта.

Когда на стыке двух времен
есть полчаса до первой птицы,
я умоляю об одном:
пусть сон сомкнет твои ресницы.

Пусть хоть на эти полчаса
твой сон не потревожат гулко
ни звук шагов, ни голоса,
ни шелест листьев в переулке.

Пусть хоть на стыке двух времен
тебе, как в юности, приснится
и светлый, и счастливый сон
за целый миг до первой птицы.

* * *

Всего-то и дел, что рукой дотянуться
и нужные в россыпи клавиш найти,
пока необузданный
сиюминутный
в душе не остыл,
не распался мотив.

Но, видимо, в жизни, поспешной и шалой,
такая нам выпала доля уже:
хотелось,
мечталось,
но что-то мешало
прислушаться к нежно поющей душе.

Какой-то пустяк —
сквознячок, мелочевка —
некстати по краешку прошебаршил.
А песня меж тем отболела
и смолкла,
и, может быть, лучшая песня души.

Теперь не осилить, назад не вернуться,
не вспомнить,
не вырвать —
свисти не свисти.

А стоило только рукой дотянуться,
и клавиши тронуть,
и вместе свести.

ОБЛАКО

Посреди степного зноя,
космы в небе разметав,
это облако шальное
шло за мною по пятам.

Не гремело,
не сверкало,
молчаливее ножа,
настигало,
настигало,
ну а я бежал,
бежал.

Разрывая сухожилья,
мчался, ноги кровеня.
А оно легко накрыло,
но не тронуло меня.

Только тень мою качнуло
в оседающей пыли,
замело,
перечеркнуло,
словно вытерло с земли.

ПРОЗРАЧНОЕ

Вот и пришло опять
время пустых скворешен.
Листья сгребает мать,
пилит отец черешню.

Ходит в руке пила,
точит кору сухую —
жалко, а все ж пора,
время сажать другую.

Где-то сквозь листопад
плачет чуть слышно птица.
Ветер летит сквозь сад —
не за что зацепиться.

СТАРУХА И КОТ

По ночам в постель приходит кот —
бестия, с которой днем нет сладу.
Он на грудь ей голову кладет
и заводит долгие рулады.

Он старухе что-то говорит,
деликатно обходя вопросы:
Скоро ли рябина отгорит?
Скоро ли поставит точку осень?

Прикорнув на одеяла край,
он одну лишь ноту тянет строго,
словно просит:
— Ты не умирай,
поживи еще, но хоть немного...

Гаснут в небе звезды не спеша.
Им диванчик ни убог, ни тесен.
И светлеют небо и душа
от кошачьих немудреных песен.

* * *

Ветер листья перетасует
и небрежно швырнет во дворе.
Он, похоже, один не рискует
в этой самой последней игре.

Отшумели зеленые страсти,
и не важно, кто ставил всерьез —
одинаково битые масти
на руках у осин и берез.

А под небом, сырым и косматым,
одинаков и вечен исход —
заплатить увядающим златом
за еще один прожитый год.

Елена НАУМОВА

г. Киров

*«... Да, такое короткое лето,
А любовь — от земли до небес».*
(Е. Наумова, «Короткое лето»)

Сани вмещали в себя не менее трех человек. Внушительные, с круто загнутыми полозьями, они по сравнению с детскими — «магазинскими» — казались сказочными и производили впечатление даже на видавших виды пожилых людей, которые вечерами толпились возле ледяной горы, вспоминая свою молодость. Смастерил их прадед Коли и Ксении. Были времена, когда на этих санках возили в бочках и воду из колодца, и молоко в больших ведрах... Да мало ли чего нужно в деревне по хозяйству, где жил когда-то прадед Николая и Ксюши.

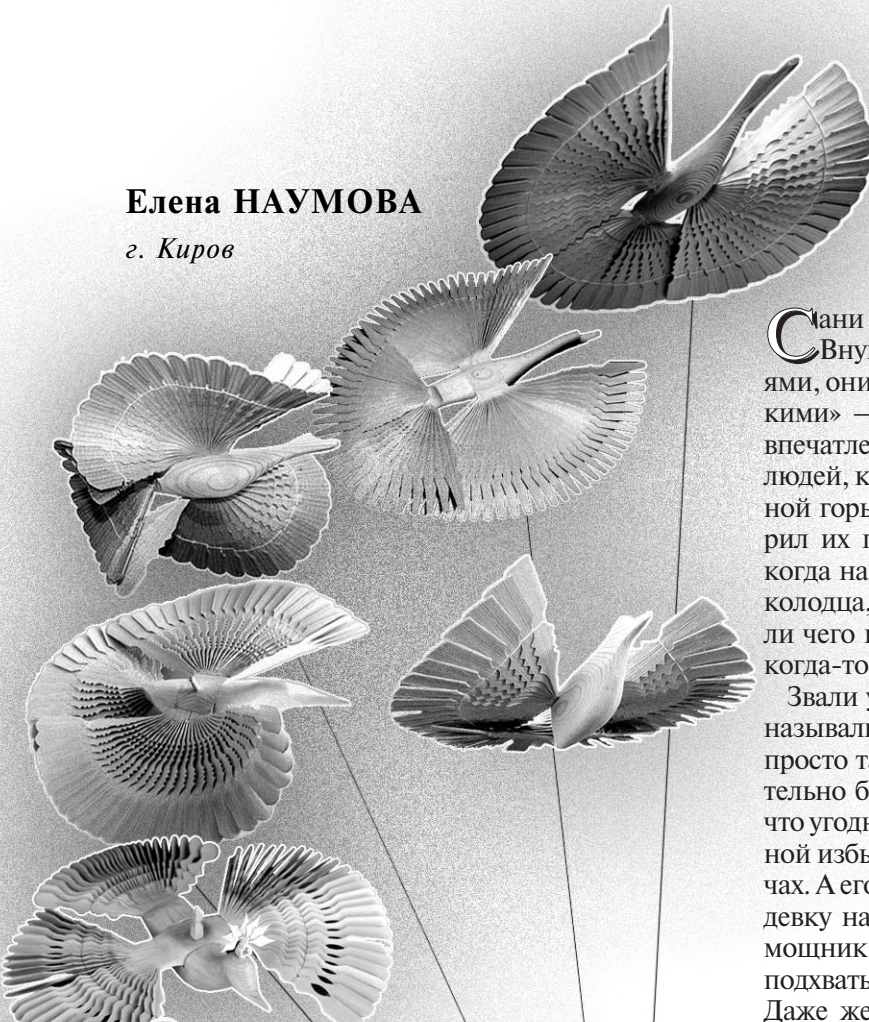
Звали умельца Егором, но свои, деревенские, называли его чаще всего Рукастым. А в деревне просто так не окрестят человека. Егор действительно был мастер на все руки: мог сделать все что угодно — от детской свистульки до пятистенной избы. Был он высок, белокур, широк в плечах. А его васильковые глаза «засушили» не одну девку на деревне. Был у Егора друг Иван, помощник во всех делах: один начинает, другой подхватывает. Так и жили они не разлей вода. Даже женились друзья в одно и то же время. Влюбился однажды Егор, да так, что не стал тянуть со свадьбой. Иван решил не отставать от друга — последовал его примеру. Так что отплясала деревня сразу две свадьбы. Неделю ходунном ходила. Только пожилы друзья с молодыми женками с осени до весны. А там — война. Оба — два сапога пара — на фронт. Вскоре на Егора пришла похоронка, а Иван пропал без вести.

Историю эту рассказывал отец Коли и Ксении каждую зиму, когда шел в очередной раз в сарай за удивительными санями. Брат с сестрой знали ее наизусть, да и соседка Анюта, вечная их подружка, тоже представляла в лицах двух неразлучных друзей, соорудивших такую удивительную конструкцию, но каждый раз все слушали внимательно, не перебивая.

Впервые увидев такую сказочную махину на ледяной горке, сорванцы из соседних дворов сначала потешались над неразлучной троицей. Но когда поняли, что к чему, когда увидели, с какой скоростью несутся эти самые санки, то робко в очередь стали просить прокатиться хоть

От земли до небес

повесть

по разочку. Друзья не жадничали, с удовольствием делились неопишмым удовольствием.

Но пришло время, и горку сровняли — могучие КамАЗы превратили ее в обычную дорогу. Кататься по этой дороге теперь было небезопасно, да и такого куража, как раньше, уже никто не испытывал. Все-таки одно дело настоящая ледяная гора, по которой летишь со свистом в ушах, и совсем другое — обычная дорога с небольшим уклоном. Да и ребята подросли. Поменялись игры и развлечения. Чудесные сани были втиснуты в дальний угол сарая. Теперь зимой чаще всего бегали на каток, который каждую зиму заливали рабочие завода, где работали родители Коли и Ксени.

Лучше всех на коньках каталась Ксения. Они хоть и были с братом близняшками, но совсем не походили друг на друга. К тому же в восьмом классе Ксения переросла Колю на полголовы, за что тот ее прозвал дылдай. Успокаивало Колю то, что хоть Анюта ниже его. Та была маленькая, тихая, как ее мать-портниха, которая целыми днями принимала заказы на дому в своей однокомнатной квартирке.

Коля с Ксеньей жили в трехкомнатной. Одна комната была родительская, другая, побольше — проходная, принадлежала Коле, чему в раннем детстве он был несказанно рад. Во-первых, комната самая большая, во-вторых, не скучно: сестра то и дело сновала туда-сюда из своей маленькой светелки, в-третьих, всегда можно было пригласить сколько угодно друзей. Но в девятом классе Николаю вдруг все это перестало нравиться. К Ксене зачастили девочки, в том числе и соседская Анюта. Теперь уже не побегаешь по комнате в трусах и майке. И вообще, сейчас он чувствовал себя, как в гостиничном номере, куда в любую минуту могла ворваться горничная. В последнее время Николай пристрастился читать и даже писать стихи, и уединение ему было просто необходимо.

— Ксень, давай поменяемся, — в который раз приставал он к сестре. — У меня места больше, окно с балкончиком... Телевизор! — сделал паузу, выкладывал он главный козырь.

— Телик — это хорошо, — томила его Ксения. — Правда, на кухне тоже есть, хоть и маленький. Да нет, пожалуй... — как бы колеблясь, качала головой сестра. Вот это напускное неуверенное

«пожалуй» больше всего задевало Николая. Если бы она сразу отрезала: — Ни за что! — было бы легче. А то «да не-ет, пожалуй».

— У, дылда! — злился Колька. — От кого тебе там закрываться? Посплетничать?

— А тебе от кого? Позатворничать? Стихи по-сочинять? — язвила сестра.

— Что вы все ссоритесь? — однажды за обедом не выдержала мать.

— Да это он в Анютку влюбился, — ехидно объяснила Ксения.

— Чего-о? — от такой неожиданной стервозности Николай даже покраснел.

Приходила Анюта, и Ксения с подружкой удалялись в девичью светелку, демонстративно щелкая замком. А Николай валился на диван, вытаскивал из-под подушки томик Есенина и тихо шевелил губами:

*Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут...*

Учились все трое в одном классе. Анюта училась ровно — хорошо. Брат с сестрой средне — ни хорошо, ни плохо. Правда, в последнее время Николай как-то резко повысил успеваемость по литературе, чем вызвал усмешки не только у сестры, но и у одноклассников.

В десятом классе к ним пришел новичок. Звали его Димой. Был он высоким, спортивным и столичным. Этот налет столичности проявлялся во всем: и в снисходительном отношении к учителям, которые, кстати, все прощали новому ученику, хотя бы потому, что все предметы он знал отменно, и в едва скрытой насмешке к новым одноклассникам. Все в новоприбывшем говорило о том, что он беспорный лидер, все в нем было броским, выдающимся, особенно зубы. Взгляд любого невольно притягивала его широкая улыбка.

— Может, протезы? — в шутку сомневались ребята.

Но зубы были настоящие: крепкие, ровные, великолепные. К тому же рот Димы был устроен так, что его губы почти никогда плотно не закрывались. И все это яркое великолепие просто ослепляло собеседника. Ослепляло, но не восхищало, даже наоборот... Как-то раздражало. «Зубоскал!» — выстрелил кто-то мгновенно и в

точку. Прозвище прилипло намертво. Правда, называли его так только за спиной. Класс в основном разделился на завистников и подлиз. Дима же с превосходством поглядывал на ребят, не испытывая к ним никакого интереса. Но однажды, когда тихую Анюту вызвали к доске, его издевательская улыбка превратилась в легкую изумительную.

Внимательный Коля тотчас заметил эту перемену. Сердце его закачалось. А тревога подтвердилась. После уроков Дима в своей шикарной куртке с капюшоном, обшитым дорогим мехом, не поспешил домой, как обычно, а остался стоять возле раздевалки.

— Ну, скоро вы? — нарочито грубо крикнул Коля, обращаясь к сестре, а стало быть, и к ее неизменной подруге Анюте.

— Что случилось? Пожар? — буркнула Ксения, но, наткнувшись взглядом на широкую Димкину улыбку, замерла. Потом как-то растерянно посмотрела на подругу, неловко натянула пальтишко и, словно боясь разбиться о белый часток кол зубов, поспешно выскочила из раздевалки.

Николай, конечно же, все это опять заметил и... обрадовался. Как он и предполагал, на улице Дима увязался за неразлучной троицей, хотя жил совсем в другом районе. Коля упрямо старался идти рядом с Анютой, которая в свою очередь схватила под руку его сестру. Так что улыбочивому провожатому пришлось пристраиваться со стороны Ксени.

«Так тебе!» — злорадно подумал Николай.

— А знаете, — нарушил молчание навязчивый провожатый, — под Москвой есть такая птицефабрика, где выращивают самых отменных кур. Раньше их даже доставляли прямо в Кремль.

— Ну и как? — спросил Коля.

— Что как? — снисходительно улыбнулся провожатый.

— Вкусные куры?

— А то! Не то что здесь — синенькие, дохленькие...

«Здесь» — всех как-то царапнуло.

— Ну и катился бы к своим кремлевским курам! — не выдержал Коля.

— Хватит тебе, — перебила брата Ксения. — А я бы с удовольствием попробовала хорошей курятины, — она попыталась заглянуть Диме в глаза. Но глаза его, как всегда, ничего не выражали.

Некоторое время шли молча.

— А пойдемте сегодня в кино, — покосившись на Анюту, не сдавался новенький.

— Пойдемте! — радостно воскликнула Ксения.

— Аня, а ты как? — обратился он к Анюте.

Аней Анюту еще никто никогда не называл, и девушка, смутившись, промолчала.

Николай фыркнул и отвернулся.

— Ее вообще-то Анютой зовут, — ревностно поджав губы, поправила новоявленного кавалера Ксения.

— Какая разница?.. — обнажил ровные зубы Дима.

— Большая, — возразила молчаливая Анюта, и все даже приостановились.

— Ну, ладно, — сдался новичок. — Не хотите в кино, пойдемте в какой-нибудь развлекательный клуб, что ли. Или ко мне...

— С чего это?! — взорвался Николай. — Нам и без тебя, и без твоих клубов неплохо живется.

— Ну и где же вы вечерами тусуетесь?

— В подъезде! — снова с вызовом ответил Николай. — Мы все в одном доме живем, в одном подъезде — чего нам куда-то бегать. Мы и так вместе.

— Ясно! — улыбнулся Дима. — Тогда придется мне как-нибудь к вам зайти, — и, развернувшись, зашагал в свою сторону.

— Ну зачем ты так, — заканючила Ксения. — Нормальный парень. Прикольный.

— Прико-о-ольный, — грубо передразнил брат, и они оба посмотрели на Анюту.

Та задумчиво промолчала.

Дима сдержал свое слово и однажды снежным вечером пришел в подъезд двухэтажного дома, где жили ребята.

— А вот и я. Как обещал, — широко улыбнулся незваный гость. Он стряхивал с себя снег, игриво поглядывал на изумленных ребят, всем своим видом показывая, что они еще не поняли, какое счастье им привалило.

Ребята молчали. Только влюбленная Ксения начала понемногу приходить в себя. Наконец она разулыбалась, подошла к «подарку судьбы», приглашая его на второй пролет этажа. — Проходи, садись. Здесь чисто.

Николай с Анютой не проронили ни слова. Вскоре наверху послышалась веселая возня. Но-

воявленный ухажер что-то рассказывал Ксене на ушко, отчего та начинала громко и заливисто хохотать. Больше всего это злило Николая — какая-никакая, а сестра. Он уже начал закипать, как включенный чайник, и после очередного взвизга сестры не выдержал, встал, тяжело ступая, преодолел первый пролет, второй, вырос перед раскрасневшейся парочкой (Ксения от удовольствия даже расстегнула пальто) и приказал на правах старшего брата.

— Вот что, сестренка, не пора ли нам домой. А то родители начнут беспокоиться...

— Да что ты! — вытирая слезы, выступившие от смеха, удивилась Ксения. — Время-то детское.

Дима, развалившись на ступеньках, как в мягком кресле, безмятежно улыбаясь, смотрел на грозного одноклассника.

— Я кому сказал! — голос у Николая от возмущения дрогнул, и, зная брата, Ксения поняла, что тот не шутит.

— О господи, — нехотя поднимаясь, проворчала она. — Время-то детское...

— Иди-иди, — подтолкнул ее брат. Протопап несколько ступенек и миновав площадку, брат с сестрой скрылись за дверью. И тут Николай сообразил, какую ошибку он совершил. Неисправимую ошибку — Анютка-то осталась наедине с этим любителем кремлевских кур. Мысли так и метались в его бедной голове. «Сиди бы эта Ксенька с ним, хихикай сколько влезет», — думал Коля, стягивая старенькую куртку и зло поглядывая на сестру, словно та была виновата во всех его страданиях. Он даже зажмурился, представив, что может происходить там, на лестничной клетке. Но в эту секунду входная дверь подъезда громко хлопнула. Брат с сестрой посмотрели друг на друга и замерли — не скрипнет ли соседская. Но в подъезде воцарилась тишина.

— Эх!.. — Николай сорвал с головы вязаную шапку и в сердцах хватил ею об пол. Шапочка мягко и бесшумно шлепнулась и совсем не раздрадила Колиной досады.

— Может, выйдем, догоним, — предложила Ксения.

— Дура она и в Африке дура, — с сожалением взглянул на нее Николай и направился на кухню, чувствуя, как зверски проголодался и что может сейчас съесть все и всех.

На улице стоял тот самый нежный снежный вечер, о каких в былые романтические вечера пели:

*Снег кружится, летает, лета-а-ет,
И, поземкою клубя,
Заметает зима, замета-а-ет
То, что было до тебя...*

— Красиво, — сказала Анюта, подставляя ладошку для белых бабочек-хлопьев.

— Николаша-Нидвораша, — проворчал Дима, зло стряхивая с себя надоедливые снежинки.

— Что? — не поняла Анюта.

— Лузер, говорю, беспортошный.

— Понятно, — кивнула Анюта. — Так и я, выходит, беспортошная: Анюта без уюта.

— Ты другое дело, — сверкнул зубами Дима.

— Вот выйдешь замуж за такого, как я, и будешь очень даже портошная и в уюте. Весь мир увидишь.

— А ты в Израиле был? — перебила его девушка.

Дима снисходительно хмыкнул:

— И в Израиле, и в Америке, и во Франции...

— Ну и как там, ничего? — тоже снисходительно улыбнулась девушка.

Дима понимал в улыбках, и эта, Анютина, его тотчас задела. Задело его и то, что она пропустила мимо ушей намек (хоть и шуточный) на замужество.

— Там? — прищурившись, посмотрел он на спутницу. — Там побывать надо. Например, подняться на Эйфелеву башню и своими глазами увидеть сверху весь Париж.

— Увидеть Париж и умереть... — Анюта внимательно посмотрела в Димины глаза.

— Зачем умирать? — впервые смутился невозмутимый юноша. — Еще полно всего другого интересного. К примеру, музей Сальвадора Дали. Там есть такая экспозиция — «Текущее время» называется. Я даже тайком ее сфотографировал. Да ты вообще-то знаешь ли, кто такой Сальвадор Дали? — в голосе рассказчика опять прозвучала насмешка.

— Слышала, — убедительно, без тени смущения кивнула Анюта.

Некоторое время под шорох снегопада они шли молча.

— Окончишь школу, куда пойдешь? — нарушила молчание девушка.

— Да уж, разумеется, не в ваш пединститут.

— А что так? — стараясь не обращать внимания на издевательскую интонацию Димы, удивилась Анюта. — У нас отличные знания дают и языкам хорошо учат.

— Чудо ты мое! — Дима приобнял Анюту за плечи. — Да я почти в совершенстве знаю английский и немецкий. Французский, правда, так себе. Вот напрягусь...

— А русский? — снова перебила его Анюта, любясь медленным полетом снежинок.

— Не понял? — Дима надвинул на голову капюшон, скрываясь от снегопада.

— Ну, русский язык, русскую литературу любишь?

— В смысле?

— Ну кого, например, из поэтов любишь?

— А-а... — кисло протянул Дима. — Я люблю все новое. Есть пара-тройка поэтов, но ты о них точно не слышала. Люблю перформанс. А старая литература отмирает. Шестидесятники как ни пыжились, но еще чуть-чуть, и их забудут.

— А у меня отец из тех самых шестидесятников. Поэт. Хорошие стихи писал.

— Да? — Дима от неожиданности даже остановился. — И что, много книг у него вышло?

— Ни одной. Но стихи остались. В школьных тетрадях... От руки записанные. Я читала. Очень талантливо.

— А кто-нибудь еще читал? — осторожно спросил Дима.

— Конечно. Моя мама читала, ее друзья...

— Н-ну, не знаю, — Дима действительно не знал, как отреагировать. Сказать Анюте, что, скорее всего, это бред собачий, графоманские потуги. Ведь если бы было что-то стоящее, то обязательно бы всплыло. Но, так сказать, значит разорвать с прелестной девушкой отношения навсегда, и Дима только покашливал, все глубже пряча голову в капюшон. Ему хотелось изменить тему, перейти на что-то современное, прикольное.

— Хочешь, я попытаюсь объяснить тебе, что такое перформанс?

— Попытайся, — улыбнулась Анюта. Она все еще была во власти нежных воспоминаний об отце.

— Представь, — наконец собрался он с мыс-

лями, — если мы сейчас абсолютно голые вот в этом сугробе на виду у всех начнем заниматься любовью...

— То ты тогда кое-что отморозишь. И я тоже, — расхохоталась Анюта, посмотрев на своего продрогшего спутника.

— Ну не хочешь представлять себя, — настойчиво пытался объяснить девушке Дима суть перформанса, — представь меня и Ксению...

— Ты что, чокнутый?! — Анюта остановилась. — Если уж тебе хочется заняться... этим, так почему именно в сугробе и прилюдно?

— Вот! — восторженно воскликнул Дима. — Тут собака-то и зарыта. Мы привыкли ставить цифры так: один, два, три, четыре, пять... А почему не два, пять, три, один...

— Зачем?

— Да затем, что так интересней.

— Но это же хаос. Так можно и алфавит весь перемешать.

— Можно! — торжественно воскликнул Дима. — И нужно!

— Ну ладно. Хватит. Я устала и хочу домой, — сказала Анюта.

— Постой, — схватил ее за руку Дима. — Здесь рядом есть прелестная кафешка. Маленькая, уютная. Пойдем — отдохнем, перекусим. Я зверски проголодался.

У Анюты заурчало в животе, и она сдалась.

Кафе действительно было маленьким — всего пять столиков. Мягкий свет и тихая музыка успокоили настороженную девушку. Они сняли верхнюю одежду, повесили на рогатую вешалку у входа и выбрали столик в углу.

За стойкой бара стоял молодой человек кавказской национальности. Увидев Диму, он радостно улыбнулся, закивал и протянул посетителям меню. Анюта пробежала глазами по заламинированным листочкам, и первое, что ей бросилось в глаза — «жюльен с грибами». Она ни разу в жизни не пробовала этого блюда, хотя грибов испробовала в самых разных вариациях. Но слово «жюльен» манило невероятно.

— Ну что, выбрала? — поторопил ее Дима. — Дай-ка теперь я гляну, — он бесцеремонно выхватил у девушки меню, быстро разобрался что к чему и начал заказывать:

– Мясо с овощами, салат с креветками, ну... и, пожалуй, жульен с грибами. И шампанского!

– А даме? – улыбнулся бармен (он же по совместительству официант), многозначительно глянув на Диму.

– Дама, а дама, что прикажете? – игриво подмигнул Дима, вытаскивая из тугого кошелька деньги.

– Н-нет, – замотала головой Анюта.

У бармена округлились глаза:

– Как нет? Совсем нет?

– Ну вот если только чаю, – она подумала, что на чай у нее точно хватит.

Официант пожал плечами и пошел выполнять заказ.

– Что, не проголодалась? А-а! Я понял! – Дима стукнул себя ладонью по лбу. – Фигуру бережем. Форму держим. Правильно! Сейчас форма – это все.

Вскоре на столе появилось шампанское, ароматное мясо, салат и вожделенный жульен в маленькой железной сковородочке. Перед Анютой возникла чашечка с ароматным чаем. Пробка лихо взлетела в потолок, и Дима залпом осушил пенящийся бокал. Анюта же для отвода глаз пригубила шампанское и уткнулась в свою чашку. Жульен стоял рядом с ней, и для голодной девушки это было нешуточным искушением – запах кружил голову. Она вытащила из маленького кармашка джинсовой куртки пятьдесят рублей, незаметно подсунула под блюдце и, с трудом улыбнувшись своему спутнику, встала из-за стола со словами: «Я сейчас...» Бармен зачем-то удалился на кухню, в маленьком зальчике никого не было, Дима сидел спиной к выходу, поглощенный чревоугодием, и Анюта, схватив пальто с рогатой вешалки, незаметно выскользнула за дверь.

Ворвавшись в свою квартиру, чуть успокоившись, она выдохнула:

– Мама, я есть хочу, умираю.

– О господи, – запричитала мать. – Так вот же суп овощной, сейчас подогрею, минтай вот с картошечкой поджарила...

– А я хочу жульен! – крикнула Анюта и расплакалась.

– Кого? – не поняла мать, но почувствовала, что дочь не на шутку расстроена.

Девушка ела, и слезы текли и капали в тарелку с остывающим супом.

– Мам, – повернулась она к испуганной матери, – а что, у отца ни одного, ни единого стишка не напечатали?

– Напечатали, – не вполне уверенно ответила пожилая женщина. – В школьной стенгазете постоянно печатали, в заводской многотиражке... Многие тогда его стихи от руки переписывали, – голос у нее становился все увереннее. – Мне он целую тетрадь посвятил. – Ее глаза уже блестели каким-то неведомым Анюте светом. – Он настоящий поэт. Поэтому и погиб так рано...

– Да верю я, верю, – подошла к матери Анюта.

– Так чего ж ты так ехидно спрашиваешь, а? А почему книги не вышли? Так не успел. У других, правда, много выходит. Но ведь не все то золото, дочка, что блестит.

– И что на виду, – добавила Анюта, прижавшись к матери.

В это время Николай с сестрой молча сидели на кухне. Проглотив на ужин колбасу с рожками, Николай ничуть не подобрел. Громко отхлебывая чай, он рисовал в своем воображении одну картину страшнее другой.

– Прекрати швыркать! – не выдержала Ксения.

– А ты бы помолчала. Зачем потащила за собой этого Зубоскала. Что, вторилась?

– Ага, теперь я во всем виновата стала.

На кухню заглянула мать.

– Вы чего так расшумелись?

– А ничего, – вскочил из-за стола Николай. – Не буду я больше ходить в этой задрипанной курточке. С восьмого класса таскаю. Сейчас такие никто уже не носит.

– Иди! Зарабатывай! – на кухне появился отец в старой футболке советских времен и тренировочных штанах. – Мы с матерью из последних сил выбиваемся, на заводе вкальваем...

– За гроши, – вставила расстроенная мать. – Вас двоих тянем. Едва концы с концами сводим. Все молчали.

Ксене тоже хотелось сказать, что пальто у нее старое, немодное и хочется чего-то современного, но она промолчала. Поняла, из-за чего взбесился брат: у Димки-то куртка что надо, почти президентская...

Отец присел на табурет в угол маленькой кухоньки и обратился к сыну:

— Ты ведь летом работал у нас. Сам знаешь, как тяжело. Заработал на джинсы, на ботинки... Вот следующим летом — на куртку, даст бог.

— На та-ку-ю мне никогда не заработать! — Николай как ошпаренный выскочил из кухни.

— Что это с ним? — мать посмотрела на Ксению.

— Что-что, как будто не знаете. Димка, видите ли, для него как кость в горле.

— А-а, этот новенький, — хлопнул по коленкам отец. — Понятно. Папа — владелец заводов (в том числе и нашего), машин, пароходов... Он и школу-то вашу задал. Нашли с кем тягаться. Да ненадолго они тут. Сделают свои дела... Ну, год, ну, два. Только их и видали. Укатят в свои мегаполисы, а может, куда и подальше.

— Лучше бы куда подальше, — вернулся успокоившийся Николай. — Ладно, извините, погорячился я. Конечно, летом заработаю.

— Ну да, ну да, — понимающе кивнул отец.

Анюта была старше своих друзей почти на целый год, потому что пошла из-за болезни в школу не в семь лет, как все остальные, а в восемь. Свой день рождения она обожала. Мама непременно шила к этому февральскому дню какую-нибудь симпатичную обновку. А длинными зимними вечерами они лепили пельмени. Магазиновых не признавали. Вначале на рынке покупалось отменное мясо (телятина со свиной), потом раскатывалось тесто. Фарш с различными добавками, типа лука и чеснока, был до того вкусен, что Анютка с детства то и дело таскала маленькие аппетитные колобашки. Мать сердилась: «Мне не жалко. Но, не дай бог, подцепишь какую-нибудь бациллу».

Приходили помогать лепить пельмени Ксения со своей мамой. Мужчины считали это занятие ниже своего достоинства. Но скорей всего просто не умели, боялись опростоволоситься. Потому что у этой спетой женской команды получалось все на загляденье быстро и красиво. Обязательно делались сюрпризы: в некоторые пельмени клали колобок из картошки или капусты — к урожаю. А вот если лук — жди неприятностей. Счастливчикам — изюм: тут и объяснять нечего. Ксения с Анюткой не раз допытывались, откуда их матери взяли такие причу-

ды. Но те только смеялись, пожимали плечами, мол, так уж повелось от наших дедов-прадедов. Все пельмени, естественно, не входили в морозилку холодильника, и целый мешок уносили в сарай в старинный ларь, кованный железом, чтобы грызуны не съели все это добро. Туда же ставили легкое вино, настоящее на ягодах смородины или брусники. К празднику извлекались соленья и маринады, заготовленные с лета. А середину стола украшал пирог с маленькими свечками. Количество их соответствовало возрасту именинницы.

— Доча! — воскликнула тихая портниха, увидев выросшую в дверях красавицу.

— Ну, как прическа? — слегка робея, замерла на пороге Анюта.

— Ой, совсем взрослая! А это вот тебе... От меня, — мать открыла дверцы платяного шкафа, и бирюзовое платье, покачиваясь на плечиках, поплыло навстречу новорожденной.

— Мамочка, — только и выдохнула Анюта, — когда же ты успела?

— Успела. Все ловила момент, когда тебя дома не было...

— Я надена? — Анюта вопросительно посмотрела на мать, боясь прикоснуться к такой красоте.

— Конечно. Надень, — сдерживая слезы, кивнула мать. — Скоро гости придут.

Платье сидело как влитое. Длинное, струясь, оно подчеркивало стройную Анютину фигурку. Вырез был смелый, и на шею просились либо бусы, либо медальончик.

— Вот тебе серебряный крестик с цепочкой. В церковь специально сходила, чтобы освятить.

Анюта сглотнула комоч, подступивший к горлу:

— Мамочка, спасибо, родная...

— Ну вот, — произнесла взволнованная мать, — а теперь посмотри на себя в зеркало.

Анюта посмотрела и замерла перед изображением, чем-то отдаленно напоминающим ее прежнюю.

— Вот это да! — прошептала она, то отступая, то приближаясь к старинному трельяжу.

Прохаживаясь по небольшой комнатке, счастливая Анюта повторяла: «Вот это да!»

— Конечно, — кивнула растроганная мать, —

настоящая невеста. Колька-то, небось, весь извелся, дожидаясь назначенного часа.

– Да ну тебя, мама, он же маленький.

– Не ниже тебя. Это Ксюха вымахала с версту.

– Мам, почему они близнецы, а не похожи?

– Потому что не однойцевые. Колька на несколько минут раньше Ксеньки выскочил. Ой! – посмотрев на часы, засуетилась мать, – я пошла пельмени запускать.

– Я помогу, – цокая каблукками новых туфель, откликнулась Анюта.

– Нет, что ты, сейчас придут Мария с Васей – помогут.

В дверь для порядка постучали, и на пороге появились родители Коли и Ксении.

– Ох ты! – воскликнула тетя Маша, увидев виновницу торжества. – Красавица! Невеста!

– Невеста-невеста, – выглядывая из кухни, многозначительно подтвердила Анютина мать. – А жених-то где?

– Собирается-наряжается... Вот тебе, Анюточка, от меня, – тетя Маша протянула имениннице веселые прихватки и кухонное полотенце. – Как будущей хозяйке, – тоже многозначительно добавила она, расцеловав Анюту.

– Василий, ты где застрял?

– Сейчас-сейчас, – сосед сосредоточенно втаскивал новенькую аккуратную вешалку.

– Это вам, – обращаясь больше к Анютиной матери, кивнул он на свое изобретение.

– Ага, – закивала тетя Маша. – Сам, своими руками. Вешалка-то у вас в прихожей совсем старенькая, того и гляди рассыплется.

– Спасибо, дядь Вась, – Анюта чмокнула соседа в гладко выбритую щеку.

– А я ее прямо сейчас и повешу, а старую вынесу в сарай.

Мужчина вытащил старую вешалку, сходил за нужными инструментами, и через несколько минут пальто, шарфы и шапки красовались на новенькой – еще пахнущей свежим деревом.

Николай волновался больше всех. Уже ушли родители, уже капризная Ксения была готова, облачившись в новую розовую кофточку и фирменную короткую юбку. От нетерпения она то и дело тормозила брата:

– Ну, скоро ты?! Или я одна пошла.

– Нет-нет, – в страхе умолял ее Николай. – Вот, помоги, что-то галстук... никак.

– Коль, на фига тебе галстук. Ты же на день-рождень идешь, а не на прием к министру.

Но Николай непременно хотел появиться в новом костюме с галстуком, который он целую неделю бегал, высматривал. И вот, как ему показалось, нашел то, что надо.

Ксения, поджав губы, старательно пыталась завязать проклятый узел, но опыта у нее тоже не было.

– Сходи за отцом! – в отчаянии попросил Коля.

Сестра молча, выражая недовольство тяжелым вздохом, повиновалась.

Отец, посмеявшись про себя, быстро справился с этой проблемой, и вспотевший Николай посмотрел на себя в зеркало. Ужас! Оттуда на него испуганно таращился какой-то взлохмаченный тип. Николай лихорадочно начал расчесывать непокорные вихры, побежал в ванную, сунул голову под кран...

– Все! – не выдержала Ксения. – Я пошла. Придешь один – не маленький.

И Коля остался один на один со своим измученным изображением в зеркале.

Ксения без церемоний ворвалась в маленькую соседнюю квартирку, сунула подруге мягкую мяукающую игрушку, открытку с сердечком и закружилась вокруг именинницы.

– Анюта! Поздравляю! Выглядишь – полный отпад! Класс! Супер!

– А где Коля?

– Да идет он, идет...

Ксению так и подмывало рассказать, как брат намаялся с галстуком, а сейчас мучается над своей прической, но она промолчала, пожалела, все-таки брат.

– Ладно, – объявила Анютина мама. – Все за стол, семеро одного не ждут. Сейчас принесу пельмени.

– Постой, Ниночка, я с тобой, – кинулась помогать соседке тетя Маша.

Когда, наконец, все в радостном предчувствии расселись за праздничным столом, над которым уже вился ароматный парок от пельменей, на пороге появился Николай. Под мышкой он держал тяжелую книгу, в правой руке – красную гвоздичку, укутанную в красивый целлофан. Взглянув на виновницу торжества, он как ошпаренный опустил глаза, да так

и не осмелился поднять. Под всеобщее молчание он протянул Анюте подарки.

— Это вот Пушкин... Почти весь.

— Ого, — приняла необычный подарок Аня.

— И вот, — он, не глядя, протянул цветок.

— Спасибо, Коля, — Аня тоже слегка смутилась, но все же чмокнула друга детства в щеку.

— Ну, все, кажется, в сборе, — облегченно вздохнула Анянина мама. — Василий, зажигай свечи.

Сосед ловко зажег семнадцать свечек. Мама Нина взяла пирог, торжественно подошла к дочери, а Ксения запела: «Хэпи бездей, ту-ю...»

Именинница набрала полные легкие воздуха. Дуть ей пришлось несколько раз.

— Все-таки не пять лет... — оправдывалась она.

А ловкий Василий уже наполнял рюмочки домашним вином, себе, однако, плеснув сорокаградусной, и все встали.

Пожелав новорожденной всего-всего-всего, гости чокнулись, выпили за ее здоровье и приступили к остывающим пельменям.

— Вот сколько ни ем я Нинкиных пельменей, — заметил Василий, — и все как в первый раз, такая вкуснятина.

Тетя Маша крикнула, почуяв укол в свой адрес, но промолчала.

Коля сидел рядом с Аней и страдал. А страдал он оттого, что Аня на своих высоких каблучках оказалась чуть выше его. В сидячем положении это было, конечно, незаметно.

«А как танцевать? Эх, дурень, — ругал себя Николай. — Заторопился, прибежал в домашних тапочках. Надо было ботинки новые надеть. Все-таки чуть повыше...»

Его страдания прервал звонок в дверь. За столом переглянулись. Было совершенно ясно, что звонит кто-то чужой.

— Кто это? — догадавшись, воскликнула Аня.

— Я сейчас, — встала на правах хозяйки Анянина мама и, на всякий случай глянув на себя в зеркало, торопливо пошла к двери.

— Димо-о-о-н?! — радостно воскликнула Ксения. Прихожая была крохотная, и из комнаты было отлично видно, кто вошел.

В квартире воцарилась тревожная тишина. Все посмотрели на Аню.

Дима стоял торжественный и современно подстриженный. На нем было длинное стиль-

ное пальто, повязанное поверх воротника красным шарфом, а в руках — большой, просто огромный букет бордовых роз.

Аня поднялась из-за стола и медленно проплыла мимо стола навстречу гостю.

— Здравствуй! — произнес он, сверкнув ослепительной улыбкой. — С днем рождения тебя! — и протянул розы.

— С-спасибо, — растерялась Аня.

На помощь пришла мама. Принимая из рук дочери цветы, она обратилась к гостю: — Вы раздвайтесь, проходите к столу.

Дима послушно снял шарф и пальто, все аккуратно повесил на новенькую вешалку, и все снова замерли. Юноша был в черных брюках, в черном фраке, в безупречной белой рубашке с белой бабочкой.

— Ой, — выдохнула тетя Нина, — а розы-то куда? Их так много...

— В вазу, — вошедший, словно фокусник, распахнул входную дверь, за которой красовалась напольная ваза.

У Ксении едва слезы не брызнули из глаз — «почему не мне?..»

Тетя Маша поспешила помочь соседке:

— Пойдем, Ниночка... — и женщины скрылись в ванной наполнять сосуд водой.

Наконец цветы были опущены в волшебную амфору, водружены в красный угол комнаты и то и дело притягивали взгляды гостей.

— Это Дима, — тихо произнесла Аня, — наш одноклассник.

— Ну да, — как-то странно кивнул Василий, наполняя свою рюмку водкой. — Садись, одноклассник, будем праздновать, — добавил он, внимательно разглядывая неожиданного гостя.

Тетя Нина принесла из кухни еще один стул, усадила гостя рядом с дочерью. С другой стороны сидел красный как рак Николай.

Когда и перед Димой появилась тарелка с закуской, с пельменями и рюмка смородиновой, он повернул голову к Аняниной маме и снова, как фокусник, выгасил откуда-то из внутреннего кармана изумрудный шелковый шарфик.

— А это вам!

Тетя Нина опять только ойкнула, даже не сказав спасибо.

— А теперь, — Дима непринужденно поднял наполненную рюмку, — можно тост?

– Валяй, – разрешил Василий, осторожно приподняв наполненную до краев рюмку водки.

Дима говорил обычные, даже банальные слова, те, которые произносят в таких случаях. Но говорил хорошо поставленным голосом, поэтому слова звучали убедительно, даже пронзительно. Анюта, не решаясь повернуть головы, краем глаза следила за ним. Она видела, как он встал, как в нужном месте обратился к ней, затем к ее маме, к гостям. Девушке казалось, что это другой, незнакомый ей человек, совсем не тот, который в кафе жадно поглощал еду, не обращая ни на кого внимания... Сейчас это был не Димон, и даже не Дима, а скорее Дмитрий – весь внимание, уважение и этикет. Анюта даже поежилась. Ей хотелось плотно прижаться к соседскому Коле, который вспотевшей рукой мял в кармане пиджака тетрадный листочек с очередным стихотворением, посвященным подруге.

Закончив речь, гость, элегантно поклонившись, выпил настойку и присел на край стула. Анюта видела, как он взял вилку, как аккуратно проткнул пельмень, как бесшумно начал жевать, выражая удивление. Затем нерешительно подцепил второй пельмень, попробовал и, не выдержав, воскликнул:

– Впервые ем такие уникальные пельмени!

– Вкусно? – обрадовалась Анютина мама.

– Очень. И начинка оригинальная. Сначала, по-моему, с картошкой. А этот вот, – он кивнул на слегка надкушенный пельмень, – с луком.

Напряжение за столом спало. Все, кроме Николая, засмеялись, заговорили, перебивая друг друга. Лучшего момента не было, чтоб откланяться. И молодой человек промокнул губы салфеткой.

– Проводи меня, – шепнул он на ухо Анюте.

Та поднялась из-за стола и на ватных ногах, словно загипнотизированная, направилась за гостем.

– Я приду вечером. Выйдешь?

– Не знаю. Наверно. Мы все вечером выйдем... – не чувствуя своего голоса, ответила девушка.

Прощавшись с гостями, Дима скрылся за дверью.

– Это и есть ваш новичок? – спросил Василий, обращаясь к сыну.

– А что, не понравился! – взвилась Ксения.

Ее раздирали два чувства – восхищение и ревность. Первое взяло верх.

– Видали, какой он есть!

– Есть, да не про твою честь, – буркнула Ксения мать.

– А про чью? – Ксения в упор посмотрела на именинницу.

– Да уж и не про мою тем более, – понемногу приходя в себя, ответила подруга. Пельмень с изюмом достался ей, но она промолчала, не желая огорчать своих друзей.

– А что это мы не танцуем, – весело воскликнула Анюта. – Николай, включай музыку, и я тебя приглашаю.

Николай с серьезным видом, пытаясь скрыть чувство ликования, включил свою любимую Земфиру.

Поздно вечером, наевшись, напившись и наплясавшись, неразлучная тройка стала собираться на улицу.

– Пусть идут, – одобрил Василий. – Далеко не убегут. Посидят на лестничной клетке, как обычно, – это у них что-то вроде клуба. А мы давайте споем нашу, задушевную.

Анюта с сожалением вошла в ванную, стянула с себя свое шикарное платье, сняла новые туфельки, облачилась в обычные джинсы и тотчас почувствовала себя Золушкой, вернувшейся с бала.

– Неужели придет? – слегка волнуясь, подумала она.

Наконец все вывалились на лестничную клетку, решили прогуляться, подышать свежим воздухом.

Во дворе стоял Дима. Он был в своей прежней куртке, в джинсах, в высоких зимних ботинках... Словом, будто и не было принца с розами и во фраке.

– Я вас уже устал ждать, – резко улыбнувшись, парень пошел навстречу ребятам.

– А чего это вдруг? – набычился Николай.

– А погулять хочется, правда, Ксень? – Дима подхватил опешившую от такой неожиданности девушку, и брату ничего не оставалось, как осторожно взять под руку Анюту.

На этот раз он решил: «Черт с ним, пусть гуляет с Ксенькой. Не повторять же ошибку – себе дороже».

Дима сыпал, как всегда, анекдотами. Ксения хотела во все горло, Анюта прыскала время от времени, Николай же только сдержанно хмыкал в самых смешных местах. Так они неторопливо дошли до стадиона, повернули обратно и только вошли во двор, как прямо на них, вернее на Диму, налетел пьяный мужичок.

— Ах ты, лузер вонючий, — с какой-то зверской ненавистью размахнулся парень и ударил что было силы едва стоящего на ногах пьяницу. Тот упал как подкошенный, а шапка с его головы отлетела на несколько метров.

— Ты что, гад, спятил! — подскочил к нему Николай.

— Отвянь. Ненавижу пьянотов. У-у, сволочи, — и он больно пнул лишившегося чувств человека в бок.

— Ну, Димочка, ну, не надо, — взмолилась Ксения, повиснув у него на руке.

— А ну-ка прекрати! — резко приказала Анюта, и все, не ожидая такой реакции от тихой незаметной девушки, удивленно посмотрели на нее.

— Он же замерзнет. Где шапка-то? — приговаривала Ксения, склонившись над лежащим. — Надо его как-то домой отвезти.

— Ага, — кивнул Дима, — сейчас возьмем на ручки и понесем.

Не обращая на него внимания, Анюта тоже склонилась над стонущим мужичком.

— Послушайте, где вы живете? Где вы живете? — трясла она его за плечо.

Пьяный едва разлепил веки и непослушным ртом еле слышно произнес:

— На Полянке.

— У него уже белка, — издевательски захохотал Дима.

— Заткнись ты. Здесь рядом за городом деревня такая есть — Полянки называется, — крикнул Николай.

— Послушайте, а дом какой? — снова затрясла его Анюта.

Мужчина, собрав последние силы, выдохнул:

— Пятнадцать...

— Ни фиги, — присвистнула Ксения. — Это ж на самом конце деревни. Отсюда километров десять, если не больше.

— Сани! — сообразил Николай. — Давайте его в саних и докатим! Ну, каких-то полчаса, ну час... Ну, замерзнет же человек!

Подруги переглянулись — дело говорит. Николай, не теряя времени, побежал за ключами от сарая. Анюта пыталась найти шапку несчастного, но заснеженный двор был неровный, изборожденный глубокими следами от машин, и ей никак не удавалось отыскать пропажу.

Николай чуть ли не кубарем скатился со второго этажа, вылетел на улицу, схватил Анюту за руку, и они побежали к сараю. Распахнув дверь, оба остановились. В сарае было темно, лишь фонарь на далеком бетонном столбе слегка освещал вход.

— Я боюсь, — отступила Анюта, — там мыши.

— Пошли, — решительно сказал Николай и первым шагнул в темноту.

Сани стояли в самом дальнем углу. Ребята отчаянно перешагивали через старые вещи, гремели цинковыми ведрами, чуть не свалились в чугунную ванну, пока наконец не добрались до кованого ларя. Тут от порыва ветра дверь сарая захлопнулась.

Николай схватил подругу за руку, и она вдруг почувствовала, как дрожит его рука. Волнение начало передаваться и ей.

— Подожди, — сказал он. — У меня есть зажигалка, — и чиркнул несколько раз колесиком. Слабое пламя осветило внутренность сарая. До заветных саней было уже совсем близко.

— Пошли, — заторопилась Анюта, чувствуя, что сейчас что-то должно произойти.

— Подожди, — снова прошептал Николай. Они стояли вплотную друг к другу. Огонек зажигалки, ласково мигнув, потух. Николай облизнул свои пересохшие губы и нерешительно ткнулся в Анютину щеку. Она молчала, только слышала, как колотится его сердце.

— Я хочу тебе сказать... — горячо зашептал Коля.

Анюта обхватила его за шею и первая поцеловала в губы: страстно, крепко, уверенно. Николай от неожиданности замер. Он только тяжело дышал, не зная, куда деть свои руки.

— Я тебя очень, понимаешь... Очень...

— Я знаю, — Анюта снова приблизила лицо к его пылающим губам, и тут он стал лихорадочно целовать ее в нос, в щеки, в губы...

Девушка прислушалась к себе, она ждала, что ее сердце заколотится часто и больно, что ей делается так же сладко и страшно, но ничего, кро-

ме материнской нежности, она не испытывала. Анята гладила Колю по щекам, по голове, как маленького, словно пытаюсь утешить.

— А ты? А ты?! — в отчаянии шептал он, робко прикасаясь к ее губам.

— Молчи, — Анята снова впиалась в его губы. — Ты хороший, ты самый лучший.

— А ты?! — почти выкрикнул Николай, не чувствуя ответа на свой порыв.

— Дай зажигалку, — отстранившись, сказала она.

Он, порывшись в кармане куртки, дрожащей рукой выудил старенькую зажигалку.

Анята щелкнула раз, второй. Тусклый цветочек огонька расцвел и тут же потух, но Анята уже подталкивала Николая в нужную сторону.

— Иди. Человек замерзает.

Медленно возвращаясь в действительность, Николай вспомнил, зачем они пришли сюда — в этот темный сарай, и, на ощупь добравшись до угла, пыхтя и крикая, вытащил сани.

— Да где же эта проклятая шапка? — терзалась Ксения.

— Зачем ему шапка? — зловеще улыбнулся Дима. — Знаешь, как пьяных в чувство приводят?

Ксения молчала, предчувствуя недоброе.

— В вырезвителе, например, их ледяной водой обливают. То есть холодом приводят в чувство. Вот... Мы... Его... Сейчас... И приведем, — подтаскивая мужика к колее от машинного следа, приговаривал Дима. Притащив, подтолкнул ногой. Тот скатился туда лицом вниз, и Дима начал его закидывать снегом с обеих сторон.

— Ты что? — в ужасе подскочила к нему Ксения.

— Заткнись, — грубо оборвал ее Дима, резко поднимаясь и оглядываясь вокруг. — Ага, вот что надо, — он подскочил к единственному дереву, стоящему во дворе, сломал ветку, напоминающую крест.

— Куда ставят? — с диким блеском посмотрел он на Ксению. — В ноги? В голову? В ноги, кажется... — и воткнул ветку в снег. — Чем не перформанс!

Анята торопливо пробиралась к выходу, то и дело щелкая гаснущей зажигалкой. Николай с санями следовал за ней. Наконец, выбравшись из темноты, они молча направились во двор.

— Что это? — похолодела от ужаса Анята, увидев снежный холмик с веточкой-крестом.

— Да пусть остынет немножко. Ему же лучше будет, — как можно равнодушнее отмахнулся Дима. Но было видно, что он до крайности возбужден.

— Ах ты гадина! — кинулся на него Николай.

— Ты чего? — оскалился тот с высоты своего роста.

— Коль, иди помогай, — крикнула Ксения. Девушки уже откопали мужичка. Теперь его нужно было вытащить из колеи и погрузить в сани.

— Помогай, — тихо, но внушительно сказала Анята, глядя Диме в глаза, и он не посмел ослушаться.

— Вот она, шапка! — обрадовалась Ксения, обнаружив пропажу, и хотела тут же покрыть ею запорошенную голову мужчины.

— Постой, — Анята сняла рукавицы и начала тереть снегом уши потерпевшего, отчего тот мучительно застонал.

— Ну вот, живой. Чего с ним сделается? — прокомментировал Дима.

— Снимай шарф, — снова тихо произнесла Анята.

— Еще чего! — попятился парень. Но все, даже Ксения, посмотрели на него с такой ненавистью...

— Да ладно, возьмите, не жалко. У меня таких...

Анята взяла шерстяной длинный шарф, замотала бедолаге шею и голову, вытряхнула из шапки снег и плотно натянула ее на голову измученного мужичка. Затем поднялась с колен, посмотрела на парней и едва слышно приказала: — А теперь — бегом!

Непримиримые враги бежали рысью в одной упряжке. Девушки едва поспевали за ними. Сани легко скользили по накатанной дороге. Через некоторое время Николай почувствовал всеми фибрами, с кем бежит плечом к плечу.

— Ну и гад же ты! — задыхаясь от возмущения, шипел он.

— Сам ты гад! Лузер паршивый.

— Чего-о! — Николай резко затормозил.

— Чего слышал.

Они снова, как два петуха, стояли друг против друга, готовые к схватке.

— Да вы что! — не выдержала Ксения.— С ума сошли?!

— Ну, гад, погоди, — впрягаясь в толстую веревку, выдохнул Николай.

Так, перестреливаясь обидными словами, они домчались до окраины городка. Теперь было сложнее. Изрытая машинами дорога шла вверх. Стало не до разборок. Парни тянули сани, выбиваясь из сил. Девушки сзади подталкивали.

Наконец дорога выровнялась, показался первый дом. Теперь шли медленно, поглядывая на деревянные избы.

— Резервация, — зло заметил Дима.

— Сам ты резервация, — Николай дернул веревку.

— Вот он! Вот — последний дом, пятнадцатый, — перебила перепалку парней Ксения.

У калитки все в нерешительности остановились. Свет в окнах не горел, но было видно, что в доме включен телевизор.

— Пошли, — решительно распахнула калитку Аня, и ребята втащили сани во двор. — Давайте поднимайте его.

Николай с Димой, кряхтя, приподняли мужика, который, похоже, начал очухиваться и уже сам кое-как мог переставлять ноги.

— Дома-то жена, небось, заждалась, — участливо сказал Николай.

Мужичок отрицательно помотал головой.

— Кто с таким пьянотом жить будет?.. — снова зло подытожил Дима.

Когда втащили мужчину на крыльцо, Аня толкнула входную дверь. Слегка скрипнув, дверь подалась. Миновав сени, они наткнулись на следующую дверь. Теперь Ксения толкнула ее: — Заперто!

— На себя потяни, — тяжело дыша, объяснил брат.

Дверь распахнулась, и, преодолев высокий порог, они ввалились в жарко натопленную избу, освещенную светом телевизора.

Аня нашарила выключатель.

Вспыхнул свет, и на минуту незваные гости застыли в изумлении. Над потолком кружились красивые, вырезанные из дерева птицы. Они, как живые, кружились на тонких нитях, и казалось, что птицы порхают по комнате.

— Умелец, — презрительно буркнул Дима и облегченно вздохнул, опустив мужчину на диван.

— Нужно раздеть, — присела Аня на край дивана и начала стаскивать с бедняги куртку. Ксения сняла сапоги.

Дима выразительно хмыкнул, осматривая комнату. Он обошел ее всю, затем открыл тумбочку, пошарил в бумагах. Пока ребята раздевали и укладывали потерпевшего, Дима обшарил все. Зачем-то даже приподнял телевизор. И вдруг, вернувшись к дивану, повеселел.

— Ну все, уходим.

Аня молча бросила ему шарф.

— О, нет, пардон, пусть останется на память.

И тут занавеска на печке дрогнула. Ребята замерли. В следующую минуту яркий рыжий кот прыгнул на пол, подошел к хозяину и, не обращая на проходивцев внимания, громко и сочувственно мяукнул.

Мужичок устало засопел, словно почувствовал, что дома.

Все вышли на улицу.

— Девочки, прошу в карету! Сейчас мы вас домчим с ветерком. Правда, Николаша? — радостно подмигнул Дима.

Девушки переглянулись — что это с ним? Такая разительная перемена в настроении... Но им ничего не оставалось, как залезть в сани и под горочку мчаться с чувством исполненного долга.

Прикатив в город, ребята решили, что до дома все-таки лучше добираться на транспорте. Кое-как втащив сани в автобус, они нарвались на сердитую кондукторшу, которая ни в какую не хотела пускать в транспорт подозрительную компанию.

Тут Дима показал себя во всем блеске. Молодой человек улыбнулся своей неотразимой улыбкой, и совсем еще не старая женщина сдала позиции. А когда улыбчивый красавец прошептал ей что-то на ухо, прыснула от смеха, махнула рукой, закрыв на беспорядок глаза. Все четверо благополучно доехали до своей остановки.

Заперев сани в сарае, усталые путешественники зашли в свою резиденцию. Аня, Ксения и Николай устроились на нижних ступеньках первого этажа. Спортивный Дима остался стоять, привалившись к стене.

— Аня, не осталось у тебя там настоечки? — бодро спросил предприимчивый ухажер.

— А правда! — впервые поддержал соперника Николай.

Ксения тоже кивнула, мол, после такой встряски не грех.

Анюта поднялась в свою квартиру и вскоре вернулась с початой бутылкой смородиновой настойки.

Николай вытащил из кармана пачку дешевых сигарет.

— И мне, — попросил Дима.

— Ну что, мир? — сделав несколько глотков, он протянул Николаю руку.

В эту минуту все услышали, как во двор въехала машина. И почти тут же хлопнула уличная дверь, а за ней распахнулась вторая.

На пороге появился широкоплечий парень лет двадцати трех с обветренным лицом. Скрестив ноги по-турецки, он сидел на деревянной дощечке с колесиками. Парень был в длинном сером свитере, очень напоминающем кольчугу, в руках у него были маленькие лыжные палки, острые, как копья. Одну из них он с силой воткнул в деревянный пол, и дверь с тугой пружиной оказалась подпертой. Все тотчас разглядели, что у парня нет ног ниже щиколотки, потому что кожаные штаны на обеих ногах были туго затянуты шнурками. На коленях у него лежал Димкин шарф. Ребята во все глаза смотрели на ворвавшегося.

Обведя всех ненавидящим взглядом, тот наконец остановился на Диме и, тяжело дыша, бросил ему под ноги шарф:

— Отдай деньги, скотина!

— Какие деньги? — попытался усмехнуться Дима, но все почувствовали, как он весь сжимается от страха.

— Гони, гаденыш, пятихатку, — парень вырвал из пола маленькую лыжную палку, и все убедились, какой опасный у нее наконечник.

— Верни деньги, — вдруг, поднимаясь со ступенек, сказала Анюта, — я все видела.

— А мы что, рикши?! — понимая, что записаться бесполезно, заерничал Дима. — Знаешь, сколько бы на такси взяли за твоего пьяного папашу?!

Все уже гадались, что на печке за занавеской скрывался не только рыжий кот.

— Знаю! — кивнул парень, придерживая здоровенным плечом дверь. Он вытащил из заднего кармана кожаных штанов сто рублей и бросил под ноги Димке.

Тот все так и стоял с мятой розовой купюрой в руке, не решаясь приблизиться к разгневанному рыцарю (парень очень походил на героя из сказки) с маленьким, но острым, как дротик, копьем. Все замерли. Наконец не выдержала Ксения — встала и, не глядя ни на кого, передала деньги.

— Ворюга! — с ненавистью сплюнул парень и, резко оттолкнувшись палками, отъехал от порога. Дверь оглушительно хлопнула. Вторая, уличная, захлопнулась так, словно взорвалась.

На лестничную клетку выскочила заспанная тетя Маша:

— Вы чего это шумите? — испугалась она. — А накурили-то, накурили... Ну-ка марш по домам!

Ксения, Коля и Анюта, не оглядываясь, торопливо поднялись на второй этаж, оставив Диму с недопитой бутылкой и дешевой сигаретой.

Постояв с минуту в подъезде, он вышел на улицу. Вдалеке маячила маленькая машина. «Инвалидка с ручным управлением», — догадался Дима. На душе у него было так скверно, так отвратительно, что он размахнулся и изо всех сил метнул бутылку в фонарный столб...

На следующий день соседка с первого этажа усердно расспрашивала жильцов подъезда, не потерял ли кто красный мужской шарф. Жильцы пожимали плечами. Ксения с Николаем, отправляясь в школу, пряча глаза, пробурчали, что ничего не знают. Анюта резонно заметила:

— Мало ли кто может забрести в подъезд?..

— А я и говорю, давно надо поставить кодовый замок, — обрадовалась соседка и забрала себе никем не востребованную находку.

В школе ребята старались не замечать бывшего приятеля. Он и сам понимал, что окончательно разрушил отношения с только что обретенными друзьями. На уроках он тоскливо смотрел на Анютин затылок, вернее на светлые волосы, забранные в трогательный хвостик, поскольку сидел прямо за ее спиной, но заговорить с девушкой не решался. В подъезде, где жили ребята, он больше не появлялся.

Разладились отношения и у Николая с Анютой. После жаркого объяснения в сарае и последующих событий Анюта словно избегала соседа. Ходила взволнованная, задумчивая и даже к подруге Ксене заглядывала крайне редко. Николай не пытался выяснять с ней отношения. С детства зная Анютин характер — тихий,

но нестигаемый, он понимал, что это бесполезно.

У всех остался горький осадок после того деньрожденъческого вечера.

Закончился учебный год. Николай с сестрой пошли, как всегда, работать на завод. Донесся слух, что Дима укатил отдыхать то ли на Кипр, то ли на Мальту. А Анюта решила устроиться на почту разносчицей газет.

— Письма-то теперь пишут редко, так что сумка не так тяжела, — одобрительно объясняла ей пожилая заведующая почтовым отделением. — Только вот участочек у тебя не очень.

Анюта вопросительно посмотрела на женщину.

— Улица Пригородная еще ничего — в черте города. А дальше, — вздохнула она, — деревня Полянки.

У Анюты громко забилося сердце.

— Я согласна, — поспешно закивала она.

— Вот и хорошо, — снова обрадовалась женщина. — Не так уж это и далеко. А если погода хорошая — вместо прогулки. Ну а если уж дождь, сапожки наденешь...

Анюта, не слушая, кивала, и такая радость светилась в ее глазах, словно она выиграла бесплатную путевку в Турцию.

Работа оказалась действительно несложной. Первые дни лета стояли ясные, теплые, и, выходя за город, девушка с замиранием сердца шагала по знакомой, прогретой солнцем улице.

— Ты до конца-то Полянок не бегай. Отдай все в первой избе, а там они сами разберутся, что кому, — советовала добрая начальница.

Но девушка добросовестно опускала газеты и лицевые счета в каждый почтовый ящик. И особенно волновалась, подходя к последнему дому, куда она, помимо счетов, приносила журнал «Лозоплетение». Каждый раз, прежде чем опустить корреспонденцию в ящик, девушка с интересом рассматривала неведомое ей до сих пор издание, кое-что даже читала, присев на лавочку возле калитки.

Иногда, добравшись до крайнего дома, она долго стояла, вглядываясь в зашторенные окна избы. Разглядывала двор, маленькую машину. Любовалась, как прямо за домом течет речка, а лес — совсем рядом. А однажды увидела, что сарай, который находился в дальнем

углу двора, распахнут и в глубине его небольшими горками лежат ивовые прутья, а прямо у порога стоит плетеное кресло.

— Эй, Егор! — рослый мосластый парень ввалился в калитку и, по-медвежьи протопав до избы, поднялся на крыльцо, толкнул дверь.

— Егор, что это за девица каждый день ошивается возле твоего дома, а? — игриво спросил он.

— Не знаю, — Егор отложил инструмент и очередную птицу, которую почти доделал. — Новая почтальонка, наверное.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! В кои-то веки почтальонки начали ходить сюда через всю Полянку! Обычно почту в первой избе оставляют.

— Не знаю, Слав, не знаю, — рассмеялся Егор.

— Ах ты, ё-ка-лэ-мэ-нэ, скрываешь ты что-то, друг-приятель.

— Послушай, — понизил голос Егор, словно кто-то их мог подслушать, кроме рыжего кота. — Я сам не знаю, что со мной... Жду эту пигалицу каждый день.

— Во-во! — обрадовался Славка. — А скоро пенсию должны принести. А? Не избежать знакомства.

— Да ладно, — смахнув стружку со стола, переменял тему Егор. — Скажи лучше, сможешь мне за ивняком съездить?

— Не вопрос. Машина у меня на ходу.

Славка работал таксистом. Машинешка была у него не абы какая, но все-таки кормила жену с дочкой и пенсионерку-мать.

Анюта совсем замкнулась. Перестала по выходным бегать в клуб на дискотеку, а все больше перечитывала подаренного Николаем Пушкина, особенно письмо Татьяны к Онегину. По ночам она долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, то и дело шлепала босыми ногами на кухню попить воды. Глаза у нее часто были на мокром месте.

— Ты что, доча, не заболела ли? — беспокоилась мать.

— Да нет, — тяжело вздыхала Анюта.

— Может, с работой не справляешься... Да-леко, небось, бегать до деревни. Брось, отдыхай себе. Прокормимся.

— Что ты, мама, — вздрагивала Анюта. Она уже и дня себе не могла представить без Полянок.

Подошел день пенсии.

— Сегодня у тебя очень ответственный день. На твоём участке не так много пенсионеров, и все-таки ты материально ответственная, будь повнимательней, — напутствовала начальница. — Вот здесь получаемый должен поставить число. А вот здесь расписаться. Поняла?

— Поняла, — шептала Аня.

— Да ты не дрожи, не бойся, — успокаивала взволнованную девушку добросердечная женщина. — Справишься.

И действительно, новоиспеченную почтальонку встречали радостно: старушки пытались напоить ее чаем, но она торопливо благодарила и бежала дальше. В деревне было четыре пожилых пенсионера — три старушки и один старик, который долго не хотел отпускать девушку, пытаясь угостить ее медом.

— Ешь, красавица. Свой мед, очень вкусный...

Аня едва вырвалась от радушного пчеловода.

В предпоследнем доме ее встретили стар да мал: пожилая женщина с девочкой лет пяти.

— А меня Полинкой зовут, — представилась девчушка, едва Аня переступила порог избы.

— А меня Аней, — улыбнулась девушка.

Из-за печки вышла женщина с литровой банкой молока.

— На-ка вот, попробуй. Козье молочко, очень полезное. Не беспокойся, оно у нас без запаха, — женщина не давала Ане вставить слово.

— Спасибо, — наконец поблагодарила она хлебосольную хозяйку. — Вот здесь распишитесь.

Банку с молоком ей все же пришлось забрать.

Оставался последний дом — пятнадцатый.

Накануне Егор попросил Славку растопить баню.

— Ты чего это? Не суббота... Ополоснись под душем.

— Попариться хочу.

— Ну, ё-ка-лэ-мэ-нэ! — все еще ни о чем не догадываясь, бурчал сосед. — Через два дня суббота, попаримся...

— Ладно, — отрезал Егор, — сам управлюсь.

— Да чего ты! Надо так надо.

Парни затопили баню на удивление Славкиным женщинам, помылись, попарились от души. Дома Егор, закрывшись на крючок, выта-

щил чистую белую рубашку, отутюжил ее. Выбрался до блеска. Достал из-за печки протезы, которые сделал своими руками, приладил их к обрубкам лодыжек, которые и так уже были покрыты сплошными мозолями, и, опираясь на костыли, морщась от боли, попытался пройти по комнате. Деревянные костыли и протезы немолимо стучали, терзая не только его ноги, но и нервы, но Егору удалось найти точку опоры и сделать несколько шагов. Вот уже несколько лет как он, закрываясь в избе, старался приспособиться к тяжелым деревяшкам. Поначалу даже стоять не мог. Но упорство взяло верх — обливаясь потом, Егор до крови терзал свои обрубки и наконец научился стоять. Дальше — больше. Стал учиться передвигаться. Когда же первый раз попытался шагнуть, рухнул во весь свой богатырский рост. Но, матерясь и скрипя зубами, встал и начал все снова. Свидетелем его страданий был только рыжий кот, который с сочувствием наблюдал за хозяином.

Славка догадывался, вернее однажды подглядел в окно, чем за запертыми дверями занимается его друг, но мешать соседу и ломиться в закрытую дверь не стал. «Когда научится ходить, сам позовет», — решил он.

— Слышь, Катерина, — зашептал ночью Славка на ухо жене.

— Чего тебе? Отстань, — уставшая супруга, навкальвав на заводе, уже засыпала.

— Да послушай ты. Егор наш, кажется, влюбился, — пропел он, переиначив известную песенку.

— Иди ты... — Катерина повернулась к мужу.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот те крест, влюбился. В новую почтальонку. Видала, пигалица такая почту разносит?

— Не-а. Когда мне.

— Так вот, он и баньку-то, похоже, из-за нее попросил растопить, чтобы предстать в лучшем виде. Завтра пенсия. Значит, он должен будет впустить ее в дом...

— Как интересно-о-о, — зевая, протянула жена.

Славка же еще долго ворочался, переживая за друга.

Аня долго сидела на лавочке, собираясь с духом. Наконец она встала, толкнула калитку

и вошла во двор. Из сарая валяжно вышел старый рыжий знакомец. Кот, взглянув на девушку, начал неторопливо подниматься по ступенькам крыльца, словно приглашая гостью в дом. Анюта, испугавшись остаться совсем одна, поспешила за ним. Дверь была чуть приоткрыта, Анюта толкнула ее, попав в полутемные, освещенные только маленьким оконцем сени. Дальше нужно было преодолеть самое страшное — открыть дверь в избу. Котьяра юркнул в какой-то свой потайной лаз, и Анюта, переведя дыхание, схватилась за холодную ручку двери и от отчаянья что было силы дернула на себя. Отчего едва удержалась на ногах — дверь открывалась на удивление легко.

В комнате было светло и чисто. Под потолком кружились все те же волшебные птицы, вырезанные из дерева. Посередине комнаты за накрытым свежей скатертью столом сидел он. Анюта не то чтобы не сразу узнала Егора, но тогда к ним ворвался какой-то Робин Гуд в серой кольчуге с перекошенным от ненависти лицом, а сейчас за столом сидел белокурый юноша в летней рубашке и приветливо смотрел на девушку.

— Здравствуйте, — переведя дыхание, сказала Анюта, не зная, куда деть банку с козьим молоком.

— Ага, тетя Феня угостила, — вместо приветствия кивнул хозяин и улыбнулся обезоруживающей, почти детской улыбкой. — Проходи. Поставь пока банку на стол. Молоко вообще-то у них отменное. Я на нем, можно сказать, вырос. Видишь, совсем не худенький.

Анюта подошла к столу, села в плетеное кресло и начала сосредоточенно отсчитывать деньги.

— Вот, — едва слышно пролепетала она, поддвигая квиточек, — распишитесь.

Егор поставил дату, расписался где положено, отодвинул деньги в сторону и, заглядывая девушке в глаза, запросто спросил: — Устала, наверно, бегать через всю деревню? Чаю хочешь?

Он ловко разлил уже заранее приготовленный чай по чашечкам, откинул салфетку с плетеной вазы, где лежали конфеты, печенье, вафли — все, что нужно.

Анюта, отхлебывая чай маленькими глоточками, осторожно рассматривала комнату. Девушка отметила, что почти вся домашняя ут-

варь в доме сплетена из ивовых прутьев или вырезана из дерева: стол, стулья, абажур...

— Ты сам все это?.. — неожиданно она перешла на «ты».

Егор помрачнел.

— Отец научил. Раньше мы вместе все делали. Он мне и машину выхлопотал, чтоб я ездил в лес за лозой. Да мало ли куда... А теперь вот одному приходится, — немного помолчав, продолжал он. — Да нет, не одному, друг Славка помогает, соседи...

— Погоди, — перебила его Анюта, — а где же отец?

— Умер он. В конце марта схоронили. Пил сильно. Валялся где попало. Простывал постоянно. А после того случая... — Егор поднял на девушку глаза, и она поняла, что он узнал ее. — В общем, заболел воспалением легких, да так и не выкарабкался.

Анюта сидела, боясь шелохнуться, не смея даже моргнуть, потому что слезы, подступившие к ее глазам, тотчас хлынули бы наружу.

— Ты пей чай, а то остынет.

Анюта сделала большой глоток и тут же пришла в себя — такого чая она еще не пробовала.

— А это со смородиновым листом и еще кой с какими травами, — наконец, улыбнулся.

— Меня Аней зовут, — представилась девушка, впервые вдруг не назвав себя по-детски Анютой.

— Анна, значит, — кивнул парень. — А я Егор. Прадед у меня был Егорий — на все руки мастер. Вот в честь его и назвали...

— А погиб он в первые дни войны? — поражаясь внезапно мелькнувшей догадке, воскликнула Аня.

— Ну да... А ты откуда знаешь? — изумился в свою очередь Егор.

— И ты похож как две капли воды на него?

— Ну да... Хочешь, фотки покажу?

— Не надо. Потом, — волновалась девушка, — я и так верю.

— Похож-то похож, — вздохнул Егор, — только ноги у него были целые.

Анюта сидела почти не дыша, боясь спугнуть откровение юноши.

— В общем, любили мы в детстве с пацанами играть на узкоколейке. Видела, наверно, там за деревней, — он махнул рукой в сторону дороги.

Аня едва кивнула, хотя ничего такого не заметила.

— Ну вот, раньше там ходили вагоны с углем, а у нас такая дикая игра была: проскочить перед самым носом надвигающегося состава. Ну, все проскочили, в том числе и Славка, а я чего-то замешкался, запнулся, упал и... В общем, отдало мне ступни.

Егор говорил медленно, осторожно, словно нес большую чашу своего горя и боялся расплескать ее.

— Мать еще жива была. Страшно голосила, как узнала. Один я у них. Повезли в город. Хорошо, добросовестный хирург попался. Сделал все, что можно. Могла бы гангрена образоваться. Но ничего, обошлось.

Егор отпил немного чая и продолжал:

— Раньше здесь в деревне была восьмилетняя школа. Так что я ее окончил. Даже без троек, — тут он невольно улыбнулся. — Ребята не дичились меня — все свои, да и знали, как все произошло. А мама вскоре умерла. Не выдержала она такого удара. Сердце у нее было слабое, материнское, одним словом.

Анюта неожиданно прикоснулась своей тонкой ладошкой к огромной Егоровой руке. Оба вздрогнули. Она видела, как тяжело вздымается грудь Егора, как хочется ему обнять ее. На секунду Анюта вспомнила Николая, который тогда в сарае неумело тыкался в ее губы. А ей было почти все равно. Сейчас же сердце ее больно колотилось, ей хотелось погладить светлые кудри, нестерпимо хотелось, чтобы Егор поцеловал ее. Голова девушки слегка кружилась, она не заметила, как оказалась у него на коленях, как желанные губы уже властно и нежно терзали ее, пересохшие от волнения. Влюбленные говорили глазами, губами, руками, не проронив ни слова. И так бы они тонули друг в друге, если бы с печки не прыгнул рыжий котяра, который, по всему видимому, был свидетелем их любви.

Анюта выскользнула из объятий Егора, посмотрела на часы и поняла, что опаздывает.

— Мне же на почту пора! Отчитаться! Все сдать! — с ужасом смотрела она на свою почтальонскую сумку.

— Успеем, — Егор в своих кожаных брюках ловко прыгнул с кресла, скрестил по-турецки

ноги и, отталкиваясь деревяшками для рук, направился к двери. — Поехали! Успеем!

Он быстро завел свою инвалидку, вырулил за ворота: — Садись!

Анюта, прижимая к груди сумку и банку с молоком, устроилась рядом. И машина рванула.

Через несколько минут девушка была уже в почтовом отделении.

Егор подждал ее в машине. Анюта вышла раскрасневшаяся, довольная тем, что вовремя все сдала — не подвела свою начальницу.

— Куда теперь? — с надеждой спросил Егор.

— Нет, — мотнула головой Аня, — мне домой нужно, к маме. А к тебе я приду на выходные.

«На выходные, — крутилось в голове у счастливого парня. — Не в выходные, сказала она, а на выходные».

Душа его пела. Хотелось жить, и не просто ходить по этой цветущей земле, а бегать и летать...

Добравшись до дома, он приладил к своим кульям громоздкие протезы и долго, сжав зубы, стоял посреди комнаты под крутящимися над головой птицами.

На пороге своей квартиры Анюта застала расстроенную мать. В комнате пахло валерьянкой.

— Ты чего так поздно? Просчиталась? Деньги потеряла? — не могла успокоиться бедная женщина.

— Мама, — тихо сказала Анюта, — я полюбила.

Не «влюбилась», не «втрескалась», а «полюбила», сказала она.

Помолчав, мать, чувствуя, что называет не то имя (ее сердце поняло, что дело не в соседском Кольке), и все-таки хватаясь как за спасительную соломинку, спросила:

— В Кольку, что ли?

— Нет, мама, не в Кольку.

Девушка села и все рассказала от начала до конца: о том, что произошло после ее дня рождения и по сегодняшний вечер.

Мать, понимая, что дочь не шутит и что они с ней однолюбы, не заплакала, не запричитала, а, закрыв обеими ладошками рот, ушла на кухню, где долго сидела, глядя в одну точку и качаясь, как от зубной боли.

— Мама, он хороший! — не выдержала Анюта.

— Но он же инвалид, как ты будешь... — мать снова закрыла рот ладонями.

— Никакой он не инвалид! — гневно крикнула Аня. — Ты знаешь, какой он сильный, а какой смелый! Он все сам делает, и даже помогает кому нужно... Он красивый, мама, самый лучший.

— У вас что, уже что-то было? — прошептала измученная мать.

Дочь замкнулась, отошла к окну.

— Нет. Мы только целовались. Но я очень люблю его, мама.

Немного придя в себя, женщина снова шепотом спросила:

— Как хоть зовут-то его?

— Что ты все шепчешь! — разозлилась Аня.

— Я же тебе сто раз повторила — Егор. Егором его зовут.

— Егором... — мать задумалась.

— И прадед у него Егор. Он погиб в сорок первом, — вкрадчиво намекнула дочь, надеясь, что мать сразу сообразит.

— Как это? — начиная о чем-то догадываться, посмотрела она на Аню.

— А вот так. Это прямой родственник Кольки и Ксени. А дядя Вася — родной брат его отца... — тут Аня запнулась.

— Которого вы угробили, — жестоко закончила мать.

— Мы пытались его спасти, — пряча глаза, неуверенно сопротивлялась Аня, понимая, что мать в чем-то права.

— Надо все соседям рассказать.

— Погоди, мама. Не сейчас.

— Эх, а я-то думала, породнимся мы с ними. Видать, не судьба.

— Мамочка, так мы и породнимся. У них же общий дед Егор.

— Ну да, ну да... — шептала потрясенная женщина. — Так вот почему ты так на почту рвалась.

Теперь Аня почти оставляла в первом доме, как и ее предшественница. А неделя тянулась и тянулась. Егор тосковал. Замирала от мысли о нем Аня.

Но выходные дни наконец наступили. Мать беспокойно следила за дочерью. Вспомнила себя молодой. Но познакомилась она со своим поэтом на танцах, и был он краше всех, и танцевал всех лучше. А эта, глупая... Ни на танцы сходить, ни в люди выйти.

— Не пушу! — вдруг вскрикнула она и упала перед дочерью на колени. — Что хочешь делай, не пушу! Беда-то какая!..

— Мамочка, — плача присела перед ней Аня, — ты хочешь сделать меня несчастной?

— Да он-то хоть любит тебя?

— Он? — девушка улыбнулась сквозь слезы. — Он любит меня, наверное, больше своих волшебных птиц и...

Она хотела сказать — и больше жизни, но мать уже поднималась с пола, отряхивая колени:

— Еще бы, такую, да не любить, — недобро проговорила она.

— Ты вот увидишь его и все сразу поймешь.

— Я? Увижу? Да никогда.

Обогнув мать, девушка выбежала из квартиры и тут же на лестничной площадке наткнулась на Николая.

— А я тебя жду, — заторопился он. — Пойдешь на дискотеку? Если не хочешь, то давай просто прогуляемся. Погода хорошая, — торопился Колька, боясь и чувствуя, что все его старания впустую.

— Эх, Колька, — сглатывая слезы, попыталась улыбнуться Аня. Она быстро сбежала по ступенькам и уже на первом этаже крикнула: — Скоро мы с тобой породнимся!

Хлопнула входная дверь, и Николай остался стоять в полном замешательстве.

Выехав за город, Аня пошла по знакомой деревенской улочке. Ноги ее сами несли, она то и дело тормозила себя, чтобы запомнить каждый кустик, каждое деревце — ведь здесь прошло детство Егора. Здесь все принадлежало ему. Она даже разглядела вдалеке ту злополучную узкоколейку...

Неожиданно солнце нырнуло за тучи и пошел дождь — крупный, хлесткий, холодный. Девушка тут же промокла насквозь. Ей пришлось снять туфли и месить мгновенно размокшую дорогу босыми ногами. Дрожа от холода, она успела подумать, что наверняка простудится, как впереди увидела знакомую машину. Егор мчался навстречу ей на всех парусах.

— Замерзла? — он накрыл ее плечи стареньким пиджаком, вероятно, отцовским. — Сейчас-сейчас, — яростно разворачивая машину, торопился Егор.

Через несколько минут они уже были дома.

Рыжий кот, изогнувшись, широко зевнул, приветствуя входящих.

— Раздевайся, вот тебе моя чистая рубашка, и забирайся на печку. Я как раз ее сегодня немножко протопил.

Анюта, стыдливо спрятавшись за перегородку, послушно разделась и полезла на печку.

— Вот, — ловко вскочив на приступочек, Егор протянул кружку молока. — Пей.

Молоко было чуть теплым. Видимо, стояло на окне и нагрелось от солнца. Анюта выпила всю кружку до дна, уткнулась в пуховую подушку и мгновенно уснула.

Проснулась она так же неожиданно, словно и не спала. Оглядела свою лежанку — чистая простыня, на которой она уснула, сбилась и мягкий белый козий мех, на котором она лежала, ласково щекотал ноги. Девушка выглянула из-за занавески, но в комнате никого не обнаружила. Она прислушалась — может быть, Егор сидит в своей маленькой комнатушке и мастерит очередную птицу счастья? Она осторожно спустилась с печки, заглянула во вторую комнату и замерла. Каких только поделок здесь не было: кувшины, хлебницы, вазы; игрушки — большие и маленькие... Все это завораживало, возвращало в детство. Налюбовавшись, Анюта вернулась в большую комнату и на цыпочках приблизилась к окну. Через тюлевую занавеску она увидела Егора. Он сидел на ступеньках крыльца и стирал в тазу свои кожаные брюки. Анюта залюбовалась красивым, накачанным телом, бугры мышц так и играли на солнце. На шее висел крестик, но не на цепочке, как у нее, а на суровой нитке. На низко натянутой веревке уже сохло ее платье, на поленице стояли чисто вымытые туфли. Анюта перешла к другому окну и тут же, покраснев, отступила. Через прозрачную тюлевую занавеску были видны калитка и лавочка, на которой девушка не раз отдыхала, думая, что ее никто не видит...

Так она стояла, изучая, а вернее впитывая сердцем его жилье, пока не услышала, что дверь в сенях открылась. Анюта метнулась на свою лежанку и замерла. Егор на коленях подошел к умывальнику, сполоснул лицо, прислушался. Анюта затаила дыхание. Сквозь щелочку в занавеске она видела, как Егор посмотрел в зеркало, пригладил непокорные

светлые кудри и посмотрел в ее сторону. Анюта внутренне сжалась, и Егор почувствовал, что она не спит, ждет... Он бесшумно забрался на печку, пытаясь унять волнение, тронул девушку за плечо, она тотчас повернулась и крепко обняла его за шею...

Они не заметили, как растаял день, как сумерки нежно и медленно начали заползать в избу. Ничто не могло помешать их счастью, даже кот куда-то деликатно исчез.

— Ну вот, — глухо сказал Егор, нарушая благодатную тишину, — теперь собирайся и уходи.

— Как это? — не поняла, высвобождаясь из его объятий, Аня.

Егор долго молчал.

— А зачем я тебе такой? Я и так буду помнить тебя всю жизнь. А большего мне и не надо. Я захлебнусь от такого счастья — не выживу. Ты ведь рано или поздно уйдешь устраивать свою жизнь. А я? Метаться буду, мучиться, сохнуть по тебе. Так что, пока не поздно...

— Поздно! — Аня закрыла Егору рот своей маленькой, но твердой ладошкой. — Дурачок, я люблю тебя. Единственный мой. Это я без тебя засохну. И никому я тебя не отдам, — она крепко прижалась к щеке Егора и вдруг почувствовала, что щека мокрая.

— Не плачь, малыш, — прошептала она, — теперь мы вместе.

— А я не малыш. А я и не плачу — это пот, — отвернулся Егор, насухо вытирая ладонями глаза.

— Знаешь, что я хочу тебе сказать...

— Что? — встрепенулся Егор.

— Только на ушко. Я очень-очень проголодалась.

— Сейчас, конечно, — он соскользнул с печки в темноту комнаты и через несколько минут при вспыхнувшем свете предстал перед своей любимой в слегка подрезанных джинсах и в такой же жилетке: — Иди сюда!

Девушка запахла рубашку, осторожно спустилась на пол и улыбнулась:

— Послушай, мне нужно надеть платье, оно, наверно, уже высохло.

— Не надо, — взмолился тот, — так очень здорово! Тебе идет...

Он стоял перед ней на коленях, и, когда она вплотную приблизилась к нему, они оказа-

лись почти одного роста. Егор осторожно взял ее на руки.

— Сумасшедший! — радовалась девушка.

— Вот что! Рубаха тебе, конечно, великовата. Но мы сделаем так, — он аккуратно закатал на девушке рукава, затем открыл платяной шкаф и выудил оттуда красный пояс. — Возьми, это от маминого платья...

Анюта подвязала рубаху, покрутилась перед зеркалом и, понравившись себе, кокетливо взглянула на Егора.

— Ну как?

— Бесподбно! А вот сейчас будем обедать, вернее ужинать.

Вскарабкавшись на большой табурет, Егор вытащил из печи глиняный горшок.

— Что это? — удивилась Аня, почувствовав головокругительный запах.

— Это... Сейчас узнаешь. Тащи тарелки. Там на кухне в шкафчике. Будем праздновать. Все утро готовил.

— А я-то думаю, откуда такой аромат!

Егор доставал из холодильника маринованные огурчики, помидоры, хлеб и прочее. Аня открыла крышечку горшка, залезла туда ложкой и попробовала...

— М-м, какая вкуснятина! Да ты еще и кулинар.

— Люблю иногда, — признался Егор, устраиваясь за столом в свое любимое кресло.

— Эх, грибочков бы еще к тушеному мясу с картошкой, — мечтала вслух проголодавшаяся Аня.

— Любишь грибы?

— А-ба-жаю.

— Я так и знал, — с этими словами он подлетел к духовке, осторожно прихваточками вытащил два сотейника.

— Что это?!

— Это? Грибной жульен.

— Ты что... — Анюта хотела сказать «волшебник», но тут ощутила на себе, как теряют дар речи.

— Понял, — кивнул ничего не понявший хозяин. — Я мигом, — он в два прыжка оказался у порога, дернул круглое кольцо и распахнул погреб. Внизу автоматически загорелся свет. Егор легко спустился по лесенке, и через минуту на свет божий явились две литровые банки с грибами.

— Это рыжики! Это грузди! Открываем и ту, и

другую, — по-хозяйски распорядился он.

— А это настоящий жульен? — наконец промолвила гостья.

— Ну да. А это настоящие рыжики и грузди, — открывая банки и раскладывая грибы по тарелочкам, улыбнулся Егор.

— Ты знаешь, я никогда в жизни не пробовала... — Аня не отрывала глаз от золотистой корочки.

— Понятно, — наконец догадался Егор. — Это очень просто: можно с курицей приготовить, можно с рыбой, можно с креветками, с сыром, да с чем угодно, главное, чтобы грибы были. А у меня в морозилке настоящие боровики... Так что приятного аппетита!

На столе появилась бутылка сливовой наливки.

— По чуть-чуть, — слегка смутился он. — Это тоже мое изобретение. Попробуй.

Разлив вино по маленьким рюмочкам, они неторопливо выпили.

— Ну, Егор! Ну, ты даешь! Это ты все сам?! — восхищалась Анюта, пробуя вожденный грибной жульен.

— А кто же? Я с детства с удовольствием готовлю. Это у меня от мамы. И блины умею печь, и пироги...

Глаза его радостно горели. Он ничуть не смущался от того, что любит такое, казалось бы, не совсем мужское занятие.

— А я не умею, — вздохнула Аня.

— А я тебя научу.

Глаза у Анюты разбежались, ей хотелось попробовать и аппетитный рыжик, и белый кудрявый груздь, и хрустнуть пупырчатым огурчиком, не говоря уже о жарком и жульене...

— Мы как-то раз с Димой зашли в кафе, и он тоже заказал жульен, — вспомнила Аня и запнулась, наткнувшись на вопросительный взгляд Егора.

— Да нет. Ел он один. Я ничего даже не попробовала.

— Жаль, — перебил подругу Егор.

— Чего жаль?

— Жаль, что не попробовала. Было бы с чем сравнить.

Анюта даже слегка покраснела от такой двусмысленности, но сделала вид, что не поняла:

— Да нет. Он же Ксене нравится, а вовсе не мне.

— А тебе, наверно, Ксенин брат, — все больше мрачнел Егор.

— Ну что ты в самом деле! — рассердилась Анюта. — Колька, он и мне-то как брат. Послушай-ка, Егор, что я тебе скажу, — Аня вдруг оживилась, глаза ее таинственно засверкали. — Николай-то с Ксеньей родней тебе приходятся, — торжественно сообщила она.

— Хм, как это? — недоверчиво буркнул Егор.

— А вот так! Прадед твой Егорий, на которого ты похож как две капли, такой же прадед и Коле с Ксюшей. А отец их Василий — родной брат твоего папы.

Тот внимательно посмотрел на девушку:

— А ты откуда знаешь?

— Знаю. Они много раз про своего легендарного прадеда рассказывали. И как он избы рубил, и как печи клал, и как сани мастерил, которые, кстати, у них в сарае до сих пор хранятся.

Умолчала Аня только о том, что именно на этих санях они и привезли замерзающего Егорова отца.

— М-да, — задумался Егор, — помню я дядю Васю, только смутно — мне годика четыре было. И тетю...

— Машу, — подсказала Аня.

— Да-да, тетя Маша. Приходили они к нам. Но все что-то отец с Василием ссорились. Мой-то по молодости буйный был: как выпьет — так в драку. И подрались однажды. Да так, что после этого случая к нам ни ногой. А там, видимо, Коля с Ксюшей народились — не до нас было. Так больше и не видел я их.

— Так увидишь!

— А что, они обо мне уже знают? — встрепетнулся Егор.

— Пока нет.

— Вот такие дела, дорогие соседи, — закончила свой рассказ, утирая слезы, Анютина мать.

— Н-да, — протянул Василий, поглядывая на жену. — Помер, значит, брат мой Петя, царство ему небесное.

— Да уж, — покачала головой Мария. — Выпить уж очень любил, земля ему пухом. И за парнем недоглядел...

— Помянуть брата необходимо, — понял по своему намек жены Василий и полез в холодильник.

Николай с Ксеньей сидели притихшие. Из всего услышанного их больше всего поразило то, что Анюта собралась связать свою судьбу с Егором.

— Вот так, мои дорогие, — снова горестно подытожила соседка, — думали мы породниться с вами, да, видать, не судьба.

Тут все невольно посмотрели на Колю. Тот сидел бледный, не притрагиваясь к ужину.

Молчание нарушила Ксения:

— Так ведь и породнимся, тетя Нин. Если Анюта выйдет замуж за Егора, — она запнулась, взглянув на брата, но смело продолжила: — так ведь Егор-то наш брат.

Ксения немного подумала:

— Двоюродный. Почти что родной.

— Ладно, — поднялся из-за стола Николай. — Спокойной ночи, — и ушел в свою проходную комнату.

Тетя Маша покачала головой:

— Нин, что делать-то будем?

— Ничего, — тяжело поднимаясь, вздохнула Анина мать. — Они вон сами все, что захотят, делают, нас не спрашивают.

Прежде чем пройти в свою комнатушку, Ксения присела на краешек Колиного дивана. Ей было жаль брата. Не зная, как его утешить, она погладила Николая по ноге.

— Коль, ты это, забей, а... Ну ее, а...

— Знаешь, Ксюша, — повернулся к сестре Николай, — а я ведь всю жизнь мечтал о брате. Теперь у меня есть брат, да еще старший.

— Чего это «у меня»? — подскочила возмущенная Ксения. — А у меня?!

— Ну, у нас! — поправился он. — Ладно, иди спать.

— Ишь ты, — ворчала, отправляясь в свою светелку, Ксения. — У него, видите ли, брат появился. Единоличник.

Когда дверь за сестрой захлопнулась с характерным щелчком, Коля отвернулся к стене и заплакал.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! — воскликнул, распахивая дверь, высокий худой парень. — А я-то думаю, чего это у моего холостого соседа платье на веревке развевается.

Глянув на Анюту, он тотчас все понял, оценил обстановку и приказал другу:

— Знакомь!

— Это Аня, — по-детски светло улыбнулся Егор. — А это мой друг Славка.

Аня приветливо кивнула, и Славка тотчас подскочил и поцеловал ей руку.

— Но-но! — нарочито сдвинув брови, осадил его Егор. — Сейчас вот жена явится...

— Явится, — вздохнул Славка. — А вы пируете и гостю не наливаете, а? — обратился он к Ане.

— Конечно-конечно, присаживайтесь.

— Вот так! — посмотрел Славка на друга, мол, слово женщины — закон.

— Егор, налей Славе рюмочку.

Славка кисло усталился на Егорову наливку.

— Видите ли, милая Анечка... — начал он.

Но друг перебил его:

— Ладно, иди налей там себе. Сам знаешь, где стоит.

— Во-о-от! — радостно потирая руки, выскочил из-за стола Славка, — а то компот какой-то предлагают, — и он скрылся за занавеской в маленькой кухоньке.

Только он успел вернуться за стол, удовлетворенный и повеселевший, как в дверь постучали.

— Да-да, войдите! — театрально воскликнул он.

Дверь открылась, и на пороге появилась молодая симпатичная женщина.

— Здравствуйте, — увидев Аню, растерялась она. Было видно, что женщина настроена решительно, по-боевому.

— Привет, Кать. Проходи, знакомься, — разрядил обстановку Егор.

— Это Аня. А это вот Славка.

Женщина снова недобро блеснула глазами.

— А это моя обожаемая соседка Катерина, — продолжал Егор. — Есть еще одна прелестная особа — Полинка, но она, как я понимаю, уже спит.

— Спит, — успокаиваясь и разглядывая подружку соседа, кивнула женщина.

— Наливай! — радостно воскликнул Славка, и, когда Аня достала еще две рюмки, Кате ничего не оставалось, как поддержать компанию.

Отработав на почте два месяца, Анюта отдала все заработанные деньги матери.

— А себе?

— Да не надо, мам, у меня все есть.

Она пока не рассказывала, что стала первой помощницей Егора, который оказался хоро-

шим учителем. Теперь уже больше времени она находилась у своего возлюбленного. Егор был человеком хоть добрым и внимательным, но дисциплинированным. Весь день у него был расписан строго по часам. Утром он делал зарядку во дворе, где висела железная перекладина. Затем дома прилаживал к ногам свои громоздкие протезы, опирался на костыли и все еще с трудом передвигался по комнате, каждый раз увеличивая количество шагов. Он мог бы уже выходить на улицу, но чего-то боялся: то ли того, что кто-то посторонний увидит его старания, то ли того, что непривычные к мягкой земле протезы подведут...

Около часа Егор ходил по деревянному полу взад-вперед. Затем выбирался из дома и направлялся в огород, где у него был сооружен душ. Там он освежался, фыркая и охая под холодной водой, растирался вафельным полотенцем и летел на своей каталке в дом, где его ждала любимая работа. После обеда Егор перебирался в сарай и продолжал работать. Если дома он сочинял мелкие изделия — вазочки, корзины, хлебницы и прочее, то в сарае брался за более серьезную работу. Здесь стояли уже готовые два кресла, стул и табуретка, сейчас он решился на диван.

«Сплели же как-то с отцом», — думал Егор. Правда, мастерил в основном отец, Егорка только смотрел во все глаза да подавал прутья.

С приходом Ани кое-что изменилось. Изменилось главное — Егор перестал ощущать себя одиноким. Режим, конечно, стал помягче. Но главное дело не страдало.

Анюта кое-чему уже тоже научилась. Вдвоем было гораздо легче. Славка пытался помогать другу только в выходные дни, которых у него почти не было. Правда, за лозой они всегда ездили вдвоем. Но, зная пристрастие друга к выпивке, Егор не раз предупреждал, что под градусом за такое ответственное дело нечего браться. Славка отшучивался. Но однажды, когда он был совсем уж не в форме, Егор жестко сказал:

— Все. В таком виде ты мне не помощник, — и уехал в лес один.

Сейчас ему помогала Аня. Они нарезали нужное количество лозы и возвращались домой. Девушка уже знала, какие прутья срезать,

а какие не стоит. Дома Егор объяснял ей, что существует несколько видов плетения.

– Сплошной способ – самый простой. Им сплетены в основном наши корзинки. Есть ажурный, витой и спиральный. Я попытался сплести хоть по одной вещи каждого вида. Это очень трудоемко. Больше всего мне нравится спиральное плетение. Смотри, вот хлебница. Ну и повожился же я с ней...

– В общем, сплошной способ самый простой и быстрый? – усвоила Аня.

– Ну да.

– А я бы хотела и другие попробовать.

– Попробуешь. Вот поступишь в техноложку на народные промыслы...

– Как это? Ты все за меня решил?

– А ты разве против?

– Нет. Но я как-то не думала об этом.

– Анечка, мне нужна квалифицированная помощница, – любясь подругой, подмигнул Егор.

– Только помощница? – хитро прищурилась Аня.

Егор смутился:

– Не только...

Иногда он отправлялся в город в небольшой художественный салон, куда сдавал свои удивительные поделки. Хозяин такую красоту брал с удовольствием, но выставлял покупателю с огромной наценкой. Поэтому Егор мечтал купить свой магазинчик или хотя бы взять угол в аренду в этом салоне. Но пока что это была только мечта. Крупные вещи – кресла, стулья, столы разнообразной формы – Егор осторожничал отдавать хозяйину. Это были уникальные, авторские изделия, и ему нужна была лицензия.

Аня не то чтобы отделилась от своих друзей, но теперь она жила своей взрослой жизнью, и поэтому Николай при редких встречах напряженно здоровался с девушкой, а Ксения вопросительно смотрела, не зная, как начать разговор.

– Аня, ну расскажи, как ты там? – канючила она.

– Хорошо, – улыбалась подруга и принималась рассказывать о том, как они с Егором ездят в лес за грибами, за ягодами... Какой ивняк и в какое время нужно срезать...

– Да я не про это, – перебила однажды нетерпеливая Ксюша. – Как он вообще? Ну как у вас все случилось?

– Вот полюбишь – узнаешь, – рассмеялась Аня.

– А я уже реально влюбилась, – грустно отвечала Ксения.

Аня понимала, что подруга тоскует по Диме.

– Говорят, он вернулся со своей Мальты, – вздыхала Ксюша.

– Говорят или ты его видела? – уточнила Аня.

– Видела, – призналась та. – В клубе на дискотеке.

– И что?

– Ничего. Он меня не хочет замечать. Проходит мимо, словно и не знает.

– Ну, это он специально, чтобы ты пострадала. А на самом деле он тебя держит в поле зрения.

– Правда? – обрадовалась Ксения.

Аня вдохнула в подругу очередной запас надежды, и та, счастливая, улетела по своим девичьим делам.

Аня же теперь была вся в заботах. В ней вдруг проснулась настоящая хозяйка. Огород она обработала так, что все зацвело буйным цветом – цветы, зелень, огурцы, помидоры в парниках...

Соседка Катя только удивлялась:

– И кто тебя всему научил? Можно подумать, что ты выросла в деревне.

В ответ Аня только улыбалась. Рад был и Егор. Он боялся, что его подруге такая деревенская жизнь будет в тягость. Когда она приезжала от матери, стол у Егора был всегда накрыт. И все время он придумывал что-нибудь новенькое: то блинов напечет, то жареху из лисичек сварганит или холодненькую окрошку, или заправскую уху, но чаще всего готовил свежую телятину в горшочках. Мясом они со Славкой затаривались на рынке. Солений-варений в погребе у Егора хватало, да и свежие овощи поспевали. Так что Аня только качала головой, восхищаясь изобретательности своего заботливого друга.

– Егор очень внимательный, – подтверждала Катя. – Когда мать умерла, он стал полностью за хозяйку. Отец уйдет бывало дежурить в свою каптерку, а Егор так расстарается к его приходу – и борщ сготовит, и на второе что-нибудь вкусненькое. А тот... вечно пьяный вернется и ни к чему не притронется. Егорке обидно – нас покличет, чтоб добро не пропадало. Насмотрелся он на отца – водку ненавидит, не курит даже, сама видишь. Дурной пример отвратителен.

Радовалась Анюта, что обрела новую семью. Только маму жаль было.

Николай, чтобы заглушить в себе тоску, решил работать на заводе все три летних месяца. А Ксения, заработав себе на модную куртку, отдыхала и ждала дискотек.

— Слушай, — однажды сказал Егор, — может, ты познакомишь меня наконец с моими родственниками?

— С какими родственниками? — не сразу сообщила Анюта.

— С Николаем и Ксюшей.

— Да, конечно, как-нибудь, — не очень уверенно кивнула девушка.

— А что? — внимательно посмотрел на нее Егор.

— Да нет, ничего... Конечно, обязательно познакомлю.

Всю неделю девушка решала, с кем же первым начать разговор, и решила — с Николаем.

— Привет, — как можно веселее кивнула она, встретив его в подъезде.

— Привет, — Николай опустил глаза и хотел, как обычно, пройти без лишних разговоров.

— Послушай, Коль, — Аня замаялась, не зная, с чего начать. — Ты в эти выходные сильно занят?

— А что? — вскинул на нее грустные глаза сосед.

— Я хочу вас с Ксенией пригласить в гости к Егору. Вернее, он вас приглашает, — поправилась Аня.

— Да? — удивился Николай. — Не по случаю ли свадьбы? — не выдержал он и поддел бывшую подругу.

— Познакомиться хочет, — сделав вид, что не заметила колкости, улыбнулась Анюта.

— Не знаю, — неуверенно пожал плечами Коль. — Да и с Ксенькой надо посоветоваться.

— Ксения согласится, — зная подругу, обрадовалась Аня. — Ну так как? В эти выходные? Договорились!

— Можно, — снова неуверенно пожал плечами Николай. Ему, конечно, хотелось посмотреть, как живет его необыкновенный старший брат, которого полюбила его бывшая девушка.

В субботу они прежней неразлучной троицей отправились в деревню Полянки.

Николай заметно нервничал. И, когда сошли с троллейбуса, он для храбрости закурил. Девуш-

ки посмотрели на него, но замечания не сделали. Аня хотела сказать, что Егор не курит, но вовремя прикусила язык.

Егор волновался еще сильнее. Он уже с утра накрыл на стол, надел новые джинсы с жилеткой и медленно, опираясь на костыли, ходил по комнате взад и вперед. Наконец он каким-то шестым чувством ощутил приближение гостей. Решительно распахнув дверь, миновав сени, он впервые вышел на протезах на крыльцо. И все Егору с его богатырского роста показалось необычным: и невысокий сарай, и низко натянутая бельевая веревка, и даже маленькая поленница дров. Так, стоя на крыльце и удивляясь малорослости предметов, Егор встретил своих родственников.

— Ты — Николай! — протянул богатырь свою натруженную ладонь Коле. Тот смотрел на брата снизу вверх и растерянно молчал, только тряс крепкую трудовую руку.

Ксения тут же заверещала:

— Здравствуй, братик! У меня теперь два брата! — сияла она от радости, без стеснения разглядывая белокурого красавца.

— Проходите, — распахнула дверь Анюта, и гости, миновав сени, очутились в знакомой уже комнате.

— За стол! — пригласил Егор и первый прошагал к своему креслу.

Отставив в сторону костыли и смахнув со лба пот, он сдернул полотенце, которым были прикрыты угощения.

— Ух ты, пельмени! Обожаю! Магази́нские? — хватаясь за вилку, воскликнула Ксения.

— Отчего же магази́нские. Свои, попробуйте.

К пельменям были грузди с рыжиками, тушеные кабачки и даже красная икра.

— Обожаю красную икру! — снова воскликнула Ксения.

Егор подмигнул Николаю, мол, чего ты, налетай, и проткнул аппетитный пельмень.

Хитрая Ксения нахваливала кулинарные способности хозяина неспроста. Ей очень хотелось лишний раз заглянуть в глаза этому древнерусскому богатырю. Она невольно сравнивала его с Димой. Тот, конечно, был более находчив и раскован. Да и столичный налет придавал ему блеска. Но Егор тоже не походил ни на кого из ее знакомых. Он был взрослый,

опытный и, как определила Ксения, физически крепче Димы. И потом та забота, с которой он относился к Анюте, окончательно вывела Егора в глазах Ксении в лидеры.

«Только вот ноги, — вспомнила Анина подруга. — Далеко на костылях не убежишь», — и она опустила глаза.

— Послушай, Егор, — наконец освоился Коля, — неужели все эти кресла, кушетки, вазы и хлебницы ты сам сделал?

— Вначале с отцом трудились. Он хороший был мастер. Много секретов мне передал от своего деда... От нашего прадеда.

Глаза у Николая заблестели.

— Клево! Я бы тоже хотел...

— Реально могу научить. Хочешь?

— Хочу! — кивнул Николай.

— Тогда заметано, — Егор опять по-детски светло и радостно взглянул на Анюту.

С тех пор Николай с Ксенией начали навещать своего старшего брата. Особенно Николай. Ему все было интересно: и как вырезаются птицы, плетутся вазы... В общем, он с головой ушел в учение и даже раньше запланированного августа ушел с завода. Коля облазил весь двор, научился управлять Егоровой машиной. А по вечерам братья уезжали купаться на речку.

— А я? — ревниво спрашивала Аня.

— А мы голышом! — с мужским превосходством отвечал Николай.

Но когда вечером он отправлялся восвояси, Егор с Аней неслись на машине на берег прогретой почти до самого дна речки и принадлежали друг другу.

Вскоре брат с сестрой потихоньку начали готовить родителей к встрече с Егором. Перебивая друг друга, они взахлеб рассказывали о золотых руках Егора. О том, какие волшебные вещи он делает, в каком идеальном порядке у него и дом, и двор...

Мария удивленно качала головой, а Василий то и дело взволнованно восклицал: «Узнаю деда! Вылитый дед Егорий!»

Да и Анина мама, теперь почти все свободное время пропадая у соседей, со временем стала не столь категорична. Егор частенько подвозил Анюту до дома, и она, хоть парень

и сидел за рулем, все-таки успела его разглядеть. К тому же дочь приезжала повзрослевшая, загорелая и с полными сумками свежей зелени и овощей. Женщина не без скрытой гордости делилась урожаем с соседями. И родители уже были не против навестить Егора, но нужен был повод.

— А когда у него день рождения? Что-то я подзабыл? — спросил однажды находчивый Василий.

Оказалось, осенью, в конце сентября.

— Вот! Есть повод! — подытожил сообразительный сосед. — Тогда и соберемся честь по чести, поздравим нашего Егора. Все-таки, Мария, — обратился он к жене, — это наш племянник! И негоже родней раскидываться!

Василий отчего-то начинал нервничать. Вероятно, чувство вины перед покойным братом не давало ему покоя.

— Да ты чего кипятишься-то? — успокаивала его жена. — Никто и не спорит. Конечно, поедем.

С этими словами они вопросительно смотрели на Анину мать.

— Съездим, чего уж... — сдержанно соглашалась она.

Вернувшись из заграничных поездок, Дима не знал, куда себя деть. До начала занятий было еще далеко. Отец то и дело был в разъездах (мать изначально не решилась на такую длительную, а главное, непонятную ей поездку в тмутаракань), и Дима был полностью предоставлен себе. Его тянуло в подъезд к ребятам, особенно к Анюте, но после того, что произошло, было стыдно, неловко, да и гордость не позволяла. Чтобы хоть как-то забыться, он проводил время на дискотеках, где знакомился с девицами — с одной, с другой... Таскал их к себе домой. Но после того как у него пропала определенная сумма денег, стал осторожнее.

На дискотеке он действительно держал Ксюшу в поле зрения, как точно заметила Анюта. Но подходить к девушке не спешил. Причин было две: первая — он знал, что нравится Ксене, а она же интересовала его только исключительно как Анина подруга; второй причиной являлись все те же несчастные пятьсот рублей.

В конце концов, измученная ожиданием девушка сама сделала первый шаг. Набравшись храбрости, она подошла к Диме и пригласила его на танец. О чем-то говорить было невозможно, каждое слово нужно было буквально кричать на ухо. И Дима предложил пойти прогуляться. У Ксении все внутри замерло, она забыла обо всем на свете — о том, что Димке всегда нравилась Анюта, о том, что он закопал в снег человека, о том, что потом обокрал его. Наконец, забыла о том, что, возможно, он и не подошел бы к ней первым никогда.

Дима молчал. Ксения же торопливо, нервно и сбивчиво рассказывала про Аню, про Егора. Провожатый только усмехался — он верил и не верил. Не укладывалось у него в голове, что Анюта могла так всерьез полюбить этого безногого парня. Раздражало его и то, что он вновь и вновь испытывал стыд и страх перед этим инвалидом в коляске. Дима по-прежнему молчал, но ловил каждое Ксенино слово. И, в конце концов, перед ним стала вырисовываться картина, в подлинности которой он уже не сомневался.

— Ходит, говоришь? — наконец спросил он.

— Да, протезы сам сделал. Анюта говорит, ужасно тяжелые и неудобные. Но он упорный...

Дима снова замолчал. Так они, не проронив больше ни слова, дошли до ее дома.

Думая о чем-то своем, Дима вытащил дорогую сигарету, щелкнул диковинной зажигалкой и закурил, не глядя на девушку.

— Ну, пока, что ли? — расстроено спросила Ксения.

— А? — очнувшись от своих мыслей, посмотрел на нее Дима. — Да, пока. Увидимся.

И девушке ничего не оставалось, как развернуться и уйти.

Дмитрий медленно и бесцельно бродил по улице. Он не заметил, как вышел за город, как ноги его сами привели к деревне Полянки. Через какое-то время он оказался у крайнего дома, осторожно открыл калитку и подкрался к окну.

В комнате горел свет, под потолком кружились все те же птицы, за столом в плетеных креслах сидели трое — Егор, знакомый парень и... она. Он не сразу узнал Анюту. Девушка была в белой мужской рубашке, подпоясанной красным пояском, волосы ее, всегда рань-

ше забранные в строгий пучок, теперь были распущены и лежали светлыми волнами на плечах. Дима даже скрипнул своими белоснежными зубами — от зависти, от желания, от какой-то неминуемой безысходности.

Незнакомый парень был слегка навеселе. Дима затаился и стал внимательно прислушиваться к разговору. Вскоре он уже знал, что парня зовут Славкой, что работает он таксистом, живет в соседнем доме и иногда помогает в его деле.

— Ага! — подумал Дима, покосившись на сарай, — вот где твоя ахиллесова пята!

Так же неслышно он выбрался за калитку и быстро зашагал домой. Перед глазами стояла Анюта в белой рубашке с распущенными волосами.

Убедившись в том, что Ксения в своем сбивчивом рассказе ничего не прибавила, Дима жестоко затосковал. Он не мог понять, как это такая милая и умная Анюта, бесспорно прекрасная, но... из провинциальной дыры, предпочла его, его — суперобеспеченного умницу и красавца, какому-то... непонятно кому. Он уже привык, что девушки к нему относятся примерно так, как Ксения, — с придыханием. В глубине души у него теплилась надежда на то, что Анюта просто злит его, вызывает ревность. Желание увидеть девушку, которое он глушил разными способами, стало еще острее и невыносимее. Он дошел до того, что начал ее подкарауливать. На обратную дорогу от Егорова дома до Аниного подъезда он не рассчитывал, так как выследил, что Егор сам довозит Аню до подъезда. Оставался один способ, самый неудобный — сторожить, когда девушка направится в Полянки.

Околачиваться возле дома Диме не позволяла гордость. В любое время из подъезда могли выйти Николай с Ксенией, да и их родители, которые так же, как и Анина мать, хорошо запомнили незваного гостя. Дима крутился несколько дней на автобусной остановке. Он потерял уже всякую надежду увидеть Анюту, как вдруг ему повезло. Он увидел ее издалека. От неожиданности Дима спрятался в толпе пассажиров, ожидающих автобус. Она вошла в первую дверцу, он — в последнюю. И, стараясь не выпускать из виду ее голубую кофточку,

Дима доехал до конечной остановки. Все пассажиры высыпали на воздух. Дима боялся, что кто-то еще направится в сторону Полянок. Но Аня одна торопливым шагом пошла в деревню. Дима видел, как стремится она к своему Егору, как торопится...

Дима побежал за ней и, поравнявшись, обнажил свои безупречные зубы:

– Привет!

– Привет...— девушка от неожиданности остановилась. — Ты откуда?

– С далеких морских берегов, — скрывая волнение, хвастливо ответил парень.

И Ане почудилось, как от его загара действительно повеяло морским ветром. Она была в полном замешательстве, и Димка тотчас воспользовался этим.

– А я тебе подарок привез. Смотри! — Он вытащил из кармана модных шорт жемчужное ожерелье. — Настоящее.

И не успела Аня опомниться, как прохладные жемчужинки легли на ее шею.

– Зачем это? Зачем это? — она попыталась снять драгоценность, но Дима крепко держал ее за руки.

– Аня!

– Я больше не Аня! Я Аня...

– Ну, Аня. Подожди, выслушай меня, — Дима начинал злиться и все сильнее сжимал Анины запястья.

– Больно же, отпусти! — девушка изо всей силы отдернула руки, сжимавшие нитку ожерелья, и жемчужинки посыпались с ее шеи.

Мгновенье они смотрели, как крупные матовые горошины тонут в густой придорожной траве.

В следующую минуту она побежала — до первого дома было уже совсем близко, но окончательно обозленный преследователь догнал ее и молча потащил в кусты.

– Пусти! — девушка пыталась вырваться, билась разъяренного парня по лицу, по плечам, по груди, но тот только зло улыбался.

– Чем я хуже э-то-го без-но-го-го?! — приговаривал распаленный Дима, больно тиская девушку.

– Е-го-о-о-р! — неожиданно пронзительно закричала Аня.

– Заткнись! — Дима попытался запечатать

ладонью Анин рот, но та вцепилась зубами в его палец.

– Ах ты! — он с силой разодрал подол ее короткой юбки.

– Е-го-о-о-р!!! — что было мочи еще раз крикнула Аня.

И тут оба услышали рев мотора.

– Едет твоя лягушонка в инвадной коробочке, — зализывая прокушенный палец, вышел из кустов Дима.

Егор ему был не страшен. С кем с кем, а уж с этим-то безногим он должен справиться.

Егор вылетел из машины, увидел разодранную юбку на плачущей Аняте и, стоя на коленях, глухо обратился к насильнику:

– Отойди от нее.

– А то что? — усмехнулся Дима, глядя на соперника сверху вниз.

– А то я тебя придушу!

– Ты?! Меня?! — с этими словами Дима нацелился пнуть Егора в подбородок.

Тот откачнулся и устоял. Новенький кроссовок только скользнул по скуле. И не успел никто опомниться, как Егор схватил противника за щиколотки и дернул на себя что было силы. А силы у него было много. Димка оказался на земле, а Егор уже сидел на нем и сжимал своими ручищами его шею. Тот на глазах багровел и начинал хрипеть, перебирая ногами.

– Отпусти, Егор! Задушишь, — взмолилась Аня.

Тот опомнился и слегка разжал руки.

– Лузер вонючий, — хрипел Дима, пытаясь выкарабкаться из-под Егора, но он крепко держал его своими коленями.

– А это тебе на память! — он размахнулся и санданул кулаком по сверкающим зубам.

Все трое услышали характерный хруст.

– А-а-а! С-сука! — взвыл Димка, зажимая ладонями окровавленный рот.

– На память, — повторил Егор, отползая от поверженного противника и дуя на костяшки пальцев.

– Пошли, — тяжело дыша, кивнул он Ане.

Удивительно, но криков никто в деревне не слышал. Старики были глуховатыми или пребывали в послеобеденной дреме, молодые, в том числе и Катерина со Славкой, были в городе на работе, так что Егор с Аней вернулись в дом поч-

ти незамеченными. Видела их только маленькая Полинка, игравшая с рыжим котом в огороде.

Вечером Славка, заскочив к другу, почувствовал неладное.

— Что это вы какие-то не такие? — спросил он, заглядывая в заплаканные Анины глаза.

— Какие не такие? — прекратил расспросы Егор. — Обыкновенные.

И друг понял, что разговор продолжать не стоит.

Славка работал в такси и использовал свою машину на полную катушку: забирал пассажира по вызову, но по пути обязательно прихватывал еще кого-нибудь. Вот и этот вечер начался для Славки удачно. Он отвез пассажира в центр и тут же прихватил молодого парня. Парень оказался словоохотлив, сказал, что тоже зарабатывает извозом, только в другом городе. Короче, разговорились они быстро. К тому же оказались тезками.

— Стас, — представился приятный пассажир.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! И я Стас! — обрадовался Славка. — А куда едем-то?

— Да хотел к тетке, у которой остановился, — признался новый знакомый, — а сейчас подумал, может, посидим в какой-нибудь кафешке, выпьем по сто грамм.

Славка от «ста грамм» возбужденно заерзал.

— А как же... Я за рулем. Да и денег у меня... — нерешительно бормотал он.

— Погоди, — перебил его Стас, — деньги у меня есть. Посидеть тоже есть где. Хотя я и не так давно в вашем городе, но присмотрел тут одно кафе — маленькое, уютное, там и водку подают, и закуску что надо, а бармен мой знакомый. Он хоть и азык, но реально хороший мужик.

Славка колебался. С одной стороны, дома опять жди скандала, с другой — на халяву выпить в компании с хорошим парнем, к тому же таким же водилой, да еще и тезкой... Последние аргументы перевесили.

— А! Была не была! Поехали! — и отключил свой сотовый.

Он лихо развернул машину, и уже через несколько минут два новоиспеченных дружка-таксиста были у дверей маленькой кафешки «12 стульев».

Увидев знакомого посетителя, бармен радо-

стно потер руки. Стас деловито подошел к нему, что-то шепнул на ухо. Арчил (так звали бармена) радостно закивал.

— Знакомься, это мой новый друг Слава, — представил он таксиста.

— Очень-очень рады. Очень рады.

В кафе, как всегда, было пусто. Арчил подал меню, и пока Славка водил пальцем сверху вниз, изучая ассортимент, новый знакомый снова отвел хозяина в сторонку.

— Слушай, принеси сразу закуску и горячее, только быстро. Потом две четушки водки. В одну налей воды. Ее поставишь возле меня. Понял? Смотри, не перепутай! Если нужно будет — повторишь. Вот тебе штука сверху. Все понял?

Арчил смотрел на знакомого, кивал, все хотел задать какой-то вопрос, да так пока и не решился.

— Ну вот сейчас погуляем по-нашему, — широко улыбнулся Стас.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! — воскликнул Славка. — А чего это у тебя спереди зуба нет?

— Да успел подраться... Слушай, я не знаю, как здесь, а у нас водилы пьют четушками, — уходя от больной темы, предложил он.

— Как это? — не понял Славка.

— Ну, берут хорошей закуски, ставят четушки вместо стаканов, чокаются и пьют. У вас разве не так?

— Н-не знаю, — неуверенно пожал плечами Славка, втягивая запах жаркого, которое уже подал бармен (он же по совместительству и официант). — Первый раз слышу. Ну, четушками так четушками. А что, это даже интересно.

Наконец стол был полон закусок и появилась долгожданная выпивка.

— Ну, — отвинтив уже открытую пробочку, нюхнув для верности, картинно поморщился Стас, — за знакомство!

— За встречу! — Славка обреченно и радостно вздохнул и не заставил себя ждать. — Эх, ядрена!.. — выпучив глаза и занюхивая водку хлебом, крикнул он.

— Ты ешь-ешь, — пододвинул ему тарелку с мясом тезка.

Сам он едва ковырял салат, без особого аппетита попробовал жульен, наблюдая за пьянеющим на глазах товарищем.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ, кто же это тебе зубы-то

выбил, а? Небось, на вокзале? Там полно всякого-якого...

— Ну да. На вокзале, где же еще! — усмехнулся Стас.

— Ты мне это, покажи — кто... Я за друга шею отверну.

— Наверно, повторить пора, а? — заглядывая в ослотившие Славкины глаза, спросил приятель.

— Пора! — тряхнул головой Славка.

— Арчил, повтори.

Тот повторил. Потом еще.

— Куда его теперь? — засуетился бармен.

— В кладовку. К утру проспится. Я на его тачке сгоняю в одно место. Часа через два, а то и раньше вернусь. Да. Бензину мне нужно.

— Где? — вытаращил глаза Арчил.

— Где-где, в Караганде, — передразнил его приятель.

— Димыч, ты же знаешь, что я безлошадный.

— Какой я тебе Димыч! — покосившись на спящего, прошипел Стас-Дима. — Принеси пустую тару.

— Ага-ага, сейчас...

Через минуту он притащил двухлитровую канистру.

— Иди!

— Куда? — испугался официант.

— Нацеди через шланг бензин из машины.

Еле затащив Славку в кладовую, Дима взял у Арчила канистру, проверил, плотно ли закрыта крышка, и, ни слова не сказав, сел в машину и нырнул в глухую ночь.

В машинах он знал толк — в Москве у него было целых две. И не такие доходяги, а новенькие иномарки. Вылетев за город к деревне Полянки, он выключил фары, спрятал машину в посадках, которые росли вдоль дороги, и бесшумно побежал к крайнему дому. Наконец он остановился, отдышался и посмотрел вокруг — нет ли кого. Все окна в доме были темны.

— Милуетесь, голубчики... — осторожно открыв калитку, он миновал двор, подошел к сараю, где лежали драгоценные запасы ивняка, открыл канистру и со всех сторон облил строение. Плеснул и на кучу ивняка. Порывшись в карманах, он достал зажигалку, чиркнул и обошел сарай со всех сторон. Пламя лизнуло его руку, и он, матерясь, замахал ею, выронив зажигалку: — Ах ты!

Огонь занялся тотчас, побежал ручейками по доскам, по сухим ивовым прутьям, а поджигатель уже несясь обратно, опять же скрываясь за посадками. Что-что, а бегал он отменно. На школьных соревнованиях всегда был первым. Вскочив в машину, не зажигая фар, он метнулся окружной дорогой в город. Дело было сделано.

«А это тебе от меня на память!» — усмехнулся Дима, въезжая в город.

Кафе было закрыто. Дима тихонько постучался с заднего хода.

— Спит? — спросил он Арчила.

— Дырыхнет. Слышишь, как храпит.

— Машину я оставлю у дверей. Когда проснется, отправишь его с миром. Про меня скажешь, что срочно уехал, дела, мол, и все такое.

Арчил выразительно смотрел на Диму.

— На, — тот отсчитал нужную сумму. — Все сделаешь как надо? — осканился он шербатым ртом.

— Все-все... — закивал Арчил, так и не решившись спросить, от кого же его знакомец получил такую зуботычину.

Егор плохо спал в эту ночь, словно чувствовал, что должно что-то случиться. Аня как раз уехала к матери, и он один долго ворочался с боку на бок, пока не увидел, что предметы в комнате начинают принимать странные очертания. Он слез с печки, распахнул створки окна... Сухие доски сарая словно ожидали своего звездного часа — пламя росло и расцветало, стреляя в небо искрами, как салютом. Обезумевший Егор скатился с крыльца и замер. Что-то предпринимать было бесполезно. Он завороченно смотрел, как языки пламени поглощают его драгоценные изделия и заготовки, как ивовые прутья даже не сопротивляются, чернея на глазах. И превращаются в игрушечные черные прутики.

Прибежала Славкина мать тетка Феня. Заохла, засуетилась, хватая ведра...

За ней появились сонные Катя с Полинкой.

— Нельзя туда, нельзя! — прижимая к себе ребенка, побелевшими губами шептала Катерина.

— Мама, больно же, — вырывалась из ее цепких рук девочка.

Наконец тетка Феня набрала из бочки два ведра дождевой воды и побежала к догорающим уг-

лям. Угли невольно зашипели, но продолжали притягивать взгляд своим бордовым бархатом.

— Машину, слава богу, не задело! — шептала тетка Феня. — Эй, Егор, машина не пострадала...

Пожилая женщина бегала по двору, стараясь хоть как-то сгладить горе.

— И что это? И как?.. Неуж кто окуроч бросил? А? — она посмотрела на некурящего Егора.

— Наверно, подожгли, — простодушно сказала Полинка.

Взрослые именно об этом и думали, но не решились вслух высказать свое предположение.

— Может, гроза была? — хватаясь как за спасательную соломинку, опустила глаза тетка.

— Какая гроза, тетя Фень?! Какая гроза?! — вдруг закричал во весь голос Егор. — Знаю я, какая это гроза...

— Подожди, Егор, — попыталась успокоить его Катя. — Вот вернется Славка...

— А где он? Опять запил, что ли?..

— Да нет, — неуверенно ответила соседка и, словно ожидая подтверждения, посмотрела на дочку.

— Не-а, — охотно заверила та. — Он на работе.

Посмотреть на пожар собрались старики да старухи из соседних домов. Постояли, поохали. Кто-то предложил вызвать пожарную.

— Без надобности, — зло сплюнул Егор.

Под утро люди начали расходиться, и только Егор сидел на крыльце, не в силах отвести глаз от постепенно угасающих углей.

Анюта, Ксения и Николай собрались в Полянки рано утром. На этот раз им повезло: проезжавшая мимо «окушка» остановилась прямо перед ребятами. Седенький, но бойкий старичок спросил:

— Куда едем?

Аня улыбнулась:

— Мы — далеко, за город. В деревню Полянки.

— Садись, молодежь! — обрадовался старичок. — Я в ту же сторону, только еще подальше — в лес за грибами. — И он слегка пнул ногой корзинку.

Ребята колебались.

— Да садитесь же! — гостеприимно распахивая дверь своей малютки, пригласил необычный водитель.

— Как в сказке, — заметила Ксения, первой забираясь в машину.

За ней на заднее сиденье последовала Аня, и рядом со старичком устроился Николай.

— Ну и славно, — старичок зажег сцепление, и они тронулись.

Дед оказался до того словоохотлив, что, пока они ехали, рассказал и о своей супруге, и о детях, и о внуках-правнуках. Но главное сносшибательное сообщение оставил напоследок. Когда они въехали в деревню, дед приосанился, крикнул, прочистил горло и важно поведал:

— Супруге-то моей восемьдесят два года.

— У-у, — прогудели пассажиры.

— А мне, ребята... — он сделал паузу для лучшего эффекта, — девяносто три скоро стукнет.

— Да ну-у! — ребята недоверчиво посмотрели на старичка.

— Вот те крест, — кивнул он Николаю и оставил машину.

— Здорово! Потрясающе! Вот это да! — у девушек больше не находилось слов.

Николай улыбнулся долгожителю:

— Сколько с нас?

На что оригинальный дед замотал головой:

— Денег не беру! У меня принцип. Подвожу только хороших людей за добрую беседу.

— Ну, спасибо, — Николай неуверенно засунул деньги обратно в карман. — Тогда удачи вам и здоровья!

— Да-да, — закивали, выбираясь из машины, девушки, — вам и вашей супруге, и детям...

— Сказка, — снова повторила Ксения, и все посмотрели вслед отъезжающей светло-голубой машине.

— Нам бы так, — вслух подумала Ксения.

— Это гены, ну и здоровый образ жизни, — вздохнул Николай, поглядывая на Анюту.

Девушка молчала, тревожно вглядываясь в сторону Егорова дома. Наконец и остальные почувствовали характерный запах гари и прибавили шаг.

Распахнув калитку, все трое уставились на пепелище. Егора на крыльце уже не было. Аня бросилась в дом.

— Что это? — испуганно спросила Ксения.

Брат молча подошел к месту пожара и вдруг увидел в куче угля что-то блестящее.

— Зажигалка! — крикнул он. — Это же Димкина зажигалка!

— Я так и думал, — стуча костылями, вышел на крыльцо Егор.

— Надо в милицию... Это же вещдок, — возбужденно выкрикивал Николай, гордясь тем, что он первый вычислил поджигателя.

— Не надо ни в какую милицию. Это он со мной за зубы поквитался...

Егор хотел добавить и про Аню, но, взглянув на убитую горем подругу, промолчал.

— Да и нет его в городе, я уверен. Смылся этой же ночью.

Славка приехал только к вечеру. Опухший, воняющий перегаром, он едва вкатил машину во двор. Пошатываясь, вошел в избу и, не желая ничего слушать, выпив стакан рассола, как был в верхней одежде, так и бухнулся на диван.

Катерине с Полинкой пришлось раздевать своего непутевого кормильца.

— Алкаш несчастный, — стаскивая с мужа брюки, ворчала Катя. — Наверно, все деньги пропил.

— Наверно, — по-взрослому вздыхала девочка.

Но, как оказалось, деньги у непросохшего от обильной выпивки хозяина были целы.

— Хм, — пожалала плечами Катерина, — это кто же его так угостил?

Егор, отставив костыли, сидел на крыльце и рассматривал шикарную импортную зажигалку.

— Да-а, — протянул он. — Такая, видать, и в огне не горит, и в воде не тонет.

Николай хотел возразить, что в воде-то как раз утонет, но деликатно промолчал. Они с Ксеньей загружали на старые носилки остатки от пожара и выносили за забор к речке. Аня готовила обед.

— Хватит вам надрываться! Вот приедет Славка — мигом все уберем.

— А он уже приехал, — открывая калитку, сообщила Катя.

— И что? — посмотрел внимательно на соседку Егор. — Опять пьяный?

— Не то слово. Похоже, целое ведро выпил. Каким только чудом машину довел...

— И денег, конечно, ни копейки, — собираясь подняться в избу и сколько-нибудь одолжить соседке, грустно подвел итог Егор.

— Да нет. Сиди. Денежки как раз целехоньки.

— Интересно, кто же это так расщедрился?

— Я знаю кто, — уверенно сказал Николай.

— И я, кажется, тоже догадываюсь, — опустив голову, едва слышно произнесла Ксения.

Катерина переводила взгляд с брата на сестру. Наконец она обратилась к Егору:

— А я почему не знаю?

— Вот очухается твой Славка, тогда и узнаем все.

И тут за забором соседского дома послышался Славкин голос.

— Чумачеч-чая весна, чумачеч-чая, — орал он, направляясь к Егору с банкой рассола.

— Чумачеч-чая весна. Чума... — недопел он припев модной дурацкой песенки и усталился из-за забора на место, где стоял сарай.

— Чего это? — перевел он еще не совсем трезвый взгляд на Егора.

Друг молча крутил меж пальцев зажигалку.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Это же зажигалка Стаса!

— Какого Стаса? — спросила Аня, появляясь на крыльце.

Отлебнув рассола, Славка рассказал про классного тезку-таксиста, с которым они неслабо посидели в одной кафешке.

— «12 стульев», — снова подала голос Аня.

— Ну да... А чего это здесь произошло? — трезвея, заозирался сосед.

— Подождли нас, не видишь, что ли...

— Кто?!

— Дружок твой щедрый — Стас, а вернее, Димка-невидимка, — сказал Николай, отставляя к забору грабли.

— Какой Димка?

— Беззубый, — усмехнулся Егор.

— Ну да! Точно! Зуба у него впереди не было. Кто-то на вокзале вышиб.

— Это я вышиб, — спокойно объяснил Егор.

— И ни на каком не на вокзале, а у нас в посадках, — вдруг выдала незаметно появившаяся Полинка.

Все вопросительно уставились на нее.

— А я все слышала. И как Аня дядю Егора звала на помощь, и как он помчался туда...

— Развели тебя как лоха. За бутылку мать родную готов продать, — уничтожающе посмотрел на друга Егор и, поднявшись со ступенек, скрылся за дверью.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! — с ужасом выдохнул протрезвевший Славка.

Сосед какое-то время не появлялся.

— Работает день и ночь, — сообщила тетка Феня, которая целыми днями копалась в огороде.

А через две недели Славка подкатил на грузовой машине к дому друга, по-хозяйски отворил ворота, въехал во двор и вместе с шофером, крепким мужиком лет сорока пяти, начал выгружать отличные, пахнущие смолой доски.

— Эй, ты чего? — высунулся из окна Егор.

— Не видишь, что ли? Доски под сарай выгружаю.

— Давай назад! Не нужны мне твои доски! — вскипел Егор.

Шофер остановился в нерешительности.

— Давай-давай, выгружай! — приказал Славка.

— Ишь, расхозяйничался! Где деньги-то взял? — немного остывая, спросил Егор.

— Кредит выписал. Ничего — отработаю. Я виноват. Я все и исправлю.

— Ага, до первой бутылки, — не сдавался друг.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Да не пью я! Завязал! Вот уже две недели как ни капли...

— Ни капли! — вступилась за отца выросшая словно из-под земли Полинка.

— Ничего, — приговаривал Славка, — поставим новый, получше прежнего, с верандой.

— Ай, фиг с тобой! — сдался, махнув рукой, Егор и скрылся за шторкой.

— Ну вот то-то, — усмехнулся сосед, подмигивая водителю. — Давай поторапливайся. Еще две ходки надо сделать.

Славка сдержал слово.

Привез бригаду строителей, и дней через десять во дворе Егора выросло новое, краше самой избы, сооружение, которое и сараем-то назвать язык не поворачивался.

— Ну вот, принимай работу!

Егор, опираясь на костыли, спустился с крыльца. Он уже мог обойти всю свою территорию, выйти на задворки и даже дойти до соседнего дома.

— Ё-ка-лэ-мэ-нэ! Да ты скоро бегать будешь! — подлизывался к нему сосед.

— Ладно, прощаю, — улыбнулся Егор. — Только уговор: кредит будем выплачивать наполовину.

— Как скажешь, — покорно кивнул Славка.

В начале учебного года класс, где занимались Анюта, Николай и Ксения, заметно поредел. Часть ребят оставила учебу из-за материальных трудностей, кое-кто решил, что и десяти классов достаточно. Поэтому отсутствия новичка Димы, который, кстати, так и не прижился в новом коллективе, почти никто и не заметил. Только Николай с Анютой многозначительно переглянулись да Ксения грустно смотрела на пустое место, где раньше сидел Дима. Она так и не смогла забыть этого непонятого парня: не на шутку тосковала, то и дело порывалась писать письма, но, не зная адреса, рвала их на мелкие клочки, а дома ревела в подушку.

Николай за лето перерос сестру. Теперь он говорил баском, то и дело пощипывая прорезавшиеся усики.

— В армию пойду. А там видно будет, — предупредил он вопросительные взгляды о будущем.

Парень ходил в спортзал — качался, играл в баскетбол, в теннис... Остальное же время пропадал у Егора, помогая по хозяйству и во всем стараясь походить на своего старшего брата. К Анюте он пытался относиться как к сестре. Но иногда грустный взгляд его, брошенный в сторону девушки, выдавал, что это ему дается с трудом.

Аня тоже изменилась — из тихой, незаметной девочки она превратилась в настоящую русскую красавицу и то и дело ловила на себе влюбленные взгляды одноклассников. Но Егор занимал все ее сердце без остатка. Мать, чувствуя, что доча ее действительно счастлива и что отношения у них с Егором более чем серьезные, больше не причитала, не отговаривала Анюту, только иногда печально вздыхала, глядя на повзрослевшую дочь.

В конце сентября, в разгар бабьего лета, после окончания уроков к Николаю неожиданно подошел незнакомый парень и передал записку. Записка была короткой «Жду в 15...» и адрес, подпись — «Дима». Перекинув школьный рюкзак с одного плеча на другое, Николай невольно нашел взглядом сестру, которая шла далеко впереди. Они уже давно не ходили дружной троицей, как в детстве. Теперь каждый жил своей внутренней жизнью, у каждого были свои дела и проблемы.

Николай посмотрел на часы — пятнадцать минут третьего. Он стоял в замешательстве: «Идти — не идти? Зачем? А если не приду, подумает, что струсил...» Впервые Николаю нужно было принять самостоятельное и верное решение. И он пошел, настраивая себя как можно жестче, припоминая все подлые Димкины выходки. От школы до дома, где жил его недруг, было недалеко, тем более если срезать дорогу и пройти через парк, что Николай и сделал.

Парк был полон народу, словно стоял не будний день, а долгожданный праздник. Листья желтые, красные, зеленые, не успевшие поседеть, мягким ковром лежали под ногами. Николай задрал голову вверх и замер. Деревья, словно выйдя на свой последний бал, сверкали бордовыми коронами, напоминая, что в их королевство действительно пришел настоящий праздник. Николай остановился и невольно улыбнулся, наблюдая за молодыми мамашами, которые везли в своих колясках недавно народившуюся жизнь. Боевой запал исчез, и ему уже не хотелось ни к какому Димке, ни на какие разборки... Хотелось идти и идти по этому великолепному ковру из листьев. «Я Вас любил. Любовь еще быть может...» — думал он пушкинскими строками. Но деревья становилось все меньше, а проплешины на ковре все больше. Наконец детский гомон остался где-то далеко за спиной, и Николай понял, что парк кончился, а впереди замаячил Димкин дом, к которому «званный» гость подходил уже без особого боевого настроения.

Дом был элитный, с домофоном, перед которым Николай замер, не зная, на какую кнопку нажать. Но замок изнутри неожиданно шелкнул и тяжелая железная дверь медленно приоткрылась. Из нее выглянул Дима. Николай отметил, что он изменился: был коротко подстрижен почти под ноль, передний вставной зуб хоть совсем уж и не отличался от остальных, но прежняя самодовольная улыбка исчезла. Казалось, кто-то перерисовал его лицо. Да и одет он был в обычную спортивную одежду, которую носит каждый второй их ровесник.

— Привет, — первым кивнул Николай, — за чем звал?

— Проходи, поговорить надо, — торопливо и, как показалось гостю, немного заискивающе

пригласил Дима. — Я невысоко живу: на втором этаже.

Они поднялись, Николай остановился у приоткрытой двери:

— Говори здесь. Я не пойду в твою квартиру.

— Да прекрати ты! Что мы на лестничной клетке будем стоять...

— А что такого? Мы вот стоим на своей лестничной клетке, — перебил его Коля. — Иногда даже сидим. — Он вдруг снова начал наливаясь ненавистью, узнавая в этом новом Диме того, прежнего — с наглой ухмылкой и любимым словом «лузер».

— Ну хоть в прихожую зайди, — Дима гостеприимно распахнул дверь.

Николай какое-то время колебался, но, в конце концов, перешагнул порог квартиры.

Прихожая была светлая, чистая, большая, хорошо и удобно обставленная. Дверь за спиной Николая захлопнулась.

— Все! Дальше я не пойду, — и, съехав спиной по мягкой обивке, он сел на пол, по-турецки скрестив ноги, тем самым подтверждая, что с этого места он не сдвинется.

— Ну, хорошо, — усмехнулся Дима, — будем сидеть здесь. Я сейчас.

Он на минуту скрылся и появился с большим подносом, на котором стояла початая бутылка дорогого коньяка, сыр, дольки лимона, оливки, бутерброды с красной икрой, кружочки колбасы... Хозяин аккуратно поставил все это великолепие на пол и, несмотря на то что в прихожей стояли удобные кресла, демократично сел напротив гостя.

— Послушай, — все больше распалялся попавший в дорогую ловушку Николай, — тебе чего от меня надо, а?! Если ты испугался за сожженный сарай, то не ссы, Егор ни в какую милицию-полицию не заявлял. Можешь спать спокойно.

— Да я знаю, — как-то вяло отмахнулся Дима. — Давай за старую дружбу. — И он начал разливать коньяк по мельхиоровым рюмкам.

— Что-о? — не выдержал Николай. — За какую дружбу?! Дружи со своими... — он не мог подобрать слова.

— С какими своими? — глаза Димы зло сверкнули.

— У кого папаши такие же вот хозяева жизни, — наконец нашелся Николай.

— Мой отец погиб в Чечне, — тихо сказал Дима и одним глотком осушил рюмку. — А мать на моих глазах убили по пьянке, когда я еще в школу не ходил. А этот, как ты выразился, папаша взял меня из дома-интерната для детей-сирот. — Дима помолчал. — Жена у него стерва. А он мужик вроде ничего, прикипел ко мне. Да и я к нему привязался. Правда, раза два сбегал от них. А потом ничего, учиться понравилось. Способный я, — он усмехнулся, но как-то по-другому, как бы стесняясь.

Николай молчал, глядя на богато обставленный поднос. Ему не очень верилось в то, что говорит Димка. Казалось, коварный Димон затевает очередную подлость, вот и плетет невесту что.

— И никакой я не Димон. Митька я. А в детстве меня дразнили — Митька-титька. Вот!

Он по очереди сдернул носки, и Николай увидел большие детские каракули, старательно выколотые над пальцами ног: «МИТЬКА — ТИТКА» (титька было без мягкого знака).

— Что это? — не поверил своим глазам Николай.

— Родился я чуть севернее этого города. В таком же захолустье.

Тут Дима виновато кашлянул.

— Еще похуже вашего: в районном городишке, где все друг друга знают. Жили в коммуналке с четырьмя соседями. Мать поначалу не верила, что отец погиб. Все ждала. Потом начали к ней приходиться утешители-доброхоты, и все с бухлом. Лет с четырех я у соседей обретался. Потом меня в компанию взяли, которая ларьки чистила да на рынке промышляла. Научился неслышно по карманам лазить, что где плохо лежит не упускал... К тому времени мать уже не работала. Вот таким образом я ее кормил.

— Ну а дальше?

— А дальше явился один алкаш. Она с ним расписалась. А он не только пил, но и бил. И однажды забил ее до смерти...

Дмитрий снова наполнил свою рюмку. У Николая она была полной. На этот раз выпили оба, не чокаясь и не глядя друг на друга.

— Ты ешь, не стесняйся. А то пойдем на кухню — там у меня курица в духовке.

Николай сглотнул слюну, но упрямо замотал

головой. Только осторожно взял бутерброд с икрой и запихнул его целиком в рот, чтобы не пропало ни одной икринки.

— Ну вот, определили меня в интернат. А тут мода пошла на приемных детей. Приехали мои нынешние и, как увидели меня, сразу сказали: «Вот этого забираем». Особенно отец нынешний настаивал. Их даже пытались отговаривать: клептоман, говорили. Тащит все, что под руку попадет. Наследственность, мол, плохая, и так далее... Но отец мой новый уперся. Этого, говорит, берем, и все тут. А я кудрявый был, улыбочивый, юркий как угорь и смекалистый. Учиться начал на одни пятерки.

— Ну? — пробуя оливки, торопил Николай.

— Сейчас, — Дима поднялся, скрылся в глубине квартиры, потом вернулся с двумя фотографиями. На одной молодой парень в военной форме.

— Это отец, — пояснил он. — А вот это я с мамой.

На фото стоял маленький Дима — Митька-титька со своими белоснежными зубами. За руку его держала молодая красивая женщина с большими карими глазами и точно с такой же ослепительной улыбкой.

— Вот так вот, друг, — вздохнул Дима, бережно забирая фотографии. Потрясенный Николай на этот раз на слово «друг» не возмутился.

— Да-а, — снова погрузился в прошлое соседник. — Этому убийце одиннадцать лет дали. Как раз должен где-то в конце сентября выйти, — недобро блеснул глазами Дмитрий. — Чалился от звонка до звонка.

Повисла тяжелая пауза. И, когда хлопнула соседская дверь, оба вздрогнули.

— Куда теперь, в Москву? — нарушил молчание Николай.

— Да... Только вначале на родину съезжу, к матери на могилу.

— Зачем? — почуяв недоброе, воскликнул Николай.

— Как зачем? — опять усмехнулся Дмитрий. — Я же сказал: к матери на могилу.

Он тяжело поднялся, отодвинул поднос с закусками, унес фотографии и вернулся с небольшим пакетом.

— А это вот передай Егору.

Николай, увидев пачки денег в прозрачном пакетице, непроизвольно отдернул руки.

— Бери-бери. Это не ворованные. За сарай-то я ему как-никак должен.

— Не возьмет он, — покачал головой Николай.

— Ну, не возьмет, сам распорядишься. Да, вот еще, — он вытащил из кармана маленький серебристый мобильник. — Вот тут мой номер. Если что — звони. И передай Егору, пусть он сходит к ортопеду, посоветуется насчет настоящих протезов: точно узнает свои размеры и так далее. Так что будет он бегать быстрее нас с тобой.

У Николая вдруг закружилась голова, то ли от коньяка, то ли от всего того, что рассказал ему этот парень, про которого они ничего, в сущности, не знали. Он не без труда поднялся, разминая затекшие ноги, спрятал телефон в задний карман джинсов, неуверенно взял пакет с деньгами и засунул в рюкзак между школьными учебниками.

Нужно было прощаться, а они все неловко топтались у порога, понимая, что не сказали друг другу еще что-то важное.

— Ну, как они? — наконец, кашлянув, отважился Дмитрий. Он понимал, что сейчас они с Николаем в одинаковом положении.

— Нормально, — пожимая плечами, отвел глаза гость. — Егор же на все руки мастер, весь в

нашего деда: и столяр, и плотник... Дед-то у нас общий оказался, — не смог сдержать детского ликования Николай. — Так что Егор мне старшим братом приходится. Двоюродным. В общем, все может. Вплоть до того, что классно готовит. Анюта, например, никогда не пробовала такое блюдо... Жюльен называется. Всю жизнь мечтала. А Егор — пожалуйста, и грибной у него на столе, и рыбный, и с сыром...

— Погоди-погоди, — вдруг оборвал его изменившийся в лице Дмитрий. — Как жюльен не пробовала?! Как не пробовала!!! — он ударил кулаком в дверь так, что Николай отскочил к стенке.

— Ты что?!

Дмитрий тяжело вздохнул, опустил голову и тихо сказал:

— Вызывай такси. Езжай прямо к Егору — не мотайся по городу с деньгами...

На улице, дожидаясь машину, Николай подумал: «Хорошо бы приехал Славка».

Но за рулем оказался хмурый небритый тип. Услышав адрес, он, хмыкнув, покосился на пассажира и назвал сумму в надежде, что тот выскочит из машины как ошпаренный.

— Поехали-поехали, — поторопил Николай.

□

Елена Станиславовна НАУМОВА

родилась в Кировской области.

Окончила Литературный институт им. Горького.

Стихи и рассказы публиковались в журналах и газетах

«Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Север»,

«Литературная газета» и «Литературная Россия».

Автор пяти поэтических сборников и двух книг прозы.

Лауреат российских и международных литературных конкурсов.

Член Союза писателей России.

Живет в г. Кирове (Вятка).

Виктор КИРЮШИН

родился в Брянске в 1953 году.

Окончил факультет журналистики МГУ.

Поэт, публицист, переводчик.

Стихи публиковались в антологиях «Венок славы», «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век»,

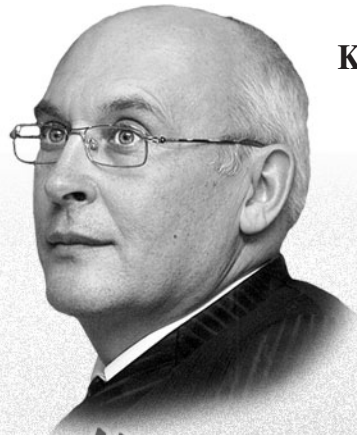
«Молитвы русских поэтов», в журналах «Смена», «Юность», «Континент», «Сельская молодежь», «Наш современник», «Сибирские огни» и других.

Автор книг: «Стезя», «Чередование тьмы и света», «Накануне снега и любви», «Неизбежная нежность».

Лауреат всероссийских и международных литературных премий.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Виктор КИРЮШИН

г. Москва

*«Мы остаемся
самими собой...»*

МЫ ОСТАЕМСЯ

Тянемся взглядом за стаей гусиной,
Но остаемся с тобою, река,
С этой пылающей
Горькой осиною,
С полем, еще не остывшим пока.

С этим проселком, где вязнут машины
И безнадежно гудят провода,
С рощей, глухими дождями прошитой
В блестящих мерцающих первого льда.

Мы остаемся,
Не в силах расстаться
С небом, где ранняя зреет звезда,
С непроницаемым сумраком станций,
Мимо которых идет поезда.

Мы остаемся,
Где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый
Жалостно-бабий
Русской метели космический вой.

Что же нас держит?
Вопрос без ответа...
Просто в душе понимает любой:
Только на этом вот краешке света
Мы остаемся самими собой.

СКАЗКА

В полумраке размыты детали —
Фонари, очертания туч...
Воздух августа сентиментален
И, как мед загустевший, тягуч.

Ни о чем не жалея, человече!
Все случилось, чему суждено.
Даже горечь несбывшейся встречи
Перебьет молодое вино.

Пусть нехитрая песенка спета,
Но неведомой жизни полны
Эти зыбкие полосы света
Восходящей растущей луны.

Что ей беды твои и невзгоды,
Если после метелей и вьюг
Лишь проклюнутся первые всходы,
Гуси-лебеди сядут на луг?

Вновь округа изменит окраску,
Продолжая по воле Творца
«Жили-были»...
Нестрашную сказку,
У которой не видно конца.

ГЕРАНЬ

Памяти мамы Серафимы Никитичны

И все же рай не за горами,
Как нам порою говорят,
А там, где мамины герани
На подоконниках горят.

Сентиментальностью и грустью,
И беззащитностью пьяня,
Цветок российских захолуствий,
Ты вновь приветствуешь меня.

Таится серое предместье,
В тумане улица и храм,
А ты пылаешь в перекрестье
Дождями выбеленных рам.

Картинка северного лета
На краски яркие бедна,
Но сколько нежности и света
Идет от этого окна!

Так вот он, рай,
Не за горами
И лучше сыщется навряд,
Покуда мамины герани
На подоконниках горят.

* * *

Вот мальчик.
Влюблен и наивен.
Охотник, дитя, дуралей.
Вот женщина.
Лето и ливень,
И чувственный сумрак аллей.

Наверное, это случится
И душу отравит, как яд.
Зовет, ускользает, лучится
Ее понимающий взгляд.

Так следуй, мальчишка отважный,
Ознобному гулу кровей!
...Как волосы пахнут
На влажной,
Дождями омытой траве.

О женщина!
Автор и зритель
Спектакля, что создан шутя.
Пусть думает: он — победитель!
Охотник наивный.
Дитя.

* * *

Ночью проснулся от крика,
Мучило: был он иль нет?
Лишь первозданно
И дико
Лунный колышется свет.

Свет неземного накала
В небе, на белой стене.
Ты ли меня окликала
Или почудилось мне?

Снова из тьмы заоконной
Луч этот вырвал на миг

Твой беспечальный, иконный,
Незабываемый лик.

Между былым и грядущим
Не отыскать рубежа,
В непостижимом и сущем
Вновь заплутала душа.

Чтобы в немислимом свете,
Там, среди звезд и комет,
Мучиться и не ответить:
Были мы в мире иль нет?

Поэтически теплым выдалось нынешнее лето. Обычно так: дождливая карельская весна плавно переходит в моросящую осень. И настроение соответствующее – грустное. А тут сама природа настраивает творческого человека на веселый, жизнерадостный лад. Солнце, тенистые леса, зеленые взгорки, ласковые озерные волны ложатся рифмованными строчками на лист белой бумаги. В Карелию легко влюбиться. Эту истину подтвердил екатеринбургский поэт, член Союза писателей России Андрей Расторгуев, который вместе с женой Светланой посетил наш сказочный край в середине лета.

Андрей Расторгуев – не чужой для карельской творческой интеллигенции человек. Андрей – давний автор журнала «Север». Поэт, переводчик, долгое время живший в Республике Коми, Расторгуев щедро включает в свои поэтические сборники переводы писателей Севера, пишущих на национальных языках. В Коми, куда также решил заехать в отпуске Андрей, совершающий свое путешествие на автомобиле, в его переводе вышел сборник известного поэта коми Альберта Ванеева. Карельские читатели могли познакомиться с переводами Андрея стихов вепского поэта Николая Абрамова и писателя-карела Александра Волкова.

Для Александра Лукича Волкова было подарком судьбы желание Андрея заняться переводами его стихотворений, написанных на ливвиковском диалекте карельского языка. Особенно ярким и значимым стало стихотворение «Слово о ливах» – плод многолетнего сотрудничества поэтов. «Слово о ливах», прозвучавшее благодаря таланту ека-

Олег МОШНИКОВ

г. Петрозаводск

теринбургского поэта на русском языке, было переведено на все финно-угорские языки, существующие ныне на Земле: «Мы – ливвики, ливви, мы – ливы, из тьмы выкликаем слова: – Прислушайтесь, люди! Мы живы! И наша надежда жива!»

Несомненно, на поэтическое вдохновение Андрея повлияло неоднократное посещение деревни Эссоила – малой родины Александра Лукича. Сам дедовский дом, старинная домашняя утварь, разложенная на полках и припечи, являются своеобразным музеем карельского быта, где по-прежнему звучит карельская речь. Оплотом и надёжей этого маленького мира и является поэт Александр Волков, воспевающий сосновые бо-

ры, замшелые валуны, берега широкого, вольного Сямозера. Вот что говорит в одной из своих статей Расторгуев о творчестве Александра Лукича: «Своей цельностью, не истраченной в жизненных перипетиях – а возможно, благодаря им и возникшей, крепкий карел Александр Волков напоминает мне ту самую гранитную глыбу, скалу, что воспета им сразу в нескольких стихотворениях. Устоявшая перед стихиями, она служит верной опорой родной округе. И простоит еще долго, даже за пределами человеческого века, который, судя по сделанному и достигнутому Волковым, не столь уж и краток. Тем более что он по-прежнему в силах не только писать, но и работать веслами и вытягивать любимую ряпушку из родного Сямозера».

После Петрозаводска и Эссоилы семья Расторгуевых прокатилась по Северному Приладожью, посетила остров Валаам – поклониться православным святыням. Впечатление от этой поездки вылилось в стихотворение «Яблони Валаама», которое Андрей доработал уже в Екатеринбурге: «С ветхозаветного Адама тысячелетия храня, на мягких лапах Валаама лежит гранитная броня». Думается, что итогом путешествия по Карелии Андрея будет целый цикл стихотворений, в котором блеснет озерным плесом или росой на шляпке гриба образный расторгуевский стих, продолжая мысль, коей заканчивается вторая часть его триптиха «Яблони Валаама»: «А может быть, в доброе время на почву и он упадёт, как яблони малое семя, что на Валааме растёт».

Следует сказать, что отправной точкой путеше-

ствия Андрея и Светланы Расторгуевых по Карелии было еще одно знаменитое место – первый российский курорт Марциальные Воды. Железистая вода, приглянувшаяся императору Петру I своими целебными свойствами, и услуги лесного санатория в течение двух недель укрепляли здоровье наших екатеринбургских гостей. А общение с карельскими друзьями вылилось в совместное выступление с СовНарКомом (Советом народных композиторов Марциальных Вод), куда входят поэты Вячеслав Агапитов, Олег Мошников и бард Федор Кузьмин, исполнивший две песни на стихи Расторгуева, в музыкальном салоне санатория. На поэтическом вечере Андрей Расторгуев прочитал еще одно стихотворение, посвященное его пребыванию на карельской земле, написанное накануне: «Мы не в царской идём черед, но и нами земля прозвучала. Если телу с душой полегчало – поклонись марциальной воде».

Хочется поклониться Сямозеру и Онего, острову Кижы и святыням Валаама, теплому лету и творческим людям, воспевающим наш северный край: Александру Волкову – хранителю поэтического карельского языка, которому в этом году исполняется 85 лет, и, конечно, уральскому поэту Андрею Расторгуеву, по-настоящему влюбленному в Карелию человеку, остающемуся с нами строчками своих стихов и переводов.

Олег Эдуардович МОШНИКОВ

родился в 1964 г. в Петрозаводске.

Поэт, прозаик.

Первая стихотворная подборка была опубликована в 1988 г.

в газете Уральского военного округа.

Автор книг «Птица-ночь» (1995), «Духов камень» (1999),

«Космонавт» (2002), «Солнечные письма» (2009).

Стихи и рассказы переведены на вепсский,

карельский, финский, шведский языки.

С 1998 г. член Союза писателей России.

Андрей РАСТОРГУЕВ

родился в 1964 г. в Магнитогорске.

*Автор нескольких книг стихов,
переводов и литературно-критических статей,
многих публикаций в литературных журналах,
участник ряда антологий.*

*Лауреат Государственной премии Республики Коми,
премии журнала «Урал» (2008 г.),*

*Литературной премии
Уральского федерального округа (2012 г.).*

Член Союза писателей России.

**Андрей
РАСТОРГУЕВ**

г. Екатеринбург

«Поклонись марциальной воде...»

МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ

*Первый российский курорт в Карелии,
где четырежды лечился Петр I,
сохраняет старое имя железистых вод,
идущее от планеты Марс.*

Поклонись марциальной воде —
так целебный источник устроен:
чтобы удостоверить — достоин,
поклонись марциальной воде.

Это очень земная вода
из корней сердцевинного леса —
хоть по богу войны и железа,
если в меру — не будет вреда.

Наливали тогда доктора —
со щедря серебра, не горстями.
Но карельский медведь и крестьянин
отыскивали её до Петра.

Мы не в царской идём чередё,
но и нами земля прозвучала.
Если телу с душой полегчало —
поклонись марциальной воде.

ЯБЛОНИ ВАЛААМА

С ветхозаветного Адама
тысячелетия храня,
на мягких лапах Валаама
лежит гранитная броня.
Но человек не знает меры
своих невероятных сил —
и устыдились малoverы,
и камень заплодоносил.

В северорусские просторы
давно, как будто испокон,
глядят израильские горы
Фавор, Сион и Елеон.
Когда бессмысленно опасный
огонь пойдёт по головам —
как Иерусалим запасный
волнам открытый Валаам.

Пока в невероятной каше
не потемнела высота,
успей к молению о чаше
у Гефсиманского скита,
дыханием неплотоядным
открыв на кончике весла
в одной из валаамских яблонь
познание добра и зла...

СТАРИК И МОРЕ*(В сокращении)**Карельскому поэту**Александру Волкову*

Чай-иван зацвёл на косогоре —
самый плодовитый из Иванов...
Сямозеро — маленькое море
между двух великих океанов.
Норов у него не голубиный —
выходи с опаской на моторе.
У него есть мели и глубины,
и старик, необходимый морю.

От высокой горницы к подвалу
шоркая подошвами пороги,
он один хозяйствует помалу
в доме у прибоя и дороги.
Но, пускай не вовсе умалила
тело жизнь цепочкой годовой,
заросла смородина-малина
сорною травую-крапивью.

На́ берег с воды не торопился,
сетки ставил бережно и ловко,
а теперь у дедовского пирса
ливнями захлётнутая лодка.
И, в неторопливом разговоре
скрадывая долгую тревогу,
слышит он, как Сямозеро-море
плещется на старую дорогу,
валуны волнами осыпает,
подо льдом — и то не засыпает...

По укладу веков или расположению звёзд,
или недоумению вросшего в давнее стремя
завершённое время впивается
в собственный хвост...
Но кто приговорил, что уже завершается время?
И покуда киты-черепахи несут материк,
по дороге к высокой воде соглашайся, не споря:
на морском берегу обязательно будет старик —
если он, разумеется, у настоящего моря.

.....

Был старик лесовик,
был старик рыболов,
а теперь ни уму и ни сердцу...
За несметными следом
он тоже готов
отворить у истории дверцу,
как ещё отворяет
чуть свет или снег
побелённую печь домовую...
Там спекается век,
рассыпается век,
вылетает в трубу дымовую.

— Лебединого времени
не проворонь... —
наставляют земные глубины.
Ненасытно голодный
до жизни огонь
добирается до сердцевины,
где на памяти детской
горчит не угар
на Урале на лесоповале,
а противочинготный
сосновый отвар —
хоть залейся, его выдавали...

А когда соберёшься нелицеприятный итог
подвести подо всем,
чем сгодился родне и Отчизне, —
отыщи не биток, а едва приоткрытый виток
всё ещё неожиданной и неистраченной жизни.

Есть во имя чего — и воистину стоит начать
с белоснежной бумаги ли,
с чистого ль белого снега...

И рыбацкую лодку по-прежнему будут качать
океанские зыби на Ладоге и на Онего.

Елена МАРКОВА

г. Петрозаводск

УЧЕНЫЙ

В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

Памяти Э. Г. Карху (1923–2008)

*В пещере старец; ясный вид,
Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Её внимательно читая.*

В отличие от пушкинского персонажа, «брады седой» у Карху не было: Эйно Генрихович всегда был тщательно выбрит. Но представить его с очередным фолиантом при свете настольной лампы нетрудно, ибо работалось лучше всего по ночам. Не случайно соседка, живущая этажом выше, окрестила его за поминальным столом «ночным человеком». Не раз и не два она слышала по ночам шаги ученого, когда он, размышляя над предметом исследования, мерил ими квадратные метры своего кабинета. Припозднившимся жильцам дома № 7 по улице Космонавта Германа Титова всегда светило окно квартиры № 15.

Пушкинский образ в моей памяти вспыхнул не случайно. Во-первых, Эйно Генрихович – финн-ингерманландец, во-вторых, филологическая его деятельность началась с этого образа, им же и завершилась (см.: первую книгу «Финляндская

литература и Россия», 1962 г. и последнюю – «Общение культур и народов», 2003 г.). В-третьих и главных, он прошел тот же путь, что и его первопредок: путь пастуха, воина и носителя книжной премудрости.

Музой Финна была красавица Наина. По замечанию Э. Г. Карху, имя это в переводе с финского «nainen» означает «женщина», тем самым подчеркивалась родовая характеристика героини. Подобным именем, как правило, нарекали пра-родительницу, чей род имел во времени жизнь протяженную и судьбу знаковую.

Музой Карху стала Клия (Клио). Почему История, а не Филология, или шире – Литература? Об этом позже, хотя... не вечной ли спутницей каждого из нас является История, что воскрешает прошлое в семейных преданиях и на страницах школьного учебника и оборачивается к тебе в настоящем то ликом неприступной красавицы, то безобразной плотью жестокой колдуньи?

Как отказы Наины влюбленному Финну и ее безумное желание овладеть охладевшим к ней тайновидцем определили его путь в земном времени, так и притяжение / отталкивание Клии определили жизнь и судьбу человека по имени Эйно

Карху, появившегося на свет 27 ноября 1923 года в крестьянской семье на ингерманландской земле. Возможно, не все его земляки знали дату первоначального заселения края, но никто из них не сомневался в вечности его существования: уходило одно поколение за другим, а страна Инкери продолжала жить и порождала все новые жизни... И казалось, так будет всегда, но История распорядилась иначе. В книге «Прощание с Ингерманландией» Э.Г. Карху пишет: «Ингерманландия – вполне реальный край, однако в этнокультурном смысле та Ингерманландия, о которой пойдет речь, продолжает жить скорее лишь в воспоминаниях ее раскиданных по миру уроженцев, чем в реальности»¹.

Такая короткая пастораль

Итак, следуя семейной традиции, Эйно Карху должен был стать крестьянином из деревни Вуйссакка, или по-русски – Высоцкое. Точнее: Финно-Высоцкое, чтобы отличать от русской деревни с таким же названием. И Русско-Высоцкое было в полутора километрах, и не столь далеко Петербург-Петроград-Ленинград, тем не менее сто пятьдесят тысяч ингерманландцев сохранили свой язык, обычаи и культуру.

Никто не говорил с ребенком на тему «кем быть?». Его воспитывал труд и весь уклад деревенской жизни. Ему уготована была судьба крестьянина, правда, не пастуха. Это для поэта и ребенка (конкретно для мальчика Эйно) его образ притягателен. Пастух, как человек из *иного* мира, приходит неведомо откуда, проводит жизнь на лоне природы и благодаря магической игре на рожке (флейте, свирели) приручает стадо.

И в книге он таков: чужак (выходец из Финляндии), поражающий уже своим обликом: цветной жилет, шляпа, сапоги финского образца, а в сухую погоду – легкие самодельные сандалии. Что уж говорить о берестяном рожке и кнуте длиной метров шесть-семь!

Но для взрослых значим социальный статус человека, который определялся наличием собственности. Так как пастух земли не имел, то в крестьянской семье считалось унижительным отдавать сына пасти чужой скот.

Однако со *своим* стадом должен уметь управляться каждый независимо от возраста. В память Карху особенно резко врезались «пасторальные» эпизоды, отнюдь не идиллического характера. Ему, пятилетнему мальчику, поручили в шесть ут-

ра выпустить коров с телятами в стадо. Чтобы ребенок не проспал, мать перед отъездом на сенокос разбудила его в четыре утра. Вопрос не стоял: по силам ли мальчику это задание. Он *должен* выполнить. И выполнил. «Мне удалось-таки не проспать и услышать внезапный звук рожка, хотя от растерянности я не сразу смог открыть ворота и пастуху пришлось мне помочь».

Еще один эпизод показывает, как ребенок сумел преодолеть свои малые физические возможности и охвативший его страх, когда его, пятилетнего, послали пасти корову на уже замерзшем озимом поле в полукилометре от дома. Драматизм происшествия заключается в том, что корова, как ни тащил ее малыш, не хотела возвращаться обратно. Плачущего мальчугана, которого «упрямо волокла за собой эта громадина», выручил проходивший мимо сосед. Но «ребенку и один час в одиночестве на замерзшем поле показался вечностью».

Этот эпизод не просто демонстрирует, что в крестьянских семьях сызмальства воспитывалось чувство ответственности, он также показывает нерасторжимую связь маленького человека со всем живым миром (а вдруг корова, оставшись в одиночестве, погибнет). Это характерно для разных народов. В данном случае чувство ответственности помножено на ингерманландскую настойчивость и на исповедуемое лютеранами нравственно-религиозное чувство возвышения труда. Здесь закладывался фундамент характера Э.Г. Карху.

В 1990–1991 годах Эйно Генриховича стали преследовать болезни: у него резко упало зрение, было обнаружено опасное заболевание и ко всему этому он сломал руку. В Кремлёвской больнице, куда отправили известного ученого, вынесли вердикт: «Не срастется!» Только ли о руке здесь шла речь, – выживет ли...

Выжил: одолел недуг, разработал руку и в июне 1992 года положил на стол плановую рукопись «Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении». До ухода на пенсию в сентябре 2004 года, когда болезнь взяла свое, он написал еще 3 монографии и не один десяток статей. В каждой из последних книг звучала ингерманландская тема. Услышал ли он зов уходящего в небытие рода или сам возложил на себя миссию его историографа... Главное: задачу выполнил.

В «пасторальных» эпизодах есть второй герой – корова. Исследователем она тоже не будет забыта. Ему был близок запечатленный в искусстве образ крестьянской кормилицы, будь то

«Калевала» или повесть Василия Белова «Привычное дело».

В послесловии к книге карельского писателя Николая Яккола «Водораздел» Э.Г. Карху отмечал «настойчивое стремление автора к строгому историзму повествования» и в качестве аргумента показал, как через реакцию членов крестьянской семьи на пропажу в лесу коровы можно выявить отпечатки верований разных эпох: «...стариками по языческой традиции говорят: «Леший к себе увел». Люди среднего поколения, напротив, видят в этом кару божью, ниспосланную крестьянам за нарушение православных постов. А мальчик Хуоти с детской откровенностью, хотя и не без страха за последствия, говорит, что леших не бывает, а корову задрал медведь».

Светом церковной люстры, «сиявшей с потолка со множеством горящих свечей», освещено и освящено его детство. В память Эйно врезался «алтарь с изображением Христа, возвышающаяся слева кафедра священника, ряды скамеек с проходом посередине, над ним ярусы, вдоль которых у перил тоже горели свечи».

Шло детство. Если оно благодатное, то, с одной стороны, время летит быстро (ты растешь!), с другой – оно одаривает тебя тем, что накоплено веками, тысячелетиями, и поэтому наблюдается парадокс: твое личное быстрое время соединяется с медленным временем общей Истории человечества.

Собственно, эту большую историю мальчик пока знал только по семейному преданию. Хотя бабушка помнила о временах крепостничества и рассказывала о них, но ее память чаще всего высвечивала то, что было мило сердцу во времена ее детства: ежегодные войсковые учения, во время которых в ее родной деревне Алакуля стоял гусарский полк.

Слом

В отличие от бабушки, Карху-этнолог не помещает акценты: колхозное крепостничество и долгий статус лишенца не затмят описание краткого «пребывания в гусарах». Хотя его строгий историзм не позволил пропустить и первоначальный праздник колхозной жизни: первый трактор на полях, вызвавший бурю чувств у ребятшек, и бесплатную столовую, которая просуществовала одну осень, временное изобилие стало сменяться постоянной борьбой за буханку хлеба, её получали в городе в обмен на молоко от единственной коровы.

Эйно стал возчиком. На его телеге добирались молочницы до станции, где История впервые показала ему свой страшный лик. Возле вокзала он увидел «мужчин, женщин, детей, очень исхудавших, с бледными лицами и провалившимися глазами. Иные лица, напротив, совсем отекали, и тогда полузакрытые глаза едва выглядывали». По словам молочницы, это были «откуда-то понаехавшие голодающие люди, оставившие свои деревни в надежде спастись от голодной смерти в городе». Много-много позже Карху узнает, что вокзал надежды для этих людей стал местом смерти. Их, выходцев из южных – хлебных – районов страны, ограбили во имя великой цели, и они тысячами и тысячами умирали в своих деревнях и на вокзалах городов, куда их не пустили.

Хотя коллективизация называлась на языке символов «великим переломом», фактически стала «сломом». Перелом означает нарушение целостности, которую полностью или в определенной степени можно восстановить, или указывает на крутой поворот в развитии, ведущий в лучшую или, увы, худшую сторону. Слово «слом» чаще всего употребляется с предлогом «на». То, что идет на слом, уходит навсегда.

Традиционная деревня, традиционная культура были обречены на слом. Дело было не только в переделе собственности и в изменении характера сельского хозяйства, но и в дифференциации сельского населения по сословному признаку. Хотя семейство Карху не отличалось богатством и, как все в деревне, летом пробавлялось солониной, их как кулаков выслали на Хибины, где его отцу было предписано работать на комбинате «Апатит». Здесь вынуждены были трудиться и русские, и эстонцы, и немцы. Разрушали традиционный уклад всех народов – трагедия была общей.

Если память о детстве была освещена теплым светом намоленных свечей, то хибинское отрочество – проклятыми ответами фосфорного шлака. Когда рабочие в полярную ночь возвращались со смены в бараки, то у них «светились и рабочие спецовки, ..., их брови и ногти на пальцах рук, все предметы, которые они брали с собой на завод. Всепроникающий фосфорный налет трудно отмыть».

В большинстве своем эта масса не пролетаризировалась, а люмпенизировалась. Не было ни своей земли, ни своего дома, где бы эти «ходячие факелы» могли приложить свои руки, поэтому свободное время они проводили где-нибудь в приятельской компании за бутылкой водки и кружкой пива.

Надо было обладать большой силой духа, чтобы противостоять общему настроению и поведению. В числе немногих были родители Карху: чувство собственного достоинства не позволяло перейти черту, они пытались укоренить свою мораль в детях, заставляя их трудиться. В короткий грибной сезон Эйно будили в четыре часа утра, и он с отцом отправлялся в лес, который всегда был притягателен для их семьи, носившей «лесную» фамилию (в переводе на русский язык она означает «медведь»).

Возможно, случай в лесу стал толчком в развитии образного мышления Эйно. Будучи пятилетним, он ушел в лес и заблудился. Тогда у него «при шуме деревьев рождались как бы сами собой фантазии, ведь сказок и приключенческих книг о «лесных разбойниках» ему «никто в детстве не читал». Заблудившегося «медвежонка» спас звук коровьего колокольчика: пастух довел зарезанного ребенка до деревни.

В Хибинах для него стал значим звук горна. И, несмотря на протесты глубоко религиозной матери, подросток стал пионером. Казалось, жизнь должна была лишиться Эйно иллюзий: тесный барак, промерзшая полугнилая картошка, мат-перемат соседей, но юный человек всегда жив верой в будущее: «...для меня, пацана, это не имело никакого значения, я твердо верил, как учили в школе, что мы строим новое общество, что трудности только временные и что скоро все будет в лучшем виде».

Но сколько людей, рисовавших в мечтах юности радужное будущее, сдаются при первых трудностях. В ссылке такие примеры множилось на глазах. У Эйно, наоборот, «неудовлетворенность сущим» стала «самым важным психологическим стимулом учиться... выкарабкаться из барачного клоповника в прямом и переносном смысле. Верилось, что где-то должна быть иная жизнь, о которой рассказывается в хороших книгах». Выброшенный Историей на слом – он не сломался!

И на войне не воин

3 сентября 1941 года Эйно Карху сам отправился в Медвежьегорский (финно-спецпоселенцев летом 1940 г. перевели в Карелию) районвоенкомат, чтобы выяснить, призовут ли его в армию. Уже вечером он был одет в военную форму и в армейские ботинки с обмотками, что не вызывало у него особого огорчения. По признанию ученого, он, «наверно, был даже доволен тем, что все наконец определилось: во мне приз-

нали гражданина страны и скоро доверят винтовку, чтобы защищать Отчизну».

Но гражданина в юном солдате власти никак не хотели признавать. Если в Хибинах Карху ощущал прежде всего дискриминацию по классовой принадлежности, то на войне – по национальной. Как известно, Финляндия воевала на стороне гитлеровской Германии, и советские финны стали в ответе за своих соплеменников по ту сторону границы. Ингерманландцы были интернированы, и земля, на которой они жили, была постепенно заселена другими людьми. Оставшиеся в живых не могли после войны вернуться в родные пенаты, они были рассеяны по Советскому Союзу: Сибири, Эстонии и Карелии.

Не останавливаясь на начальном этапе службы молодого бойца, перейдем к главному – «стройбатовской эпопее» Карху, которая продлилась с февраля 1942 года по весну 1944. Он оказался под Вологдой, строил аэродром. Ни о каком трудовом подвиге, хотя люди трудились из последних сил, речь не идет. Как ни тяжела была работа, борьба с постоянным мучительным голодом была страшнее. И это в глубоком тылу, где «вокруг пустуют колхозные земли, на которых несколько десятков тех же стройбатовцев могут вырастить урожай для всех».

История была немилосердна к этим людям, финнам, немцам, эстонцам и не годным к строевой службе русским, и автор, подобно летописцу, приводит факт за фактом, чтобы предельно достоверно передать трагедию безымянных мучеников.

Заключительная сцена его «эпопеи» приобретает поистине символический характер. Описывается американский финн. Приехавший в Страну Советов строить светлое царство социализма, он обрел судьбу не героя – Прометея прикованного, а обезумевшего узника: «похожий на живой скелет, ... он машинально, очень медленно и с надрывом силится поднять дрожащими исхудалыми руками тяжелый молот и столь же бессильно и безразлично опускал его, приговаривая, словно ведя счет ударам: «В Америке у меня был дом – р-раз; в Америке у меня была машина – д-два; в Америке у меня была еда – т-три!» Троекратное звучание молота здесь – как жуткая музыка древнего божества Молоха, пожирающего людей.

В этом аду Эйно решил выжить во что бы то ни стало и одержал победу. Его оружием стало перо. В фактически умирающем юноше проснулся литератор: он решил обратиться к комбату. В письме, «тщательно обдуманном и много раз переписанном», он «постарался по возможности

кратко объяснить свое крайнее дистрофическое состояние и нежелание умирать». В качестве адресата он избрал не комиссара, а комбата, инстинктивно почувствовав в нем командира, сохранившего человечность. И не ошибся, победив в борьбе за жизнь. Позднее ему довелось стать переводчиком и выучиться на пулеметчика, но его пулемету уже не пришлось застрочить.

В майскую ночь под Лиепая Карху узнал о победе. И полвека спустя он вспоминал «неповторимое чувство, выстраданное долгими годами лишений. В нем была и радость общей победы, и зов юной жизни, снова обретшей надежду, и почти телячий восторг... что все у тебя в целостности – и руки, и ноги, и голова. ... И само-то счастье в ту минуту было физически разлито в твоей исстрадавшейся плоти, его тоже можно было почти пощупать руками, ощутить совершенно конкретно».

В начале было Слово

Ни пастухом, ни воином, одержавшим блистательные победы на поле боя, Эйно не стал. Эта возможность у него была отнята. Но после войны режим по отношению к ингерманландцам смягчился. Кляя стала милосерднее и дала возможность Эйно погрузиться в чтение мудрых книг. В 1946 году он поступил на филологический факультет Петрозаводского университета.

Что побудило юношу сделать именно этот выбор? Какая книга стала для него первой? Кто был его первым учителем?

Первой стала Вечная Книга – Библия. Ее «в редкие минуты досуга» читала мать. Увидев, что пятилетнего сынишку заинтересовал «сам процесс чтения, то, как из букв складываются слова», «принялась показывать буквы и медленно читать по складам». Он выучился где-то за месяц и потому пошел в школу в неполные семь лет, а не как сверстники в восемь. Учился Эйно в финской школе у себя на родине и в Хибиногорске, где для детей из ссыльных ингерманландских семей была создана семилетняя школа с преподаванием полного цикла предметов на родном языке. Но от поселка Юкспор, где проживала его семья, до школы было шесть километров, и возвращаться мальчику приходилось в темноте полярной ночи, поэтому, окончив 5-й класс, он стал учиться в русской школе, что находилась вблизи от дома. Эйно попал не просто в новую школу, а «в новый языковой мир». Для него «в психологическом отношении началась совершенно новая жизнь». В книге показан не просто процесс преодоления

фонетических и грамматических трудностей, но и, увы, неминуемых в таких случаях насмешек одноклассников, которые нарочно подбрасывали ему матерные словечки, и он, не понимая их смысла, произносил на уроках.

Карху выстоял. Он преодолел языковой барьер. Его «олимпиадой» стал обычный школьный диктант, который предложили написать всем поступившим в университет студентам. Без ошибок написали только двое – студентка-финка и он.

Благодаря русскому языку школьнику открылось богатство великой русской литературы. Конечно, юному финну предстояла встреча с Пушкиным, ставшая для него «источником едва ли не самых ранних литературных впечатлений ... Подростковой душе были особенно близки лицейские стихи юного поэта, полные света и радости, восторженных посланий столь же юным друзьям». Чтение Тургенева и Пришвина «обостряло и воспитывало зрение», ему «хотелось отыскать красоту ... в хибинской природе», потому мальчик «вечером специально выходил на находившуюся неподалеку лесную поляну, чтобы увидеть окрестности гор при лунном свете».

Пробудившееся чувство природы требовало выражения, и традиционное домашнее задание: придумать несколько сложных предложений с подчинением и сочинением – вылилось в связанное описание осеннего леса, за что ученик был удостоен первой похвалы.

В школе были хорошие учителя, оказавшиеся в этой глуши, очевидно, не по своей воле и щедро дарившие учащимся свои знания. В память автора особенно врезались литератор и математик. Яркие, фантастически преданные своему предмету люди, о которых он написал в книге с чувством глубокой благодарности.

Парадоксально, но человек, проживавший в бараке с его неистребимыми клопами и таким же неистребимым матом, в то же время существовал в мире красоты природы, слова и математической логики. Когда перед юношей встал выбор, чему отдать предпочтение – литературе или математике – решение было не простым: «математическая логика прекрасна своей стройностью и строгой доказательностью, но она предельно абстрагирует и формализует работу мысли, отстраняет ее от плоти живой жизни. ... Об искусстве не случайно говорится, что оно *воплощает* – связь с плотью жизни подчеркивается этим словом». Добавим от себя: искусство, воплощая жизнь, дарит его ценителям ощущение *катарсиса* – душевного очищения и веру в будущее.

Возвращение в семью

То, что Карху выбрал специальность «финский язык и литература», только на первый взгляд кажется очевидным. Он столько натерпелся из-за своей национальности, что ему не раз приходило в голову «невеселое желание не иметь вообще этой проклятой отметки в паспорте»; к тому же переход на другой язык губительно сказался на лексической базе родного.

Когда-то десятилетним мальчиком он покинул родную деревню, где был на попечении бабушки и тетушек, и уехал на Хибины, к родителям, не побоявшись разделить судьбу ссыльных. Так и теперь Эйно, у которого уже не было в живых отца и матери, вернулся в свою языковую семью.

Попытаемся понять логику его выбора. Конечно, перед пытливым умом всегда встает вопрос о своей этнической идентичности, и Карху не раз пытался понять, кто мы – финны. Выбор специальности позволял познакомиться с исторической родиной и осознать свои корни. Думается, дело было не только в этом. Многие помнят строки пушкинского памятника:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

Но не многие обращают внимание, что рядом со славянином назван финн. Для Пушкина это было привычно: по подсчетам специалистов, в XIX веке в Петербурге финнов проживало больше, чем в Хельсинки. Без финнов Россия для Пушкина была неполной. Если они пошли по его тропе, чему сам Карху был пример, то и соплеменники поэта должны увидеть в финнах не «белофиннов» и «фашистов», а добрых соседей. Думается, логика рассуждений новоиспеченного филолога была такова.

Свои первые две книги Эйно Генрихович посвятил русско-финским литературным связям. Подобно Финну, который возвратил Руслана к жизни и вернул его в лоно семьи князя Владимира, он восстанавливает забытые и, казалось бы, навсегда утраченные культурные связи.

Уже первые книги показывают, что исследователя интересуют не отдельные имена, как бы велики они ни были, а литературный процесс в его историческом развитии. Это явствует даже из названия книг, например: «История литературы Финляндии: От истоков до конца века» (1979)², «История литературы Финляндии XX века»

(1990), «Финская лирика XX века» (1984) и др. Как правило, над историей литературы того или иного народа (народов) работает коллектив исследователей. Считается, что столь большой труд не по силам одному ученому. Но Карху думал иначе: «Толстой был один. Маркс был один».

– И Эйно Генрихович один, – как-то в тон ему сказала на заседании ученого совета одна из сотрудниц института.

Он и был один: масштаб поставленных задач соответствовал масштабу личности. Понять его можно: один автор, значит, одна концепция, один стиль. Ноша, конечно, тяжела, но труда он не боялся³. За время работы с 1956 по 2004 г. в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН им опубликовано более 300 трудов, в том числе 15 книг: 6 переведено на финский, 1 – на немецкий. Кроме Финляндии и Германии, его работы издавались в Эстонии, Швеции, Венгрии и США. Не раз он выступал в качестве переводчика художественной литературы.

Для Э.Г. Карху всегда были значимы такие постулаты, как широкий контекст (общероссийский, европейский, мировой), ибо ему претил провинциализм, и «строгий историзм» (беру в кавычки, потому что это характерное для него выражение), за который он всегда ценил труды К. Маркса.

Карху не был членом коммунистической партии и пострадал в советское время настолько, что мог в эпоху разрушения Советского Союза примкнуть к его хулителям. И хотя он не раз в беседах с коллегами отрицательно высказывался по ряду позиций, он не примкнул к тем, кто во имя якобы замечательного «теперь» ниспровергал якобы во всем темное «раньше». В этом он опять-таки видел отрицание принципа «строгости историзма» и отсутствие позитивной идеи у новых идеологов. Болея душою за страну, он перемежает свои воспоминания не лирическими, а публицистическими отступлениями, что ранее для него было нехарактерно. Мучительно переживая за то, какую власть приобрели деньги, он цитирует высказывание драматурга Виктора Розова, определившего время как «эпоху морального растрепания».

В Карелии это время совпало с кратким мигмом «национального Ренессанса»: наконец-то начала по-настоящему формироваться письменность и культура карелов и вепсов. Тогда Карху впервые выступил как историк и этнолог и написал книгу «Малые народы в потоке истории» (1999).

Почему он не стал собственно историком? Воп-

рос риторический, но, возможно, потому, что советская историография во времена его молодости (да и позднее) рассматривала развитие общества с классовых позиций. Отдельный человек, как правило, советских историков не интересовал в отличие от их великих предшественников⁴. Им занималась литература, которая даже в советское время могла выразить сочувствие такому «классово чуждому элементу», как, например, Григорию Мелехову. Поэтому Э.Г. Карху соглашался с теми исследователями, которые считали, что гуманитарная наука должна наконец-то стать по-настоящему *антропоцентрической*: ставить во главу угла *человека* и дарить свое знание *человеку*.

Сам Э.Г. Карху хотел, чтобы его читали не только специалисты, и делал журнальные версии своих книг, которые публиковал в литературно-художественных журналах Карелии «Север» и «Punalippi» («Carelia»).

В «перестроечное» время Клия опять показала свой жестокий нрав. Всем жилось нелегко, но финнам вспомнились старые обиды (есть раны, которые, увы, не заживают), и начался их Исход. Карху тоже спрашивали, почему он не уезжает, на что Эйно Генрихович отвечал: «Надо иметь достоинство».

Карелия стала его домом, его семьей, и он не мог оставить этот дом в беде. Весной 2008 года, уходя из жизни, он завещал похоронить его не на «почетном» кладбище, а рядом с женой. Его-то, доктора филологических наук, члена Союза писателей России, лауреата государственных пре-

мий, почетного гражданина Республики Карелия, человека, удостоенного наград Финляндской Республики... Всех званий и наград не перечесать... Однако он не хотел лежать один, а хотел быть вместе с семьей, вместе с отмеченными и вовсе не замеченными государством людьми – с народом.

А жизнь идет, и в ее потоке нет-нет да и всплывет серебристой рыбкой слово Эйно Карху.

Примечание

¹ Карху Э.Г. Прощание с Ингерманландией // Э.Г. Карху. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1999.

² Две главы в этой книге, написанной его учеником А.И.Мишиным.

³ Опыт работы в коллективном исследовании у Э.Г. Карху был. Он являлся научным редактором и одним из исполнителей «Очерка истории литературы советской Карелии» (1969).

⁴ Не случайно начальная глава и журнальная версия единственной книги Э.Г. Карху, посвященной конкретному человеку, называется «Герой дня Тацитова пера» («Элиас Лённрот. Жизнь и творчество». 1996).

□

Елена Ивановна МАРКОВА

в 1970 году окончила Петрозаводский университет.

Завсектором литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Доктор филологических наук.

Автор более 140 научных трудов, в том числе 7 книг.

Член Союза писателей России.

Член концертных деятелей России.

Лауреат премии Республики Карелия

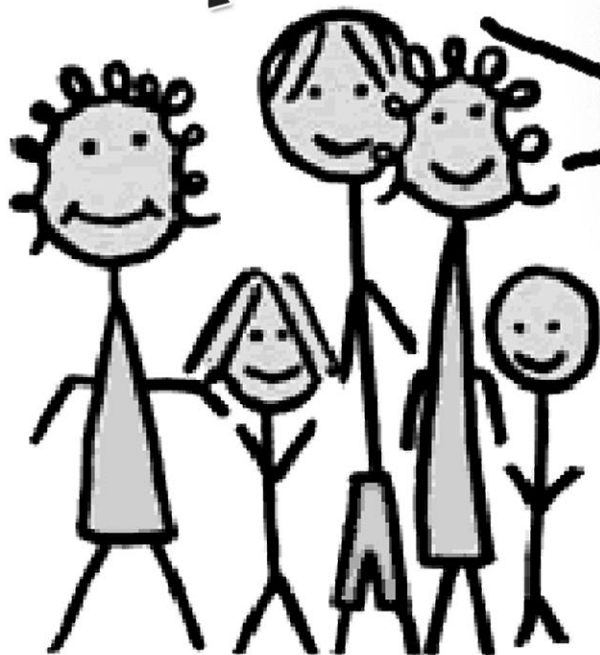
в области культуры, искусства и литературы, заслуженный деятель науки Республики Карелия.

Татьяна
БАННОВА

г. Октябрьск

**Сказка для
взрослого брата**

рассказ

на всю школу! И что? Нет, ты посмотри, посмотри! Красным фломастером цветочки нарисовала. Как красиво, ну похвали её — это Шишкин, Репин! У неё талант! Талант — портить людям жизнь! — еще больше завёлся Андрей, подсовывая матери раскрытую книгу.

— Не кричи, пожалуйста, дети спят. Ты сам виноват, ведь знаешь, что в доме малыши, или закрывай комнату, или клади все вещи куда они не дотянутся. На шкаф или на полку. Ну не переживай, — мама примирительно улыбнулась, — хочешь, я сама зайду в школу и поговорю насчет книги?

Никаких сил на ссоры уже не осталось, хотелось только немного побыть в тишине, но разгневанный Андрей не успокаивался:

— Да уж, поговори. Я просто в бешенстве! Я вообще не понимаю... Зачем вы с отцом... Зачем вы это сделали? — наконец выдохнул он, прижимая испорченную книгу к груди.

— А что мы такого сделали? — мама непонимающим взглядом пристально взглянула на него.

— Ты же прекрасно понимаешь что...

Теперь всё стало ясно без слов. Мама печально улыбнулась, покачала головой и ласково сказала:

— Ну перестань, это же маленькие дети. В этом возрасте ты тоже портил вещи. Помнишь, мы с папой только поклеили обои в спальне, а ты...

— Ты сравниваешь меня с ними?! Родного сына с этими... сиротками? — не дал ей договорить Андрей. Его голос неприятно звенел, казалось, возмущению не было предела.

Женщина, сидящая за кухонным столом, устало откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Столько дел она переделала, сколько ещё предстояло сделать... Малыши уже спят, старшие учат уроки. Это были долгожданные минуты отдыха, когда она принадлежала только себе. Но насладиться покоем не удалось. Из коридора донесся вопль негодования, и в кухню влетел старший сын. В руках у него была толстая книга, и он стал трясти ею перед носом у матери:

— Кто ей разрешил входить в мою комнату? Нет, ты скажи, кто ей разрешил?

— Успокойся, Андрей, что случилось? — устало вздохнув, спросила мама.

— Что случилось? Посмотри! Нет, ты посмотри, что она наделала! Я же просил её не появляться у моего стола в радиусе пяти метров! Меня же библиотекарша убьет. Она только на одну ночь мне выдала книгу — два экземпляра

Тут в кухню театрально всплыла Марина. Она появилась, словно новое действующее лицо в спектакле, демонстративно подошла к мойке, взяла двумя пальцами чистый стакан, налила из-под крана холодной воды, вышла с ним на середину кухни и разжала пальцы. Выплеснув воду, стакан жалобно звякнул, но не разбился.

— Ой, уронила! — Марина наигранно прикрыла ладошкой рот, а потом все так же, работая на публику, осторожно обошла лужу, взяла со стола яблоко и стала его вертеть в ладонях. — Ты же не будешь меня ругать, правда, мамочка? — Марина изобразила на лице подобие растерянности. — Ты же самая добрая мама на свете! Андрюша, ты чем-то недоволен? — Марина старательно пыталась пародировать мамин спокойный голос. — Неужели наши малыши и тебя достали? Не может быть, ты же такой спокойный мальчик!

Андрей вконец психанул и рванул к двери:

— Мама, ну скажи ей! Вы что, решили меня dokonать? Все, я уйду к Мишке. Это единственный нормальный человек на земле! — Андрей взлетел по лестнице на второй этаж дома и со всей дури хлопнул дверью своей комнаты. Мама вздрогнула и сказала, неизвестно кому обращаясь, будто бы в пустоту:

— Тише, детей разбудишь... — и, опустившись на стул, заплакала, прикрывая лицо руками. Марина подошла к ней и обняла за шею, нашептывала, будто уговаривая:

— Мамочка, ну не плачь, не плачь. Просто признай, что это... ошибка. Ведь еще не поздно... Вы с папой оформили опеку, но ведь они ещё не усыновлены!

Мама подняла на нее лицо в слезах:

— Мариночка, что ты говоришь, ну ты сама понимаешь, что ты говоришь? Ты предлагаешь вернуть их обратно? Спасибо, мы наигрались?!

Марина с досадой отошла к окну. В кухне повисла пауза. Помедлив, Марина начала, четко чеканя слова:

— Ну что нам теперь, всем из дому уходить? Я целый месяц сдерживалась, могу я хотя бы высказать свое мнение? Сначала они были тише воды, ниже травы, теперь освоились, носятся по дому, хватают мои вещи без спросу. Кисель пролили на ковер. А как уроки делать? А музыка? Ты забыла — у меня конкурс через неделю!

— Боже мой, боже мой, — мама снова закрыла лицо руками, — кого я вырастила? Есть в вас

хоть что-то человеческое? «Я, я, я, мне, мне, мне!» Почему вы такие эгоисты? Ведь прекрасно знаете, что малыши недавно потеряли родителей. Такие маленькие — и уже с такой страшной судьбой!

— Мам, но пятеро детей — это нонсенс! Трое своих и двое приемных! Вы что, с папой получили наследство? Андрей школу заканчивает, ему поступать надо. Мне новая скрипка нужна, ты же знаешь, какие это деньги. Родили гения — так покупайте нормальную скрипку, я же не буду всю жизнь играть на этом полене, — деловито втолковывала маме Марина, расхаживая по кухне.

— Да будет тебе скрипка, мы же с отцом обещали! — с надрывом выкрикнула мама, утирая мокрое от слез лицо.

— А Светка? Она же нянчится с ними, как мама. И кормит, и купает, и гуляет, а ведь она сама ещё ребёнок! Отец сутками на работе, ты вечерами работаешь и ничего не замечаешь. Или для тебя страшная тайна, что она здорово скатилась в школе? Какая там отличница — у неё почти все четверки, да и то по доброй памяти! Ладно, пойду заниматься, пока наши ангелочки спят, — и Марина, прихватив вазу с яблоками, удалилась. Никто — ни Марина, ни мама — не заметил, что за самой кухонной дверью на корточках притаился маленький Костик.

В ванной пахло арбузной пенкой. Света купала Ксюшу, приговаривая:

— Моем-моем трубочиста чисто-чисто, чисто-чисто! Смотри, какие веселые пузырьки! Ну-ка давайте нашей Ксюше вымоем шейку. Вот умница, а теперь ручки...

Ксюша довольно смеялась, подставляя для намыливания то ладошку, то пяточку. Вместе с ней в ванной плавали резиновая уточка с утятами. На полу разлилось огромное озеро. Ксюша любила поплескаться и пошалить.

— Как же хорошо всё-таки, что у нас свой дом, — сказала Света, подвигая ногой к луже половую тряпку, — иначе бы мы давно затопили соседей. Ну а теперь мы будем мыть голову!

Это известие привело в ужас Ксюшу, которая, как и все дети, боялась, что противный шампунь попадет в глазки и будет щипать. Она завизжала и попыталась выбраться из ванной.

— Что ты с ней делаешь? — сквозь шум воды в ванной раздался голосок Кости.

— Ой, Костик, как ты меня напугал! — при-

держивая руками девочку, Света подняла на мальчугана глаза. — Ты забыл, я тебе говорила — надо стучаться, прежде чем войти. Представляешь, эта шалунья опять не дает вымыть голову. Прямо и не знаю, что с ней делать. Никак не уговорю. Может, ты поможешь?

— Вы нас отдадите обратно? — только сейчас Света заметила, что Костика всего трясет.

— Да ты что, малыш! Глупости какие! — попыталась успокоить его Света.

— Я не малыш! Если хотите отдавать, отдавайте сразу, пока Ксюша к вам не привыкла. Она не кукла! Пойдем, Ксюша! — Костик наклонился к сестре и попытался вытащить её из ванной. Та не поняла, в чем дело, и громко заревела.

— Что ты делаешь? Зачем её пугаешь?

— Я все слышал! Все думали, что я сплю, а я не спал. Ксюша спит после обеда, а я нет. Я не маленький! Я все-все слышал! — прокричал мальчик, глядя в упор на Свету.

— Да что ты слышал? Ничего не понимаю! — начала терять терпение она.

— Мы вам не нужны, вы хотите отдать нас обратно. И ладно, и пусть — вы нам тоже не нужны! У нас есть старший брат. Просто он живет далеко и пока не приехал за нами. Вот он придет и заберет нас к себе, — у Костика дрожали губы. Вдруг он сильно побледнел и стал хватать ртом воздух.

Света выскочила из ванной:

— Мама, скорее, Костику плохо!

На крик прибежали все, мама схватила Костика и унесла его в комнату. Марина и Андрей кинулись звонить в «скорую». А Света трясушимися руками стала вытирать и одевать Ксюшу, которая ничего не поняла и уже спокойно играла с уточками, выливая из дырочек воду на сухую одежду.

Костика уложили в кровать, накрыли теплым одеялом, дали сладкого чаю. Скорая уже уехала — врач велел избегать стрессовых ситуаций и уделять ребенку больше внимания.

Ксюшу тоже уложили пораньше за компанию. Она после купания почти сразу же уснула, обняв плюшевого медведя. В комнате приглушили свет.

Тихонько, как мышка, в комнату вошла Света. Увидев, что Костик не спит, она подошла и подоткнула ему одеяло.

— Ты чего не спишь? — шепотом спросила она.

— Не хочу, — так же шепотом ответил Костик.

— Может, почитать тебе сказку?

— Да, почитай, — он запнулся, — мама всегда нам читала на ночь. Моя любимая книжка была «Сказки про зайку Петю», у тебя есть такая? — Костик посмотрел на неё с надеждой.

— Нет, — растерялась Света. — Но я поищу. В библиотеке поищу, в Интернете — там все-все есть. А потом мы с тобой сходим в книжный магазин и просмотрим все полки. И даже если не найдем — ты мне их расскажешь. Ты ведь их помнишь? Я запишу — и у нас будет свой секретик. Хочешь? А пока эти сказки читаем, смотри, какие картинки! — показала она мальчику красочно разрисованный разворот.

Костик кивнул, и Света голосом, каким, наверно, рассказывала сказки сама Арина Родионова, начала:

«В некотором царстве, в некотором государстве...»

На цыпочках, чтобы не разбудить детей, Света вышла из детской и спустилась в кухню. Мама чистила картошку на ужин. Марина закрылась в своей комнате. Андрей ушел на каток.

— Мам, Костик говорит, у них брат есть старший.

Мама отложила недочищенную картофелину, встала и зачем-то взяла с полки сахарницу. Поддержала её в руках, поставила на место и стала передвигать баночки с крупами и приправами, не поворачиваясь к дочери.

— Мам, ты чего?

— Нет у них никого, — она по-прежнему не глядела на Свету. — Есть какие-то дальние родственники, но они отказались их брать к себе. Сказали, сами живут тяжело.

— А как же брат? — Света подошла к столу, машинально взяла нож и стала чистить картошку.

— Дети в таком возрасте часто фантазируют. Марина говорила, что ты стала плохо учиться из-за детей. Почему ты мне не сказала? Я бы оставила работу, выкрутились бы как-нибудь, — мама вытерла руки о фартук и села рядом с дочерью. — Да оставь ты в покое картофель, кто ужинать-то будет? Дети спят, Андрей сказал, перекусит в городе, Марину ещё часа два не изволь беспокоить. А мы с тобой чайку попьем с печеньем и поговорим, да? — мама

встала, зажгла конфорку и поставила чайник на плиту.

— Мам, ну что ты со мной как с тяжелобольной! Я же все понимаю. Кому нужны мои пятёрки? Почему нужно быть всегда первой? Я не гений, как Маринка, а до ЕГЭ мне ещё далеко — подтянусь.

Мама пролила заварку на стол и снова отвернулась в поисках тряпки. Света стала водить пальцем по образовавшейся темно-коричневой лужице.

— Костик сказал, что вы хотите их обратно отдать. Это правда?

Мама застыла с тряпкой в руке, потом кинула её обратно в мойку и устало опустилась на стул:

— Не знаю... Я просто не знаю, что делать. Я, может быть, впервые в жизни растерялась. Отец не против усыновления, но и не очень «за». Он целыми днями работает, а теперь оказывается, что плохо всем — и тебе, и Маринке с Андреем, и малышам. Я уже готова сдать ся, чтобы в доме царили мир и покой.

— А разве так можно? Ксюша к нам так привязалась. А Костик? Я думала, он задохнется там, в ванной. Что же тогда с ним будет в детдоме?

Наверху заплакала Ксюша. Обе кинулись вверх по лестнице. У кровати стоял Костик. Вид у него был очень сосредоточенный — он пытался, путаясь в рукавах, напялить на сестру платье, а Ксюша, ничего не понимая со сна, плакала и отбивалась. Посреди комнаты стояла большая дорожная сумка Андрея. Из бокового кармана торчало розовое ухо зайца. Костик собирал вещи.

— Что ты делаешь, Костик? — с волнением в голосе спросила Света.

— Мы уезжаем. На поезде, — насупился он, не поднимая глаз.

— Перестань. Успокойся. Зачем ты разбудил сестру? — мама подошла к нему и попыталась обнять. — Ну куда вы собрались?

— К брату. Я знаю дорогу — я ездил!

— Ну ты же умный мальчик, понимаешь, что одних вас не пустят в поезд. И даже билет не продадут. Давай посадим игрушки на место, ладно? — ласково увещевала его мама.

Света взяла на руки Ксюшу:

— Что это за слезки? Почему носик такой сопливый? Ну-ка давай его вытрем, вот так... И глаз-

ки тоже, и пойдём на кухню — там для Ксюши осталась в вазочке большая конфета. — Света кивнула маме и увела девочку из комнаты, продолжая приговаривать:

— И зайке чаю нальём, и мишке. Пойдём-пойдём скорее...

Мама с Костиком остались одни в комнате.

— Костик... Никто не отдаст вас обратно. Я обещаю, — она заглянула ему в глаза.

— Я её старший брат. Я смогу о ней позаботиться! — твердо, по-мужски ответил Костик.

— Конечно, сможешь. Нисколько не сомневаюсь. Но, может, мы попробуем начать все сначала? Сейчас всем трудно, нужно немного потерпеть, совсем чуть-чуть... Давай я помогу тебе разбирать вещи...

Костик искоса посмотрел на маму, словно решая, можно ли ей поверить, чуть потоптался, а потом молча подошел к сумке, вынул зайца и посадил его на полку.

Андрей уже уходил с катка, когда к нему подъехала Катя. Они учились вместе с первого класса. Катя считалась самой красивой девочкой в школе.

— Привет! Ты сегодня один? А где твои малыши? — Катя кокетливо поправила модную шапочку с меховой опушкой и покружилась на одном месте, давая возможность полюбоваться собой.

— Это не мои малыши, я им не нянька. Отстань! — угрюмо буркнул Андрей, даже не глядя на Катю.

— Да пожалуйста. Мы помочь хотели...

— Оксана тоже здесь? — Андрей изо всех сил старался казаться равнодушным, но что-то в его голосе не понравилось Кате.

— Здесь! — тон был язвительный. — Ей ты ведь не скажешь: «Отстань!» К ней нежные чувства!

— Каток большой, катайся подальше от меня, ладно? — Андрей попытался замять тему.

— Подальше? Разве ты не идешь домой? Помоему, ты уже коньки снял. Ой, извини, не догадалась — у тебя планы изменились... — ехидно почти пропела Катя. — Хочешь, я ей скажу? Мы ведь лучшие подруги! Она, бедняжка, не замечает твоих страданий... Оксана, Оксана!

— Замолчи, идиотка! — отрезал, густо покраснев, Андрей. — Тебе-то что от меня нужно? Дай пройду. Чего встала на дороге? — он оттолкнул

оторопевшую одноклассницу и, не оглядываясь, пошел к выходу.

Если бы он обернулся, то увидел, как плачет самая красивая девочка в школе, уткнувшись лицом в смешные пушистые варежки.

Марина безучастно смотрела в окно и слушала, как в соседнем классе играют гаммы. Она не вынула скрипку из футляра. Она даже не оглянулась, когда в класс вошла ее педагог Светлана Романовна.

— Марина, ты давно пришла? Мы скоро играем. Почему до сих пор не переоделась? Ты разыгралась? — озабоченно спросила она, чувствуя, что что-то не так.

— Нет.

— Что значит «нет»? Тебе на сцену через десять минут! — Светлана Романовна не на шутку разволновалась.

— Не хочу.

— Что за детский сад! Я что, уговаривать тебя буду? Ты прекрасно знаешь, что я сижу в юри. Вышла на две минуты, чтоб настроить тебя. Что за истерика?

Марина молча взяла сотовый телефон и в сотый раз набрала мамин номер. Приятный женский голос в сотый раз сообщил, что «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». В сердцах девочка швырнула телефон на пол и закрыла лицо руками.

— Марина, ты можешь успокоиться? Что ты делаешь? Ты слышишь меня? Марина! — погладила ее по плечу Светлана Романовна.

— Никогда, никогда ей этого не прошу! — навзрыд вырвалось у Марины.

— Что ты всхлипываешь, ничего понять не могу! Вот платок, вытри нос. И ещё раз скажи то же самое, но вразумительно.

Марина громко всхлинула, высморкалась и призналась, пряча от Светланы Романовны глаза:

— Мама не пришла! Она с шести лет не пропускала ни одного моего выступления. Не пришла...

— Милая моя, ты уже восемь лет на сцене, — успокаивала ученицу Светлана Романовна, стараясь приободрить, — и так распуститься перед выступлением! Мы готовились полгода. Возьми себя в руки — сейчас в мире ничего не существует, кроме твоей программы. Только музыка! Выдай все, на что ты способна. Если тебе свой труд не жалко, мой пожалей! Пойди

в туалет, умойся. И настраивайся — в последнее время ты играешь очень агрессивно. Все время приходится напоминать, что в руках у тебя скрипка, а не бензопила.

— Да это все дети виноваты! — резко ответила Марина, сжимая в ладони носовой платок.

— Какие дети? — не поняла Светлана Романовна.

— Мама решила взять опеку над маленькими детьми, — слезы снова хлынули из Мариных глаз. — Дома все кувырком... Игрушки, визг, крики, плач по ночам. А я должна думать о высоком? Музыка, искусство — кому это вообще нужно? Крейслеру и не снилась такая обстановочка в доме. И мама то кашку варит, то сказки читает. Родных детей будто не существует! Все, вырастила — живите как хотите! — с болью сказала девочка.

— Послушай, Марина, — непривычно ласково начала Светлана Романовна. — Я знаю тебя с детского сада. Мне кажется, ты... просто ревнуешь. Сколько лет детям?

— Девочке три, а мальчишке шесть. В школу осенью пойдет. Надеюсь, не от нас.

— Какая ты, оказывается... — в голосе Светланы Романовны появились нотки разочарования.

— Какая? Мне так сейчас нужна мамина поддержка. Где вот она? — Марина поджала губы.

Светлана Романовна покачала головой:

— Твои родители — просто герои. Как бы напыщенно это ни звучало. В такое время воспитывать пятерых детей!

— Герои, как же! Родные дети брошены. Ещё и нянек хочет из нас сделать. А кто из них вырастет? В детдоме все — или дети алкашей, или ненормальные! Это дело известное.

— Так. Похоже, что до перерыва я не вернусь в зал, — Светлана Романовна взглянула на циферблат наручных часов. — Ну что ж... Хотя перед выходом на сцену не ведут такие разговоры, но иного выхода у меня нет. Присядь, пожалуйста. Садись, садись... — Светлана Романовна чуть помедлила, будто настраиваясь, и сказала: — Не знаю даже, как начать. Я ведь не похожа на пьяницу или ненормальную? Нет? А ведь меня тоже удочерили. А почему ты думаешь, что все дети там такие? Меня вырастила моя двоюродная тетя, родителей своих я даже не помню. Всю жизнь она для меня единственная дорогая мама. И всему, что я в жизни достигла, я обязана

только ей. Не знаю, что бы со мной было, если бы она тогда не забрала меня из детдома. Она там работала. Она и сейчас там работает, хотя давно уже на пенсии, — не может бросить детей.

В кабинете повисло молчание.

— Простите, я не знала... — смущенно опустила глаза Марина.

— Ты должна помогать маме, а не думать о том, как тебя обидели. Ведь у вас огромный дом, у тебя своя комната. Ты всегда можешь уйти туда, если станет невмоготу. А заниматься можешь здесь, если хочешь, я договорюсь с вахтером. Я понимаю, все так просто только в кино — сначала тебя раздражают детки, а потом вы — лучшие друзья. Но ты попробуй себя сдержать. Ты же добрая девочка... — душевно, с теплом разговаривала с Мариной Светлана Романовна.

Девочка виновато опустила глаза.

— Да я даже не знаю, как к ним подступиться! Светка — просто маленькая мама. Откуда она все знает? Я просто не умею сюсюкать, сказки читать или там... на горшок сажать, — нерешительно оправдывалась Марина.

Светлана Романовна светло улыбнулась:

— Начни с малого — купи им мороженое или игрушку. Есть у тебя деньги?

— Деньги есть, но это больше похоже на подкуп...

— Глупости какие! Купи — вот увидишь, как они обрадуются. Хочешь, я приду к вам в выходные? Мы вместе сходим в парк, покатаемся на каруселях. Я сто лет не каталась на каруселях! Ну все? Ты успокоилась? Сейчас я ухожу, а ты через пять минут подходи к залу. И играй так, как никогда не играла! Договорились? — Светлана Романовна ободряюще кивнула Марине и вышла.

С раскрасневшимися щеками, счастливая и запыхавшаяся, Марина бежала домой от автобусной остановки! Она победила! Она — лауреат! Осенью поедет на конкурс в Австрию!

Девочка позвонила в дверь. Никто не открыл... Марина удивилась и стала искать свой ключ. Она им пользовалась очень редко — всегда кто-нибудь был дома и открывал ей. Внутри было очень тихо. Так тихо просто не могло быть...

Заслышав какое-то движение из комнаты брата, Марина кинулась вверх. Андрей лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

— Андрей, что случилось? Где все? И почему мамин телефон выключен? А ты чего лежишь — даже дверь мне не открыл! Разве так встречают победителя?

— Ксюша в больнице. На «скорой» увезли, — убитым голосом ответил Андрей.

— Как? — от неожиданности Марина села на диван, совершенно забыв все, что хотела сказать. — Что с ней?

— Аппендицит. Мама поехала с врачами.

— А остальные где?

— Светка повела Костика в зоопарк. Ему сказали, что у Ксюши просто животик болит. Но ты же знаешь Костика, его не обманешь. Он кричал, плакал, бежал за машиной. Меня до сих пор трясет... — на Андрее лица не было от переживаний.

Марина встала, прошлась по комнате, снова села на диван:

— Но все же будет хорошо, правда?

— Не знаю. Доктор сказал, что много времени потеряли. Это я во всем виноват. Она мне вчера на животик жаловалась. Я к контрольной готовился, а она пришла, хнычет... Ну, я её отругал и велел идти спать. Если бы я знал! Надо было маме позвонить или хотя бы Светке сказать, а я надел наушники, чтоб она мне не мешала! — корил себя брат.

— Что же теперь будет?

— Мама даже говорить со мной не стала. Она думает, я это специально. Но я ведь не сделал бы Ксюше ничего плохого! Ты же знаешь! Да, она меня раздражала, но чтоб такое!..

— Ты не один виноват. Я тоже вела себя как последняя... не знаю даже кто, — попыталась немного утешить его сестра.

— Ты не понимаешь, я должен был вызвать врача! Я самый старший, а на меня ни в чем нельзя положиться. Если с ней что-то случится, если она... Я всю жизнь буду мучиться!

Внизу хлопнула входная дверь, Марина выскокчила в коридор. Это вернулись Света с Костиком.

— Костик, иди в свою комнату, я сейчас! — сказала Света, глазами показав Марине: молчи! Как только за ним закрылась дверь, она кинулась к телефону.

— Бесполезно! — сказала Марина. — Я сто раз пыталась, и Андрей тоже.

— А мама сама не звонила? Что-нибудь известно? — взволнованно прошептала Света, чтобы Костик не слышал.

— Нет, ничего. Ты знаешь, в какую больницу их отвезли?

— Да, — кивнула сестра.

— Собирайся, поедем! — Марина схватила сумку и стала пихать туда все подряд. — Надо им что-нибудь отвезти. Вещи, чай с бутербродами маме. Я знаю, с аппендицитом бульон говяжий хорошо. У нас есть мясо?

— Подожди! Пока Ксюше все равно ничего нельзя. Давай вещи и чай маме отвезем. Только... как же Костик?

— Андрей с ним посидит. Я его никогда таким не видела — переживает за Ксюшу.

— Мы все за неё боимся! Костик, это ты там прятаться? Ну-ка выходи! Идем к нам!

Мальчик понуро вышел из-за двери.

— Я поеду с вами! — сказал он, не глядя на девочек.

— А я хотела дать тебе очень важное задание. Ты видел, в каком состоянии старший брат?

— Он мне не брат.

— Нет, брат. Большой, сильный и глупый старший брат. И ты не можешь сейчас его бросить. Ну, Костик, я тебя прошу, — Света села на корточки и заглянула мальчику в глаза, — я очень за него боюсь, как бы он не натворил бед. А мы только отвезем вещи и сразу назад — с новостями!

Костик молча вышел из комнаты.

— Куда это он? — Светка вопросительно взглянула на сестру.

— Не знаю, сейчас посмотрю.

Но Костик уже показался на лестнице, в руках у него был плюшевый медведь и целлофановый пакетик с шоколадными конфетами.

— Вот, это её любимый миша, а здесь конфеты — я копил целый месяц! Скажите, я очень её жду.

Марина отвернулась, стараясь не разреветься.

Света очень серьезно, как на взрослого, посмотрела на мальчика и заверила:

— Конечно, Костик, я все передам.

Андрей лежал на кровати, уставившись в одну точку на потолке. Костик вошел к нему в комнату и остановился в нерешительности. В руках у него была большая книга с картинками.

— Ты не спишь? Можно я посижу с тобой? — робко спросил он.

Андрей молча подвинулся, и Костик присел на самый краешек кровати.

— С Ксюшей будет все хорошо, ведь правда? — этот вопрос прозвучал скорее как утверждение.

Андрей молчал.

— Тебе грустно, что её нет? Да? Мне тоже грустно. Хочешь, я тебе прочитаю? — Костик раскрыл книжку. — Правда, у меня не очень хорошо получается. А мама хорошо сказки читала. Но это давно было, я ещё маленький был. А когда Ксюша вернется, я ей тоже прочитаю. Перед сном. Чтобы снились добрые сны. А тебе снятся сны?

Вместо ответа Андрей уткнулся в плечо маленького брата и заплакал.

□

Татьяна БАННОВА

окончила Уральскую государственную консерваторию. Пианистка.

Пишет рассказы, эссе.

Публиковалась в сборниках «Пиастры», «Мой Эльдар Рязанов».

Победитель украинского литературного конкурса

«Золотая Мантикора».

Лауреат конкурса «Северная звезда-2012» в номинации «Проза».

Живет в Октябрьске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Татьяна МЕХНИНА-ВАН ИНГ

родилась в Петрозаводске.

Окончила филологический факультет ПетрГУ.

Публиковалась в журнале «Север».

*Участник сборника «Серебряных слов
волшебный родник» (Рязань, 2011).*

*Лауреат именной стипендии Республики Карелия
имени Роберта Рождественского (2010)*

и литературного конкурса «Северная звезда»-2011.

Живет и работает в Бельгии.

**Татьяна
МЕХНИНА-ВАН ИНГ**

Бельгия

«Перед прыжком в затяжную осень...»

* * *

Лето примчалось на ласковых лапах,
и солнце по-доброму озверело.
Город купается в шёлковых запахах,
тонет в сиреновом ожерелье...

Шмель упивается соком шиповника,
мёд одуванчиков лижут пчёлы.
Небо загадочным светом исполнено,
птицы щебечут мотив весёлый.

И, нанизав на термометр градусы,
лето резвится в восторге диком —
ливень и тот не приходит без радуги,
лес не бывает без земляники.

Всё разноцветное, манкое, спелое —
самое время дела отбросить!
Только душа сил набраться успела бы
перед прыжком в затяжную осень...

БИЛЕТ В СЧАСТЬЕ

В сером безрадостном ноябре, в городе, снежной каймой увитом,
всё, что способно меня согреть — это твой тёплый уютный свитер...
Будни съедают... И только ночь — шанс от реальности отключиться,
чтобы в одном из волшебных снов от поцелуев свело ключицы...
Чтобы почувствовать, как во мне ты растворяешься постепенно,
словно совсем расстояний нет в нашей одной на двоих вселенной...
Знать, что ты рядом, что я могу кошкой уснуть на твоих коленях,
пить земляничность любимых губ, будто бы каждый глоток последний...
Молча на небо и снег смотреть, мягко сжимая родные пальцы...
В сером безрадостном ноябре просто не хочется просыпаться...
Вытерпеть, выждать, переболеть грусти, тоски и томленья фазу —
трудно... Но главное, что билет в сторону счастья уже заказан.

ОНА ЧУЖАЯ

Она чужая, теперь чужая,
и нет надежды её вернуть.
А ты, от ревности раздражаясь,
кричишь без повода на жену.

И, сидя в офисе даже ночью,
читаешь втайне её стихи...
Теперь вдруг важными стали строчки,
к которым раньше ты был глухим.

Она любима и любит мужа...
Немногим так же любить дано.

А ты ведь был ей когда-то нужен,
но сделал выбор, к ней став спиной.

Её улыбка – по венам бритвой,
тырываешься изнутри...
Когда-то предал её молитвы,
теперь на счастье её смотри.

Пытаюсь прошлое уничтожить,
ты с кем попало судьбу связал...
Сейчас жалеешь, мечтая, чтобы
у дочки были её глаза.

СЪЁМКИ

Раннее утро. Начало съёмок. Снова до ночи пробудешь здесь.
И режиссёришка неуёмный станет противнейшим из людей...
Только и слышно: «Работай, детка! Больше на камеру! Шевелись!
Знаешь, сегодня большая редкость выбиться в лучшие из актрис...

Сделай пай-девочку, взгляд наивный, губы чуть розовым подчеркни.
Больше рисуйся! Демонстративней! Словно ты школьница с кипой книг...
...чёрные стрелки с помадой красной – ярче, сочнее, как леди-вамп.
Здесь шоу-бизнес. Умей быть разной. Ведь только так можно выживать».

Ты улыбаешься, стиснув зубы, и, обнажая бесстыдно грудь,
знаешь, что взгляд похотливо-грубый в ней никогда не увидит грусть.
Что взять с обычной московской сучки? Тело, и только. А в голове
кадры, как с мамой ты шла за ручку в садик по доброй ещё Москве...

Как всё случилось, уже забыла. Просто попалась, как птица в сеть,
и, распустив молодые крылья, вдруг поняла, что нельзя взлететь.
И, приползая домой в потёмках (пара часов на еду и сон),
думаешь: «К чёрту такие съёмки! Завтра всё выскажу им в лицо!..»

Раннее утро. В метро толкучка. Видно под пудрой опухлость век –
ты в полудрёме идёшь за ручку с мамой по доброй ещё Москве...

МАМОЧКА, ЗДРАВСТВУЙ

Мамочка, здравствуй, пишу тебе из Брюсселя.
Как ты, родная? Я знаю, скучаешь очень...
Тут очень жарко и сухо уже неделю.
Дома, наверно, прохладно, дождливо? Осень...

Я обжилась, попривыкла, нашла подружек —
что тут таить, совершенно другого круга.
Каждая гордо живёт с нелюбимым мужем,
жалуясь мне тет-а-тет на тоску и ругань...

Всё замечательно, только, бывает, снится
русское небо и с детства знакомый город...
Я просыпаюсь от тяжести на ресницах,
чувствуя сладкое жжение где-то в горле...

Мам, он хороший... Не просто хороший —
лучший.
Я научилась теперь разбираться в людях.

Глупости прошлого многому в жизни учат.
Боли глотнувший о счастье иначе судит...

Впрочем, не важно. Хотела сказать другое —
самое главное... Знаю, ты будешь рада.
Ждём тебя в гости, ведь скоро нас будет трое...
Мне очень хочется быть в это время рядом.

Не беспокойся, мы купим тебе билеты.
Мам, обещай мне, скажи, что приедешь точно!
Я с нетерпением жду твоего ответа.
Очень скучаю. Люблю и целую.
Дочка.

ЗАСКУЧАЮ

Всё надоело, гнетут дела,
будней унылые зарисовки...
город, в котором всю жизнь жила,
путь от подъезда до остановки,
грязные улицы и дворы,
вечно обманчивая погода —
лето дождливое без жары,
снег, не сходящий почти полгода.
Пробки, и тесных маршруток гам,
и неприветливость лиц прохожих...
Вечная тяга к большим деньгам,
слов раздражающая похожесть...
Но очень скоро в чужой стране
вечером тёмным за чашкой чая
всё это вспомнится с грустью мне,
и до истерики заскучаю...

ЛЮДИ СУДАЧИЛИ

Люди судачили, нет, мол, у них любви —
всё это выдумки, чистой воды расчёт.
Каждый способен соорудить влюблённый вид,
если от этого прибыль в карман течёт.

Люди не верили, что в столь короткий срок
можно друг друга прочувствовать от и до...
Твёрдо считали не более чем игрой
это сплетение жизней и городов.

Сколько продержатся — разная шла молва.
За пересудами не замечал никто,
как он любил её ангелом называть
или без повода свежих купить цветов...

Как перед сном она, крестик целуя свой,
тихо шептала «спасибо»... А иногда,
ночью проснувшись, касалась лица его
и продолжала задумчиво наблюдать...

Люди судачили, нет, мол, у них любви,
Разные домыслы строили за спиной...
Только ничем их нельзя было уязвить.
Главное, вместе...
А прочее — всё равно.

Олег КОРНИЕНКО

г. Сызрань

*Летчику-космонавту РФ
Михаилу Корниенко*

Валерик с детства мечтал стать космонавтом. Тимка тоже мечтал стать космонавтом, потому что стать космонавтом мечтал Валерик. Друзья регулярно делали зарядку и закалялись — готовились к своему полёту. А к нему надо быть всегда готовыми.

— В школу лучше ходить пешком, а не на троллейбусе ездить, — заметил как-то Валерик. — Это тоже тренировка.

— Ходи, кто тебе не дает, — заметил Тимка. — У меня другая система.

Какая — Тимка не говорил, а вот Валерик по своей системе часто в школу опаздывал.

А однажды на уроке физкультуры у Валерика закружилась голова. Школьная медсестра дала ему понюхать нашатырного спирта и попросила Тимку проводить Валерика домой.

— С таким вестибулярным аппаратом в космос не пустят, — заметил папа Валерика.

— А что же делать? — спросил Тимка.

— Тренировать надо: рейнское колесо или лопинг — вращающиеся качели.

Ребята от незнакомых слов притихли.

— В детском парке есть аттракцион «Петля Нестерова». Это то, что вам надо! — подсказал папа.

— Так и называется — «петля»? — удивился Валерик.

— Так и называется: «Петля Нестерова» по фамилии лётчика Петра Николаевича Нестерова, который впервые выполнил в небе эту фигуру. Вы аттракцион видели в мультфильме «Ну, погоди!».

— Ура! — обрадовались ребята.

В выходной день Валерик с Тимкой поехали в детский парк. По дороге Валерик представлял, как они сядут в кабину самолёта, пристегнутся ремнями и начнут накручивать круги один за другим.

Но возле аттракциона их ждала очередь. Небольшая, а всё-таки очередь.

Ребята забеспокоились: срывалась их первая тренировка на новом тренажёре. А тут еще женщина-контролер со своим вопросом:

— Ребята, а вам не рано на этом аттракционе кататься?

— Да вы что! — возмутился Тимка. — Мы уже год как ходим в школу юных космонавтов.

— Ну-ну, — покачала головой женщина-контролер и крепче пристегнула ребят.

— Готовы? Поехали!

Зажужжал винт на носу самолёта, и он, вместо того чтобы сорваться с места, сонной мухой пополз вперёд. Когда деревья парка ушли под крыло, Валерик понял, что это катастрофа. Висеть головой вниз на глазах у всех было не очень-то весело. Он мысленно толкал самолет, а тот еле полз. «Ещё немного, — подумал Валерик, — и ремни не выдержат».

— Ты как? — дрожащим голосом крикнул Валерик.

— Самочувствие отличное! — ответил Тимка.

И от этого Валерику стало ещё страшнее.

Когда самолёт наконец выровнялся, Валерик понял, что на большее его не хватит. Он хотел попросить женщину-контролёра остановить самолет — только открыл рот, как самолёт опять покарабкался вверх, и вскоре Валерик, точно мультяшный Волк, опять повис головой вниз. В ремни он не верил, а потому изо всех сил вцепился в сиденье. Валерику не хотелось так рано погибать. А как же космос? А слава? Если с самолётом что-нибудь случится, то памятник Валерику поставят, скорее всего, возле кассовой будки аттракциона. Или назовут её его именем.

И Валерик закричал.

— А-а-а! Тётянька, остановите!

Закричал, потому что было страшно. И потому, что он увидел в толпе папу, который кого-то искал.

— Папа, останови самолёт!

Но самолет Валерика не послушался и по инерции, жужжа винтом, опять пополз вверх. Папа метнулся к женщине-контролёру и принялся ей что-то объяснять. И вскоре винт на самолете замер, он медленно опустился, и бледный Валерик вылез из кабины.

Домой они возвращались молча. Папа шёл впереди, то и дело оглядываясь на притихших друзей. Каждый из них думал о своём. Тимка представлял себя за штурвалом настоящего космолёта. А Валерик просто глядел себе под ноги, которые уверенно шагали по тротуару, и не мог понять, что случилось, почему он кричал.

— Ничего, со всеми такое может случиться, — успокаивал папа. — Просто всегда надо реально оценивать свои возможности. Но вы молодцы, если не побоялись повторить подвиг самого Нестерова!

Дома папа показал нам с Тимкой фото Петра Нестерова. Мы долго разглядывали в энциклопедии стройного летчика в фуражке и с кортиком на боку, а также приземистый «Ньюпор-4», на котором летчик выполнил свою «мертвую петлю».

— А если бы Петр Николаевич жил сейчас, он стал бы космонавтом? — спросил Тимка.

— Я думаю, что стал, — ответил папа.

— А я тебе что говорил, — Тимка посмотрел на Валерика и рядом с фамилией «Нестеров» написал карандашом — «касманавт».

Раненый «Орленок»

О том, что в нашем микрорайоне будет проходить военно-патриотическая игра «Орленок», мы с Валериком узнали из объявлений, расклеенных почти на каждом доме. В этой игре мы были не новички. У нас даже была своя команда с грозным названием «Динамит». С толстушкой Светкой, капитаном нашей команды, мы всегда занимали призовые места — второе или третье и никогда первое. Может быть, сегодня нам повезёт?

Чтобы не опоздать на построение, мы всю дорогу бежали, представляя, как волновалась Светка. Ничего, похудеет килограмма на два, это ей полезно.

Команд было семь. После поздравления депутата всем ребятам раздали ленточки, похожие на российский триколор, и булавки. Светка быстро, как будто ежедневно это делала, приколотла нам ленточки к рубашкам. Команда под номером три «Динамит» к соревнованиям была готова.

Светка бегала к судьям, к организаторам соревнований. Она им что-то говорила, они ей отвечали, размахивая руками.

– Надо пробежаться по трассе. Так сказать, проверить её на зуб, чтоб меньше было проблем, – предложила нам Светка.

С этим согласились все, и, когда до начала соревнований осталось десять минут, мы быстро прошли маршрут: противогазы, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, преодоление рва, «мышеловка», «паутина»...

Валерик скривил презрительно губы и поплевал на ладошки:

– Элементарно. Первое место у нас в кармане.

– Не скажи, – оглянулась Светка на трассу.

– Одно дело – со стороны смотреть, другое – соревноваться.

После короткого инструктажа на старт вышла первая команда.

Наша очередь была ещё не скоро, и мы расположились так, чтобы видеть все этапы соревнования.

– «Динамит»! Где у нас «Динамит»?! – крикнула в рупор судья.

Мы выросли перед ней, как грибы после дождя.

– Готовы? – спросила она.

Светка только открыла рот, чтобы ответить, как за спиной кто-то рывкнул:

– Так точно!

Это был Валерик.

– Ваш девиз?

И мы дружно, хором, во весь голос прокричали:

– *Мы команда классная*

И взрывоопасная.

Кто сегодня победит?

Ну, конечно, «Динамит»!

Судья бросила взгляд на трассу (она была свободна) и скомандовала:

– На старт! Внимание! Марш!

И мы рванули с места. Первый этап – стометровку – мы пробежали быстро и бросились к противогазам. В них надо было пробежать второй этап – метров двадцать, потом снять и отнести противогазы обратно.

Мы уже добежали до финиша, когда услышали за спиной страшный рёв. Судя по звукам, за нами мчался слон. Слоном оказался Валерик. Его

алые щеки выглядывали из противогаса, и, вместо того чтобы бежать вперед, он топтался на месте и трубил. Мы подхватили Валерика под руки и быстро потащили к финишу. Только там выяснилось, что не была снята заглушка на противогазной коробке и Валерик чуть не задохнулся.

На третьем этапе нас ждала врач с повязкой «красный крест».

– Вам задание: мальчик потерял сознание, – сказала она. – Ваши действия?

Мы посмотрели на Светку. Все-таки папа у неё врач, пусть и ветеринарный.

– Привести его в чувство, – тяжело дыша, бросила Светка.

– А конкретнее? Надо дать больному... – врач пыталась нам помочь.

– Мороженое, – запрыгал от находчивости Валерик.

– Ещё одно слово, и ты вместо мороженого ухо получишь, – показал я кулак Валерику.

– Дать больному понюхать нашатырь, – вспомнила Светка.

– Правильно! – похвалила нас врач. – А теперь на «тарзанку».

Так же легко, но не без проблем мы преодолели «тарзанку», качающееся бревно, отстреляли из «воздушки» и замерли перед последним испытанием – «паутиной».

– Прижимайтесь к земле, когда будете ползти под сеткой, – напомнила нам судья. – Касаться её нельзя. И не спешите! Главное – не скорость, а отсутствие штрафных очков.

Сетка была натянута так низко, что Светка не могла её не задеть, но тут случилось ЧП, которое спасло Светку.

Я прошёл этап быстро и ждал Валерика. Он упал под сетку и так заработал руками и ногами, что мы чуть не потеряли его в пыли.

Когда же сияющий Валерик появился на финише, он напоминал индейца: грязное от пыли лицо и белые зрачки.

– Ну, как я? – сияя, спросил он.

– Можно было и лучше, – заметила Светка. – А что это у тебя с ногой?

Все посмотрели на левую ногу Валерика и только тут заметили, что она в крови.

Валерик побледнел, и, чтоб он не упал, мы усадили его под дерево. А Светка побежала за врачом.

Врач быстро осмотрела рану.

— Скорее всего, стеклом поцарапался, — доложила она судье.

— Мы ведь всю дистанцию перед соревнованием осмотрели, — судья виновато развела руками.

Врач дала понюхать Валерику нашатырного спирта, обработала рану перекисью водорода и наложила повязку.

— Как дела у «Динамита»?— спросила она судью.

— Скорее всего, третье место.

— Как третье? — чуть ли не вскочил Валерик.

— Да если бы не ранение, мы бы обставили всех.

Судья соревнований ещё раз посмотрела на списки, потом на доктора:

— Второе место, в принципе, они заслужили.

— Ура!— взорвался «Динамит» от радости.

Домой мы возвращались не спеша. Во-первых, сказалась усталость от соревнований. Плюс как призерам каши нам дали с добавкой. Валерика мы вели по очереди. Каждый из команды считал за честь помочь раненому герою. Хотя хромать Валерик почти перестал. Все понимали: без него мы ни за что бы не завоевали второго места.

Уже возле дома, прощаясь, Валерик заметил:

— Чепуха! Какой я герой. Вот если б и вторая нога была ранена — первое место у нас было бы точно!

Победная ничья

Что, конечно, был Юрка — Юрка Сивков, с которым Тимка и Фёдка когда-то ходили в детсад. Теперь они встречались с Юркой только летом, когда он приезжал на каникулы к бабушке с бабушкой с Дальнего Востока.

— Привет дальневосточникам! — крикнул Тимка.

— Привет волжанам! — ответил Юрка.

Отец у Юрки — капитан дальнего плавания. А потому у Юрки был настоящий кортик, а на боку сегодня болтался коричневый продолговатый футляр, который Юрка придерживал точно кортик.

— Бинокль? — поинтересовался Фёдка.

— Фонарик, — Юрка важно похлопал по футляру.

— А фонарик зачем? — спросил удивленно Тимка.

— Точнее, это не фонарик, а секретное оружие: лазерная указка, — почти шепотом объяснил Юрка.

Ребята уже слышали по телевизору о лазерных указках, лучи которых хулиганы наводили на садящиеся самолеты. Но ведь Юрка не хулиган, он сын моряка — капитана дальнего плавания.

— Он что угодно может остановить, хоть на земле, хоть в воздухе, — похвастался Юрка, доставая из футляра фонарик: блестящий, с зелёным стеклом.

— Ври больше! Ты что — терминатор? — засомневались друзья.

— Когда стемнеет, выходите на улицу — сами убедитесь.

Когда солнце наконец спряталось за тёмную ограду горизонта, ребята встретились у подъезда и решительно зашагали к небольшому парку за домами. Мимо него проходила автомобильная дорога.

Они спрятались за кустами, и Юрка достал фонарик. Ждать пришлось недолго. Впереди показались огни машины.

— К бою! — скомандовал Юрка и включил фонарик. Тимка и Фёдка увидели, как тонкий зелёный луч метнулся навстречу машине и, ослепляя водителя, замер на лобовом стекле. Машина завилела из стороны в сторону, завизжали тормоза, и она, съехав с дороги, залетела в кусты. Из кабины, ругаясь, выскочил водитель:

— Эх, я сейчас кому-то уши надеру!

– Агас! Смываемся! – скомандовал Юрка и первый показал ребятам спину. Тимка и Федька бросились за ним.

– Держись левее – там гаражи, – крикнул Тимка.

Через несколько минут, тяжело дыша, ребята остановились возле гаражей.

– Ну как? – спросил Юрка и прислушался.

– Кажется, оторвались, – ответил Федька.

– Хорошо, что мы ушли, – заметил Тимка. – Может, хватит на сегодня приключений?

– Вам виднее, – пряча фонарик в футляр, важно заметил Юрка. – Один-ноль в мою пользу.

Дома их уже потеряли.

– Вы куда пропали? – спросила мама Юрки и подозрительно посмотрела на ребят.

Те испуганно переглянулись, но тут вмешался отец Юрки:

– Новости дадите спокойно посмотреть?

Мальчишки тоже механически уставились на экран телевизора. Там показывали какой-то аэропорт и много самолётов.

– В некоторых регионах России участились случаи хулиганства при помощи лазерных указок, – сказала диктор, и Тимке показалось, что она уставилась на него. – Так, в Махачкале и Самаре лазером пытались ослепить экипажи пассажирских самолетов. Президент Чечни Рамзан Кадыров приказал запретить

продажу лазерных указок на территории республики.

Тимка с Федькой переглянулись и посмотрели на Юрку. Глаза его восторженно блестели.

– Видели? – спросил Юрка и достал фонарик. – Направляешь на самолет, и он как миленький садится где тебе нужно.

Тимка вспомнил вдруг про отца, который ушёл сегодня на ночные полёты, и сказал:

– Да, сильная штука. Дай посмотрю.

– А я что говорю, – захихикал Юрка и протянул фонарик Тимке. – Если хорошенько потренироваться, можно и спутниками на орбите управлять.

– Ой! – вскрикнул вдруг Тимка.

Фонарик, сверкнув ненавистным зелёным стеклом, полетел на пол.

Первым почувствовал неладное Юрка.

– Эх ты, балда! – захныкал он, поднимая фонарик.

Фонарик был целым, только что не светил, сколько Юрка ни дергал кнопку-рычажок.

– Я ведь пошутил, – признался вдруг он. – Никакой это не лазер, а обычный фонарик. Только стекло зелёное.

– Доморгался, – радостно заметил Тимка и, точно обезвреженную гранату, подкинул на ладони мертвый фонарик. И загадочно добавил: – Один-один! Ничья!

□

Олег Иванович КОРНИЕНКО

родился в 1954 г. в с. Котовское на Киевщине.

Окончил 1-е Харьковское военное авиационно - техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище.

Журналист, краевед, поэт, прозаик.

Пишет для детей и взрослых.

Печатался в журналах «Аврора», «Детская «Роман-газета»,

«Истоки», «Наш современник», «Московский вестник»,

«Советский воин», «Луч»,

в альманахе «Новый енисейский литератор» и других изданиях.

Автор книг для детей «Шаги за дверью» и «Воздушный почтальон».

Лауреат литературных премий «Город» (1999),

«Признание» (2006).

Член Союза писателей России. Председатель Сызранской городской организации «Содружество детских писателей».

Проживает в Сызрани.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Мария МОЛОТКОВА

родилась в г. Щецине (Польша).

Окончила филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работает педагогом по риторике

в Карельском кадетском корпусе им. А.Невского.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Мария
МОЛОТКОВА**
г. Петрозаводск

«Утром хочется детских улыбок...»

МАМЕ

Самые нежные плечи... Выбелены
ломаной линией остро звучащие
пальцы и локти. Когда отпустили мы
наше с тобой навсегда-настоящее?

Веришь. Звонишь. Ждёшь и мечешься — паника...
Жаль, что тогда нас не предупредили:
долго с тобой обе с борта «Титаника»,
как капитаны, — не уходили.

Жду тебя, милая, странная, вечная,
с «вишенками», запечёнными в пряники.
Есть у меня два билета: конечные
на личные наши с тобою Титаники.

* * *

Он так говорил: «Я тебя найду. Я уже изучил запах твой, следы.
Ты придёшь. Я почую тебя на ветру, отдающем прохладой морской воды».
Он так говорил: «На рассвете сон всегда превращается в чуткий слух:
я слышу волну, впитавшуюся в песок, отдавшую тело своё веслу...
Я слышу, как строится новый риф, как солнце встаёт из-за гор костром.
Я слышу... Ты только не говори — тебя ощущаю. Тебя — остро...
Я слышу, как рвутся канаты, как парус срывается, гнутся мачты...
Я слышу, запомни! Я здесь останусь... Поимка тебя всё переиначит».
Он так говорил, шёпотом песчинок внедряясь в сознание моё, подреберье
всё глубже... неистово, жадно, причинно...

....

Я слышу тебя.
Я иду, морской Берег.

ЛУЧШАЯ ИЗ ПТИЦ

Милый мальчик... других — не встречу.
В твоём сердце — моя столица
(в твоём сердце — мильон столиц).
Если спросят, всегда отвечу:
ты — моя перелётная птица...
лучшая из перелётных птиц.

Милый мальчик, люби не многих,
чтобы помнить любимые лица,
чтобы помнить назад дороги,
чтобы знать, чью смахнул ресницу.

Милый пташек, ты спишь так крепко...
Но есть то, что во снах не снится:
есть охотники — цепки и метки —
они любят стрелять по птицам.

ОТВЕТ

С героев берут «крупный план»,
с героями всё решено...
А Ты — моя личная Фанни Каплан
под серым карандашом...
...Фанни, стреляй, я ещё не ушёл!
...Фанни, прицеливайся хорошо...

«Мило», «забавно» — funny.
...Вот: весь рассудок мой.
...Вот: мой грудной отдел.
Стреляй! Я пока только ранен!
Funny: я этого и хотел!
...(Фанни была слепой)
...
Милый, порывистый друг мой убийца,
прости меня, вора: уже столько лет
рисую предателей, зная их в лица...
вставляя им в руки Твой пистолет...

...Фанни, стреляй, я ещё не ушёл!
...Фанни, ...прицеливайся... хорошо...

* * *

Я так рада тебе, мой гений!
Когда будем по швам трещать,
я дарю тебе сто прощений...
Моя должность — тебя прощать.

Мы с тобой перешли границы.
Мы «не видеться» больше не можем.
Ты — мой вирус: родной, подкожный.
Ты — «история меня в лицах».
Понимаешь, уже не нужен
пересчёт годовых ошибок.

...

Утром хочется детских улыбок.
И стакан молока —
на ужин.

ВРЫВАЙТЕСЬ!

Маленький дом, узкие двери...
Входная и вовсе — совсем покосилась...
В доме никто никому не верит;
в доме — пока на то были силы —
изобретали замки и щеколды,
ручки дверные,
чтобы зимой — так уж не холодно;
чтобы войти не смогли «иные»...
Если вдруг стук — затаятся: «Тихе!»...
сидят и внимательно выжидают...
«Тихо» скребутся голодные мыши,
«тихо» куда-то коты пропадают...
Пахнет сырой древесиной, железом —
ржавым бездвижным забытым зверем...
...
Люди!.. Смотрите, я в душу к вам лезу!
Плевать мне на ваши замки и двери!

Я покажу вам

Станислав ОЛЕФИР

г. Приозерск,

Ленинградская область

РОССИЮ

рассказы

Родители Володи Молокова родились в Китае, работали на железной дороге в российском городе Харбине и, если бы этот город не передали Китаю, жили бы там до сих пор. Но передали! Тех харбинцев, которые приняли китайское подданство, забыли навеки, а кто решил возвратиться в Россию, судили и отправили в колымские лагеря. На пять лет. За измену Родине!

В бесконечных спорах с Молоковым я так и не понял, какую родину предали его папа и мама: Китай или Россию? Но ведь предали же! Задаром на Колыму не отправляют.

Я к чему это говорю — на Колыме хватает русских, прибывших из Китая, Кореи и даже Австралии. Так вот они-то и есть самые большие патриоты России. Слишком уж крепко вложили в них предки любовь к исторической родине.

Без судимости попасть на Колыму не так просто. Особенно капиталистам. Поэтому-то все их визиты мы помним наперечет.

Первым, еще во время войны, гостил американский госсекретарь Уэллес. Очень уж ему нужно было знать, хватит ли золота рассчитаться за американские «дугласы», «студебекеры» и «либертосы»? Прилетел, пощупал золото своими руками и убедился: хватит!

Потом приплыла японская подлодка. Говорят, у японского матроса начался аппендицит, вот в Магадан и завернули. Ночь. Пришвартовались, вызвали по ноль три «скорую помощь», но телефона наших пограничников не знали. Так до самого полудня вокруг Ногаевской бухты и шарахались. А у нас там база подводных лодок! Почему не пошарахаться?

Когда все наши подлодки перевели на Камчатку, больше японцы возле нашего порта не болеют. Теперь это дело у них случается возле Камчатки.

Под конец прибыли и иноземные журналисты. Семнадцать душ! И это на Колыму, по которой даже мы из поселка в поселок ездим по пропускам.

Журналисты — улыбчивые и щедрые, как матросы из команды капитана Кука! Особенно японцы. Каждому, с кем беседуют, по чашечке для саке дарят. Еще ручку хитрую. Смотришь сверху — там красивая японка в халате с драконами, перевернул — уже без халата! И первому секретарю обкома, и председателю облисполкома такое чудо подарили. Как зеркальца дикарям. Народ это понимает, немного возмущается, но каждый не откажется получить такой подарок. Интересно же! Да и халява!

До меня тоже добрались. Сiju вечером в детском санатории, развожу лямуры с медсестричками (я потом на одной женился!), и вдруг звонок. Телефонит главный идеолог обкома партии. Так, мол, и так. Привезли к вам семнадцать журналистов из капиталистических стран, сейчас у них торжественный ужин в ресторане, потом все отправляются в Дом культуры, где вы, товарищ писатель, вручите им свои книги. Мы все привезли с собой. Осталось только подписать и вручить.

Я, понятно, в телячий восторг: «Буду! Обязательно!» и принялся одеваться, но одна из сестричек меня сразу остудила:

— Ну, ты, Олефир, и прости господи! Пока эти капиталисты коньяки с шампанским в ресторане пили, тебя не звали, а ужрались до икоты, можно и на местную диковинку посмотреть. Рояль в кустах получается, а не писатель. Никакой в тебе гордости нет. Я бы не пошла!

Что здесь началось! Одни говорят — иди, другие — не иди. К счастью, явился Молоков и всех поставил по местам: «Иди обязательно! Но специально не одеваться. В Америке красиво одеваются только негры. Вести себя независимо. Первому руку не подавать, этих штук с голыми бабами не брать. Я буду рядом».

Приходим. Там везде строгость. Милиционер Коля-свист стоит на двери. Выпивши, но

строг до неузнаваемости. Интересуется, кто, мол, такие?

Представляюсь:

— Писатель Олефир.

А Молоков:

— Читатель Молоков.

Коля-свист на мгновение задумался:

— Молоков? Слышал. Проходите. А вы, Олефир, подождите.

Обидно, но жду. Пришел партийный секретарь, обнял меня, затем на всякий случай и Молокова, повел к журналистам. Там на столе стопка моих книг. Молоков раскрывает в нужном месте, я подписываю, все вместе вручаем. Заработало! Улыбки, всякие «данке шён», «сэнкью», «мерси».

Потом и нам попытались ручки с голыми японками вручить, но Молоков запротестовал:

— Благодарим! У нас в санатории голых женщин полный бассейн. Хоть так переворачивай, хоть этак — все равно голые! У вас случайно японских крючков на хариуса или французской лески с собой нет? Вот это нам бы пригодилось. А остального нам самим девать некуда.

Переводчики Молокова переводят, иноземные журналисты удивленно слушают, поглядывают с укоризной на японца и француза. Как же, мол, так, коллеги, — приехали на Колыму без крючков и лески? Дикость какая-то!

Книги вручили, глядим, а за нашими спинами стол всевозможной выпивки и закуски. Фуршет называется. Выпили с журналистами за знакомство, потом за дружбу, еще по одной за Россию. Закачало. Я домой намылился, а Молоков никуда. Очень уж ему глянулась американская переводчица. Она тоже в его сторону неровно дышит. Сразу призналась, что дедушка у нее русский, а зовут ее Сандра.

— А по-нашему как? — интересуется мой друг.

— Александра.

— Шурка, значит! — возликовал захмелевший Молоков. — Ты замужем?

— Нет. Не замужем. И детей нет, — откровенно призналась американка.

— Насчет замужества у нас самих напряженка, — посетовал Молоков. — Но вот детей можем организовать! — И тащит за руку в коридор.

Партийный секретарь подобного оборота ис-

пугался, пытается притормозить события, а Молоков упал перед ним на колени и взмолился:

— Ну зачем вы так? Дайте мне хоть одного русского в Америку отправить! На память. А то побывает девушка в России и вспомнить нечего...

На второй день явился ко мне домой. Очень уж, по всему видно, вчерашнее зацепило:

— Ты не представляешь! У этого секретаря программа на всю неделю расписана: поездка в совхоз, школу-интернат, детский садик. Потом еще рыбозавод, встреча с шахтерами, а на закуску — эвенский ансамбль, в котором почти одни буряты. Люди Россию хотели посмотреть, а им наших двоичников демонстрировать будут, словно в Америке своих дураков нет.

— А мы здесь при чем?

— Как это «при чем»? А настоящую Россию кто показывать будет? Завтра у них гостевой день. По семьям ходить будут, чтобы о жизни расспросить. Мы Шурочку с ее журналистом и заберем. Я с Лёвой Мюллером уже договорился. В пять утра выезжаем.

Пять утра на Колыме глупая ночь, но автозак уже у порога. Обычно на нем возят заключенных, сегодня он в нашем распоряжении. Горит печка, в одной из клеток для особенно буйных свалены матрацы, фуфайки, ватные штаны, валенки. Все, конечно, бывшее в употреблении, но едем-то в тайгу, а с ней в пятидесятиградусный мороз шутки плохи.

На скамейках десять журналистов и две переводчицы, у печки Лева Фонарев. Мой друг вместе с Сандрой в кабине. Увидел меня, выскочил и виновато пожал плечами:

— Я сказал им, что приглашаем двоих, а их вон сколько. Не прогонять же?

— Нормально, — успокаиваю друга, забираюсь в автозак и объясняю программу. — Едем на Маньчан. Это больше ста километров. Там наша охотничья база. По пути остановки у золотоносного полигона, где побывал американский госсекретарь Уэллес, затем в стойбище оленеводов и в нашей охотничьей избушке.

Если понравится, заночуем. Вчера вы спрашивали, можно ли поговорить с заключенным? Пожалуйста! Лев Фонарев, партийная кличка Мюллер. Окончил две разведшколы — немецкую и японскую. Владеет шестью языками и всеми видами оружия. В лагерях провел двадцать четыре

года. Сейчас заведует нашим фотоателье. Можете спрашивать, записывать, фотографировать.

После, выдержав паузу, дополняю: — По плану сегодня у вас гостевой день. Вот в нашу охотничью избушку и приглашаем. Идея, конечно, моего друга Володи. Слишком уж ему ваша Сандра понравилась.

Журналисты и переводчицы заулыбались, кто-то поаплодировал, и покатали.

Память у Левы Мюллера отменная, порассказать любит. В поселке своими воспоминаниями всех достал, а здесь такая аудитория! И, главное, возможность продемонстрировать иноземные языки. В первую очередь не оставил живого места на информации, которой журналистов напичкали перед поездкой на Колыму, затем принялся начинать своей. Лагеря, фамилии, статьи, сроки — все назубок. Где по-немецки, где — по-японски или английски, а где и с матерком. Интересно!

Переводчицы на словах «козел», «падна буду», «век воли не видать» спотыкаются, но Лева Мюллер не торопит. Пусть работают, пусть передают атмосферу.

Первая остановка у Пьяного ручья. За ручьем никто не видел живого гаишника, поэтому положено выпить. Вылезли. Первый тост за шоферов, второй — за гаишников, третий — за дружбу народов.

Забрались в автозак, постелили матрацы, укрывшись фуфайками — и спать.

Через час новая остановка. Полигон, на котором во время войны добывали золото и где, по заверению Левы Мюллера, гостил сам Уоллес. Сфотографировались и снова в дорогу. Теперь спать не ложились, потому что Молоков предупредил: будет сюрприз, для которого нужно тепло одеться.

Каждый сам подбирал валенки, шапку, ватные брюки, фуфайку. На некоторых остались бирки с фамилией заключенного и номером отряда. Надевали и фотографировались прямо в автозаке. Смех, подначки. Интересно!

Остановились в русле промерзшего до дна ручейка, Молоков наказал молчать, и все, кроме Левы, отправились следом за ним в тайгу. Шли долго, по лицам видно — некоторым это уже не интересно и не прочь вернуться к автозаку.

Наконец, остановились. Молоков наказал

приготовить фотоаппараты, сам вместе с Сандрой выбрался на небольшой бугорок. Это берлога старого медведя. Лет пять тому назад мы с Молоковым заготавливали здесь сено, и он украл у нас пять банок стуженки. В отместку мы хотели устроить на него охоту, потом подружился и даже вывели берлогу. Теперь, если случается, заглядываем в гости и немного дразним. Оленеводы сказали, что колымские медведи ни в коем случае не оставляют берлогу зимой. На морозе ему верная гибель. Вот и сидит, хоть оторви ему лапу, а здесь такой случай!

Молоков проковырял в крыше дырочку, лег на живот и сказал в эту дырочку: «Привет, лохматый! Как дела?» После сунул туда расщепленный ивовый прут, повертел и наказал Сандре дернуть. Та дернула, из берлоги донеслось глухое рычание. Сандра мгновенно забыла русский язык и зашептала по-американски:

– Who is there?¹

– Медведь, кто же еще? – удивленно объяснил Молоков. – Любый зарычит, если вот так за шерсть дернуть. Держи на память. – Встал на одно колено, рыцарским жестом подал ей прут с пучком шерсти в расщепе и крикнул журналистам:

– Фотографируйте! Скорее!

– Whom to make picture?² – спросил приблизившийся к самой берлоге американский журналист.

– A bear lives here! This is his house! It seems to be angry!³ – закричала Сандра и в испуге прижалась к моему другу. Остальным прижиматься было не к кому, и они бросились кто куда.

Вернулись к автозаку, посадили Леву за руль, сами окружили Молокова. Угощают коньяком, переводчицы завидуют Сандре, слушают моего друга даже уважительней, чем отсидевшего двадцать четыре года в лагерях шпиона. А Володя с покровительственным видом объясняет:

– На Рязанщине, к примеру, медведи в берлоге спят чутко. Лишь к берлоге приблизишься, выскакивает и бросается на охотника. Только собаки и спасают. В Сибири морозы покрепче, в другой раз медведя шестом выковыривать приходится. А уже в Приморье никакой берлоги не делает. Сядет под толстым деревом, вот так лапы на животе сложит и ждет, когда снегом занесет. Так, сидя, всю зиму и спит. У колымских медве-

дей берлога все равно зимний дом или квартира. Хорошую берлогу все медведи знают, чуть заходит, бегут занять. Бывает, даже дерутся. Поэтому с морозами не выгонишь.

– У вас медведи такие разные? – удивленно спрашивает японский журналист, которому до сих пор стыдно, что приехал в Россию без крючков.

– Медведи у нас практически одинаковы. Просто страна у нас большая, климат везде разный, вот каждый по-своему и зимует, – с гордостью объясняет Молоков. – Это не ваша Япония – в любую сторону до моря доплунуть можно, а у нас – Россия!

Набирали выпивки на два дня, а к стойбищу оленеводов подъехали почти насухую. Там тех пастухов двадцать человек вместе с детьми, а только по полстакана угостить и досталось. Те не в обиде. Улыбаются, поят чаем, правда, чтобы сфотографироваться, одеться в праздничные одежды не хотят. Журналистам невдомек, что оленеводов фотографировали уже сто раз и корреспонденты, и туристы, и геологи, но вот прислать фотографию никто не догадался. Да и куда присылать? «Колыма. Яранга оленеводов?»

К счастью, Сандра (что ни говори, а русская душа, которой больше благодати не когда берешь, а когда даешь) достала из сумки «Полярроид», принялась щелкать и тут же вручать фотографии.

Что здесь началось! Смотрят, хохочут, пальцами в снимки тыкают. Потом одни кинулись переодеваться, другие запрягать оленей, третьи тащат детей. Фотографируют их на руках, и на оленях, и в обнимку, и, конечно же, в компании с журналистами. Весело. Поставили гостевую ярангу, принесли котел, забили самого упитанного оленя, фляга с брагой тоже нашлась. Пир на весь мир.

У оленеводов и заночевали и больше никуда не ездили. Домой возвращались утром. При переезде через небольшую речку провалились в наледь, пока вытаскивали автозак, убрехались по самые никуда. Хорошо эковской одежды хватило на всех. В ней и к гостинице подъехали.

¹ Кто там?

² Кого сфотографировать?

³ Здесь живет медведь! Это его дом! Кажется, он сердится!

Дежурную, когда целую орду веселых, орущих по-иноземному эзков увидела, чуть кондрашка не хватила. А полукитаец Молоков обнимает полуамериканку Сандру и хохочет:

— Это тебе, Шурочка, не какая-нибудь Америка! Это наша с тобой Россия!

БЫТЬ ПАПОЙ

Не все знают, но природа, а может, и сам Всевышний внимательно следят, чтобы у всех детей был папа. Вывела, к примеру, трясогузка птенцов, а папу схватил коршун. На второй день возле малышей уже новый родитель. Такой же заботливый, старательный и неугомонный. У лисиц так вообще два гона. Первый за право обладать лисицей. Гоняются друг за дружкой, рычат, кусаются. Побеждает сильнейший, который, как и положено победителю, пользуется благосклонностью лисицы. Через полтора-два месяца второй гон. Этот за право быть отцом будущих лисят. Там из первой свадьбы ни одного лисовина, но снова сражаются, не щадя живота, и снова побеждает сильнейший. Роет для новорожденных лисят нору, таскает им мышей и кур, с риском для жизни защищает от врагов.

Но самый чемпион среди пап кулик-плавунчик. Этому куличиха снесла четыре яичка и улетела резвиться с такими же куличихами. А родитель сам и яйца насиживает, сам и деток нянчит, сам и в теплые края сопровождает.

А вот глухарь, после того как нагулялся с глухаркой, прячется в кусты. Менять перья. До середины лета и линяет, а глухарка возится с его детьми одна-одинешенька. Отсюда и выражение: «Слинял!»

Не знаю, как у глухарят, но у человечих детей, чей папа слинял в кусты, здоровье совсем неважное. Не зря же в детском санатории, где работаю воспитателем, безотцовщины более чем достаточно. Врачи подбирают им всевозможные капли с таблетками, а мы с музыкальным работником Переверзевым пап. Пусть не навсегда, а лишь на один заезд, но на безрыбье и чайник — соловей. Приглашаем оказавшихся под рукой мужиков на «дни именинников», спортивные соревнования и всевозможные ут-

ренники. Те, которые с важным видом сидят в президиуме, нам неинтересны, но вот те, у которых загораются глаза принять участие в детских развлечениях, уже наши. Теперь без них не проходит ни одно мероприятие. Но главное даже не это. Главное, дети сами чувствуют таких мужиков и облепляют со всех сторон. Добро бы только облепляли, но еще и вытирают об их парадно-выходные штаны свои сопля.

Мы поддерживаем авторитет этих дядек как можем. Сочиняем самые героические биографии, оформляем на почте, будто бы от них, поздравительные телеграммы, заставляем вручать детям купленные за счет санатория подарки. Мужики загораются, ждут не дождутся снова искупаться в детской любви, некоторые даже отпрашиваются с работы. Как же иначе? Дети-то ждут!

Не секрет, школьники дают своим учителям клички. Тех, кого не любят, зовут Колодка, Пеструшка, некоторых вообще мужской дразнилкой — Поп Гапон или Пиночет. А вот кого любят — уменьшительным именем: Галя, Евгешка, Леночка. Меня за глаза называли Стасиком, Переверзева — Шуриком. Мы этим гордимся, но до участкового милиционера Николая Николаевича нам далеко. Этого кликали Коля-Коля. Если приходил в гости, встречали у самых гаражей и так засопливали его галифе, что оно блестело, как хромовые сапоги.

Был Коля-Коля таким маленьким и худеньким, что издали его можно принять за школьника. Да что там издали. И голос-то тоже имел тихий и немного грустный. Остановит нетрезвого шофера и разговаривает с ним таким извиняющимся тоном, словно это сам нарушает все правила.

Раньше я объезжал его стороной. Из-за мотоцикла. У нас Колыма: сто рублей не деньги, сто лет не старуха, сто километров не расстояние. Ни за грибами, ни за ягодами пешком не потопашь. Лучше всего на мотоцикле. А у меня никаких прав. Вот контрабандой и гонял. Потом мотоцикл украли. Жаль, конечно, но не я первый. То и дело слышим о подобных неприятностях. Пожаловался нашим слесарям о такой беде, на том и стало. Вдруг является участковый и спрашивает, почему не подаю заявление о пропаже мотоцикла.

— Все равно не найдется, — объясняю ему.

— Почему не найдется? Даром, что ли, четыре года учили разыскивать ворованное?

А в голосе такая обида, словно самого подозреваю в этом хищении.

И что же? Нашел! Через неделю приглашает в гараж: стоит мой бродяга! Можно садиться и ехать домой. Только нужно забрать и мое заявление. Украл мотоцикл-то совсем молодые парни. Не хочется портить им биографии.

Я, конечно, забрал. Но главное не это. Главное, рядом с мотоциклом пылится целая гора медвежьих, волчьих и оленьих шкур. Некоторые даже с головами! Дальше всякие чемоданы, коробки, какие-то приборы. А от одного вида резиновых лодок можно сойти с ума! Милиционер видит мой восторг и сообщает, что это оставшиеся от прежнего участкового вещественные доказательства. У нас-то через Аляску торговля налаживается, да и так ездят делегации. Вот контрабанду задержали, а найти хозяев не получилось. По инструкции все это нужно уничтожить или передать заинтересованной организации. Но здесь курортный поселок, а не какой-то колхоз. Придется уничтожить.

— Не надо! — запротестовал я. — Мы и есть самые заинтересованные. У нас и сирот, и аборигенских детей хватает, а здесь сколько добра! Вы к нам в воскресенье приходите. Когда ни лечения, ни процедур. С самого утра будем ждать.

Пришел. Вернее, приехал. Да не с пустыми руками, а с коробкой конфет, фломастерами и тренажером для юных автолюбителей. В парадной форме, при оружии и трех медалях. Детям интересно. Спрашивают, за какие подвиги получил, просят подержать пистолет. Узнали, что тоже детдомовец, воевал в Афгане, опробовали пистолет и утащили в игровую комнату.

В столовой все накрыто, малышей группа давно звенит ложками, а наши крутят руля. Тренажер электрический, чуть не туда крутанул или слишком разогнался, сразу на весь санаторий: «Вау! Вау!» И освобождай место следующему. Даже у меня с Переверзевым без аварии проехать через перекресток не получается. А у Коли-Коли к нам никакой жалости. Включает самый сложный режим и выговаривает так, словно мы и на самом деле устроили аварию. Когда, наконец, дали команду идти в столовую, дети — скопом к дежурному врачу: «Можно дяденька ми-

лиционер с нами кушать будет?» Та разрешила, только наказала надеть белый халат.

Хотя Коле-Коле скоро тридцать, он холостяк. Почему? Я даже не интересовался. Знаю, был ранен, долго лежал в госпитале. Вот и все. Да это и не главное. Главное, он полюбил нас, а мы его. Скоро почти все шкуры с головами, проигрывателями и телевизорами переселились к нам в игровую комнату. Детей оттуда не выгнать. Особенно если приходил Коля-Коля. Нянечке, которой не нравился такой шабаш, я по секрету сказал, что из-за побегов заключенных из расположенного по соседству лагеря этот милиционер присматривает и за нами. Та понимающе кивнула и присмирела навеки.

Я пригласил нашего милиционера порыбачить на дальних озерах. Он отправился, с полчаса помахал удочкой, затем принялся обыскивать ближнюю тайгу. По каким-то непонятным мне приметам находил рыбацкие утайки и демонстрировал мне то спрятанные кем-то удочки, то чайник, а то и целую печку. С трубой и задвижкой. Все оставлял на прежних местах, а вот огромный медвежий капкан, откованный лет сто тому назад, притащил в детский санаторий. Пружина у капкана до того слабая, что не смогла бы удержать даже зайца. Это и нравилось. Если насторожить, хватает совсем не больно, и не было мальчишки, который не попробовал сунуть в этот капкан ногу. Настораживали и на меня с Переверзевым, а уж восторга было, когда попались в капкан оба сразу.

Радовалась Коле-Коле и наша бухгалтерия. Раньше в санатории были вечные проблемы с доставкой зарплаты. Банк-то в сотне километров, и за деньгами пошлешь не всякого. Теперь у кассира Наташи и шофер, и охранник — лучше не придумаешь. Кое-что участковому за работу, конечно, приплачивали, но, наверное, не много. Дело-то неправое. Никакой подработки милиционерам не разрешалось, а Наташа рассказывала, что половину зарплаты он перечисляет детям погибшего в Афгане командира. Из-за подработок беда и случилась.

Не все знают, что в прежние времена заработки на Колыме были такими, что некоторые отправлялись за получкой с наволочкой. Иначе не унести. Более всего доходами славились старатели, и всяких историй, как их грабили

по пути к родному дому, не сосчитать. Ведь легенда о том, что нельзя убежать из колымских лагерей, была всего лишь легендой. На самом деле беглых уголовников болталось везде так много, что охотникам за их отстрел платили премию. Лично мне председатель одного из чукотских исполкомов жаловался, что приходилось выплачивать охотникам за каждого подстреленного зэка больше, чем американскому ковбою за скальп индейца.

Конечно, сегодня беглых зэков не так много, зато увеличилось число людей, занятых контрабандой золота. И на Колыме, и в Якутии, и на Амуре созданы воровские кланы «Ингушзолота». Перекупают драгоценный металл у старателей и вывозят на материк в специальных поясах, контейнерах, просто ручной клади. Везут на самолетах, пароходах и даже оленьих упряжках.

Понятно, сами старатели со своими заработками в одиночку не ездят, некоторые для сопровождения нанимают милиционера. Наш поселок не так далеко от золотых приисков, пару раз обращались и к Коле-Коле. Работы не много. Утром выехал, сопровождал удачливого добытчика до аэропорта или банка и к ночи уже дома.

Нынешние золотодобытчики сильно отличаются от старателей Клондайка и прочих искателей форта. Там-то немые, бородатые, малограмотные мужики, а у нас в работающей неподалеку старательской артели из двадцати двух человек четырнадцать с высшим образованием!

Вот такой старатель в кабину Коли-Коли с набитым доверху портфелем и забрался. Представился Валерой, сел на переднее сиденье и сразу же вручил оплату за проезд. Ни больше ни меньше, как и положено в таких случаях. О чем они разговаривали в дороге — никому не известно. Люди видели, как вместе обедали в придорожной столовой, затем друженько заливали бензин на заправке. Вот, пожалуй, и все.

Где и на чем прокололся Валера, угадать трудно. То ли Коля-Коля заметил, что портфель его пассажира заполнен не деньгами, а золотым песком, то ли просто поймал на ворах. Старатель-то никогда не скажет: заработал, а отмазался. В его разговоре то и дело звучат слова «значки», «копыши», «шурфы», «сундуки», «хвосты». Даже золото у него — всего лишь золото, а не рыжье, как принято в уголовном мире. Но то,

что наш участковый проколол курьера, сомнения у людей не вызывает. Вот вместо того чтобы ехать прямо к аэропорту, повернул к милиции. Наверное, этот маневр не устраивал Валеру, он выхватил пистолет и выстрелил. Пуля пробила шею Коли-Коли и застряла в спинке сиденья, а сам участковый захрипел и забился в конвульсиях. Проходящая неподалеку женщина видела, как на повороте машина вдруг ткнулась в бордюр и заглохла. Из машины выскочил высокий мужчина, пересадил «пьяного» милиционера на заднее сиденье, сел за руль и погнал в сторону соседнего поселка...

Коля-Коля не умирал уже часов пять. Сидел привязанный к спинке стула, глядел в угол комнаты и молчал. Говорить то ли не мог, то ли не хотел. Валера расположился против него и, молитвенно сложив ладони, упрасивал:

— Ну, умирай, мент, скорее! Умирай, прошу тебя...

В соседней комнате Валерины подельники держали совет, как выбраться из создавшегося положения. Этот кретин прикатил с подстреленным милиционером прямо под окно. Предлагает добить. А куда потом труп?

Решили: нужно сработать под самострел. Пока ночь, гнать машину прямо в наш поселок. Участковый живет один. Занести в квартиру, положить в постель и придушить подушкой. Рядом положить его же пистолет. Погрузили Колю-Колю и на двух машинах погнали по трассе. Ночь, встречных машин почти нет. И вдруг прямо у поворота к нашему поселку — целая колонна. Легковые, грузовики. Милицейская тоже мигает фонарем. То ли авария, то ли камнепад. Здесь сильный прижим, завал могут устроить даже снежные бараны.

Развернулись, отъехали километров десять и решили больше не рисковать. Вывели Колю-Колю из машины, хотели добивать в спину, а тот вдруг повернулся и требовательно так:

— В лицо, суки, стреляйте!

Те выстрелили, оттащили подальше от трассы и забросали ветками кедрового стланика. Машину спустили в ущелье.

Убийец нашли быстро. Наверное, те, которые искали, тоже не зря по четыре года учились ловить преступников.

Хоронили Колю-Колю без особого почета. В

газете даже появилась статья, что был связан с этими бандитами. А убили, мол, Колю-Колю лишь потому, что один из бандюков игрался с пистолетом и нечаянно нажал курок. Но мы-то знали, как было на самом деле. Наша хозгруппа, в которой работали бывшие уголовники, да и сама зона, где убившие Колю бандиты отбывали наказание, вывели все до капельки. Особенно возмущалась наветами на участкового кассирша Наташа, у которой он несколько раз занимал деньги, чтобы купить детдомовцам игрушки. А уж она-то считать умеет!

Еще помню, на поминках одна из воспитательниц рассказала, как самый маленький в ее группе детдомовец Женя Шатков, которого участковый часто катал на машине и даже подарил милицейскую фуражку, не хотел отпускать Колю-Колю в последнюю поездку. Висел на брюках, пускал сопли и орал как резаный. Чувствовал его смерть, что ли? Дети-то до семи лет ангелы. А ангелам ведомо куда больше, чем нам с вами.

...Вот написал историю Коли-Коли и вспомнил петушка белой куропатки. Она-то линяет, лишь только начнет откладывать яички. Когда вывела цыплят, уже серая-серехонькая. Снег давно растаял, ни ее, ни цыплят в траве не разглядеть. Но их папа так и остается белым. Сидит на самом виду, орет на весь мир и примагнивает хищников. Бежит, к примеру, лисица мимо куропачьего выводка, схватила куропача и наелась. Птичку, конечно, жалко, зато цыплята живы и здоровы. Растут, радуются солнышку. А мы после этого говорим...

ВЕДУН

Последняя электричка. Пассажиров всего ничего. Да и чему удивляться? Зима. Ни туристов, ни дачников. Летом здесь не продохнуть, а сейчас выбирай любую полку, устраивайся удобнее и в полудреме ожидай свою остановку.

В самой середине вагона тесной группой сидят милиционер, две женщины и трое подростков. Вернее, двое мальчишек и девочка. Взрослые по краям, а эти у окон. Картина, знакомая до боли. Точно так этапировали меня в далекие послевоенные годы, когда беспризорничал по поездкам и вокзалам в поисках какой-нибудь по-

живы. Только тогда меня сопровождали в детскую комнату милиции, чтобы устроить маленький допрос, пропарить вшей, накормить и выдать билет до родной хаты. Случалось, давали по шее. Но не часто и не очень больно. Да, откровенно говоря, и было за что.

А этих возвращают в коррекционную школу. Коррекция — значит, что-нибудь исправляют. Сегодня это в большой моде. Можно с помощью силикона сделать похожими на вареники губы, необъятными груди, менее кривыми ноги и даже более умными мозги. Хотя начинка из грудей и губ может вытечь, ноги свести в дугу, на эти операции целые очереди. Даже афоризм придумали: «У женщины должны быть красивыми ноги. Хотя бы одна!» Главное, тонкогубый, плоскогрудый и кривоногий народ готов платить за коррекцию любые деньги. А вот на совершенно бесплатный ремонт мозгов никаких очередей, и пациентов доставляют под конвоем.

Я встречаю эту компанию не первый раз. Люблю садиться во второй вагон, они тоже, вот и встречаемся. Недели две тому назад девочки не было, а мальчишек сопровождала одна женщина. Паренек, который постарше, молчал, а младший матерился. Правда, негромко и шепеляво, но, если вслушаться, разобрать можно. Из десяти слов девять отборных матов. Сыплет и сыплет. Наверное, случайно что-то ляпнул, а эти, которые корректируют, при установке на нехорошие слова что-то напугали. Теперь матерщина льется из бедного мальчишки, словно силикон из прохудившейся сиськи.

На полпути к моему городку дети и их сопровождающие оставляют электричку, их встречает машина и увозит в дальний поселок, где ни папы, ни мамы и каждый шаг на контроле.

Все равно эти мальчишки молодцы! Хотя как-то, но сопротивляются. Если живущему в семье ребенку захочется сладенького, попросит маму или папу, те и купят. А в интернате, понятно, меню. Ешь что дают! Но пацанам хочется лимонаду, мороженого, шоколадных конфет. Да не немножко, а чтобы гудел живот. Вот, улучив момент, сбегают, добираются до электрички, «зайцами» катят до Питера, а там напрямик в супермаркет. Затерялись среди покупателей, наполнили корзинки всякой вкуснятиной, спрятались за контейнеры и употребляют, не доходя

до кассы. Их, конечно, ловят. Сегодня везде камеры, да еще и младший не столько ест, сколько матерится. Вот хватают за шкурку и отбирают что не успели употребить, а самих сдают в милицию. Бывает, и не сдают, а пряники с конфетами оставляют в карманах. Однажды подарили начатую банку варенья...

Я тоже в детстве был не тем, кто терпит и голод, и контролеров, но мне не дарили, а сам взять не могли. Магазины-то были устроены совсем иначе. Но вот проникать на продуктовые базы случалось. Особенно если туда подавали целый состав с картошкой или другой продукцией. При вокзалах для нашего брата держали ночлежки из списанных вагонов. Нас можно было поднять среди ночи, заставить очистить перрон от снега, выкопать яму для умершего пассажира или выручить базу. Мы, конечно, старались и, само собой, при случае подворовывали. У меня для этого была очень удобная сумка от лошадиного противогаза. Во время войны наши летчики разбомбили поезд с немецкими кавалеристами. Мы с сестрами добра и наташили. Седла и всякую сбрую мама сдала в колхоз, а сумку от противогазов пригодились вместо портфелей. Я такой портфель картошкой и набивал. Получалось полное ведро. Еще в лошадином портфеле привозил из Бердянска хамсу, из Архангельска — треску, из Красноярска — кедровые орешки.

...По нынешним временам мне нужно было сделать коррекцию от бродяжничества, но интересно не это. Недавно ученые доказали, что муравей, который за три похода не принес ни одной добычи, съедается своими сотоварищами. Поэтому, мол, и старается. Брехня! Тысячу раз брехня! У нас в украинском селе было немало пробивных пацанов, но до Сибири добирался один я. И все, кто не умер от голода, жили дома возле мамы и папы. О поездке в уссурийскую тайгу, где я заработал денег на самую дорогую корову, не могло быть и речи. В то же время я мог сколько угодно раз вернуться из своих походов пустым, никто не попрекнул бы и словом. А эти — съедать!

Конечно, в моем поведении находили немало странностей, многие пророчили неважное будущее. Кажется, так у Некрасова: «Ему судьба готовила путь славный, имя громкое: чахот-

ку и Сибирь». Их понять можно. То меня доставляют под надзором милиции, то приходит за каким-то делом участковый, то приносят повестку на суд за браконьерство. Главное, возвратившись из уссурийской тайги, я, вместо того чтобы ходить в школу да играть с пацанами в «чижика», вдруг объявил себя писателем и принялся издавать рукописные книжки. Сегодня в нашем городке пятьдесят взрослых мужчин и женщин считают себя писателями, и никто им пальцем у головы не крутит. Но мне-то было! Особо сердобольные даже сочувствовали родителям. То, что в нашей семье было девять голодных ртов, а Аллочка уже умерла от истощения, их заботило почему-то меньше.

К счастью, в селе уже был свой дурачок по имени Толик, а двух дурачков в одном селе не бывает. Вот ко мне эта кличка и не приклеилась.

Толик намного старше меня, длинный, пучеглазый, с вечно слюнявым ртом. Мама до сих пор удивляется, почему его не расстреляли во время войны? Во-первых, уже лежал в психушке, а немцы таких уничтожали, во-вторых, как его ни закрывали, убегал на станцию и искал ушедшего на фронт отца. Спрашивал всех подряд: железнодорожников, полицаев, даже немцев. Если полицай или немец ему грубил, Толик внимательно всматривался в обидчика и сообщал, что его скоро убьют или ранят. При том говорил так, словно с большим трудом считывает с классной доски или книжки. Это почему-то всех пугало. Полицаи ругались и даже дрались, а немцы, хотя не понимали по-нашему ни слова, почему-то старались Толика задобрить. Угощали галетами, шоколадкой, один даже подарил губную гармошку.

Когда прогнали немцев, почти сразу пришла похоронка на отца. К тому времени Толик научился играть на губной гармошке, но играл не для людей, а для собак. Увидит дворнягу и принимается исполнять какую-то заунывную музыку. Это действовало на собаку, она садилась рядом с Толиком и начинала подвывать. Скоро к ней присоединялась вторая, затем третья и четвертая. Когда подвывала одна, еще ничего. Даже весело. Но если целая стая — хоть беги из села.

Многие посмеивались над великовозрастным дурачком и даже советовали тетке Клавье сдать снова в психушку, но здесь случились события, которые заставили задуматься даже на-

шу маму. Жил в соседнем селе парень Сергей Гужва. Говорили, раньше был в банде, которая грабила поезда, даже сидел в тюрьме, потом присмирел, устроился скотником на ферму, и ничего такого за ним не замечали. Однажды сидит вместе со скотниками в молочке, где обычно хранились фляги с молоком, вдруг заходит Толик со своей гармошкой. Встал перед Гужвой, внимательно всмотрелся и говорит:

– Ты скоро умрешь. Очень кого-то обидел, и он уже поставил свечку за твой упокой.

И снова голос какой-то деревянный, словно считывал с классной доски или книжки. Вот так сказал и вышел.

Скотники – что? А ничего. Самим стало страшно. Только потом уже вспомнили, что обычно коровы при появлении чужого человека начинают волноваться, шлепать лепехами и даже тревожно мычать. А здесь лежат, жуют жвачку, а те, которые стоят рядом с проходом, даже тянутся лизнуть. Хотя на этой ферме он появился первый раз в жизни.

Гужва тоже без всякой паники. Мало ли что взбредет дураку в голову? Еще целую неделю проработал на ферме, потом возвратился домой, присел на завалинке передохнуть да так сидя и умер.

Сразу пошли всякие разговоры, мол, этот ведьмак накаркал Гужве погибель. Он и на станции тогда всем говорил: того убьют, того ранят. Откуда мог такое знать? Если бы все по-честному, давно бы сидел в Кремле у Сталина и предупреждал, куда наступать, а куда не стоит. А на плохое и дурак накаркать может. Тем более война!

Но буквально через неделю то ли само провидение, то ли ангел-хранитель пришли Толику на выручку. В паре километров от нашего села небольшой пруд, возле которого растут высокие груши, с веток которых мы любили прыгать в воду. За прудом – заросли терновника, в котором водились волки. После войны их расплодилось видимо-невидимо. Даже нападали на людей. Зимой, конечно. Летом им хватало мышей и сусликов, да еще дрофичей. Перья у этих крупных птиц не смазываются жиром, как у утки, вот после дождя летать не получается. Волки с лисицами на них и охотятся. Однажды нам с братом Эдиком повезло отобрать такого дрофича у лисицы.

Но сейчас разговор не об этом. Дядька Карпо, который охотился и на дрофичей, и на лисиц, и на волков, в шутку посоветовал Толику устроить концерт волкам. Эти звери любят петь хором куда больше собак. Сейчас у волков молодые щенки, если поймать за шкуру и сдать в колхозную контору, матери запишут десять трудодней. Будет премия и из района. Осталось подобрать волчью музыку, и дело в шляпе.

Толику идея понравилась. Правда, идти одному неинтересно. В то время у многих пацанов тоже завелись губные гармошки, у некоторых даже получалось подыгрывать собакам. Конечно, не так, как возле Толика, но поскуливали. Вот трех пацанят с собою и прихватил. С мешками, конечно. Пришли к терновникам. Играли, играли – ничего не получается. То ли не удавалось подобрать волчью мелодию, то ли звери вообще переселились за зеленую казарму, где глубокая балка, а этих терновников немерено.

Пацанята убежали купаться, а Толик все пиликает. Вдруг гроза. Не понять, откуда и взялась. Здесь еще солнце, а соседнее село уже спряталось за дождем и молниями. Толику это без внимания. Пиликает на все лады да высматривает волчат. А мальчишки накупались, развели под грушей костер и принялись печь выдранных из нор раков. А тот вдруг перестал играть, со всех ног бросился к пацанам и кричит, чтобы убежали из-под груши. Те ничего не поймут. Он же налетел, схватил двух под мышки, третьего подтолкнул коленями, и через какое-то время все были метрах в тридцати от груши. В следующее мгновение сверкнула молния, громыхнуло так, что заложило уши, и расколовшаяся надвое груша запольхала, словно свеча.

Вот и вся история с географией. Только не нужно думать, что Толик за спасение мальчиков получил награду. Как бы не так! За то, что втравил детей в охоту на волчат, мать одного из мальчишек расцарапала Толику лицо и выдрала волосы. Остальные требовали вернуть сгоревшие под грушей рубашки и штаны. Женщин можно понять. Недавно закончилась война, каждый лоскуток на вес золота, а этот оставил детей голешенькими. Но все равно многие сельчане Толика уважали. Хотя, может, и по другому поводу. Когда пришла похоронка на его отца, мать и старшие сестры ревели белугами, а

Толик ничего. Пиликает на гармошке да дразнит собак. Дурачок, что возьмешь? И вдруг, когда уже давно закончилась война, однажды утром Толик ни с того ни с сего заявляет матери, что нужно идти на станцию встречать отца. Сестры — в караул. И так из-за этого дурака жёнки обходят стороной, теперь новая болячка. Собрались и ушли вместе с матерью на ферму.

Как часто ошибаются наши родные, особенно мамы, в оценке поступков своих детей. То ли боятся вспугнуть удачу, то ли и на самом деле: лицом к лицу лица не увидать. Мать Толика пришла на ферму и, как о большой беде, рассказала давней подруге тетке Марфе о новом чудачестве сына. Мол, когда на отца пришла похоронка, даже не смахнул слезинки, а сейчас побежал встречать. Все, кто выжил и мог вернуться, давно дома. Даже из госпиталей приехали...

Тетка Марфа даже не дослушала:

— С ума сошла! Да ведь Толик у тебя ведун! И с Гужвой все предсказал заранее, да и с мальчишками. Кто мог знать, куда ударит молния? Никто! А он — без сомнения. Теперь такое же и с отцом. Кидай все и беги встречать!

И побежала, и встретила, а потом мы всем делом ходили слушать, как попал в окружение, затем в плен, был отправлен во Францию, работал на военном заводе. При первом же случае бежал и воевал вместе с «маки», так называли французских партизан. Они даже наградили его орденом, как у Суворова! Мы смотрели в книжке. Дядьке Сереге предлагали остаться во Франции. Говорили, что дома посадят в тюрьму. Все равно рвался к семье. Полгода продержали под следствием, но обошлось. Даже орден вернули.

К тому, что многие считают Толика дурачком, дядька Серега отнесся скептически:

— Какой же он дурак, если не бьется о стенку головой? Его женить нужно, сразу вся дурь вылетит.

И женил на тетке с двумя пацанами. Наша мама говорила, что перед этим Серега имел с нею секретный разговор. Он-то во Франции не монашествовал и кое-чему у тамошних мамзелей научился. Губную гармошку наказал подарить детям, а на то место купил сыну настоящей аккордеон, чтобы играть на свадьбах. Глядишь какую копейку заработает.

Осталось рассказать, что Толику быть женатым понравилось. Хотя глаза оставались по-прежнему

выпученными, но слюни пускал куда меньше. Да и так мужик мужиком. И корову держал, и огород, и на работе не хуже других. Он быстро освоил аккордеон, играл на свадьбах и ходил вместе с сыновьями к терновнику вызывать волчат. Одного выманили, но ловить не стали. Толик чувствовал, что где-то рядом таятся взрослые волки и просто так волчонка в обиду не дадут...

Когда-то я подарил Толику свою рукописную книжечку. Он хотя с трудом, но прочитал и говорит:

— Чего это родители на тебя нападают? Вот увидишь, они еще будут тобой гордиться...

Они и гордились, но признались в этом, лишь когда у меня вышла почти полумиллионным тиражом настоящая книга. Но сказать об этом Толику не могли. В то время папа и мама жили далеко от нашего села...

Вот и говорю: если бы тех мальчишек из электрички да в многодетную семью с хорошим папой, да еще в школу, где больше половины учителей мужики, никаких коррекционных интернатов для детей с нарушением психики и не потребовалось. В Японии и Швейцарии на десять педагогов приходится девять мужчин, в России немногим больше одного, а в интернате, где живут эти мальчишки, последнего дядьку выжили год тому назад. Теперь жалеют. Все равно как в сказке, в которой Змей Горыныч жалуется солдату на сиротскую долю:

— А где твои родители? — спрашивает солдат.

— Съел, погорячился, — признается Горыныч.

— Так ты сиротка?

— Круглая! — подтвердил змей и уронил слезу...

Не верьте этому гаду, не верьте и этим теткам. Я сам видел, с какой ненавистью зыркали они на сбежавших из коррекционного интерната мальчишек. Мол, бесятся с жиру, а ты гоняйся за ними по электричкам! А ведь это всего лишь очень несчастные дети, которым не хватает нашей любви.

ЯПОНА МАМА

Брехня! Тысячу раз брехня, что в минуту смертельной опасности перед человеком проносится вся его жизнь. За сорок лет охоты в колымской тайге было всего. И с медведями

встречался, и тонул, и попадал в лавину, однажды сорвался со скалы, но ничего такого не пронеслось. О том, что хочется жить, тоже не думалось. Думал о жене, детях и еще очень жалел, что даже не найдут труп, похоронить по-человечески. Помню, после медведей и скалы руки дрожали так, что полчаса не мог зажечь спичку. Вот, пожалуй, и все.

Неправ поэт Некрасов, описывая сладостное состояние замерзающей Дарьи. Помните: «А Дарья стояла и стыла. В своём заколдованном сне». Я тоже замерзал и знаю, что это очень мучительное состояние — холодно и неудобно, но, чтобы клонило в сон, не было и намека.

Правда, об этом никому не признавался. Мало ли чего почудится с большого перепугу? У одних — одно, у других — другое. Когда мы отыскивали попавшего в собственные капканы охотника из Магадана, тот в первую очередь попросил почесать спину, а вот замерзающий с поломанной ногой в охотничьей избушке Вася Селин, лишь его растормошили, поинтересовался, есть ли у нас водка?

Как же я был удивлен, когда японский самурай Кийоши, поскакивавший в тех же местах, где и я, слово в слово повторил мои мысли...

Нет, лучше сначала. До появления в Магадане плененных японцев — а привезли их к нам больше шести тысяч — этот город был почти сплошь деревянным. Архитектурой тоже не блистал. Наверное, не зря в переводе с эвенского «магадан» звучит примерно так: «куча дров». А если учесть, что наши портовики умудрились взорвать в местной бухте два огромных груженных взрывчаткой парохода и разнесли прибрежную часть города в пух и прах, дров там и на самом деле хватало.

Раздолбаев, приказавших в нарушение всех инструкций погрузить на пароходы вместе с тысячами тонн динамита и детонаторы, конечно же, судили как «врагов народа». Потом наши правозащитники объявили их «жертвами сталинских репрессий» и потребовали льгот.

Но разговор не об этом. Пленные самураи принялись перестраивать главную улицу Магадана в белокаменную, с башенками, барельефами и прочими наворотами.

Народ они исключительно дисциплинированный, к побегу не склонен, вот между делом

ими все дырки и затыкали. То нужно расчистить дорогу, то напилить гору дров, то засолить рыбу. Для «нормальных» зэков необходимы конвой, собаки. А это мороки! Здесь же дай команду — и можешь забыть. Расчистят, напилят, засолят и строим без всякого конвоя, да еще с песней «Катюша», вернутся в барак. Со временем их стали использовать даже в урановом руднике «Бутугычаг», который в двухстах километрах от Магадана. Работа, кажись, самая смертная, но, когда пленным объявили, что скоро отправят в Японию, рады были остаться в радиоактивных штольнях на всю жизнь. Слишком уж тяжелая участь ожидала их дома. Ведь, отправляясь на войну, клялись победить или погибнуть. Погибнуть не успели, победить тем более: император Хирохито, чтобы не повторить судьбу Гитлера, поторопился подписать акт о капитуляции.

Ему-то нормально. Расписался в акте о капитуляции, сдал саблю, и, как поют в Одессе, «бабушка здорова, кушает компот». Тем, кто воевал против американцев, тоже терпимо. Они в джунглях. Спрятался на пальме и «ешь кокосы, ешь бананы».

Но вот тем, кто против русских, — «на сопках Маньчжурии» да «по диким степям Забайкалья», — кроме сусличьих нор, никакой утайки. У кого не хватило силы зарезаться или хотя бы застрелиться, в плен и попали.

Я откуда все так хорошо знаю? Скоро по приезде на Колыму подружился с самым настоящим шпионом Лёвой-Мюллером. Лёва окончил две разведшколы — немецкую и японскую. Много на шпионить не успел, но, будучи пойманным, заложил кого только знал и сел в колымских лагерях на двадцать пять лет. Вел себя нормально, работал старательно, да еще и проявил смекалку. На спор с начальником лагеря отковал из автомобильной рессоры пилу и за одну смену напилит четыре нормы листовенных бревен. Ему присвоили звание стахановца, выпустили на свободу и дали комнату в нашем бараке.

Я работал в детском санатории, где поправляли здоровье дети аборигенов — чукчей, эвенов, коряков. От них и услышал о том, что в дальнем стойбище пасет оленей настоящий японец. Я не поверил. Коренные северяне и японцы на

одно лицо. Помню, в детстве мы узкоглазого пацана дразнили монголом, хотя тот был самый настоящий хохол. Но мои воспитанники настаивали и даже привели доказательство. Мол, в их оленеводческом совхозе у каждого пастуха до тридцати личных оленей, но все пасутся вместе с совхозными. И что удивительно: волки, медведи и россомахи, которые нападают на оленей, всегда режут только совхозных бычков и важенок. Пастушья же целые целехонькие, да еще и самые упитанные. Кто не дурак, сразу понимает, что к чему, но все нормально и все довольные. А этот японец своим оленям нацепил на уши маленькие сережки, и почти сразу волк зарезал у него молодую важенку. Теперь директор совхоза требует от пастухов, чтобы тоже наметили личных оленей, а они не желают. Говорят, так делать нельзя. Грех!

Еще мои воспитанники рассказывали, что этот японец ел мясо американского летчика. Американец бомбил японские села, его сбили, приготовили с особыми специями и съели. Я рассказал об этом Лёве Мюллеру, тот подтвердил. У японцев так принято — съесть побежденного врага. От этого у них прибавляется мужества. Я заинтересовался и при первой okazji отправился в гости к мужественному японцу. Прихватил и Лёву. Иначе как с этим людоедом разговаривать?

У моих воспитанников начались каникулы, вот мы и сопровождали их к родителям. Забрались в вертолет, летим. Дети прильнули к иллюминаторам, а Лёва учит меня разговаривать по-японски. Я-то, кроме «коси-ка, сука, сено!» и «коси-ка, сука, сам!», по-ихнему ни слова, а Лёва вколачивает:

— «Яххо!» — значит, «привет!», «до дес ка?» — «как твои дела?», «нан сай?» — «сколько тебе лет?»

Я расхохотался так, что заглушил вертолет.

— Тебя Лёва, наверное, для шпионской деятельности в детских садах готовили. У нас так только с двухлетними малышами разговаривают...

У аборигенов севера дети всегда на первом месте, поэтому, когда выбрались из вертолета, на нас с Лёвой почти никакого внимания. Те, значит, радуются своим отпрыскам, обнимаются, нюхаются (у аборигенов тереться носами заменяет поцелуй), а мы им без интереса. Но

нам тоже без разницы, мы высматриваем отважного японца. У вертолетной площадки полно мужиков, все в одеждах из оленьих шкур, низкорослые, узкоглазые, небритые. Да и зачем бриться, если вместо бороды только редкие волоски? Наконец Лёва, что ни говори, а разведчик, по каким-то признакам вычислил иностранца, подошел и заговорил по-японски.

Бог мой! Что с тем мужиком случилось! В мгновение ока посерел, скукожился, стал несчастным и жалким. Метаморфоза была настолько поразительной, что ее почувствовали даже дети. С большим трудом уже на русском и эвенском успокоили. Мол, никакие мы не милиционеры и прилетели совсем не затем, чтобы арестовать и отправить в Японию, а просто познакомиться.

До вечера угощались чаем, парной олениной и рыбьими головами. Здесь самый нерест, лососями буквально забит каждый ручеек. В это время аборигены употребляют в пищу одни рыбы головы, остальное вместе с отборной икрой идет на корм чайкам.

Вечером японец Кийоши, которого здесь зовут просто Кеша, приготовил нам с Лёвой настоящую сауну. Накалил камней, прикрыл лапами кедрового стланика, большой палаткой и парил нас до седьмого пота. Лёву он почему-то считал большим начальником, все время кланялся и говорил учтивые слова, мне только улыбался.

В оленеводах японец Кеша уже давно. До этого был в плену, строил дома жителям Магадана, потом добывал в Бутугычаге урановую руду. Когда услышал, что пленных решили возвращать в Японию, ушел в сопки и бродил там целый год, ночевал в охотничьих избушках или рыболовецких станах, случалось, строил шалаши. Кусок напильника с кремнем, чтобы добывать огонь, у него был с собой. Имелся и самодельный нож. Остальное подбирал на брошенных стоянках. Встретив геологов или охотников, кланялся и говорил: «Рис давай! Спичка давай!» После пел «Катюшу» и танцевал «Калинку». Мужики принимали Кешу за чудаковатого аборигена, удивлялись, до чего красиво поет, и делились. Однажды даже подарили ружье. Вокруг полно медведей, а он — с голыми руками.

Конечно же, случалось и голодать. Однажды зимой провалился в разведочный шурф и

спасся только тем, что целые сутки выковыривал ножом ступеньки. Время от времени, чтобы согреться, танцевал «Калинку». Выбравшись, побрел к заброшенному барaku, упал на полпути и почувствовал, что замерзает. Было холодно и больно, но спать не хотелось ни капельки. Пересилил себя, на четвереньках добрался до барака и растопил печку.

Там на него и наткнулись завернувшие на дымок оленеводы. Случалось, они принимали к себе беглых уголовников, а этого вообще признали своим. Работает старательно, в еде непривередлив, на водку не азартен. Когда пастухи перепьются, прячет карабины и следит за порядком. Самое для Лёвы любопытное, что уже на второй год женился на хохлушке Гале из фактории. В стойбище сколько угодно молодых эвенков, самая Кешина порода, а его потянуло к хохлушке.

А я не удивляюсь. Хохлы с японцами близкие народы. У нас самогон и сало, у них sake и сакура. Ведь похоже, да? И мы, и они воспеваем вишневые сады, карие очи и приятные разговоры. Красноречие хохлушек известно всему миру, а у них даже специальность такая есть «гейша» — девушка для приятной беседы.

У нас поем «стоит гора высокая», у них — священная гора Фудзияма. Даже раздолбайство одинаково — мы проморгали Чернобыль, они — Фукусиму.

Еще японцы славятся любовью к прекрасному. Собрать букет цветов у них икебана, выходные проводят не на шашлыках, а за любованием портретом начальника. Даже зарежутся красиво!

А Галя — настоящая красавица, и поет, и танцует. Раньше выступала в национальном ансамбле. Конечно, для этого ей пришлось заузить тушью глаза, а для стройности натянуть на голое тело расшитую бисером кукашку. Но порода взяла свое. Во время сольного пируэта кукашка лопнула, бисер брызнул по сторонам, и на свободу вырвалась Галя грудью. Публика неистовствовала до того восторженно, что пришлось объявить антракт...

Хотя Кеша облучен в рудниках до такой степени, что должен светиться, Галя одного за другим родила ему двух детей. Тарасика и Катю. Мальчика назвали по отцу Гали, девочку —

по любимой Кешей «Катюше». Тарасик учился в интернате, сейчас пасет оленей. Катя как аборигенское дитя поступила в институт Герцена. Красавица редкостная. Еще маленькой танцевала и пела лучше всех в районе...

Еще мне запомнилось, как в стойбище завернул вездеход с лейтенантом и пятью солдатами. Неподалеку сопка, на которой их параболическая антенна, вот в гости и прикатили. Угостились олениной, выпили по кружке чая, повалились на оленьих шкурах и распрощались.

— Хорошие у вас солдаты, только очень неважные, — вдруг сказал Кеша.

— Почему неважные? Одеты не по форме? — спросил я.

— Совсем строгости нет. Вместе с офицером едят, даже толкают его, а он только смеется. Так само и с пленными было. Если бы мы победили, всем врагам, которые в нас стреляли, отрубили бы головы. Их женам тоже отрубили. Даже детей убили. Врага жалеть не надо. От жалости сердце становится как тряпка.

— Ведь ты же тоже в наших стрелял. Значит, тебя тоже убить надо?

— Конечно, надо! Я хорошо стрелял, многих американцев убил, потом монголов, русских убил. Две медали за храбрость получил. Если бы к американцам в плен попал, они обязательно бы расстреляли, а вы даже кормили лучше, чем русских. Из-за этого мы американцев уважаем, а русских совсем не уважаем...

Года через три после встречи с японцем Кешей у меня случился конфуз: принял в почетные пионеры японскую шпионку.

Вся жизнь аборигенов севера проходит рядом с огнем. Проснувшись в яранге, прежде всего разводишь огонь и поддерживаешь до позднего вечера. С огнем разговариваешь, словно с живым существом, делишься едой и просишь защиты.

Понятно, всего этого в интернате нет, поэтому при первой возможности устраиваю своим воспитанникам пионерский костер. А какой он без гостей? Рядом — курорт, куда едут на лечение аборигены со всей тундры. Приглашаем их на пионерский костер, дарим нарисованные детьми картинки, поем песни, танцуем. И, конечно же, принимаем гостей в почетные пионеры. У меня для этого целая стоп-

ка пионерских галстуков. Потом в тундре об этом только и разговоров.

И вот однажды, перед тем как повязать галстук очередной гостье, спрашиваю, как зовут? Она:

— Акико. Спасибо!

И кланяется, как когда-то Лёве Мюллеру кланялся японец Кеша.

Я — без внимания. Акико так Акико. Здесь разных Нинбитов, Чумбок, Ктатов сколько угодно. Почему не быть и Акико?

Но что-то все же насторожило. Спрашиваю в учительской, не знают ли, кто такая Акико, которую я вчера принял в почетные пионеры? А учителя в хохот:

— Да это же наша бабушка Акико Мураками! Еще япона мама называется. Самая настоящая японская шпионка. В Хасыне живет. Попалась, отсидела срок в женском лагере, но в Японию возвращаться боится. Там провалов не прощают.

— Разве шпионов не расстреливали?

— А зачем? Если новый попадетсЯ, с кем делать очную ставку? Твоего Лёву два раза во Владивосток для этого возили. Японку маму, наверное, тоже. Говорят, у нее в одежде булавку с ядом нашли. А может, и брешут, сама-то не скажет...

Пожив на Колыме, я стал замечать одну особенность. Прилетев в Москву из Колымы, удивляешься настоящей зелени, яркой, сочной, бушующей. Да и чему удивляться: «Колыма-Колыма, дивная планета. Двенадцать месяцев — зима, остальное — лето». На вечной мерзлоте-то не разгуляешься.

Но еще больше удивляешься тому, что после возвращения в магаданский аэропорт видишь настоящих красавиц. Говорю об этом магаданским мужикам, те такого же мнения: «Наши женщины куда красивее!»

Когда-то меня поразили слова Блока: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы! С раскосыми и жадными очами!» Получается, как раз скифская кровь и сделала славянок самыми красивыми в мире. А на Колыме к ней добавилась японская, корейская, китайская. Да и аборигены не дремали. Молодые эвенки, гляди, какие куклы! А вы поете: «Всю-то я вселенную проехал, нигде милой не нашел».

На Колыму-то нужно было заглянуть! На Колыму!

САМОЕ СЧАСТЛИВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В конце декабря наступают такие морозы, что не выдерживают даже привычные ко всему звери. Белки собираются по восемь-десять в одно гнездо, сбиваются в клубок и засыпают на целую неделю. Соболы прячутся в дупла, лоси в снежные ямы, зайцы убегают на самые высокие горы, где воздух суше. Известно, сухой воздух теплее сырого. Заяц как будто и не шибко ученый, а разбирается!

Охотнику в такую погоду тоскливо. Зверь совсем не ходит, сидеть без дела в охотничьей избушке тоже не хочется, а дома скоро Новый год. Дети приготовят для меня костюм Деда Мороза, будут до полуночи выглядывать, а я здесь.

Целый день маялся в сомнениях, на второй собрался — и к трассе. Хоть до нее сто восемьдесят километров, два крутых перевала и такое ущелье — черт ногу сломит, но глаза бояться, а руки, вернее ноги, делают. Конечно, почти три дня без сна, приключения на каждом шагу, — то лавину стронул, то едва не сорвался со снежного козырька, то влетел в наледь. Последнее страшнее всего. Ручей в ущелье промерз до самого дна, но родники-то бьют в любую погоду. Вода вырвалась и течет прямо по льду. Поэтому и наледь. Плохо лишь, что не всегда заметно, где она гуляет.

Только что катил по снежным сугробам, вдруг очередной сугроб разъехался, словно кисель, и я по колени в воде. В пятидесятиградусный мороз! Тотчас на лыжах накопели глыбы льда, а каждый валенок уже не валенок, а испанский сапог, с помощью которого иезуиты устраивали пытки.

Хорошо, на берегу сухая лиственница. Быстро срубил, развел костер, разделся, сушусь, греюсь. Присмотрелся, а на бугорке десятка два молодых лиственничек обломано. Если бы это были осинки, подумал бы на лося, он осинковые ветки уважает больше всего. А так — работа медведя. Перед тем как лечь в берлогу, выстилает пол молодыми лиственничками. Говорят, их смолистый запах отгоняет мышей. Если медведь поленится и ляжет лишь бы как, весной вылезет совсем обстриженным. А этот

ничего. Старательный. Лежит где-то рядом, слушает, как колю дрова, гремлю котелком, звякаю кружкой. Мне, конечно, страшновато, но не очень. В такой мороз его из берлоги колом не выгонишь.

Обсушился, подремал у костра и снова в поход. На прощанье крикнул медведю: «Бывай, косолапый! Извини за беспокойство!» Вокруг тишина, только деревья потрескивают от мороза да где-то под снегом погулькивает вода...

К трассе вышел в полной темноте. Закопал лыжи в снег — и голосовать. На севере закон — как бы шофер ни торопился, а поднимешь руку — остановится сразу.

Часа два еду в теплой кабине, рассказываю шоферу о своих приключениях. Тот слушает, удивляется, затем принимается рассказывать, что в прошлую поездку заночевал на якутской трассе и колеса грузовика до того замерзли, что две шины рассыпались, словно стеклянные. В тех краях сейчас морозы сильнее наших.

Наконец поселок Поворотный. Здесь развилка. Одна дорога — в Якутию, другая — к моему поселку. Домой всего тридцать километров, но ни автобусов, ни попутных машин в это время не поймать. Хорошо, рядом шоферская гостиница. Придется ночевать. А домой хочется-а!

Во дворе гостиницы десятка два грузовиков. Эти на отдыхе. Если шофер больше шести часов за рулем, хочет не хочет — должен поспать. Поужинает, примет душ и до утра на боковую. Моторы грузовиков не выключаются, а дежурный следит за их работой. Вот выбрался из кабины, идет навстречу. Здравуемся, словно старые знакомые, разговариваем. Сообщаю, что охотился за Манычанскими перевалами и решил вырваться на новогодние праздники домой. Он разводит руками. В сторону моего поселка идут два груженых углем КамАЗа, но придется ждать утра. Нужно зайти в диспетчерскую и записаться пассажиром, потом уже в гостиницу.

В сопровождении дежурного захожу в диспетчерскую, там — свет! После полумрака в моей избушке да путешествия почти на ощупь аж глаза режет. За стеклянной перегородкой дежурная. Красивая, нарядная, прическа —

волной. На мне валенки, ватные штаны, прогоревшая у костра куртка. Главное, зарос, как дикобраз, и последний раз умывался три дня тому назад. Бомж — не иначе. Все равно подхожу к окошку и прошу записать пассажиром. Дежурная какое-то время с удивлением рассматривает меня, спрашивает фамилию, записывает и между делом предупреждает, что раньше восьми утра ничего в мою сторону не будет. Я согласно киваю, собираюсь уйти и вдруг замечаю телефон. В тайге-то почти четыре месяца, передал через оленеводов домой несколько писем, но получали ли их, не знаю. Говорю об этом дежурной, та с раздражением выслушивает, телефон-то служебный, но набирает номер, передает трубку.

Я еще не сказал и слова, а трубка уже взорвалась голосами детей. Кричат, визжат от восторга, перебивают друг дружку. Только и слышу: «Мама, папа звонит! Папа! Папа! Папочка едет!»

— Ваши? — спрашивает удивленная женщина. — Сколько их?

— Трое. Две дочери и сын. Соскучились. Я же говорю: почти четыре месяца в тайге.

Дежурная подняла голову, мне показалось, глаза у нее заблестели от слез, а в голосе появилась какая-то хрипотца.

— Гриша, бегом разбуди своих угольщиков, в поселке отоспятся. Пусть забирают этого охотника и едут. Там дети папы не дождутся.

Затем уже ко мне:

— Чаю хотите? Садитесь здесь, сейчас налью. Как-то хоть звать их? Ну и народ! Как же они узнали, что вы звоните? Еще рот не открыл, а уже: «Папа звонит!»...

Через полчаса сижу в кабине углевоза, смотрю на бегущую дорогу, перебираю в голове все случившиеся со мной приключения и решаю, что последнее самое счастливое.

ГАННА БОСА НА ЧУКОТКЕ

Моя мама, если выпьет самую капельку, принимается петь. Голос у нее сильный, красивый. Цыгане, которые стояли табором за балкой, с гордостью говорили: «Наша поет! Полтавчанка!»

Папа под хмельком любит поговорить, дед Губарь тоже. Гонят самогон, по чуть-чуть дегустируют, и разговоров — настоящая тебе Госдума! Петька Босый лишь опорожнит стакан — принимается искать любовь. Вот уж для кого не бывает некрасивых женщин, а бывает мало водки. Рассказывали, он даже за бабой Палажкой гонялся. А уж древнее ее только Тутанхамон. На этой почве Петькина супруга Ганна Боса впадает в ревность и, хоть трезвая, хоть пьяная, отправляется искать соперницу. Найдет и расцарапает морду. Какая только красавица, после того как улыбнулась Петьке, с испорченной физией по селу не ходила? Кино и немцы!

Аборигены севера в нетрезвом состоянии устраивают гонки на оленях. Оленей нет — можно просто бороться. Бороться не с кем — тогда сами с собой. Даже концертный номер такой есть. «Борьба нанайских мальчиков» называется. Пыхтит пара борцов на сцене, упирается. То один прижимает, то второй. Потом вдруг встали, а там всего один нанаяец!

Аборигенки, как и Петька, чуть захмелели, тоже ищут любви. Только не такой страстной, которую показали в кино «Кукушка». Страсть, которую по воле киношников продемонстрировала саамка Анни, может быть только у героев колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса. Северянки в этом деле тихие, словно мышки. Подойдет и виновато так: «У меня в душе пожар. Его ната тусить. Меня ната селовать».

Представляете, какое коварство? Они ведь тысячи лет об этом деле, в смысле «селовать», даже не мыслили. Нюхались, терлись носами — это было, но целоваться — ни в одном глазу! А хохлы понаехали и научили.

Почему именно хохлы, а не другие люди, подумайте сами. Ведь говорим же мы «в России», «в Белоруссии» или «в Америке», но «на Украине», «на Полтавщине», «на Кубани», а дальше уже как бы само собой: «на Дальнем Востоке», «на Камчатке», «на Колыме», «на Чукотке», «на Сахалине». Попробуйте сказать иначе — не вяжется! Значит, наша работа! Да и вообще, нашего брата на северах куда больше, чем самих аборигенов. Помню, съехались заслуженные оленеводы на конференцию. В прези-

диуме — Ильченко, Харченко, Спиненко, Дорошенко, Михальчук, Дуднык. Общую картину портит только поляк Мачульский. Так они же всегда к нам клеились.

Интеграция продолжается. В одном из моментов этого процесса виноват я. Чтобы не быть голословным, расскажу подробнее. Событие малоаппетитное, но вы уж меня простите. Из песни слов не выбрасывают.

Как и подобает праправнуку гетмана Украины Олефира Голуба, погибшего в восьмидесятилетнем возрасте в походе на турок, я тоже, едва поднявшись на ноги, отправился в поход. Шел-шел да и поставил свой курень среди яранг колымских и чукотских аборигенов. Рыбачил, охотился, пас оленей. И еще учительствовал.

Кочевал от стойбища к стойбищу и учил уму-разуму тамошних детишек. Через три года вернулся на Украину, по колхозным меркам, настоящий мэн. При костюме, при часах, при кудрявых волосах! Фотографии тоже привез. То восседаю на оленьей упряжке, то с ружьем на медведе, одна — даже на ките. Чукчи убили, вытащили трактором на берег — я и запечатлелся.

Петька тетки Ганны лишь увидел — сразу: «Тоже хочу на ките с медведем! Еду!» Нашего соседа как раз за пьянку поперли из скотников, да еще тетка Ганна накрыла с очередной пассией. Самый момент обрывать концы. Подрядился сопровождать выращенных для пограничников коней и добрался до самой Находки. Оттуда уже палубным матросом в столицу колымского края Магадан. Прибился к бичам, перезимовал на автовокзале, по весне приняли разнорабочим в геологическую экспедицию.

У геологов сухой закон, работа до седьмого пота и никаких женщин. Вернее, женщины встречались, но лучше бы их при сухом законе не встречать. Из-за наколок. Мужики, особенно из преступного мира, любят расписывать свою биографию на груди, спине и даже срамных местах. Еще издали видно, где и за что сидел, сколько дали, собирается ли забыть родную маму. А вот чукчи выкалывают необходимую информацию на щеках невест. Если кто разбирается, сразу скажет, что ее дедушка —

настоящий чукотский князец, а папа — совхозный бригадир, народный депутат и даже где его найти, если приспичит жениться. Получается, не невеста, а бандероль с объявленной ценностью.

Однажды по пути к золотоносному полигону Петька заглянул в чукотское стойбище и встретил такую Чейвынэ. Не очень молодая, вся в наколках и кокетничает. Тамошние девушки для удобства жизни сбрасывают одежду-керкер с левого плеча, и грудь получает полную свободу. Как говорят у нас в Гуляй Поле: «Целуй меня! Я с поезда!» Но ничего хорошего не вышло. Петька лишь перевел взгляд на синюю от наколок физиономию искусительницы, сразу вспомнил вождя краснокожих Чингачгука и понял, что так много водки ему не выпить.

Сначала думал об этом случае с улыбкой, но потом и с сожалением. Мол, что ему мешало попробовать эту грудь на упругость? В яранге не так и светло, да и глаза можно бы прикрыть. Не удивительно, что под конец сезона думал о Чейвынэ почти с любовью и даже тревожился, не откочует ли она к Ледовитому океану следом за оленями своего папы?

Не откочевала. Хотя писем не писал и даже не обещал проведать, но она каким-то образом знала о его желаниях и сниматься с места даже не помыслила. Достаточно было Петьке подойти к яранге и сказать: «Етты! Я пришел!», как полог распахнулся и Чейвынэ оказалась в объятиях!

Ночью все кошки серы, а если ночь еще и полярная, никаких наколок не разглядеть. Светились только счастливые глаза Чейвынэ да выглядывающая из-под керкера грудь...

Истосковавшийся по женскому теплу и водке, которых у Чейвынэ было в избытке, Петька попал в настоящий рай. Целый месяц был счастлив, не просыхал, не вылезал из-под полога и называл свою пассию Чаечкой. К сожалению, полярная ночь, как и водка, когда-то кончаются, с первыми лучами солнца протрезвевший Петька разглядел наколки, обозвал Чаечку Чингачгуком и сбежал на геологическую базу.

Там присоединился к трем ремонтникам, которых оставили в мастерской на всю зиму. О

том, где пропадал целый месяц, старался не вспоминать.

Совместными усилиями привели в порядок вездеход, решили испытать и попутно поохотиться. Запаслись водкой, закуской, прогрели двигатель и вперед с песнями. По пути прихватили двух поселенцев с собакой. Мужики недавно освободились из лагеря, несколько раз помогали в ремонте, собака охотничья, почему не прихватить? Тем более у вездехода две кабины. Та, что для пассажиров, даже со специальным люком, чтобы высматривать добычу. Сидеть сверху холодновато — небольшая метель, мороз за тридцать, но, если с ружьем и водкой, даже получилась очередь.

И все бы ничего, и поохотились бы мужики на славу, но имеется у северных озер одна заковыка. Не у всех, конечно, но лично мне пара встречалась. Летом там плавают утки, плещется рыба, к зиме, как и положено, покрываются льдом, но с настоящими морозами вся вода из них уходит. До капельки. Представляете, лед почти метровой толщины, а под ним пустыня. Камни, смерзшиеся водоросли, мелкие рыбки, разные жучки.

По неизвестной мне причине в ледовом панцире образуются проломы. В те, которые возле берега, забираются соболи и собирают поживу. Однажды забрался и я. Сначала ледовая крыша не так и высока, но у скалы метров пять, не ниже. Светло, просторно, даже теплее, чем на улице, только очень страшно. Все время кажется, что сейчас лед обрушится и раздавит тебя насмерть.

На одно из таких озер наши мужики при полной скорости вкатили, попали в пролом и загремели вниз. Вездеход лег набок, несколько раз скребнул гусеницами и заглох. Того, что выглядывал из люка, перерезало пополам, у сидящего за рычагами Петьки оказались сломанными ноги. Не помиловало и остальных слесарей, а вот поселенцы отделались синяками. В переднюю кабину их вместе с собакой не пустили, очередь выглядывать из люка не дошла. Как говорится, не было бы счастья...

Их искали две недели. Случилось так, что отъезда никто не заметил, а потом метель замела все следы. Сначала поиски вели на «Буранах» и вездеходах, потом подрядили авиа-

цию. Облетели все охотничьи избушки, проверили ущелья и распадки — пусто. Наконец нашли. Вернее, нашел знакомый мне летчик Валера. Увидел восседающего на олене пастуха, сел у него на пути и спрашивает: не подсажет ли, куда мог запропасться вездеход с шестью пассажирами? Мол, ищем вторую неделю, а они как в воду канули. К счастью, пастух пожилой, знает вокруг каждую кочку, вот советует поискать в пустых озерах. Туда километров пятьдесят. Ходить очень рискованно. Он сам вместе с оленьей упряжкой едва не загремел. Хорошо, олени почувствовали опасность и шархнулись в сторону.

Валера достал карту, просит показать, где эти озера, а тот ничего не понимает. Мол, так могу найти даже с завязанными глазами, а на карте не получается. Тогда летчик и просит:

— Сейчас я взлечу, а ты стой и показывай рукой в сторону этих озер. Только очень прошу: не торопись опускать руку.

Взлетел, определил курс и подался в сторону пустых озер. И точно. Километров через пятьдесят заметил протоптанный в снегу знак «Т», скоро рядом появились два человека.

Оказывается, поселенцы нашли у самого берега еще один пролом, выбрались наружу, но отправляться за спасателями не осмелились. Конечно же, слышали самолет и даже вытоптали для него сигнал, но тот прилетел только сейчас. У них беда, солярка закончилась, покалеченные люди совсем замерзают. У Петьки ноги побелели до самых колен. Вчера пытались отогреть и отломали два пальца. Давно сожгли лыжи, деревянные настилы и вообще все, что может гореть. Еды тоже никакой. Хотели убить и съесть собаку, но она каким-то образом проведала об этом и сбежала. Наверное, где-то сдохла, иначе бы давно показалась. Теперь едят погибшего слесаря. У эков это не «запахло». Сколько раз, готовясь в побег, брали в попутчики молодого эка на пропитание. Его так и называли «кабанчик» или «живые консервы»...

В самолете носилки, целая гора спальных мешков-кукулей. Вытащили из-под ледовой крыши почти не подающих никаких признаков жизни мужиков, упаковали в кукули, перенесли в самолет. Погибшего слесаря реши-

ли не трогать. Ему уже все равно. Пусть ждет прокурора.

Валера отдал поселенцам всю еду, уже хотел взлетать, как вдруг явилась собака. Запрыгнула в самолет, виляет хвостом, родная дальше некуда.

Пастух с оленем тоже на месте. Стоит с вытянутой в сторону озер рукой. Менял ли за это время позу — не понять. Хорошо, «кукурузнику» для взлета и посадки места нужно едва больше, чем стрекозе.

Валера в двух словах сообщил пастуху обстановку, а тому большего и не надо. Достал из котомки кружку, сделал на шее оленя надрез, нацедил крови и приказал поить замороженных пассажиров. Их и поят, а олень стоит у самолета и благодушно смотрит. Мол, угощайтесь, мне не жалко. Пастух нацедил еще одну кружку, выстрогал из палки пробку и, словно бутылку, заткнул рану.

Вдруг откуда ни возьмись пылит оленья упряжка. Чейвынэ! Подъехала, забралась в самолет, каким-то чудом угадала кукуль с Петькой, попросила переложить на свои нарты, остальных подсказала везти в Галушку. Так здесь называют старое казачье поселение, в котором живут пожилые аборигены. Что-то вроде дома престарелых для вышедших на пенсию оленеводов. Если отвезти в больницу, врачи обрежут этих охотников так, что даже не смогут ползать, а в Галушке все старые люди немного шаманы. Постараются вылечить.

Галушка обозначена у Валеры на карте. Отсюда не так и далеко, но пастух снова настаивал лететь не по карте, а куда будет показывать рукой.

Распрощались. Чейвынэ погнала упряжку к своей яранге, пастух опять застыл с поднятой рукой и, пока самолет не скрылся за горизонтом, держал ее точно по курсу. Валерий же, сколько летел до Галушки, столько переживал, удастся ли найти хорошего шамана. За Петьку душа не болела. По всему видно, он попал в любящие руки, а как будет с остальными?

Но переживал напрасно. Есть у аборигенов севера один не изученный наукой дар — знать загодя, кто и с чем жалуется в гости. Если с любовью, за два-три дня до появления ставят гостевую ярангу и забивают самого упитанного оленя.

Несущего же дурной замысел могут просто застрелить, как отправили на тот свет немало беглых эзков. Конечно же, за это им была положена денежная премия. Как признавались некоторые, что зарабатывали больше, чем старатели на добыче золота. Но стреляли-то не во всякого. Некоторых, как моих любимых писателей Короленко и Тан Богораза, просто вытолкали взащей. Были и такие, которых принимали в свои яранги и прятали от постороннего глаза.

С готовностью встречают и того, кто нуждается в помощи. Вот и сейчас. Лишь самолет коснулся снега, к нему устремились с нартами и увезли замороженных охотников. Никто ни о чем не спросил, просто забрали и увезли. Валере с поселенцами осталось облегченно вздохнуть и возвращаться в райцентр, чтобы сообщить милиции об оставленном во льдах полусъеденном охотнике да и об остальных тоже.

Как лечили Петькиных товарищей, я не имею представления, а вот что было с ним — до мельчайших подробностей. Прежде всего доставили из прибрежного стойбища очень старого шамана. Тот с утра до ночи стучал в бубен и пел песни. В перерывах поил Петьку настойкой мухомора и кровью чемеричного оленя. В тундре растет очень ядовитая трава чемерица. Из десяти отведавших ее оленей девять сдыхает, а вот один, повалявшись день-другой, оживает. Этого оленя запоминают и в подобных Петькиному случаях кормят чемерицей и мухоморами, потом его урину и кровь используют, «чтобы разогреть тело не сверху, а от костей». Вот моего земляка отогрели так, что даже шкура не слезла. Правда, четырех пальцев на правой ноге как не бывало. Оказывается, в тот раз отломали не два, а целых четыре, и пару просто приморозили на прежнее место. Но не прижились. Как шутил сам Петька, концы зачистили неважно, они и не законтачили.

Так до самой весны в яранге своей спасительницы и жил. Больше Чингачгуком не обзывал, пил крепкий чай, заедал олениной и очень хотел домой.

Как часто мы удивляемся сами себе: лишь собрался позвонить другу или какому-нибудь

родственнику, как тот уже звонит сам. Телепатия, что ли? В одну из ночей Петьке так захотелось к Ганне, что его тоска долетела до Украины и коснулась ее сердца. А Ганна не из тех, которые запрягают до морковкиных загонков, — сразу в самолет и на Чукотку. Адрес записан на конверте, о происшествии с Петей-Петушком известно всему побережью Северного Ледовитого океана. Скоро экспедиционный вездеход остановился у заветной яранги. Было все: объятия, целование, слезы. Потом, конечно, застолье, небольшой скандал, закончившийся тем, что заременовавшая хохлушка расцарапала чукотской княгине всю физиономию. Так что прочитать, какого звания эта олениводка, да и все остальное, можно будет не скоро. Но, к удивлению, та совсем не обиделась. Она знала, что Ганна у ее любимого старшая жена и по северным законам могла младшую даже убить. Вот и подарила Ганне искусно сшитые торбаса, усыпанную бисером шапку и набранный из лоскутков нерпичьей шкуры керкер. Ганна сразу примерила, выставила левую грудь напоказ и села в таком виде за праздничный стол. Так две жены и сидели друг напротив дружки, Петька смотрел на обеих и с гордостью думал, что хоть у Ганны эта половина бюста и не такая упругая, все равно красивее, о прочих достоинствах не стоило и говорить...

АМАГАЧАН И ЛЮБОВЬ

Что в поселке или городе, если ты начальник, можешь валять дурака за спинами подчиненных. Получать большую зарплату, пить-есть в свое удовольствие да еще и орать на подчиненных. Не зря же все так любят быть начальниками.

В стойбище олениводов совсем другая картина. У нас начальником тот, кто пашет больше всех, а если при этом заработает что-то лишнее, без всякого разговора пускает в общий стол.

Лето. Теплынь. Тундра млеет под солнцем и трелями жаворонков. Сидим у костра, режемся в карты. Больше четырех тысяч оленей, которых мы пасем, разбрелось по тундре, неко-

торые ушли за речку, и что творится за тальниками, отсюда не видно. Давно пришло время подняться и собрать стадо, но счет не в нашу пользу, и пока не сравняем, никто не двинет ногой.

Против нас с Нифантей играет старик Элит. Он не отличает дамы от короля, к тому же пугается в мастях, поэтому вся надежда на костер. Элит сам развел его, угостил кусочком юколы, папирасой «Беломорканал», теперь заставляет обрабатывать. Возьмется за краешек карты, сидит и слушает. Если ветка в костре шелкнет протестующе, выбирает другую карту, если одобрительно — ходит этой. Вроде чепуха, но выиграть у него почти невозможно.

Раздающий в очередной раз карты Нифантя кинул взгляд в тундру и сообщил:

— Амагачан идет.

Амагачан — наш старший оленевод, согласно субординации все должны подхватиться и изобразить кипучую деятельность, а мы — ничего. Сидим, думаем над картами, шлепаем ими по разостланной на ягеле куртке.

Не доходя полсотни шагов до нашей компании, Амагачан положил на кочку украшенную бисером шапку, свитой в кольца ремень-маут, сшитую из шкуры августовского оленя кухлянку и отправился собирать стадо. Пастухи, значит, режутся в «дурачка», а начальник носится за оленями. Свистит, кричит, машет палкой. То появится на глаза, то скроется за тальниками. Кино и немцы.

Наконец согнал всех в кучу, оделся, подошел к нам и восторженно заявил:

— А пестрая важенка уже совсем не хромает! Еле догнал.

Сел рядом со мною, тоже настроился принять участие в игре, а мы ему даже карты не раздали.

Нет, у нас все любят Амагачана, даже немножко гордятся им, но такая уж в стойбище конституция — каждый живет так, как считает нужным. Скажем, чумработница Нючи, которая получает у нас зарплату за то, что обслуживает двух оленеводов, закрутила любовь с начальником почты и уже полгода сидит в поселке, но в стойбище о ней ни худого слова. Бригадир ставит в графике выход на

работу, бухгалтерия исправно выдает зарплату. Начальник почты пропивает эту зарплату в одну неделю, и Нючи приходится брать аванс. Любовь!

С Амагачаном тоже хватило веселого. Нифантя рассказывал, когда первый раз приехал в стойбище, все ходили в расстройстве. Впереди ночь, да с таким туманом, что собственного носа не увидишь, а из восьми пастухов пятеро ушли на рыбалку и не возвратились. Зато явились медведи и кружат возле стада. Вчера днем задрали двух оленей, и что будет этой ночью — сказать трудно.

Нифантя, хотя сам не спал больше суток, говорит:

— Давайте торбаса, кухлянку, карабин — пойду в смену с вами.

Что это было за дежурство, муторно вспоминать. Но выдержали. Утром, когда отбились от медведей и собрали оленей, присели у костра попить чая, Нифантя вдруг вспомнил пастуха Амагачана, который вчера вечером лежал на шкурах и никакого беспокойства по поводу туманной ночи и медведей не проявлял.

— А что это у вас Амагачан сачкует? Заболел, что ли?

— Ничего не сачкует, — заступились за него пастухи. — Просто он не любит ночью оленей пасти. Может, он любит слушать, как птички поют, а ночью птички спят. Одни гагары кричат. Так разве они птички?

— Получается, он птичек любит слушать, а меня чуть медведь не порвал! — возмутился Нифантя. — Придем в стойбище, я этому любителю птичек разнесу весь птичник!

— Не надо разносить! — испугались пастухи. — А то он совсем убежит в поселок и будет там шараться до самой осени...

Так и случилось. Хотя никто не тронул Амагачана пальцем, все равно первым же вездеходом он слинял в поселок. Там заглянул в контору за деньгами и наткнулся на директора совхоза. У того проблема — вчера в контору пришло распоряжение отправить лучшего оленевода в Магадан. Но все пастухи далеко в тундре, вот оказавшегося под рукой Амагачана и отправили. Перед отправкой, понятно, искупали в бане и придели как лондонского денди. Даже галстук повязали.

В Магадане у Амагачана была встреча с венгерской и финской делегациями. Их ученые решили, что наши аборигены одного с ними происхождения, вот на родственников посмотреть и захотели.

Неизвестно, к какому выводу пришли они после встречи с Амагачаном, но его жизнь перевернули начисто. После того как Амагачана сфотографировали и сняли на кинокамеру, очень симпатичная женщина подарила нашему оленеводу букет цветов и поцеловала в щеку.

Все бы ничего, но это был первый поцелуй в жизни тридцатилетнего Амагачана. Губы женщины были такими мягкими и горячими, что Амагачан чуть не потерял сознание.

Влюбленный и, как сказал Нифантя, «охреневший от желаний» Амагачан до утра шаркался вокруг магаданской гостиницы. Конечно же, был немного выпивши. Его забрали в милицию, отвезли в аэропорт и отправили в Эвенск. В стойбище возвратился только через неделю. Его встретили, как Чкалова после полета в Америку, вывели о обуявшей Амагачана любви, и Нифантя взялся помочь.

Часть наших пастухов — эвены, часть — коряки, а вот Нифантя — камчадал. В отличие от остальных, он пожил в большом городе, был два раза женат и даже сидел в тюрьме. Само собой, супротив наших мужиков — академик! В тот же день Нифантя связался по рации с конторой, те вышли на Магадан, и скоро все наше стойбище знало, что женщину, которая поцеловала Амагачана, зовут Галя, живет в Магадане, не замужем и имеет двоих детей.

После этого у Нифанти с Амагачаном произошел очень серьезный разговор:

— Ты, керя, закатай губы, — посоветовал влюбленному оленеводу опытный Нифантя. — Какая бикса согласится жить с тобой в яранге? Твоей Гале куда лучше по городу балду пинать. Потом придет на хату, мурцаловку натрамбует, завалится на шконку и смотрит этот кипишной ящик. Так что забудь. Правда, передачку от тебя примет и в благодарность даже расслабится. Только до Магадана с этой передачкой еще добраться нужно. Туда от нас автобусы не ходят, а начальники да депутаты летают на самолетах. Так что сначала стань начальником или хотя бы депутатом, а потом уже влюбляйся.

Если кто думает, что этот разговор как-то охладил Амагачана, то очень заблуждается. В давние времена молодой эвен, прежде чем жениться на девушке, несколько лет пас оленей ее отца. Да не просто пас, а жил в оленьем стаде. Питался чем попало, спал в снежных сугробах, выходил с почти голыми руками на медведей и волков. И это на Колыме, где мороз пятьдесят, а то и шестьдесят градусов, а метели дуют несколько дней кряду! Так что выносливость у Амагачана в крови.

Уже на следующий год он стал старшим оленеводом, вступил в партию, а через два ему вручили медаль и избрали депутатом. Само собой, Галя не осталась без внимания. Несколько раз Амагачан сам отвозил ей «передачки» с собольими и рысьими шкурами, красной икрой и олениной. Галя принимала подарки, в благодарность целовала ухажера и обещала приехать в стойбище погостить. Но дальше обещаний дело не шло.

Нифантя как мог успокаивал Амагачана. Мол, тебя хоть целует, а мне одна на зону письма писала — вся камера завидовала. Когда откинулся, бегом к ней в объятья, а она меня таким гусарским насморком наградила, целый месяц на уколы бегал!

Но главное событие с Амагачаном произошло уже после моего появления в эвенском стойбище. Когда отмечали День оленевода, Амагачан напился и потерял кухлянку. Где и когда, совершенно не помнит. А в карманах депутатское удостоверение, партбилет и медаль. Начальство предупредило носить все с собой, вот и носил.

О происшествии сообщили в райком партии, оттуда явилась комиссия и такое выдала нашему бригадиру, что лучше бы и не жить. Да он и не собирался. Залез под полог и, как определил Нифантя, «впал в ступор».

У обитающих на Амазонке аборигенов есть такой способ казни. Наводят на стоящего в двадцати метрах преступника обыкновенную палочку и сообщают, что по истечении нескольких дней он умрет. И что же? Ложится и потихоньку умирает! Однажды «казненных» таким способом девятерых аборигенов выкупили ученые и развезли по лучшим клиникам мира. Ну и что? А ничего! Как ни лечили, а че-

рез четыре месяца похоронили последнего.

Наверно, подобная палочка была и в райкоме партии. Лежит наш Амагачан — бревно бревном. Сердце почти не бьется, пульс не прощупывается, зрачки не реагируют. Обстановка в стойбище хуже не придумать. Собаки воют, как по покойнику, женщины шьют похоронную одежду, пастухи спорят, нужно ли копать яму или достаточно обложить труп кусками свежей оленины, чтобы съели медведи. Даже жертвенных оленей приготовили.

Мы с Нифантей между делом попытались вызвать санитарную авиацию. Мол, человек умирает. Вылетайте!

Те интересуются:

— А что болит?

— Ничего не болит, — отвечаем. — Пьяный кухлянку потерял, а там медаль, партбилет, удостоверение депутата.

— Вы ему похмелиться налейте и больше нас не дергайте, — отвечают врачи. — Неделию тому назад одного такого в больницу доставляли, так он с носилок спрыгнул и побежал в гастронном за бутылкой. Теперь с нас за вертолет деньги требуют...

Деда Элит в наших попытках отправить Амагачана на излечение не участвовал. Развел костерок, плеснул в огонь водки, добавил кусочек оленины, послушал, как тот трещит, и заявляет:

— Лучше всего из стойбища, которое на Омолоне кочует, бабушку Кэтчэ приглашать. Она хорошая шаманка, все правильно сделает.

Запрягли оленей, привезли такую дряхлую бабку, что казалось, вот-вот рассыплется. А она даже не заглянула к Амагачану в ярангу. Развела среди стойбища свой костерок, угостила огонь мозгом жертвенного оленя, чуть подремала и зовет деда Элита с Нифантей:

— Вам нужно к дровозаготовителям на Тенкели ехать, предупредить, что скоро к наледи Амагачана в похоронных одеждах привезем. Элит хорошо знает, что нужно делать, а ты, Нифантя, старательно помогай. Иначе Амагачан совсем умрет.

Тенкели — это не близко. Два перевала и такая наледь, что можно утонуть вместе с нартами. Так что к поездке готовились основательно. Взяли продукты, палатку, запасные упряжки, рацию.

Выехали на рассвете. Нифантя легче меня, поэтому едет на передней упряжке. Из-за этого я ничего, кроме оленьих хвостов да летящего из-под копыт мха, не вижу. К обеду взяли первый перевал, отдохнули и принялись за второй. Наледь объезжали уже в темноте и к охотничьей избушке подкатили за полночь. Отпустили пастись оленей, разбудили хозяев и сразу за стол. У нас с собой две бутылки водки, низка вяленых хариусов и сумка самых вкусных в мире оленьих языков.

Живущие в избушке лесорубы нам и нашим подаркам рады, даже не скрывают этого. Познакомились. Довольно пожилого дядьку зовут Иван, помоложе — Сашко. Выпили, закусили и легли спать. О том, зачем приехали, даже не заикнулись. Бабушка Мамми предупредила, что разговор нужно вести только на свежую голову.

Я спал от стенки и, когда поднялся Нифантя, не имею представления. К моему пробуждению он сидел вместе с хозяевами за столом. Сашко писал в тетрадке инструкцию по спасению Амагачана, а Иван пытался выяснить, что они будут за это иметь.

— Самого упитанного оленя получите, — радушно пообещал Нифантя.

— Двух! — насел Иван.

— Согласен. Пусть два.

— Каждому! Иначе пусть ваш бригадир останется на небе.

— Хорошо. Будет по два, — несколько потухшим голосом согласился Нифантя. Затем повернулся к Сашку. — Запиши, Галя живет в Магадане, а партийная комиссия — в Эвенске. Там инструктором Дина Прохоровна, Амагачан ее больше всего боится...

Допили водку, закусили вареными языками, запрягли оленей и поехали к наледи. Наши уже ждут. Горит костер, бродят олени, бегают собаки. Но все молчат. Даже олени не хоркают.

Встретила бабушка Кэтчэ. Угостила всех из ложки какой-то кашицей, подержала за руки и направила к костру. Только сейчас мы заметили, что рядом с костром на нартах лежит с головы до ног упакованный в белые олени мех Амагачан. Я задержался, Сашко с Иваном подошли совсем близко. Услышав скрип снега

под их ногами, Амагачан приподнял голову. Его лицо скрыто пыжиковой маской, из-под которой выглядывают только краешек носа и губы. Лишь лесорубы остановились, он понюхал идущий от них запах, протянул руки, ощупал одежду и лицо Ивана, после таким же образом исследовал Сашку.

— Ну, с прибытием на небо тебя, Амагачан! — обратился к нему Иван. — Рассказывай, что там с тобой приключилось?

— Да вот немножко умер, — несколько виновато произнес Амагачан.

— Ну ты даешь! — восторженно провозгласил Иван. — Такой молодой и загнулся! Болел, что ли?

— Зачем болел? Совсем не болел. Кухлянку потерял, а в карманах документы и партбилет. Партийная комиссия сказала, что выгонят из старшего оленевода, из депутатов тоже выгонят.

— Это они уже слишком. Совсем законов не знают, — включился в разговор Сашко. — У тебя же депутатский иммунитет. Хоть десять человек зарежь, а пока иммунитета не лишат, даже пальцем погрозить не имеют права. Сейчас ты, дорогой, как жена Цезаря, — вне подозрений. У депутатов это самый уважаемый закон. Но вот с партбилетом у тебя прокол. Давай, брат, возвращайся на землю и ищи документы. Иначе получится, что ты от Дины Прохоровны на небе залег, а мы тебя крышуем. Нам такая дискредитация не нужна.

— Не хочу на землю, — запротестовал Амагачан. — Здесь жить буду.

— А как же Галя? — глядя в записную книжку, спросил Сашко. — Вдруг у нее от тебя будет ребенок? Это знаешь какой грех! Будешь за него сто лет в смоле кипеть.

— Она только меня целовала, — начал оправдываться Амагачан.

— Так ты все и помнишь! — возмутился Иван. — Место, где оставил кухлянку, не помнишь, а насчет Гали — без сомнения. Может, у нее от тебя уже трое или четверо детей. Алименты платить, брат, нужно!

— Вспомнил! — вдруг обрадовался Амагачан. — Кухлянка в стланиках лежит. Я за упряжными оленями гонялся, жарко стало, в стланиках и оставил. На земле не мог вспомнить, а здесь, на небе, все вспомнил!

— Вот и ладненько! — весело заключил Иван. — Как алиментами шуганули, сразу мозги заработали. Ты эту Галю хоть любишь?

Амагачан стеснительно признался:

— Люблю. Нормально люблю.

Иван обернулся к Сашку:

— А ну-ка посмотри, товарищ, в свои записи. Любит ли Галя Амагачана?

Сашко пошелестел своей тетрадкой и радостно провозгласил:

— Любит. Больше жизни любит. Здесь так и записано: ни спать, ни есть без него не может, а признаться стесняется.

Иван обрадованно хлопнул в ладоши:

— Вот видишь, какие чувства, а ты сомневался. — Затем обернулся в нашу сторону. — Эй вы, люди! Забирайте вашего Ромео на землю и дуйте в стланики за кухлянкой. А ты, друг, живи и никого не бойся. У нас про твою Дину Прохоровну столько грехов записано, не то что на небо, в тюрьму не возьмут. Так ей при встрече и передай...

Дальше все просто. Отвезли Амагачана в стойбище, переодели в пастушью одежду и отправили искать кухлянку. Нашел. Правда, депутатское удостоверение мыши погрызли, но партбилет не тронули. Маленькие, а разбираются...

А через неделю в наше стойбище прилетела Галя. Улыбчивая и довольно симпатичная женщина. Во всяком случае нам с Нифантей понравилась. Спрыгнула на снег, улыбнулась, подошла к растерявшемуся Амагачану и поцеловала. Сначала в щеку, затем по-настоящему — в губы. Мы с Нифантей восторженно завывали и захлопали. А Галя внимательно всмотрелась в собравшихся у вертолетной площадки людей, снова улыбнулась и принялась целовать бабушку Кэтчэ.

Откуда она узнала, что ее Амагачан «вернулся на землю» только благодаря старой шаманке, мы с Нифантей не имели представления. Тем не менее пообещали вертолетчикам за двухчасовую задержку медвежьей шкуру, после накрыли в гостевой яранге роскошный обед. Чуть посидели и слиняли вместе с летчиками и шаманкой Кэтчэ в ярангу деда Элита. Нужно же влюбленным побыть наедине.

Дня через три после этого события, когда мы

вместе с Нифантей и дедом Элитом пасли оленей, я спросил:

— Никак не пойму, что это вы, лишь прижмет, впадаете в ступор. Сначала эта женщина, у которой на постели мышь мышат родила, теперь Амагачана с испуга перед Диной Прохоровной заклинило. Словно лисицы или скунсы. Говорят, у них во время ступора даже глаза стекленеют. Интересно, у Амагачана тоже стекленели?

— Вот только не надо! — запротестовал Нифантя. — Бабушка Нючи, которую возили на Нислэдю, ни в какой ступор не впадала. Ей просто глаза завязали, чтобы не видела, куда везут. А вот у Амагачана — уже серьезно. Мог через пару дней и кони кинуть. Здесь был случай покруче. Уже на моей памяти вдруг обнаружили бесхозное стадо тысяч на пять. С людьми, конечно, не колхоз, не совхоз, а так пасут оленей, и все. То на Колыме, то в Якутии, то на Чукотке. Мясо продают приискам и геологам, отовариваются в магазинах. Как говорится, сами себе хозяева. Нормалек!

Не знаю, кто на них настучал, но быстренько набили полный вертолет начальников, отправились разбираться. Подлетели к стаду, олени — врассыпную, а старик эвен, который у пастухов за главного, — по вертолету из кара-

бина. Попал, не попал, но пару дырок в салоне сделал. Эти, понятно, дёру.

На второй день высадили два вертолета милиции, окружили, кричат, машут пистолетами. Старика, который стрелял из карабина, повязали, доставили в Магадан, а он в ступоре. И по морде били, и кололи, электрошоком пробовали — не шевельнулся. Так в отключке на двадцать третий километр в психушку и отвезли. Врачи промучились неделю, все равно умер. Его, понятно, в морг, на второй день открывают, деда йок! По-татарски «нет» значит. Мороз под сорок, решетки на месте, замок на месте, прежние жмуры — словно дрова валяются, а этот исчез. Так до сих пор и не нашли. У нас на зоне врач за наркоту срок тянул, все сам видел. Баба Мамми говорила, что раньше здесь шаман Каляна жил, мог пастуха из стойбища в ярангу по воздуху перенести. Но Каляна к тому времени уже умер, другим эта заморочка совсем не по зубам. Вот и думай.

□

Станислав Михайлович ОЛЕФИР

родился в 1938 г.

Прозаик, журналист.

*Более сорока лет прожил на Крайнем Севере,
в Магаданской области, на Камчатке и Чукотке.*

*Автор двадцати художественных и научно-популярных книг,
большинство которых для детей.*

*Неоднократный победитель всесоюзных и всероссийских
литературных и журналистских конкурсов.*

Член Союза писателей России.

Живет в Приозерске Ленинградской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Светлана ВЬЮГИНА

г. Москва

ДОРОГА

Без сандалий лучше идти по середине дороги, низенькая трава спорыш щекочет маленькими листочками пятки, немножко пылит...

– Папа, – говорю я, – а зачем нужна дорога?

Папа идёт за мной; он тоже босиком и в светлых шортах; только на нём рубашка с синими завитушками, а я – в белой майке.

– Зачем, пап?..

– Ну вот эта дорога – полевая. Она ведёт нас через поле. Видишь, какое оно? Было зелёное, а теперь желтеет. Созревает урожай. Это овёс, он кисточками такими, из зёрнышек. Сила в нём богатырская. Не веришь?

– Не верю.

– А ты знаешь, что лошадь может везти тяжеленные грузы, может землю пахать плугом, с человеком, конечно... Целый день она работает – и сил хватает. А ведь ни конфет, ни мёда, ни пирожных не ест: трава, сено, овёс... Ты понял, почему я овсяную кашу по утрам ем?

– Богатырская сила?..

– Вот именно!

– Так вот. Есть у полевой дороги украшение – васильки. Видишь вот эти голубые цветы? Сколько их!.. Красота, Ванечка. Согласен? А ведёт полевая дорога или от деревеньки к деревеньке, или на покос, или на пасеку, где пчёлы летом живут и мёд с цветов собирают, или к летней ферме... В одном месте овцы пасутся, в другом – коровы...

– А другие дороги?..

– Есть и другие. Вот мы из города в наш летний дом по шоссе ехали по асфальтовой дороге. Асфальтовые дороги, ясное дело, не то что полевые – гладкие, ровные, без кочек и ухабов. Можно без задержек и помех и день ехать, и два, а то и неделю, скажем, к Тихому океану. По таким дорогам люди в своих машинах или автобусах в гости друг к другу ездят, по ним грузовики едут и одежду возят из одного места в другое.

– А ещё бывают железные дороги – по ним мчатся поезда. Поезда перевозят людей и нужные им грузы.

– А ещё есть морские пути-дороги – для теплоходов...

– А ещё?..

– А ещё, Ванечка, воздушные – в небе... Для самолётов. Дороги соединяют людей. Понял?

– А ещё, пап?..

– А ещё – космические... Они ведут людей к звёздам. Далеко-далеко!

Папа берёт меня за руку, и мы смотрим назад: там, прикрыв головы белыми шляпами, идут мама и её подруга тётя Мила.

– А тебе какая дорога больше нравится? – спрашиваю я папу.

– Мне?.. – Он снимает чёрные очки и показывает рукой.

– Эта!

– Полевая, с цветами?

– С цветами васильками!

— **П**ляшут зайцы при луне! Пляшут, пляшут, пляшут!.. — Полина кружилась на веранде, закутавшись в большой бабушкин платок, и смеялась.

Глеб смотрел на кактус в горшке и трогал пальцем иголки. Егор лежал на чёрном диване и читал книгу.

— А как они пляшут? — спросил я. — И когда?.. Зимой или летом?

— Они пляшут и зимой, и летом! Они пляшут весело!

Я всё понял: зайцы собираются и веселятся на нашей лесной поляне; я видел там поваленные белые грибочки, и трава там истоптана.

Лесная поляна — это место, где лесные звери собираются для дружбы.

— Зайцы пляшут при луне! Зайцы пляшут при луне!..

Полинка кружилась и смеялась.

— А лисята?.. А лисята, Егор?

— А лисята... Не знаю, — сказал Егор и зевнул.

— А волки?..

— А волки собираются на поляне, целуются, а потом вместе воют и смотрят на луну.

— Ты обманщик! — сказала Полина. — Как же они целуются?! У них же зубы острые!

— Да я сам видел... — сказал Егор и закрыл лицо книгой.

ВОРОНА ПОЕТ

У нас на даче вороны-каркуши не живут. Здесь — царство певчих птиц. Правда, мой друг Егор говорит, что рядом в лесу водятся чёрные вороны — большие, сильные птицы.

— А где же вороны?

— Вороны любят жить в городе, им там прокормиться легче. Хочешь, поедем в Богородск? Город, где игрушки делают. Дима, де-

дуля мой, сегодня после обеда туда за краской поедет. И бабушка — тоже. А ты бери папулю. Ладно? На ворон посмотрим...

Мой папа пошёл в парикмахерскую. Дед и бабушка Егора пошли на рынок покупать краску для забора. Егор сел на место дедули за руль и уснул. А я смотрел на шарики, которые мотались на нитках у магазина, потом вышел из машины и сел на скамейку у подъезда.

Под кустом стал ходить кто-то важно и говорить: «Ту-ту! Ту-ту!» Да это же ворона! Она вспрыгнула на крыльцо и сказала:

— Кар-р-р!

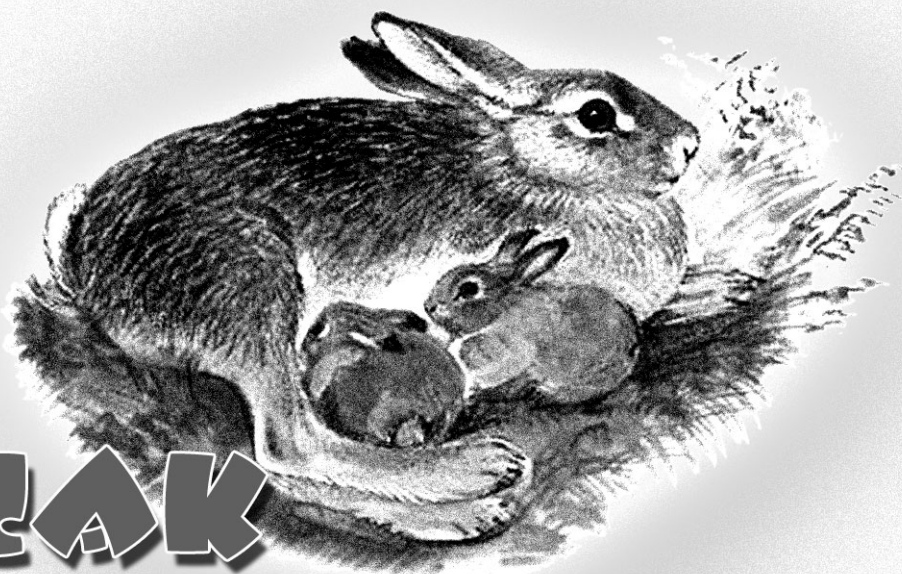
Я бросил ей кусочек хлеба. Она ловко подхватила его и снова, уже требовательно, каркнула, мол, дай ещё. Пришлось поделиться кусочком булочки...

Потом ворона глянула на меня и запела:

— Ка-а-а-а-а!

Глаза у неё были весёлые, она качала клювом и смеялась.

Я тоже рассмеялся. Мне понравилось её громкое пение, и я отдал остатки булочки вороне-певице.

РУСАК

Дачный участок у дяди Феди под самой горой. На горе — сосны, берёзы, заросли малины. А крутой склон — песчаный. Здесь когда-то был карьер — добывали песок. А потом пустая низина заполнилась водой, заросла камышами и бурьяном. Позже, как часто и бывает, заросла низина березняком. Дяде Феде достался кусочек земли как раз под обрывом. Он отводил воду, засыпал ямищу галькой и песком, ставил домик, а потом посадил сирень, черёмуху, барбарис. Уже в мае его участок в цвету. А ближе к осени все удивляются барбарису: деревце это окрашивает свои листочки в вишнёвый цвет и, начиная с августа, будто букет цветов украшает простенький зелёный газон. А прямо у забора он насыпал недавно две пышные грядки и засеял их морковкой.

«Вот будет в конце лета радость для моей горожанки Анечки!» — думал дядя Федя, сидя на крыльчке своего скромного жилища и посматривая на виражи ласточек. Весёлые птицы обосновались на песчаном срезе крутого обрыва и целые дни «стригли» воздух крыльями — носились в поисках корма для своих деток — птенцов.

Внучка Аня полюбила этот сказочный угол. Летом она всегда здесь. Скачет по дорожкам, как оленёнок. А тут сосед дядя Дима пришёл и сказал, что в лесу неподалёку видел лису. Мол, нора у неё на кособоре. Ну, сказал и сказал.

Сидел дядя Федя как-то по своему обыкновению на крыльчке и читал толстую книгу. Анечка примостилась рядом с ним и кормила розового пластмассового зайца самой что ни

на есть настоящей морковкой... И вот тут-то с косогора кубарем скатился серый комок, а за ним рыжим лучом — лиса!

Зайчик влетел через дырку в заборе на середину газона — и замер. Лиса тоже на мгновение остановилась — только на стороне леса, за сеткой забора. Увидев людей, лиса вбежать не решилась. Дядя Федя и Аня замерли, чтобы не напугать остолбеневшего от страха зайчонка. А шубка его, надо сказать, была уже летней, русой — как и положено зайцу-русаку! Кое-где светло-серые полосы перемежались тёмно-русыми. Не очень нарядно, если идти на конкурс красоты. Но, может, в лесу и так хорошо. Сами подумайте — ласточки щебечут, сойки стрекочут, дикий жасмин зацвёл, зайчихи по лесу в серых шубках носятся...

Наконец, круто развернувшись, лиса, как яркий вертолёт, мигом взлетела на обрыв. С зайца тоже оторопь сошла — он бросился наутёк.

— Как жаль, что я не поймала русака, — подумала Аня.

— Что ты, что ты! — как будто прочитал её мысли дядя Федя. — Русак без свободы — кролик какой-то, а не вольный заяц...

Всё лето Аня с дядей Федей ждали русака. Морковку около дырки в заборе оставляли.

Дядя Федя сказал, что до самого отъезда не будет заделывать лаз, по которому Анечка проникла самым коротким путём на земляничную поляну на обрыве. А перед отъездом Аня оставила в старой большой корзинке пяток морковок, и... русак пришел вместе с двумя зайчатами. Они сидели в корзинке, ели морковку, и усики у них смешно шевелились. Не верите?! А зря. Дядя Федя даже яблони решил не сажать. Так и сказал: зайчата всё равно кору яблоневую обгрызут и деревья засохнут. И лаз он заделывать не будет никогда. Если повадился русак в гости приходить, то уж тропку свою никогда не забудет. Вот так-то!

□

Светлана Васильевна ВЬЮГИНА (ДУДЧЕНКО) —

детский писатель.

Автор книг «Конопастик», «Солнечные краски»,

«Облака-забияки», «Черёмуховое крылечко».

Печаталась в журналах «Балтика», «Десна», «Север»,

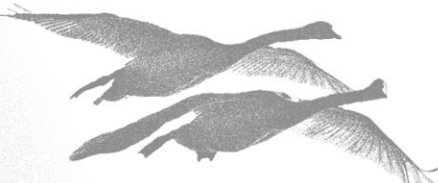
«Дон», «Весёлые картинки», «Мурзилка»,

«Подсолнушек», «Юный натуралист» и других.

Член Союза писателей России.

Екатерина МИТРОФАНОВА

г. Петрозаводск

Сердце лебедя

Маленькая трилогия

Щучье рыло

Голова у Ленки была похожа на шарик: круглая, простая и пустая. Ниже — растянутый тёмно-синий свитер, в котором Ленка проходила весь год, и светло-голубые джинсы. Она то одёргивала ворот, то внимательно изучала глазами стены, как будто там непременно должна быть подсказка. Баба, наша историчка, в ожидании ответа на заданный ею вопрос листала классный журнал, что-то чирикала шариковой ручкой и не обращала внимания на молчащую у доски Ленку. В кабинете стоял гомон.

— Эй, Маркова! Садись уже! Всё равно ничего не знаешь, — не выдержав Ленкиной глупости, крикнул я.

Маркова сделала вид, что не услышала. Сочувствующие девочки с первых парт шептали Ленке ответы, которые из-за шума невозможно было разобрать. А остальные, воспользовавшись отсутствием внимания учителя, беседовали во весь голос.

— Чтобы арабы на Галлию не напали, — не вытерпев, крикнула Вика, которой всегда до всего есть дело.

Баба медленно окинула взглядом класс, и все постепенно замолчали. Вика виновато уткнулась в учебник. Баба рявкнула:

— Не подсказывать! — а потом повернулась к Марковой и мягко повторила воп-

рос: — В чём же, Лена, был смысл этой военной реформы?

Ленка ещё больше затеребила ворот и жалобно, виновато смотрела на Бабу.

— Скажи хотя бы, чья это была реформа? — в отчаянии, стараясь выжать хоть что-нибудь из расстроенной Ленки, спросила Анна Валерьевна.

— Карла Ммм... — пыталась вспомнить Маркова.

— Садись, плохо. Я не знаю, что с тобой делать, — обреченно и печально вздохнула Баба. — У тебя за четверть выходит твёрдая двойка.

В окна любопытно заглядывали окутанные снегом деревья. На крышах соседних домов лениво лежал пушистый снежный покров. Вдалеке среди белого снега выделялась тёмная полоска — дорога. По ней скучно, монотонно проезжали машины то в одну, то в другую сторону. Слушая историчку одним ухом, я смотрел в окно, представлял запах свежего морозного воздуха и думал о Ленке. Мне хотелось понять, из-за чего Маркова такая жалкая, неуверенная и глупая.

— Анна Валерьевна, у меня ручка кончилась! — завопил Коротков.

— Пиши ножкой, — спокойно ответила Баба и продолжила рассказывать про феодальную раздробленность.

Она рассказывала увлекательно. После её уроков казалось, что я посмотрел захватывающий исторический фильм, но сегодня моя голова была занята еще и Марковой. И всё равно, погружённый в свои мысли, я попутно представлял, как распадалась империя и как рыцари, бароны и графы стояли на феодальной лестнице, а на самом верху, надменно смотря на всех с высоты, на золотом, обитом бархатом троне сидел король.

В дверь постучали. Класс сразу оживился.

— Бабенко Анна Валерьевна? — спросила невысокая женщина, неуверенно заходя в кабинет. Баба встревоженно зашагала ей навстречу, легонько вытолкнула в проём, и они оказались в коридоре. Дверь закрылась.

Каждый занялся своим делом. Между головами Новикова и Гладинова я увидел лицо отличника Сережи. Он повернул голову в конец класса и глазами кого-то искал, потом резко повернулся обратно и что-то записал. Сидев-

шая рядом Юля торопливо строчила, переписывая из тетради в тетрадь. Марина со среднего ряда, приподнявшись и вытянув шею через проход между партами, тарасилась в тетрадь Юли. Третья парта среднего ряда всюю играла в морской бой, бросая друг в друга матерные слова, а на второй сидели две дуры — Лаврова и цыганка Киззи. Они хихикали и тыкали карандашом в спину тихонько сидящей перед ними Ленки Марковой. Она то оборачивалась и круглыми от возмущения и обиды глазами смотрела на них, то не двигалась, как подушка для иголок, позволяя им делать с собой всё что угодно. Иногда, резко обернувшись, сдавленно шептала девочкам: «Хватит!», а они в ответ только ржали над чуть ли не плачущей Ленкой, не скрывая своего презрения, ненависти и злости.

«Сама виновата, — думал я. — Надо было постоять за себя, как только обижать начали. А она как игрушка живая — плачет, но не дернется». Дневной свет из огромных высоких окон залил кабинет так, что включенные лампы казались просто бесполезными жёлтыми серединами люстр-цветков: вроде горят, а светлее не делается. На фоне ослепительной белизны снега стены кабинета выглядели грязными и мрачными. В классе было тускло и душно по сравнению с улицей. Мягкие, как подушки, сугробы, словно зазывали меня к себе. Мне хотелось уйти, прогулять остальные уроки, но я остался. Мне всё ещё хотелось узнать, почему Ленка... такая.

Со звонком стадо шестого «А» рвануло с мест. У кого-то портфели были собраны заранее, кто-то в них ещё копался, а кто-то полез в журнал, лежащий на учительском столе, и искал там себя. Я прошёл мимо грустной, собирающей портфель Ленки, задев её плечом, сказал: «Маркова, чё историю не учишь?» и направился курить. В правом маленьком кармане рюкзака я нашупал папироску и коробок спичек. Когда не хватало карманных денег на сигареты или, как назло, никто не продавал, в ход шла заначка — вытащенные втихаря из отцовской пачки папиросы.

К курилке — месту, которое не видно ни из одного окна школы, — я вышел без куртки и пристроился сбоку, вдали от старшеклассников. Неумело закурив, убрал спички обратно в

рюкзак, затянулся и закашлялся. Мороз вонзал в тело свои шипы, отчего я съеживался и подёргивался. Дылды из десятого с дебильной улыбкой что-то обсуждали и выдували дым, важно закинув головы. Я смотрел то на окутанные снегом деревья, то на купола церкви, видневшиеся вдаль, то на парней из старших классов, то на небо, в котором представлял Маркову: неуверенную, забитую и жалкую.

Докурив и окончательно замёрзнув, я кинул на землю окурки и пошёл на урок.

На уроках ИЗО нам разрешали садиться куда захотим. Учительский стол находился в конце кабинета, и поэтому все двоечники занимали передние места. Я сел за Лавровой. Справа от неё, конечно же, Киззи. Столы напоминали крутую горку, и я ради развлечения скатывал с неё карандаш. Он с шумом летел вниз и приземлялся в выемке, которая предназначена для удержания листа бумаги на столе. Ирина Владимировна не обращала на меня никакого внимания, впрочем, как и на остальных. В кабинете царил хаос. Единицы рисовали, остальные либо занимались своим делом, либо мешали рисовать тем, кто пытался. Я оставил карандаш в покое и дернул Лаврову за хвост, как за верёвочку от хлопушки.

— Ты урод! — взорвалась Дашка. — Себя за кое-что подёргай.

Лаврова кипела, как забытый на плите чайник. Она встала из-за парты, немного задрала подбородок, оскалилась и пошла на таран. Её пальцы больно вцепились мне в волосы и потащили вниз. Я поймал Дашкины руки, кое-как выпутался и оттолкнул её в направлении школьной доски. Доска задрожала от Дашкиного тела, как полотнище флага на сильном ветру. Я кинулся в бой.

— Тише! Вы что тут устроили? Разве можно мальчикам бить девочек? Сядьте на места! Я же вам дала задание! Выполняйте! И нечего тут драки устраивать! — разнимая меня с Лавровой, кричала Ирина Владимировна. Класс затих. Дашка сверлила меня ненавидящим взглядом, а я в ответ злобно улыбался и кривил рожицы. Училка села на своё место, и все постепенно зашумели, как не настроившийся на нужную частоту радиоприёмник.

Лаврова была из обеспеченной семьи и поэтому возвышала себя до небес. Всегда ходила

модная, по последнему писку, презирала тех, кто носит вещи из гуманитарки. И сейчас она сидела в джинсах-клёш, белой приталенной блузке с рукавами в три четверти, а на манжетах красовались серебристые стразы. Тёмнорусые волосы были аккуратно убраны в хвост, напоминающий лошадиный. «Снаружи — густо, внутри — пусто», — подумал я.

Дашка, всё ещё клокочущая от злости и обиды, повернулась ко мне и нанесла ответный удар:

— Ты такой же дебил, как твоя мамаша-алкоголичка! — и прыснула мне синей гуашью в лицо.

— Сука! — выстрелил я.

Играя желваками, я встал из-за парты, взял её за голову и свалил на пол. От такого оскорбления меня разрывало изнутри, как кукурузу в духовке. Поднимаясь, Лаврова злобно уставилась на меня и как будто готовилась к следующему нападению, выискивая мои слабые места, как дикий зверь.

— Да что же это такое! — закричала Ирина Владимировна и указала мне пальцем на дверь: — Вон из класса!

А я совсем и не против — хотелось поскорее смыть синие следы от гуаши, размазанной по лицу. Свет в коридоре был тусклым. Я пошёл в самый конец — к туалету. Злость текла во мне бурным потоком, и я придумывал планы мести. В голову приходило только одно — побить после уроков. Но разум эту идею отбрасывал, заставляя меня искать более хитрые и результативные варианты. В уборной я умыл лицо. Вода была ледяной, но я стерпел и ещё ополоснул шею. Гордость, задетая Лавровой, пульсировала во мне, как до слёз прищемленный в дверях палец.

«Ей всё равно. Сказала мне гадость и всё забыла. Наверное, сидит там и достаёт Гончарову или Маркову. Пакости делает и ржёт как лошадь, — мстительно размышлял я. — А я тут, как дурак, страдаю! Но если не отомщу, она поймёт, что я — слабак». Ждать до конца урока я не мог и, как голодный вампир в поисках свежей крови, ворвался в кабинет ИЗО.

— Лаврова — жирная корова! — придумал я на ходу и громко добавил: — Тупая как пробка, пуста как коробка!

— Ты что тут за балаган устроил?! — завопила Ирина Владимировна с конца кабинета. — А ну-ка вон из класса! Сегодня же классной ру-

ководительнице всё доложу! И с родителями на собрании побеседую!

— Шучье рыло, дверь закрыло! — выстрелила в ответ Дашка.

Я хлопнул дверью со всей дури.

Щучим моё рыло прозвали ещё в пятом. Скорее всего, из-за вытянутого вперёд лица, большого рта и круглых глаз, которые вдобавок были ещё и зелёного цвета. «Ну и пусть щучье, — с досадой подумал я и, разочарованный, зарифмовал: — Месть как эхо в тишине: крикнул раз — ответ вдвойне».

Улыбка Моны Лизы

Окна старенького серого одноэтажного здания, встретившегося нам по пути в школу, хмуро смотрели в небо, как будто думали о чём-то важном. Резко нажав кнопку звонка на одинокой железной двери, пристроившейся справа от задумчивых окон, мы рванули со всех ног. Скрывшись с места преступления, остановились. Раскрасневшиеся и весёлые, мы сразу не могли отдышаться и стояли, наклонившись к согнутым в коленках ногам, как спортсмены после финиша. Немного придя в себя, побрели на урок.

Комковатые горы снега, освещённые солнцем, сияли так, будто кто-то посыпал их алмазной крошкой. Ещё не тронутые ногами прохожих сугробы, ровные и чистые, манили нырнуть в них и повсюду оставлять от своего тела следы ангела. Мы свернули с дороги на тропу, ведущую к школе, и перед нами открылся настоящий зимний лес, сквозь пушистые лапы высоких елей просачивалось солнце, освещая самые тёмные его уголки. Сияющая зимним блеском тропа извивалась и уходила вглубь. Пахнувший хвоей морозный воздух, врываясь в лёгкие, наполнял свежестью, радостью и ощущением свободы.

Еловые ветки с высоты тянулись вниз под тяжестью снега, как будто кланялись. Мы шли медленно и молчали. Каждый думал о своём. Когда лес закончился, перед нами открылось белое поле, будто кто-то рассыпал сахар. Вдали, с правой стороны сквозь деревья виднелось здание нашей школы, к которой по свежему снегу уже протоптали тоненькую, но глубокую

дорожку, а с левой — серые купола деревянной церквушки, тропинки к которой еще не было. Наш одноклассник Серёжа плёлся с большим, туго набитым рюкзаком за спиной метрах в пятнадцати впереди нас, поправляя его каждую минуту. Поравнявшись уже на подходе к школе, почти на крыльчке, мы заговорили.

— Серый, дай списать таблицу по географии и русский, — попросил я вместо приветствия.

— Русский же первым. Не успеете.

— Успеем! Серый, выручай! До урока десять минут. А географию на русском спишем. А? — жалобно настаивал я.

— Ладно, — сдался Серый, снял рюкзак с плеч и полез за тетрадами.

К школе парами или небольшими компаниями постепенно подходили ребята. Новиков по пути толкал Гладинова в сугроб, а тот, в свою очередь, поднимался и с разбегу ронял Новикова. Марина шла с Машей, что-то бурно обсуждая, а сбоку плелась Нестерова, пытаясь вклиниться в их разговор. Вдалеке на фоне ослепительно белого снега выделялась бордовая шапка Ленки Марковой. Она шла одна.

К окошку гардероба было не пробраться. Толпа школьников напоминала тупое стадо овец, столпившихся у кормушки. Я обреченно вздохнул и нырнул вглубь, волоча за собой куртку. Дима уже стоял там, около окна. Мы сдали куртки, заодно схлопотав по кумполу от старшеклассников за наглость, и пошли в тридцать четвёртый. Возле кабинета никого не было. Я подёргал дверь — заперто. Мы положили рюкзаки на пол и усадились на них.

— Тебе кто из наших девочек нравится? — немного помолчав, начал Дима.

— Никто. Все дуры набитые, — рассудительно ответил я, будто собаку на этом съел.

— А Нестерова? Она ж отличница, — и, расплывшись в улыбке, мечтательно протянул: — Краси-ивая.

— Да так... Тоже умом не блещет, хоть и отличница. И говорит фигню всякую.

— А тебе, значит, умных подавай? — удивлённо поднял бровь Димка.

— А дуры на кой нужны? — на полном серьёзе выдал я.

— А мне все нравятся, кроме Маринки и Марковой. Одна — толстая, другая — забитая какая-то. Бр-р! — вздрогнул Димка, будто

представил дохлую кошку. — Аж думать о ней противно!

Постепенно в коридоре собралась оживленная толпа школьников, маячивших туда-сюда, но они скоро рассосались по кабинетам. А наши парни расположились вдоль стены на рюкзаках, как и мы, девчонки залезли на подоконник. Маринка списывала с чьей-то тетради домашку, и я вспомнил про русский. Внезапно звонок остервенело ударил по ушам, и в коридоре стало совсем тихо. Только наш класс по-прежнему сидел под дверью кабинета и болтал. Я второпях строчил слова, подчёркивая карандашом какие-то гласные, которые были аккуратно выделены у Серёжи. С лестничной клетки слышались шаги, и мне подумалось, что это Баба, наша историчка, помимо истории, она вела ещё и русский. Прикрыв тетради, я выжидающе уставился в конец коридора, откуда доносился звук.

Елена Борисовна, классная, напоминала громоздкий дорогой комод: бордовый жакет, юбка и короткие волосы гранатового цвета ассоциировались с красным деревом, крепким и непробиваемым. Ее массивная внушительная фигура двигалась прямо на нас, как танк.

— Урока русского не будет. И истории тоже сегодня не будет. Она, насколько я помню, последняя? — глухо заговорила классная. Лицо её было покрыто красными пятнами, а губы чуть дрожали. Мы почувствовали что-то неладное. — Значит, можете идти домой после четвёртого, — теперь и голос у неё дрогнул. — Эту и, возможно, следующую неделю историю у вас будет вести Олег Викторович, — тихо, что для неё не свойственно, говорила класснуха и, секунду помедлив, добавила: — Анна Валерьевна уволилась.

У меня в груди как будто что-то оборвалось и затрещало. Свет в коридоре, казалось, угасал, становился тусклым и безжизненным. Ошарашенные новостью, мы молча, стараясь не нарушать тишины, побрели к выходу.

Мне не давала покоя мысль: из-за чего? Я подошел к окну гардероба, возле которого совершенно никого не было, попросил куртку и вышел на улицу. С неба огромными хлопьями валил снег. Маркова уже топала в сторону дома, по-видимому, она не собиралась возвращаться ко второму уроку. А я направился к заброшенному заводу, который находился в

той же стороне, что и Ленкин дом. Плестись за ней следом мне быстро надоело, и я подбежал к Марковой ближе. Словно кожей почувствовав меня за спиной, Ленка ускорила шаг. Я всем своим телом ощущал её страх. Казалось, она ждала от меня нож в спину, но я не хотел её напугать! Я только хотел поговорить или просто пойти рядом! Я вдруг почувствовал себя жестоким, злым негодяем, чуть ли не убийцей. От этого мне стало тошно.

— Чё домой свалила? — и сам не понял, как вырвалось у меня. — Прогульщица!

Она остановилась и робко обернулась. Я впервые в жизни заглянул в её глаза, добрые, жалобные, просящие о помощи, по-детски наивные и испуганные, как у маленькой серой мышки, увидевшей огромного голодного кота. В этот момент мне показалось, что я ощутил всю боль, все её страдания на себе. Я вдруг сам стал ею, Ленкой Марковой, жалкой, забитой, замученной. Ленке Марковой во мне не хотелось быть ни в школе, ни дома — ни здесь, ни там. Ей хотелось не быть совсем, умереть, чтобы от нее все отстали.

— Я отпросилась, — соврала Лена пищанием, еле слышным голосом, опустила глаза, отвернулась и потихоньку пошла, опасливо, будто ждала от меня толчка в спину или хоть пинка под зад.

Теперь я её понимал, чувствовал, знал и... любил. По-настоящему, как мальчик любит девочку, Бог любит человека, мать — сына. Одной любовью, объединяющей все сущее.

Домой мне идти не хотелось, и я решил дожидаться второго урока на старом заброшенном заводе, что недалеко от школы, — это было моё любимое место.

Я вошёл в здание через пустой проём, в котором когда-то была дверь. Поперёк высоких потолков тянулись какие-то ржавые металлические конструкции. Через огромные разбитые окна пробивался снег, перемешанный с ветром и светом. Пол был бетонным, грязным и мерцал от наледи, будто усыпан алмазами. Ближе к окну холмиками разлеглись сугробы. Напротив окон — вход в другое помещение, темное и мрачное. Свет изо всех сил пытался туда заглянуть, но осветил лишь малую часть — у порога. Я заглянул, но кроме черноты ничего там не увидел. Облокотившись спиной о стену и сползая вниз, я сел на холодный бе-

тонный пол, закрылся руками и сам не заметил, как заснул.

— Эй, — слышалось слева. Тонкий тихий голос едва уловимым эхом пронёсся по зданию. Я поднялся. Из окон уже не валил снег, не прорывался ветер. Солнечные лучи уже не так ярывались в здание, освещая каждый уголок, вокруг потускнело. Ленка стояла с рюкзаком и, по-видимому, так и не заходила домой.

— Лена? Что ты здесь делаешь? — от неожиданности смущенно и неуверенно спросил я и сам удивился не свойственной мне робости.

Ленка улыбнулась одними кончиками губ, и меня вдруг ударило. Я же никогда ещё не видел, как улыбалась Маркова! Наверное, никто не видел этого чуда! Улыбка была еле заметная. Загадочность и тайна читались в ней. Чистая, девственная, нежная и как будто бы святящаяся, она наполняла меня чувством неподдельного счастья, свободы и любви. Вот она, улыбка Моны Лизы...

— Это ты что здесь делаешь? — красивым и тонким, как ниточка, голосом поинтересовалась она, не ответив на мой вопрос.

— Сплю. Не видишь, что ли? — с серьёзной шутливостью хохотнул я.

Я демонстративно достал из рюкзака банку пива, купленную втридорога у старшеклассников на пирожковые деньги, и начал открывать. Банка пшикнула, я по-взрослому отхлебнул сразу большой глоток, красуясь перед Марковой, и по горлу потекла ледяная жидкость, разливаясь по всему телу. Я предложил даме, но Ленка отмахнулась, как бабка, увидевшая чёрта.

— Это для сугреву. А то заболел. Холодно тут спать всё же, — попытался оправдаться я и, стараясь произвести впечатление, отхлебнул ещё.

— А зачем спал тогда?

— А чтобы, Лен, ты ко мне пришла, разбудила и спасла от участи замёрзнуть тут и умереть от холода, — хихикнув, снисходительно ответил я.

Ленка повеселела, да и я тоже. По дороге к её дому я рассказывал ей смешные, где-то немного привранные истории из своей жизни. Говорил о чём угодно, лишь бы рассмешить или удивить Маркову. Рассказывал про своего толстого пушистого кота, попугая Бориса, которого чуть не сожрал Мурзик и которого я по-геройски якобы вырвал из Мурзиковых лап. Ленка, чуть склонив голову набок, внима-

тельно слушала, верила во все мои подвиги, несмело улыбалась и смотрела на меня добрыми, любующимися глазами, в которых светилась робкая, трепетная лебединая нежность. Я рассказывал так живо и увлечённо, что не давал ей возможности говорить много. Да она много и не говорила. Лишь изредка вставляла какие-то фразы, восхищалась, отвечала, но о себе ничего не рассказывала.

Подойдя к дому, улыбка Марковой внезапно пропала, как будто она вдруг увидела что-то огромное, страшное и злое. Мы попрощались, и я пошёл обратно, задрал голову вверх. По высокому небу проплывали перламутровые перьевые облака. Они словно смотрели на меня, а я на них. Было тихо, и даже ветер не решался нарушить эту безмятежность. В груди было тепло, хорошо и спокойно...

Святящаяся Ленка

Олег Викторович был невысоким, худощавым и смуглым. На носу сидели большие квадратные очки, делающие его глубоко посаженные глаза огромными. Он сидел за столом и несмело улыбался заходящим в кабинет ученикам, дескать, «я друг, а не враг». Прозвенел звонок, и стадо разбрелось по местам.

— Давайте знакомиться. Зовут меня Олегом Викторовичем. Я буду вести у вас историю, — доброжелательно начал он, приглядываясь к ребятам. — Вы, как я понимаю, шестой «А»?

— Да, — с готовностью участливо ответила Вика, сидящая на первой парте, прямо перед носом историка. Все остальные по-прежнему гомонили, не обращая внимания на нового учителя.

— Тихо, тихо. На прошлом уроке вы проходили феодальную раздробленность, судя по журналу. Так? — продолжал Олег Викторович, повысив голос, чтобы перекрыть шум.

Снова только Вика положительно кивнула в ответ, с любопытством ловя каждый жест нового учителя.

— Значит, сегодня я расскажу вам про Англию в раннее средневековье. Согласны? Но сначала мы проверим, как вы усвоили предыдущий материал. Кто желает получить пятерку? — наигранно, словно с первоклашками, разговаривал с нами Олег Викторович, окиды-

вая взглядом немного успокоившийся класс.

Ленка неуверенно подняла руку, и стадо зашумело ещё больше. «Лошади» сзади поржали и лягнули её копытом по голове.

— Замечательно, — обрадовался Олег Викторович и добавил полуласковым тоном: — Как твоя фамилия, юная принцесса?

Класс взорвался. Ребята заржали всем табуном. Все гоготали, будто надрываясь от зависти, что первый комплимент от нового учителя, да еще и такой, получили не они, а сама Маркова! Ничтожная, грязная букашка, которую каждый из них не брезговал давить только башмаком.

— Тише-тише! Заткнулись все! — теряя терпение, прокричал Олег Викторович, стуча указкой по столу.

— Маркова, — почти беззвучно, одним губами шепнула Ленка.

— Как? Я не расслышал.

— Она немая! — ехидно прошипела Лаврова.

— Ты-то вообще помолчи, дура набитая! — не раздумывая, вмешался я. Мне стало обидно за Ленку.

— А ты у нас глухая? Я же сказал «тише», а ты не слышишь ничего, — отчитал историк Лаврову. И снова обратился к классу: — Замолчите все!

— Маркова, — чуть громче сказала Ленка.

В классе наконец-то стало более-менее тихо, и Олег Викторович удовлетворенно улыбнулся.

— А имя твоё как?

— Лена.

— Елена Маркова, — проводя пальцем по журналу, бурчал учитель. — Елена Маркова... Елена Маркова... Художница есть такая, Еленой Марковой зовут. Не слышала?

Ленка отрицательно покачала головой и начала отвечать. Класс постепенно замолкал, как замолкают аплодисменты в театре перед началом спектакля, и наступила тишина. Шестой «А», не веря своим ушам, внимательно слушал ответ Марковой, ожидая провала. Ленка отвечала несмело, боязливо, тихо, но правильно. Я закрыл глаза и пытался уловить каждое её слово. Передо мной всплывали образы герцогов, графов, королей, рыцарей. Переплетаясь с образами предыдущего урока истории, создавался целый мир, в котором беспощадно велись междоусобные войны, распалась империя, а территории великих государств дробились на части, как льдины в море.

После уроков, когда все разошлись по домам, я стоял в курилке и наблюдал за школьным входом, выжидая, когда выйдет Маркова. Снег валил что есть силы и мешал разглядеть, кто выходит из школы. Вскоре показалась высокая бордовая шапка Ленки, и я зашагал за ней.

— Ленка, подожди меня, вместе пойдём, — подбежав к Марковой, сказал я. — Классно ты сегодня на истории отвечала! И на географии, и на физике задачу у доски решала! — радовался я за Ленку. И, немного помолчав, добавил: — Я вот, болван, всегда ни к чему не готов.

Ленка шла молча и улыбалась, пряча чуть обветренные тонкие губки в обмотанный вокруг шеи коричневый в катышках шарф.

— Я вот даже и к тебе готов не был... — вдруг вырвалось у меня. Ленка остановилась и удивлённо уставилась на меня. Я смущённо опустил глаза, а щёки залились красным румянцем. — Ты вот есть сейчас, а я даже не знаю, что делать, что говорить, — немного помолчав, переминаясь с ноги на ногу и отводя взгляд, продолжил я.

Маркова долго смотрела на меня ошеломленными глазами, в которых промелькнули искорки радости, как бы спрашивая: «а между нами что-то есть?», и на мгновение мне показалось, что она и вправду немая. Мы зашагали по узенькой тропинке в сторону Ленкиного дома. По дороге я предложил свернуть и зайти к Бабе.

В дверях завел трель долгий и нудный соловей. Послышалось шарканье тапок и звук открывающегося замка. Баба стояла перед нами в красном цветастом халате, стареньких синих тапках и с распущенными чёрными волосами. Гладкие и шелковистые, как в рекламе шампуня, они изящно спадали по плечам. Я даже не догадывался, что туго убранные в пучок волосы исторички на самом деле такие длинные и красивые! Почему она скрывала это богатство? Баба была совсем не бабой, а юной девушкой. И даже не учительницей истории и русского языка, а будто бы просто старшеклассницей. Я вдруг вспомнил убранные в длинный хвост каштановые волосы Ленки. Какие они, наверное, красивые, если их распустить...

— Какими судьбами? — уставилась на нас Анна Валерьевна.

Глаза Бабы были большие, удивлённые и даже ошарашенные от неожиданности. Это всё

равно что увидеть кота, спящего в обнимку с мышкой. Мы не удивились её реакции.

— Здравсьте, Анна Валерьевна. Мы хотели узнать, из-за чего вы ушли? — напрямик спросил я.

Баба вздохнула, сжала губы и жестом позвала внутрь, мол, заходите. Мы прошли в прихожую, разделись и направились в кухню. Баба налила в чайник воды и шелкнула кнопкой.

— Ты же прекрасно знаешь, в чём дело, — отвернув глаза в сторону окна, начала историчка. — И я не понимаю, почему ты ко мне пришёл. Ты сам всё видел и самый первый рванул вниз, распихал всех, кто проходил мимо и смотрел на неё чуть ли не всю большую перемену, — взволнованно говорила Баба. Голос её дрожал.

— На кого? — неуверенно спросил я и посмотрел на Ленку.

Ленка робко сидела в сторонке и молчала. Вокруг неё сиял ободок света, и я даже подумал, что это пиво на меня плохо действует.

— На кого-на кого! Ты издеваться надо мной пришёл? — не выдержала историчка. Глаза её заблестели от слёз. — Ленка Маркова с окна спрыгнула, когда мы окна законопачивали в кабинете истории! По осени ещё! Вспомнил? Ползимы это дело рассматривали, меня муржили...

В голове всплывали туманные воспоминания: открытые окна, усыпанный янтарём двор школы, почти голые деревья и бледное плоское

небо. Все дружно законопачивали окна на втором этаже, смеялись, шутили, и лишь вечно грустная Маркова пристроилась в самом последнем окне класса. Лаврова, как обычно, бросала в неё обидные слова, Киззи мерзко хихикала, а класс презрительно взирал на бедную, замученную Ленку, как на таракана. Вдруг, распахнув створки окна, она спрыгнула вниз, легко и непринуждённо, как будто ни о чем не думая — беззаботно полетела, как птица...

Ленка виновато смотрела то на Бабу, то на меня. Свет Марковой становился всё ярче, а внутри меня всё темнело. Из окон смотрели скорбящие сосны, тихо, по-траурному падал снег. Из моих глаз градом катились слёзы. Жалость и светлая, чистая любовь к странной и необычной Марковой сжимали моё сердце и колотили его, как кузнецы, выковывающие заготовку. В груди как будто образовалась чёрная дыра, которая съедала и уничтожала всё на своём пути.

— Да вот же она! Что вы такое говорите? — рыдал я, показывая на Маркову.

Баба, сдерживая слёзы, положила мне руку на плечо, а Ленка всё смотрела на меня и светилась своим лебединым светом нежности и любви.

□

Екатерина МИТРОФАНОВА —

студентка Петрозаводского лесотехнического техникума.

Увлекается литературным творчеством,

пробует себя как прозаик.

Живет в Петрозаводске.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2012»

в номинации «Проза».

Дебют в «Севере».

Ольга КРАВЦОВА

г. Ставрополь

Монологи Евтушенко:

выбор и альтернативная реальность

Мне хотелось ещё раз отметить явление, уже вроде достаточно изученное и многократно в литературе обсуждаемое, свойственное историческому периоду конца 60 – 70-х годов ушедшего века, когда время «оттепели» не оправдало надежд на плодотворный диалог и обретение нового образа культуры. Официальная культура исчерпала возможности развития при помощи диктата, а неофициальная не имела почвы для расширения своего воздействия на общественное сознание.

Таким образом, «оттепель» вызвала феномен нового «двоемирия»: официальное/неофициальное (отсюда ужесточение цензуры). Два разных культурных мира вполне гармонично «уживались» в одном человеке. Потеряв надежду на диалог, интеллектуальная элита начала «внутренний монолог», оказалась невосстребованной по собственному желанию. Альтернативная реальность находилась в состоянии активного неприятия происходившего официоза. Исходя, допустим, из исследования Виктора Баракова о творчестве Николая Рубцова, можно сказать, что в 70-е годы развитие русской поэзии шло преимущественно двумя путями: с одной стороны – «почвенное» направление, опирающееся на народное творчество и на традиции русской классики XIX – XX веков, преимущественно её крестьянскую линию (А.Кольцов, Н. Некрасов, Н.Клюев, С. Есенин и др.). С другой – все громче заявляла о себе так называемая философская лирика, глубоко проникающая в сложности бытия вообще.

В. Зайцев выделяет в поэзии 60 – 80-х годов три направления стиля: 1) реалистический стиль, к которому он относит Е. Евтушенко, А. Жигулина, В.Казанцева; 2) романтическое стилевое течение (патетическое – у Р. Рождественского, лирическое – у Н.Рубцова и «тихих»); 3) интеллектуально-философское направление (традиционное – у Л.Мар-

тынова, И. Шкляревского, О. Чухонцева и сложно-ассоциативное – у Ю. Кузнецова). Бараков отмечает: «Тут дано, по сути, классическое разделение поэзии на реалистическую и романтическую. В 70-е годы эти два начала проявили тенденцию к синтезу, которая в большей или меньшей степени видна практически у всех». Автор также констатирует, что в 60 – 70-е годы происходит понижение общественного тона поэзии. Евгений Евтушенко в 1971 году пишет стихотворение «Тихая поэзия»: «В поэзии сегодня как-то рыхло./ Бубенчиков полно – набата нет./Трибунная поэзия притихла,/а «тихая» криклива: «С нами Фет!» «Трибунная» поэзия становится все более «лирической», испытывая на себе сильнейшее влияние художественного опыта «тихой лирики».

Однако это явление имело не только политические причины; В. Бараков обращает внимание на следующее обстоятельство: «Смутное порубежье конца шестидесятых – начала семидесятых годов унесло много драгоценных жизней и поломало судеб. Началось всё с А. Ахматовой – она умерла в 1966 г. Затем ушли: А. Яшин (1968), Н. Рыленков (1969), С. Дрофенко (1970), Н. Рубцов (1971), А.Твардовский (1971), А. Прокофьев (1971), Я. Смеляков (1972), С. Кирсанов (1972), А. Прасолов (1972), А. Вампилов (1972), М. Исаковский (1973), Б. Ручьев (1973), Г. Шпаликов (1974), В. Шукшин (1974). А если упомянуть ещё и тех, кто вынужден был уехать за границу (И. Бродский (1972), А. Солженицын (1974), А. Галич (1974) и др.), то список будет ещё более объемным и удручающим».

Жанр «монологов» (чуть позже – такой броский, надрывающий душу у Высоцкого) Евгением Евтушенко также использовался прежде всего для того, чтобы донести свою мысль до читателя. Для поэта это был способ высказать свое отношение

к происходящим в мире и государстве событиям, а также непростое отношение человека к государству. «Монолог проигравшегося», «Монолог послезавтрашнего человека», «Монолог бродвейской актрисы», «Монолог американского поэта», «Монолог доктора Спока», темпераментный «Монолог Тия Уленшпигеля», «Монолог Юджина Шампа» («Прощай, Сирано! В павильоне все лампы погашены»). Действие и герои этих стихов якобы переносятся или в зарубежную – капиталистическую – обстановку («от битников до президентов»), или вообще носили вневременный характер, т. к. монолог велся от лица исторического, вымышленного, а иногда и сказочного.

Нередко выразителями нравственных ценностей в поэтике Евтушенко выступают представители животного мира или вообще предметы неодушевленные: «Я кошелек. Лежу я на дороге». Композиционную роль в этих текстах играет элемент театрализации, маскадность образов. Игровое, театральное начало «эстрадной лирики» исследователи (В.П.Прищепа) объясняют не какой-то недостаточностью мира поэтического, а созвучностью этого мира с другими видами искусства; возникающую его «эховность и отзывчивость».

Но каким бы экзотическим на первый взгляд ни был персонаж, он никогда не был далеким от реальной действительности, от происходящего в настоящий момент, – он решает прежде всего отечественные, «внутренние» проблемы, а также проблемы «вечные», духовные, не ограниченные какими-либо временными рамками. Более того, персонажи-маски Евтушенко становятся глашатаями нравственных принципов поэта, носителями его идеи; вместе с тем это объективный образ человечества, жаждущего справедливости.

«Монолог американского поэта» не несет в себе никаких определенных заокеанских реалий: «Устою никаких не потрясал./ Смеялся просто над фальшивым, дутым./ Писал стихи. Доносов не писал. И говорить старался все, что думал». Эти слова мог сказать кто угодно: и англичанин, и француз; как видим, никакой национальной принадлежности говорящего нет. В уста своего героя Евтушенко вкладывает свое собственное представление о том, каким, по его представлениям, человек должен быть. Герой ведет себя естественно, он не сомневается в правоте выбранной им жизненной позиции. Однако существует альтернатива – оставаться таким дальше: писать стихи или же жить как *те, другие* (которые пишут доносы). Таким образом, возникает альтернативная реальность, предполагающая проблему выбора. Выбор героя Евтушенко зависит от его нравственных убеждений и моральных качеств его личности. Выбор также за-

висит от того, что сильнее – нравственные убеждения или альтернативная реальность, осознаваемая героем как *те, другие* (социум и государство). Однако именно такая позиция героя наиболее опасна для него: человечество никогда не было таким, каким оно должно быть в представлении героя; оно существует по тем законам, которые ему наиболее выгодны. Поэтому между героем и альтернативной реальностью неизбежен конфликт.

В стихотворении «Монолог бывшего попа, ставшего боцманом на Лене» (1967) конфликт, неизбежный в предыдущем тексте, находит свое разрешение: происходит обличение лживых норм существования, благодаря чему герой обретает ту гармонию, которой его жизнь была лишена ранее. Он заявляет: «О, лишь от страха монолитны/ они, прогнившие давно./ Меняются митрополиты,/ но вечно среднее звено». Находит свое продолжение и тема «наследников Сталина», это определеннный социальный слой, умело приспособившийся к политическим изменениям в государстве.

Следующие четверостишия представляются нам еще более существенными для внутренней перемены в герое: «И я учуял запах скверны, проникший в самый идеал. Всегда в предписанности веры безверье тех, кто предписал. И понял я: ложь исходила не от ошибок испокон, а от хоругвей, из кадила, из глубины самих икон». Но «среднее звено» обладает реальной силой, и герой покидает обитель, оказавшуюся «ненастоящей». Так бывший поп приходит к другой вере, подлинной: «Я ухожу в тебя, Россия,/ жизнь за судьбу благодаря,/ счастливый, вольный поп – расстрига/ из лживого монастыря./ И я теперь на Лене боцман./ и хорошо мне здесь до слез,/ и в отношении мои с Богом/ здесь никакой не лезет пес». Герой приобретает необходимую ему независимость. Избавившись от «посредников», он ощущает свое внутреннее, гармоничное единство с «Богом» – вечной, подлинной субстанцией добра и справедливости.

В стихотворении «Монолог голубого песка на аляскинской звероферме» (1967) Евтушенко показывает судьбу человека, родившегося и воспитанного в политической системе советского государства. Эта система вполне великодушна: государство выкормит и выучит, но человек и его жизнь рассматриваются им как сырьё, как средство достижения определенной цели. Стихотворение пронизано ощущением собственной обреченности и безысходности. Попытки вырваться из этой системы тщетны и в итоге оказываются бессмысленными. В монологе поэтом решается проблема *свободы воли*, проблема *свободы выбора*.

Основную композиционную роль играет мотив побега, который сближает этот текст с текстами тю-

ремно-лагерной тематики В.Высоцкого. Герой стихотворения – песец, живущий на аляскинской звероферме. Жизнь в клетке – лживая, ненастоящая, безрадостная, олицетворяется в сознании героя с «тухлой рыбой», с дверью «на крючке», «сеткой»; постоянным ощущением замкнутого пространства. В его подсознании таится ощущение, что все может быть «не так». Мучительное чувство несвободы усугубляется постоянным ожиданием смерти – герой понимает, что предназначен «на убой», он обречен. Единственным спасением ему мыслится побег. Совершив задуманное, он попадает в прекрасный и незнакомый ему ранее мир: «В глаза летели лунные караты./ Я понял, взяв луну в поводыри, / что небо не разбито на квадраты,/ как мне казалось в клетке изнутри». Его переполняет радостное чувство родства с окружающим его пространством: переливающимся снегом, деревьями, звездным небом. Он ощущает себя частью природы, космоса, мироздания: «Я вывыркался. Я точил балясы/ с деревьями. Я был самим собой./ И снег, переливаясь, не боялся/ того, что он такой же голубой».

Происходит обретение героем «самого себя». Но суровая природа Аляски не принимает «чужака». Её испытания для него слишком тяжелы, он с горечью вынужден признать: «Дитя неволи – для свободы слаб». Но также герой совершает ещё одно открытие – его выбор оказался роковой ошибкой, самообманом, т. к. в его сердце поселяется тоска по «клетке»: «И с ужасом я понял, что люблю/ ту клетку, где меня за сетку прячут,/ и звероферму – родину мою». Побег не оправдывает себя, одно разочарование сменяется другим. Таким образом, поэтом создается очень точная альтернативная модель *побег/возвращение*, где герой сталкивается с проблемой выбора дважды, причем мотивом в ней служит одно и то же желание героя – спасение собственной жизни.

Также очень интересен созданный в этом стихотворении образ государства, воплощенный Евтушенко в образе эскимоски и пространственно-психологической атмосферы зверофермы. «Она меня спасет от всех болезней/ и помереть мне с голоду не даст./но знаю, что меня в мой срок железный,/ как это ей положено, – предаст». Все, что требуется от героя, – это простое ожидание смерти: «железного срока». Он чувствует ласковые руки, но эта ласка – лживое притворство убийцы. Пальцы эскимоски «кротко» чешут загривок; все предопределено, все известно, запланировано. Герой знает, как произойдет его убийство: «Душили раньше попросту в мешках./Теперь нас убивают современно – / электротоком. Чисто как-никак». Убийство из акта трагического превращается в акт бытовой: обыкновенный, само собой разумеющийся. Государствен-

ная машина работает чисто и даже «уютно». Этот «смертоносный уют» доводит героя до отчаяния: «Гуманны будьте к служащим! Введите / на звероферме должность палача!»

«Монолог Тиль Уленшпигеля» (1965) – яркий, темпераментный призыв к человечности, смелый и категоричный акт против насилия. Тиль Уленшпигель – бессмертный дух добра и справедливости в поэтике Евтушенко – становится воплощением совести, останавливающей человечество перед преступлением – убийством своего ближнего. «Качаясь тяжело, черные от гари,/ по мне звонили все колокола,/ не зная, что, убитый в Бабьем Яре,/ я выбрался сквозь мертвые тела.../ И посреди двадцатого столетия/ я слышу – кто-то стонет и кричит./ Чем больше я живу на этом свете,/ тем больше пегла в сердце мне стучит». Здесь уже речь идет не о человеке и государстве, а вообще о человечестве страдающем, приобретающая «общепланетный» характер. Эти две строфы наиболее емко, наиболее удачно вместили в себя тот колоссальный масштаб, который приобретает бессмертное существо лирического героя. Оно играет роль огромного вместилища для человеческих страданий.

По своему эмоциональному накалу этот «монолог» не уступает и монологам принца Гамлета; определенный «дух средневековья» присутствует в данном стихотворении на уровне контекста. Колокола, «черные от гари», и пепел, «стучащий в сердце», рождают ассоциации с кострами инквизиции, на которых безвинно погибали тысячи людей. Этот прием – соединение средневековой темы с трагедией Бабьего Яра позволяет поэту напомнить человечеству о том, что со времен средневековья ничего не изменилось и насильственная смерть невинного человека бесконечна в его истории. Евтушенко демонстрирует нам и свое необыкновенное чувство ответственности за происходящее, редкое чувство сопричастности к кровавым страницам мировой истории.

Голос человека «из народа» мы слышим в стихотворении «Ария индийского гостя» (1974). В первом собрании сочинений в восьми томах присутствует авторская заметка: «Это стихотворение – завязь будущей поэмы «Северная надбавка». Российская глубинка в художественном мире поэта всегда выступала своеобразным «генератором» не только нравственности, но и подлинности человеческого бытия; символизировала собой ту «чистоту» и «глубину», в которой коренится неизбывность русской души. Как и в поэме «Северная надбавка», герой стихотворения совершает выход из среды простой, народной и настоящей в чуждый ему цивилизованный, «светский» мир. Отметим, что в искусстве социалистического реализма это был достаточно

распространенный прием, особенно активно использующийся в кино (Г. Данелия «Мимино», Е. Ташков «Приходите завтра»). Но герой Евтушенко стремится не только познать окружающую его новую реальность, но и заявить в ней о себе и своей «правде».

«Называют Индией в Сибири/индивидуальные постройки./Если колья вбили, стены сбили – /супротив пурги хибары стойки». Этот мир далек от цивилизованной жизни и благополучного быта, однако именно он, по мнению поэта, «создает» человека «настоящего»: «Я из Индии, где минус пятьдесят,/ где рубахи, словно айсберги, висят/ у построенных из ящиков халуп.../ Эту Индию ты, что ль, искал, Колумб?» Имя знаменитого путешественника упоминается поэтом не случайно: как известно, его целью было нахождение золота. Этот прием рождает в подсознании читателя формулу «Колумб – Индия – богатство» и ориентирует тем самым на свойственное человеку стремление к обогащению. Поэтому в следующей строфе возникает характеристика человека нравственного как наивысшей ценности: «Мы немножечко чумазы,/но и сами мы алмазы, лишь в оправу/ не по нраву что-то лезть». Неистребимость русского трудолюбивого духа, сопряженная с удивительной верой в себя, передана в тексте через бытовые детали: «а народ пошел настырный – /строил сам из горбылей/ да из смерзшихся соплей»; «Крышу длинными рублями,/словно толем, крыли мы»; «волочили мы досочки,/как индийские слоны». Таким образом, в тексте создается картина привычной и близкой герою реальности, дорогой его сердцу родной сибирской земли. Он и его земляки не просто выживают в лютых условиях, но и осознают себя счастливыми: «И под треск уг-

лей горящих,/под «буржучный» мотив/зажили как магараджи,/дым тюрбаном накрутив».

Однако герой стихотворения мечтает о тепле и благополучии, таким оазисом счастья представляется ему отпуск в Гаграх: «Я поеду в отпуск в Гагры,/закачаюсь в синь-дыму./Метрдотеля я за жабры/уважительно возьму./ Я скажу: «Не мне пугаться/ роковой таблички «Для /иностранных делегаций»./ Далека моя земля./Ты чего глаза таращишь?/Ставь коньяк и шоколад./Я из Индии, товарищ./Тоже вроде делегат». Здесь звучит голос человека обиженного и даже обозленного на увиденный им новый мир. И, в отличие от героя поэмы «Северная надбавка», вручившего её нуждающейся в деньгах семье сестры и тем самым отказавшегося от планов на заслуженный отдых, этот человек пока далек от подобного великодушия: «Под грузинские закуски,/прошампаненный насквозь,/свою арию по-русски/ я спою, индийский гость».

В «Монологе послезавтрашнего человека» (1971) находит свое развитие тема разобщенности человечества. Государственная политическая система разделила людей на партии, руководствуясь принципами, которые представляются поэту абсурдными, нелепыми. Политика «сочла живую душу единицею/ и рассекла на партии людей». По мнению Евтушенко, такой подход к человеку далек от какого-то нравственного прогресса, и поэт называет его «несусветный дикий Вавилон». Однако это стихотворение можно назвать позитивным, т. к. в последней строфе торжествует вера поэта в реальность человеческого единства и нравственных категорий: «И будет мир, где нет калек на паперти, /политиков и нравственных калек,/ а в нем одна-единственная партия – / её простое имя – человек».

Ольга Владимировна КРАВЦОВА

родилась в Ставрополе.

В 2002 году окончила факультет филологии и журналистики

Ставропольского государственного университета.

Увлечлась поэзией шестидесятничества,

творчеством Е. А. Евтушенко.

Защитила диссертацию.

В настоящее время работает

*в Ставропольской краевой универсальной
научной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова.*

Мария КРАУКЛИТ

г. Петрозаводск

«ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ»: 25 лет искренности

16 ноября 2013 года исполняется двадцать пять лет Театру драмы Республики Карелия «Творческая мастерская». Четверть века в строю, как говорили раньше. Много это или мало? Для театра, возникшего в конце восьмидесятых, когда появление любого нового профессионального коллектива могло произойти только с санкции властей, для коллектива, который встал «наперекор ветрам» и пошел по пути наибольшего сопротивления, – это большой, серьезный срок жизни. «Творческая мастерская» – театр, выросший из студийного замеса. Он возник не по велению сверху, а по любви, по свободному волеизъявлению группы актеров-единомышленников. Первыми кирпичиками фундамента будуще-

го театра стали принципы творческой демократии, «круговой поруки добра», как говорили они, основатели театра, создатели спектакля «Завтра была война» по повести Бориса Васильева.

Их было восемь человек – актеров Русского драматического театра КАССР. Перечислим их поименно: Олег Белонучкин, Людмила Живых, Елена Бычкова, Владимир Мойковский, Людмила Зотова, Геннадий Залогин, Галина Москалева, Тамара Румянцева. Вскоре к ним присоединились Александр Лисицын, Людмила и Валерий Баулины, немного позже – Валерий Чебурканов. Это были ведущие, уже состоявшиеся, любимые карельским зрителем артисты, на которых многие годы держался репертуар Русской драмы. Что же заставило их, любим-

цев публики, уйти в никуда? Гражданская и человеческая позиция. Смелость. Честность по отношению друг к другу и к профессии. Желание быть, а не казаться. Ведущим актерам Русской драмы стало тесно в стенах «каменного театра», им хотелось возродить живое чувство театра, хотелось говорить со своим зрителем о главном во времени и в себе, тем более что страна жила предчувствием перемен – на дворе стоял 1985 год...

Но еще до больших перемен в стране в маленьком зале Дома актера СТД Карелии к 23 февраля эта группа актеров сыграет подготовленный своими силами спектакль по повести Бориса Васильева «Завтра была война». Спектакль литературного театра, который игрался почти без декораций – восемь актеров, восемь стульев и патефон – произвел в городе эффект разорвавшейся бомбы.

На него пошел зритель, взволнованный, неравнодушный. «Завтра была война» стал глотком свежего воздуха в театральной ситуации Петрозаводска середины 80-х. Это был правдивый и живой разговор актеров с залом «с глаза на глаз» о нашей недавней истории, о молодых людях, вынесших на своих плечах ту страшную войну. Это был разговор о нравственном выборе, который совершает молодой человек, вступающий в жизнь. «Завтра была война» и ее создатели оказались нужными наступающему новому времени. Спектакль просили сыграть еще и еще, актеров приглашали в институты, в КБ, в залы библиотек, в которые набивалось так много народу, что всегда было тесно и не хватало мест... О постановке стало известно за пределами Карелии. Актеров приглашали в СТД Москвы и Ленинграда, спектакль увидел автор повести – замечательный российский писатель Борис Васильев. Он смотрел спектакль с увлажненными глазами и сказал дорогие для актеров слова: «Да, это мой 9-б!»...

Затем были годы становления, годы борьбы за право на существование нового коллектива. Ак-

Гастроли со спектаклем «Завтра была война», СТД, Москва, 8.11.1989 г.

теры зарождающегося театра несколько лет были бездомными, играли чаще всего на сцене Дома актера, в залах ДК и предприятий, сами себе были и реквизиторами, и гримёрами, и художниками, и монтировщиками. Не было денег, перспективы были весьма туманны, но сколько же веры в своё дело и энтузиазма, сколько товарищества было тогда!.. Литературный театр при Доме актера СТД Карелии, театр-студия, Карельский филиал Всероссийского объединения «Творческие мастерские» – вот этапы становления «Творческой мастерской». Появлялись премьеры: «Печальный детектив» по В. Астафьеву, «Передай дальше» А. Никольской, «Княжны» А. Мишарина. Продолжалось триумфальное шествие спектакля «Завтра была война». Коллектив заметили и горячо поддержали выдающиеся театральные деятели страны: М. Ульянов, В. Урин, В. Мальцев, К. Баранов, М. Эскина, М. Неронский, Ю. Косарева. После пятидесятого представления спектакля «Завтра была война», которое с огромным успехом прошло в СТД Москвы, Михаил Александрович Ульянов предложил молодому театру стать Карельским филиалом Всероссийского объединения творческих мастерских, театрального движения, которое разворачивалось в это время по всей стране. Таким образом, был получен долгожданный официальный профессиональный статус. В память о своих «прародителях», под-

державших нас в самый трудный период, театр стал называться именем, по которому его знают теперь: «Творческая мастерская».

Следующим важнейшим этапом в истории «Творческой мастерской» было обретение театром художественного лидера. Летом 1988 г. по инициативе Олега Александровича Белонучкина, сыгравшего важнейшую роль в становлении «Творческой мастерской», актеры пригласили возглавить свой коллектив народного артиста Литвы Ивана Петрова, опытного режиссера, известного в Карелии мастера, с которым они с успехом работали и в Петрозаводске, и в Волгограде, и в Вильнюсе.

16 ноября 1988 г. на сцене Национального театра состоялась премьера спектакля «Плаха» по роману Ч.Айтматова, режиссура и инсценировка Ивана Петрова. Этот день и считается официальным днем рождения нового драматического театра Карелии – «Творческой мастерской». В начале 1990-х «Творческая мастерская» обрела статус Государственного молодежного театра Республики Карелия и свой дом – сцену бывшего малого конференц-зала бывшего Дома политпросвещения и там же – часть помещений, в которых разместились цеха и администрация.

В этих стесненных и мало приспособленных условиях театр «Творческая мастерская», ныне уже Театр драмы Республики Карелия (с 2010 г.), существует по сей день. Но тогда, после шести лет скитаний, обретение постоянного дома, своей сцены было величайшей победой: «ТМ» стала полноправным драматическим профессиональным театром Карелии.

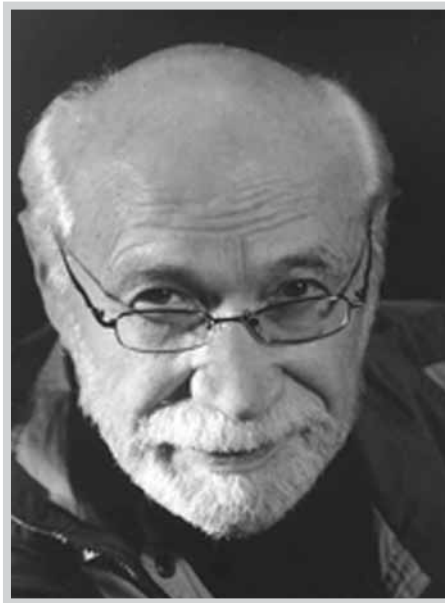
Восемнадцать лет истории «ТМ» – с 1988 по 2006 г. – связаны с именем главного режиссера театра, народного артиста России и Литвы Ивана Петровича Петрова. За эти годы «Творческая мастерская» прошла путь от молодого театра-студии до зрелого профессионального драматического коллектива, с замечательным актерским ансамблем, богатым репертуаром, со своей художественной программой и особым узнаваемым «ли-

цом», любимым и известным и в Карелии, и в театральной России. В театральную летопись страны вошли такие спектакли И.П. Петрова в «Творческой мастерской», как трилогия по А.П. Чехову («Дядя Ваня» 1996 г., «Три сестры» 1998 г., «Вишневый сад» 2002 г.), «Вдовый пароход» по И. Грековой и П. Лунгину 2000 г., а также спектакли сотрудничавшего многие годы с «ТМ» московского режиссера, заслуженного артиста Карелии Андрея Тупикова: «Женитьба» Н.В. Гоголя 1997 г., «Зойкина квартира» М. Булгакова 1998 г., «Бесы» по роману Ф.М.Достоевского 2001 г. и другие.

Летом 2006 г. в жизни театра произошли большие изменения: отметив весной свой восьмидесятилетний юбилей, ушел в отставку главный режиссер и директор театра, народный артист России и Литвы Иван Петров.

Руководителем «Творческой мастерской», ее директором стал Александр Лазаревич Побережный-Береговский. Он привлек к сотрудничеству с театром новые творческие силы, режиссеров, художников-постановщиков, художников по костюмам, композиторов. Это известные театральные режиссеры Борис Цейтлин, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Государственной премии России и Национальной театральной премии «Золотая маска»; Сергей Стеблюк, номинант «Золотой маски» за режиссуру; известный театральный художник по костюмам Михаил Воробейчик (СПб), сценограф Андрей Пронин (СПб) и др. Театр продолжает работать со своими давними соавторами: режиссером, заслуженным артистом Карелии А. Л. Тупиковым и балетмейстером И.К.Новик.

За годы руководства А. Л. Побережного-Береговского в афише театра появился ряд ярких, современных, разнообразных по тематике и средствам выражения спектаклей. Предметом особой гордости коллектива, его несомненными удачами стали спектакли «Гранатовый браслет» (пьеса Н.Климонтовича по прозе А.И.Куприна) в режиссуре Сергея Стеблюка, сказка для взрослых «Марьино поле» по пьесе Олега Богаева в постановке Андрея Тупикова и эксперименталь-

*Народный артист России и Литвы
Иван Петрович Петров,
гл. режиссер театра «ТМ»
с 1988 по 2006 г.*

ная по материалу комедия-триллер по пьесе Мартина МакДонаха «Королева красоты», режиссер-постановщик – Борис Цейтлин. Свой юбилейный сезон «Творческая мастерская» открыла громкой аншлаговой премьерой Бориса Цейтлина «Двое в большом городе» по мотивам пьесы Татьяны Москвиной «Па-де-де». Критики в оценке премьеры были единодушны: это успех ярко-го, театрального спектакля, успех живой, ансамблевой труппы и мастерской режиссуры.

В труппе театра тридцать актеров, среди которых заслуженный артист России и народный артист Карелии Владимир Мойковский, заслуженная артистка России и народная артистка Карелии Елена Бычкова, заслуженный артист России и Карелии Валерий Чебурканов, заслуженные артисты Карелии Тамара Румянцева, Людмила Зотова, Галина Москалева, Людмила Баулина, Валерий Баулин, Александр Лисицын, Дмитрий Максимов, Виктория Федорова, Юрий Николаев.

Среднее поколение – это молодые, но уже известные актеры. В их числе – Наталья Мирошник, Ирина Старикович, Светлана Кяхярь, Галина Дарешкина, Александр Овчинников и другие артисты.

Младшее поколение «Творческой мастерской» – молодые актеры, выпускники Петрозаводской консерватории им.А.К.Глазунова, мастерской Арвида Зеланда (2006 г.) Анна Паршина, Галина Пелевина и Евгений Костин и молодежная студия «ТМ», выпускники 2010 г. мастерской А.Л.Побережного-Береговского.

В Молодежной студии восемь актеров, они вводятся на роли в уже существующие спектакли репертуара, их занимают в новых постановках. Кроме того, Молодежная студия готовит свои собственные спектакли, которые входят в общий репертуар «ТМ».

6 марта 2011 года состоялась премьера первого самостоятельного спектакля Молодежной студии театра «ULTIMO safe», пластической фантазии на хореографические темы в ритмах аргентинского танго – драматической истории, сыг-

ранной без единого слова (режиссер-постановщик Александр Побережный-Береговский, балетмейстер заслуженный артист Карелии Олег Шукарёв). Постановка вызвала к себе живой интерес зрителей и критики, уже в апреле 2011 г. спектакль «ULTIMO safe» был приглашен участвовать в Международном фестивале пантомимы «Белая маска» и 19 ноября 2011 г. стал лауреатом этого фестиваля в номинации «Лучший дебют». В этой же номинации спектакль стал лауреатом Высшей театральной премии Карелии «Онежская маска» в 2012 г.

В театре существует еще одно направление, которое получило название «Живое слово»: это возрождение актерами «ТМ» театральной традиции

создания чтецких спектаклей по произведениям русской и зарубежной классики. Заслуженный артист Карелии Валерий Баулин, известный мастер художественного слова, создал целый ряд чтецких спектаклей, уже полюбившихся зрителю: «Метель» по А.С.Пушкину и музыке Г. Свиридова, «Герой нашего времени» по М.Ю.Лермонтову, «35 кило надежды» по рассказу современной французской писательницы Анны Гавальды, «Анна на шее» по рассказу А.П.Чехова. У В.Баулина есть «последователи» в труппе: несколько молодых актеров готовят сейчас чтецкие спектакли в рамках проекта «Живое слово». Звучащее художественное слово необходимо сегодня, особенно молодому зрителю, как никогда, поскольку в обществе сохраняется печальная тенденция потери культуры устной речи;

чтецкие же программы и спектакли призваны прививать художественный вкус и наглядно демонстрируют силу, красоту и величие русского литературного языка.

Магистральная же линия «Творческой мастерской» остается неизменной на протяжении всех двадцати пяти лет – создание театра живого, современного, психологического, наполненного яркими, подлинными чувствами, которые вызывают искреннее сопереживание в зрительном зале.

*Народная артистка России и Карелии
Людмила Живых*

ТММ

Александр Побережный-Береговский:

«Хочется отстаивать ценности, которые попраны и распяты...»

**Беседа с директором и художественным руководителем
Театра драмы Республики Карелия «Творческая мастерская»**

– У руководителя любого театра должен быть свой узнаваемый почерк, главная тема. Что транслируете вы, когда общаетесь – как худрук и как человек – с труппой? Можно ли выделить главное?

– Так получилось – я даже не очень это поначалу формулировал – что одна из главных моих тем в жизни – корни. Я в детстве получил столько любви в семье, столько гармонии, при всех сложностях, которые, конечно, были. Культ семьи, культ детей в семье – это мне кажется абсолютной нормой. Родители оказались в Петрозаводске по распределению, обе родственные ветки – в Киеве, куда меня отправляли на каникулы. И там я просто купался во всех этих рассказах, семейных байках. Бабушка, например, в юности и молодости постоянно становилась объектом обсуждений. Она – ровесница века. В детстве вместо сказок я слушал ее истории. У себя в родном городе под Киевом бабушка стала первой женщиной, которая пошла работать, – такая эмансипе была. Она вставала в пять утра, обливалась холодной водой, делала что-то по хозяйству, а потом за ней приезжал управляющий на пролетке – на работу везти. А работала она экономистом. Развелась опять же, что тогда было не принято. В общем, женщина-кремень! При этом тоже несла

любовь: одна растила сына, а потом ждала его с фронта, истово веря, что он не может не вернуться, – и дождалась. Появились мы, внуки – и опять любовь. Она умерла в 1984 году – от меня уходила целая эпоха... После университета я по распределению сразу уехал в маленький карельский поселок, и там вдруг возникла огромная потребность выразить все, что я чувствовал после ухода бабушки. Возможно, с попытки художественно оформить переполняющие тебя чувства и начинается театр.

И еще... У меня нет ощущения какой-то своей миссии в искусстве. Но на территории театра защищать, отстаивать хочется ценности, которые в наше время попраны и распяты, как бы высокопарно это ни звучало.

– Вы пришли в театр, история которого началась в 1988 году, на сломе эпох и систем, до вас почти двадцать лет театр возглавлял человек другого поколения, других взглядов. С чего вы начали?

– А начал я, когда впервые встретился с труппой в качестве директора театра, с того, что спектакль может не получиться. Это не трагедия. Я бы высек, если бы мне позволили, это на театре золотыми буквами: СПЕКТАКЛЬ МОЖЕТ НЕ ПОЛУ-

ЧИТЬСЯ. Любой. В любом театре. У любого режиссера. На любом материале. С любыми артистами. Это надо понимать. Это не провал.

Как-то на одной театральной конференции в Москве на сцену поднялся директор театра из провинции и сказал, что в России не выпустить практически готовый спектакль в силу его художественного несовершенства может позволить себе только Табаков. Я сидел, улыбаясь: не на худшие образцы равняемся! Хотелось сказать: и вот мы еще, «Творческая мастерская»!

– То есть то, что спектакль не получился, – это не провал. Тогда спрошу так: что же такое успех?

– Я недавно говорил с молодыми актерами об успехе. Что такое успех в нашей работе? Чем его измерить? Слава? Интервью в газетах и на ТВ? Массовый зритель? Я не знаю – сколько раз придет человек к нам на спектакли. Может, один раз всего! И когда он уже пришел, ему все равно – сколько было рекламы, публикаций, передач про театр, про актеров. Зрителю нужно, чтоб с ним сейчас, здесь что-то случилось. С душой его что-то здесь, в зале, произошло. И тут – либо происходит, либо не происходит. Вот если случилось – это успех.

– А наличие «больших» названий в репертуаре – это успех?

– Мне часто говорят: «Надо брать большие названия...»

Надо не брать, а реализовывать «большие названия»!!! То, что театр берется за «большие названия», за классику, еще ничего не значит. Это может оказаться нафталин абсолютный! Но вообще, классика, разгаданная, достойно реализованная, демонстрирует высочайший потенциал труппы. Если он есть.

– Вы не только директор, худрук, но и педагог. Театральный курс, который был набран в Петрозаводской консерватории в 2006 году, в свое время вызвал огромный интерес в культурном сообществе Петрозаводска. Несколько лет назад молодые студии влились в труппу «Творческой мастерской» и стали полноправными членами этой театральной семьи. Вы растили их «с нуля»...

– О курсе, который мне – так получилось – достался от ушедшей от нас великой актрисы Людмилы Живых, с самого начала отзывались без восторгов, мягко говоря. «Набрали кого попало,

случайные люди...» Мало кто в них верил. Действительно, курс подобрался внешне специфический – почти все невысокие (хотя при чем здесь рост? Давайте вспомним Высоцкого, Дастина Хоффмана, Ал Пачино!), на первый взгляд – не очень эффектные. Многие приехали из отдаленных районов Карелии, Мурманской области: дремучие, ничего не читали, ничего не смотрели.

Но после их выпускного спектакля «ULTIMO café» Елена Маркова, театральный критик из Питера, сказала мне: «Надо же! Если бы они поступали в Питере или Москве, не взяли бы никого – нет внешних данных... Но на сцене творят такое!»

– Я знаю, что вы тогда дневали и ночевали в театре и на курсе, вытягивая жилы персонально из каждого студента...

– В те годы мои собственные сыновья, может, были где-то упущены (хотя я очень надеюсь, что это не так), но все свое время я отдавал курсу. Со стороны сыновей была определенная ревность: старший – ровесник студийцев, глядя на то, что со студентами происходит, был убежден: если бы и он прошел эту учебу, то очень многое бы в себе поменял и преодолел. Речь идет, прежде всего, о внутренних человеческих переменах. В младшего сына, я надеюсь, многое было заложено до десяти лет, пока у меня было личное время. Но появился курс – и все. Каждый день – один вопрос папе: «Я тебя сегодня увижу? Я тебя не увижу?»

Мне постоянно говорили, что в театральных вузах так со студентами сейчас не работают. Возможно. Но у меня свой взгляд. Я вожусь с каждым. Меня вдохновляло и придавало сил то, что я видел реальные результаты педагогической персональной работы. Допустим, я работаю с девочкой, которой нужно спеть песню вдовы для спектакля. Все остальные сидят и слушают. Сначала час-два идет погружение в материал: разбирается ситуация, наговариваются обстоятельства, в которых находится персонаж, ищутся аналогии, прорабатывается подробнейшая жизнь персонажа. Рассказываю о природе человеческих чувств, о том, как переживший горе человек способен воспринимать чужую беду, о том – где искать эмоции, когда такого опыта нет... И вот после бесконечного-бесконечного разбора, после преодоления страхов («нет, я не буду это петь!»), моих уговоров («ну попробуй хотя бы две ноты, но сейчас») рождается песня. Она поет. И мы все сидим в тишине, и вдруг ее однокурсник, который потерял маму в подростковом возрасте, с красными глазами кидается ей на шею, ее в охап-

ку сгребает: «Я про свою маму понял сейчас больше, чем за всю жизнь...»

Вот за этим, мне кажется, и стоит идти в театр.

– Это принципиальная ваша художественная задача – глубоко эмоционально подключить каждого зрителя?

– Если бы я этими вещами не был озадачен, то это был бы сегодня другой театр. Он, наверное, существовал бы даже более успешно, стабильно. Но я живу другим и другое ищу. Другими категориями оцениваю результат. Я не могу слышать в театре: «Мило!» Что такое «миленькая пьеса, милый спектакль...»? Я не хочу – мило! Хочу, чтоб на спектакле мне кишки выворачивало – от смеха или слез.

Такие театры в России есть, но их мало. Театр Фоменко, например, его «Волки и овцы», «Владимир Третьей степени». У Товстоногова, у Додина, у Захарова я это видел в лучших спектаклях... Верю, что это возможно и у нас, с нашими актёрами.

– «Это» – это что?

– Ежесекундное осмысленное проживание в роли, не оставляющее никого равнодушным... Для меня очень важно, чтоб актеры познали вкус реального существования на сцене! Не внешнего успеха вкус, а реального существования! На некоторых спектаклях это демонстрировало старшее поколение, наши мэтры. Сейчас к этому пробивается среднее поколение. Да и студийцы – каждый! – хоть совсем в малых дозах, но почувствовали, что самое главное в спектакле – это рождение эмоции на глазах у зрителя. Рождение эмоции, а не ее симуляция! К этому невозможно остаться равнодушным. И тот, кто однажды попробовал настоящее, живое, очень тяжело переходит на суррогат.

Если не за этим вот подключением зрителя к актеру, то зачем еще в театр ходить? Когда оно случается, это большое потрясение. Как сказал один совсем молодой актер, это круче, чем секс. Сотворчество действительно очень интимное дело, очень!

– Но и от публики кое-что зависит. Иногда как ни бейся...

– Конечно! Я, например, не понимаю, что такое европейский уровень театра! Я понимаю, что такое европейский уровень сантехники. А что такое европейский уровень театра – не понимаю. Не европейский театр, который сейчас развивается очень интересно, а то, что у нас принимают за эталонный европейский уровень театра, как будто речь идёт о евро-

ремонте. Вообще, мне кажется, что если есть сферы нашей жизни, где неуместно подобострастное преклонение перед Западом, то театр – одна из них. Но только тот, наш – настоящий живой театр. Ну а если в зале сидят люди эмоционально холодные, благополучные, которым и на сцене предлагается такое же нечто изысканно холодное и благополучное, – что с этим делать? Не случайно именно в Европе родился театр Арто – театр жестокости. Человека нужно ввергнуть в шок, чтоб он хоть что-то почувствовал, чтоб его вытащить из этой скорлупы! Мне же нужно от публики со-творчество, со-переживание, со-страдание, со-чувствие, со-участие. Вот это СО постепенно уходит и из нашей жизни, и не только из театра!

– Но любовь (или ее отсутствие), по-моему, все равно везде остается главной человеческой темой в театре и жизни...

– В «Творческой мастерской» про любовь «Та самая Дульсинея» – спектакль, не так давно поставленный у нас петербуржцем Борисом Цейтлиным (спектакль по пьесе Александра Володина «Дульсинея Тобосская», с которой многие знакомы по одноименному фильму с Натальей Гундаревой в главной роли. – **Прим. автора**). Да, его не все приняли, он не доведен до совершенства, но это и не заштатная работа, утонувшая в слезах и сантиментах. Это сильное и современное высказывание. И для меня это очевидно – про что: вот конец времен. Не люди, а людишки, не страсти, а страстишки. То есть именно то, что мы сейчас переживаем. Откуда ждать возрождения, когда кроме апатии ничего нет? Но вот перед нами простая баба деревенская, которая живет самой обыкновенной жизнью. Но она способна любить. И она любит! Какой-то мелкий, закомплексованный, обидчивый Алонсо Кихано вознесен ею на пьедестал. Казалось, в таком человеке, как Кихано, уже ничего стоящего не может родиться, но Дульсинея делает из него героя! В этом спектакле нет ожидаемой испанщины, нет даже конкретного времени: все это может произойти где угодно и когда угодно. Если и ждать возрождения, то вот отсюда – из простых, но подлинных вещей, которые случаются с обычными людьми.

Беседовала Серафима Ясинская

При оформлении материала использованы фотографии, предоставленные театром

Виктор
РУЖИН

НЕНУЖНЫЕ ЛЮДИ

НЕНУЖНЫЕ ЛЮДИ

рассказы

С самого мальчишества Игнатку Землякова отец держал в строгости, нежности да всякие там ласки не позволял. Просто он для него был рядом живущий. И в глазах сына стоял не отец, а насупившийся кряж. Влас Земляков был изобретатель-самоучка, смастерил себе самодельный телескоп и по ночам через открытую форточку смотрел на звёзды. А сыну было любопытно. Что он там всё ищет? То ли других людей, то ли другую жизнь, но всё смотрит и смотрит. А может, родственные души хочет встретить? Игнат слышал, как отец говорил, что он слышит их голоса. Они где-то рядом. К телескопу Влас никого не допускал: ни своих семейных, ни чужих. Но когда отца не было дома, Игнатка всё-таки добрался до телескопа и стал тоже смотреть на звёзды. Таращился, таращился и ничего там интересного не нашёл. Тогда он ещё яростней стал смотреть, ведь что-то же там отец находит, и, увлечшись, в запальчивости уронил телескоп, и телескоп сломался.

Увидев разломанное своё устройство, над которым Влас трогательно корпел, в которое вложил всё своё умение, силу и жизнь, он в страшном гневе стал бить сына. Тот, вырвавшись, выбежал на улицу. Влас за ним. Догнав Игнатку, он зажал голову сына

«СЕВЕР», N 11-12 2013

меж своих ног, снял с себя ремень и, спустив с Игнатки штаны, стал пороть на глазах опешивших соседей. Игнатка неистово кричал и рвался. В злобе отец бросил одуревшего от рёва сына и ушёл в дом.

Сломанный телескоп — это все равно что сломали его самого, такого стерпеть он не смог. Через телескоп хочется Власу найти что-то интересное, чем-то занять себя от плохой земной жизни. Ему обязательно надо отогреть сердце другой жизнью, отогреть от жестоких людей, от их лютости. Скулит у него душа по матери и отцу, и желает он эту боль затянуть небесным смотрением. Был Влас ещё мальцом, когда большевики вывели его родителей за деревню и расстреляли. Расстреляли, признав их народными мучителями. А эти мучители всего лишь не терпели лодырей, пьяниц да бестолковость. Зависть мучила сознание: «Ты посмотри-ка, как живут-то хорошо. Ишь ты, какой дом у них красивый, да и кирпичный. Хозяйство исправно держат, сволочи. Вона какие у них сытые лошадки, и пшеничка вдоволь водится».

Испугавшись винтовок и злых людей, Власка спасая, спрятавшись в бурьяне, и после выстрелов он пополз к родителям. Добравшись до них, он приблизился к убитой матери. Отец лежал рядом ничком, уткнувшись головой в землю. Мать лежала на спине с открытыми глазами, смотрящими в небо. Эти глаза просили защиты у неба, а вышло по-матерински проститься с небом и Власом. Материнские глаза стоят у него в памяти. И небо тянет его, напоминая о родных глазах. «Мёртвые держат живых» — это стало для Власа воочию. Ему помнится, как отец сердчал.

— Недоумки, только ритм сбили, жизнь под корень скovyрнули. Чехарда теперь плясать пойдёт, всю здравость срушили.

Старшие братья и сестра разбежались, и больше они уже не встретились. Дорожки их разошлись навсегда. Дорожка Власа проросла колючками, прошла по впадинам и буграм, помутнениями и светлыми вспышками, срывами и подъёмами, по велению безжалостной судьбы.

У Власа с возрастом стала болеть голова, и при сильных приступах он повязывает её чёрной повязкой. Влас Земляков работал в шахте электрослесарем и слыл народным умельцем. Много он вносил рацпредложений по работе, но от него только отмахивались. И он остыл,

поняв, что никому это не нужно, не до него, есть дела поважней. Как игре в социализм придать вид серьёзный и реальный, как из фикций вывернуть дела, похожие на настоящие? Из ничего сделать что-то — это фокус золотой рыбки. А состряпать из вранья социализм — это серьёзнее, даже рыбке не под силу. Какую силу надо из притворства войти в строгий вид. Вид правды... И быть всё время начеку. Такая клоунада — это дело не шуточное и высасывает много сил. Сила выживания у каждого своя, каждый выживает как может. Один прикидывается, что верит, другой убеждает себя, что верит в коммунизм, и всё для того, чтобы быть и ходить у власти в хорошеньких.

Если Влас не пьёт, то мужик он, привлекательный своей задумчивостью. В нём спрятана сила пытливого ума, и сидит она в нём червоточиной, точит его и точит. Когда в голову Власу залазят черти, он не мешкая бежит в магазин за водкой и пьёт её до одурения, пьёт неделю, а то и две, чтобы одуреть. Через дурь он обороняется от червоточины да навязчивых чертей, чтобы их выгнать. Но черти не хотят вылезать из головы, и тогда он взьерошивается и ерепенится. В дебоширстве изводит семью. И семья разбегается быстрее чертей. В это время жена Лиза не заходит в дом и ночует в огороде, прячась в картошке, пока большой и грозный Земляков не перебесится.

А Игнатка предоставлен себе, наслаждается свободой, целый день отсыпается в стайке, а вечерами слоняется да ширмачит. Сам себе хозяин. Игнату нравится летать. Это его лучшее состояние души. Он много летает во сне и когда просыпается, то самый счастливый на свете. После отцовской порки у него отложилось в голове, что нет в этой жизни ничего настоящего, всё нарошничное, всё какое-то кувырково-заигнанное. И он тоже у родителей неправдашный, так себе, игрушка для забавы, которую можно зашвырнуть как надоевшую.

Во время запоя для Власа все бабы — дуры и в головах у них одни тараканы. Ну а для жены все мужики, конечно, сволочи.

Подурев, Влас бросает пить, становясь задумчивым и внимательным. Начинает серьёзно оправдываться перед семьёй и людьми, вежливыми манерами и мягкой речью утверждает, что, мол, это всё неспроста, это необхо-

димая нужность жизни. И этим смекалистым убеждением вселяется во всех своей тактичностью. И про свою спутницу он уже не может сказать, что все бабы дуры. И жена, подобрев, молчит, и муж для неё переходит из плохих в хорошие. Так же и она для мужа похорошевшая. И жизнь становится на прежнее место, начинают жить, как и прежде, — всяк сам по себе. Муж — увлечениями, жена — заботами.

Влас не жил, а приспособливался, он не оголял свой внутренний мир, а зажимал его в себе, вынужденно врал, скрывая свою вражду к лживому лоску, и на ложь отвечал ложью, защищаясь от показного патриотизма и преданности к навязанной идее коммунизма. Он чувствовал, что такой строй не вечный жилец, где все скованы обручем безликой кучности без понимания того, что происходит в жизни.

Школу Игнатка промозолил ни рыбой ни мясом, проскакал примелькавшимся середнячком. До тошноты нахлебался он ученического бульона, а пятёрки на зубах всё-таки не хрустели, лишь тройки слетали шелухой, прикрывая двойки, но читать почитывал для смаку и ядерности души и от лопушастика в беззаботном задоре добрался до юнца. За партой он получил прививку — «смысл в жизни не добывать». Зачем? Если он уже добыт с тысяча девятьсот семнадцатого года. Свет тебе уже зажжен и путь тебе указан, счастье у тебя в руках — и живи, не кувыркайся. Это раньше было темно, а сейчас свет, и давай-ка шагай да шагай, не кручинься, поживей и в ногу, в ногу, не сворачивая, и с песнями вперёд. Но, вопреки учебной болтушке, Игнат всё-таки для забавы был пытлив и любопытничал, что там происходит за рамками школы. И как мал-мал оперился, он тут же шагнул в армию.

Но там оказалась поступь другая. Вначале для проверки на счётку армия трошки побаловалась с Игнаткой. Для боевого крещения показала ему, где раки зимуют да как портянки пахнут. Потом сердито шарахнула под дых и пустила пацана тащиться на полусогнутых да отбивать в почитании да в ревнивом подчинении службу. И вот он, обкатанный муштрой, отчеканенный дрессировкой, вылетел пугливым стригунком на гражданку. Но ещё долго не покидали его слова «есть», «слушаюсь», «так точно», «совершенно верно». Отдышавшись свободой, Игнат убился совестью, что он единственный у отца с матерью

и родители затаив дыхание ждут наследника. Чтобы не томить их, он женился для оправдания надежд, да и род продолжить. Женился на хорошенькой блондинке, подкупив её рыжей кучерявой причёской и вежливым обхождением. И наследник вскоре обрадовал ждущих своим криком.

Завод, на котором Игнат что-то делал, а в основном не сознавая что, прозябал в одряхлевшем старчестве, душивший дымом и копотью, он гнобил Землякова-младшего гулом разбитых станков, визгом механизмов, расхлябанностью и нудной отбиваловкой. И весь смысл Игната уходил в ожидание окончания смены. Отмывшись от копоти и масла, он летел домой, на островок тепла и уюта, уткнуться в мягкие объятия жены и щебетания сынишки. Он брал его на руки, подкидывал под потолок, теребил нос, игриво кусал уши, щекотал губами личико малыша, и, балуясь, они безудержно смеялись.

Когда Влас Земляков услышал, что все кричат «Ельцин, Ельцин, Ельцин!», на руках его носят, он тоже оживился, поворчал.

— Революция для жизни всё равно что дождь в зимнюю стужу, одно только смертоубийство.

А когда Ельцина на трон российский посадили, то от волнения Влас лёг спать. Но лёг он в одном строе, а проснулся в другом. Проснулся, вокруг осматривается, оглядывается, а Советского Союза нет. И тут он смекнул, что придуманный Советский Союз, этот балласт на здоровой жизни, приказал долго жить. Рухнул. И чем теперь лозунговая страна подменится: властью наглых бандюг или хваткими жадными чинушами? В общем, хрен редьки не слаще. Земляков не то чтобы покручинился, но как-то дрожью встряхнулся, вытянувшись, распрямился, крикнул и стал жить дальше. И хотя Влас к этой возне и ко всякому крику был равнодушен, его это не касалось, но на всякий случай чёрную повязку с головы снял. Снял то ли для приветствия чего-то нового, то ли от неприязни старого, он этим не задавался. Он просто подчинился всеобщему восторгу. Влас был холоден к людям, считал их недалёкими. «Они кичливы, носятся со своей персоной как с торбой и живут не разумом, а запалом чувств». Земляков Влас не может простить vzdыбленное время, разрубившее ветвь его родословной.

И как всё поутихло, стали Ельцина ругать.

— Обманул нас, всё, что обещал, — наврал. Пускай под поезд ложится.

Земляков тут и понял, что человека Ельцина не стало, ушёл в себя, в своё имя и там исчез, ужаснувшись российской пропасти, нескончаемому шутовству и порокам. Стал болеть, спустился с капитанского мостика, и пошла кружиться важным вальсом мелкотравчатая публика. Закрутилось шулерство, потянув Россию в чёрную бездонную воронку.

Власу стало страшно, он почувствовал, что с него кожу сорвали, и стало ему зябко. Тогда он вновь повязал на свою разбитую событиями голову чёрную повязку и стал всё позёвывать и позёвывать. И как-то он подозвал к себе сына и сказал:

— Игнат, вот я умру, а ты будешь жить ещё хуже, чем я. Тебе будет тяжелее во сто крат, чем мне. Если большевики своровали у человека правду, то сейчас своровали и душу. Страна себя проедает, захребетников много. Шушера загнездилась, шушера. У нас ведь жизнь процветает не по способностям человека, а по знакомству и по блату, и жизнь от этого закидает в стоячем болоте, а у тебя ни родственников, ни знакомых нету. Идёт не жизнь, а эстафета смерти. Мёртвые по эстафете передают смерть, таща за собой живых. Россия большая, а пространства стало мало. Будете жить живыми мертвецами, мертвее мёртвых.

Игнат смутился, ничего не сказал, но эти слова запали ему в душу.

В преклонности Земляковы надоели близостью друг к другу. Мелочные подробности их ожесточили, отбили от супружеской жизни. И они пошумят, поскандалят и впадут в наслаждение тишиной. Отойдут отдыхать оглохшие тишиной и опять возьмутся скандалить. Так и пускают свою старость по гребешкам и спадам волны.

От резкого поворота страны у Землякова-старшего рот совсем не стал закрываться, и он умер с открытым ртом, хотел что-то сказать от обиды, но не мог. Только глаза его застыли в мысли: «Людишки вы людишки, никчёмный вы народ, какие-то вы все чужие друг другу, я тут с вами только себя потерял, а найти ничего не нашёл, и ухожу я от вас наконец в праздник, в высшую свободу». Так и ушёл Влас, ничего не сказав и никем не понятый, немотой

повязанный. Ушёл к зовущим его голосам.

Жена Власа, живя без мужа, измучилась свободой. В свободе она чувствует себя несвободной, какой-то неловкой, как-то сиротливо. Что она никому не нужна. Тишина её пытается, тоска рвёт. Она не найдёт себе места в свободе. Все углы и места её презирают. За что ни возьмётся, всё не так выходит, и всё ей что-то мешает, всё что-то за неё цепляется. То угол стола в неё воткнётся, то табуретка ногу зашибёт. Неуклюжесть её всё преследует и преследует. Извелась она свободой, готова в петлю залезть. Устала она жить, видеть одни и те же стены, одни и те же лица и слушать одно и то же. Неуютно ей в свободе, слишком много углов да неведомого, слишком много враждебного пространства.

В развале потешной системы, как только Ельцин ляпнул от широкой души, не почесав затылок: «Берите суверенитета столько, сколько сможете унести», и ценовые вожжи отпустил, тут сразу и стали растаскивать суверенитет по своим хатам. Горячий Кавказ вспыхнул войной, кровушка водицей полилась, и гроздьями посыпались срубленные головы. Взлетевшие мигом до небес цены с высоты стали народу страшные рожицы строить. Тут-то партийные перевёртыши быстро и легко преобразились, вместо пламенных борцов за коммунизм сразу стали пламенными строителями капитализма — бардака. Стали рубить шальные деньги да сходить с ума. Каждый упырёк тащит всё под себя, рвёт капитал народный и прячет кубышки за бугор. И пошёл парад безумств. Затрещала страна, загудел и народ: «Куда ты смотришь, царёк, не туда же, пляска идёт». И впрямь свистопляска шальная шла от Владивостока до Калининграда. Загуляла земля в воровской шалости, и проворные ребятки стали чистить всё, что плохо лежит и что нравится. Коршуном поднялся триумф бандитской ярости. Те, кто свистоплясали у трона, выплясали себе пирог с яблоками и стали неприкасаемыми, превратившись в элиту. А плясуны на задворках отплясали себе лишь чугунные крышки от канализационных колодцев. Грабёж выворачивал до изнанки. Маленькие пушистые бесенята подражали большим щетинистым бесам. Дьявольщина смерчем кружила.

В разделе безумств властвовал воровской делёж. Беспозными оказались целые заводы, це-

ха, оборудование, механизмы и станки. И пошёл бум бесплатного дележа. Делили не заработанное, а свалившееся сверху добро, тайно, без согласия и участия народа. И тут же приёмные пункты для обслуживания воровства выросли как грибы: и в частных дворах, и в крупных складах по приёму металла. Стали сдавать всё. Не гнушались и кладбищами, тащили с них металлические памятники, ограды, тащили всё, что было железное. Плевать хотели на святые места. Шерстили общественные сады, утаскивали баки, лопаты, вилы, весь инструмент, трубы, металлические сетки, кастрюли, чайники, самовары, чашки, ложки. Тайфун не щадил ничего, ничем не брезговали, резали провода и кабели, всё, что принимали, — всё тащили. Этот смерч бушевал повсюду. Смерч предприимчивой руки хищника.

Игнаткин завод задохнулся в свистопляске и, закашлявшись в чаду, сыграл в ящик, сдох ни за понюшку табаку, как в старческой непригодности. Заколотили туда его купчики купи-продай. И пришлось Игнату под прощальный марш отшагивать домой на посиделки. И куда он ни сунется на работу, везде ему играют марш «Прощание славянки». Никому он стал не нужен, усматривали в нём лишь отработанный материал, не пользующийся спросом и не вписавшийся в склоченную жизнь. В знак кончины старого света Игнат на последнюю получку взял ящик водки и, забившись в одиночестве, в упавшем духе, горько пьёт, справляя поминки по ушедшему миру идилий и поминки по себе. Пьёт, чтобы лететь. Ему хочется улететь к звёздам от этой унылости и от страха будущего. Сидит он дома нос повесивши, горюет. А жена заявляется с новым мужем. Не стала она время терять, пока Игнат водку допьёт, и, чтобы ноги не протянуть с голоду с сыном, обзавелась дешёвым пухленьким уркой. И тот на правах нового мужа сразу бойко выступил хозяином. Не мешкая, он выкинул два перста вперёд и, шевеля ими, пошёл угрожающе на Игната.

— Ты, чмо, кинься отсюда, а то я счас в твоих амбразурах свет потушу.

Игнату ничего не оставалось, как тряхнуть рыжей гривой, развернуться и убраться жить к матери.

Придя к матери, Игнат красноречиво изъяснился.

— Мать ты моя мать! Мои финансы такие сделали реверансы, что петь нам с тобой теперь романсы!

Мать вначале замерла от такой новости, но встретила сына с надеждой, что он хоть облегчит её старость. А сын только лёг и покуривает, не сходя с кровати, ушедший в мечту сладкого полёта. Тут мать в безмолвной холодной паузе и поняла, что на неё свалилась тяжёлая невзгода. Жить придётся теперь без покоя, в тревоге и в натянутых нервах.

В цвете сил мать не могла на сына насмотреться, когда он был маленький, рубашки его отглаживала, следила, чтобы костюмчик был на нём с иголочки. Ведь власть имущие пели всем счастье, и она верила, что её сынок будет обязательно купаться в этих кумачовых зорях и её старость обогреет. А что получилось? Он сел на её шею проедать её крохотную пенсию. «Если бы я знала, что он будет шалопай, я б его не родила. А то вырастила кукушонка», — мучили её мысли. И она стала на сына роптать.

— Ну что я, мать, сделаю. Нигде меня на работу не берут.

— По дому хоть что-нибудь помогай тогда.

Поднялся Игнат и отправился на промысел добывать металлолом да сдавать на приёмные пункты, хоть грошом на курево разжиться. Благо что в стране ещё со времён советов земля была загажена металлоломом. В лесных колках ржавели брошенные сеялки, бороны, плуги и много разного металла рассеяно на обширных полях. Эти поля ждали Игната в крике «бери, не ленись!». И Игнат бродил по приволью, разживаясь металлом. И находил не только металл, но и подружек, которые легко становились его женами. С жёнами Игнат был в полёте души. Летел в радостное состояние.

Шли к нему жить больные, спившиеся и битые женщины спасаться. Шли спасаться от отпетой жизни. Разочаровавшись во всём, они надеялись найти хоть у него уголок, ещё не зацапанный когтистой лапой прожорливого зверя, и были рады обмануться, чтобы быстрее их затащила к себе смерть.

Мать не могла с этим смириться, выгоняла приبلудную жену из дому. И Игнат уходил вместе с женой жить в сарае. Очередь его жен была длинна и подвижна. Одни жёны убежали от него, другие умирали.

В холодную зиму мать не выдержала и, смирившись, пустила жить сына с женой в дом, чтобы они не замёрзли.

Мать много плакала. И, измучившись, она видит сон, как земля перевернулась и сбросила на адскую раскалённую сковороду её сына и множество таких, как он. В этом огне ада они, корчась от боли, в страшных муках сгорали. Сгорали без укора, молча страдали за грехи всех. А наверху сидят уцелевшие и наслаждаются счастьем невинности, не тронутые карой. Они обошли её, толкнув туда невинных. Столкнули в огонь за то, что они не такие, они не могут лгать, не могут воровать, не могут предавать.

И мать, не выдержав, закричала на сидящих сверху.

— Убийцы, несчастные люди за вас сгорают, они жертвы ваших преступлений. Они не могут выворачиваться, как вы. Они принимают смерть за то, что верили вам, а вы их предали, увернулись от суда и скинули их вместо себя. Ваши преступления не выдержала земля, перевернулась, а в аду гореть должны вы. А вы от суда откупилесь, кинули в пасть огня вместо себя невинных. Вы должны быть в ответе за всё.

Но слышит мать голос откуда-то: «Эти горящие грешны тем, что дали обворовать себя». От услышанных слов мать застыла.

Спит Игнат, измождённый мученической жизнью, а когда проснулся, мать мёртвая лежит.

— Ты чё, мать, умерла? Ты зачем так сделала? — закричал он не своим голосом. — Ты зачем умерла? — Смотрит он на неё и смотрит. Затрясёт головой и опять смотрит. Захлопав глазами, он вышел на улицу.

— Вот так да! Вот так да! Вот так да! — ходит и бормочет он. Ходит, ходит, а зачем ходит, он этого не знает, и что теперь делать и как быть, тоже не знает. А когда вернулся домой, мать всё так же мёртвая лежит, и голос в нём вновь заговорил: «Вот так да! Вот так да! Вот так да!»

Знакомые старушки скинулись и скромно, в молчаливой угрюмости похоронили мать Игната. А сам Игнат был с застывшими глазами и пустой головой. Он был отключён смертью матери и молчаливо, медленно выполнял только необходимые движения.

Металл в полях и в закоулках весь собрали, и Игнат вновь остался без работы. А воровать и тащить, как делают другие, он не может. Хотя люди его бьют и проклинают за ворованные вещи, за металл и проволоку, хотя он в этом неповинен. Но бьют его для острастки и для успокоения себя. А неугомонные злопыхатели переругались друг с другом. Каждый подозревает каждого, что тот плохо уничтожает Игната. Бесит их его обрёмканный внешний вид. Эти люди живут привычкой изничтожать себе подобных. А то, что Игнат не такой, что не похож на них, что он не благополучен, как они, они простить этого ему не могут.

Средства для пропитания Игнат стал теперь добывать на помойке.

Обследует мусорные контейнеры вместе с бездомными собаками и кошками. Собаки и кошки уступают ему в добыче, только молча смотрят, сопровождая его находки взглядом. Найденные им выброшенные объедки он не съедает тут же, а несёт домой, где ждёт его жена. И он радостно несёт ей, чтобы поделиться. Но однажды, придя домой, он обнаружил жену мертвой.

Хоронили жену безлюдно: только родственник умершей, Игнат и блаженный с небесно-голыми глазами, названный народом Немша.

Похоронная команда, наспех зарыв могилу, по свежему холмику хлопнула лопатой и крикнула: «Всё!» Уехала.

Оставшиеся трое ходили вокруг могилы. Родственник надел на деревянный крест венок и, сильной рукой привязав его проволокой, вымолвил:

— Давай здесь помянем покойную.

Потоптавшись, расселись на землю у могилы и стали пить. Задурев от выпитого стакана водки, Немша гордо и хвастливо стал вертеть пальцем у своего виска перед родственником. Улыбаясь, он указывал головой на заросшего, с всклокоченной бородой Игната, что тот совсем дурак. А Игнат на это только безучастно смотрит. Он летит к звёздам. Летит туда, где хорошие люди, где понимают, где не унижают.

Блаженный не унимался.

— Зачем бабу такую загубил? — приставал он к Игнату. И, замотав головой, ещё яростней продолжал: — Такая баба, ай-я-яй, накрылась! Охи баба! Вот так! Я с такой бабы конфетку бы

сделал, а ты в землю её положил. Такую бабу земле отдал. Эх-хэ-хэ! — И он опять покрутил пальцем у виска и стал всхлипывать.

Родственник тоже расчувствовался и не выдержал:

— Да. Наша жизнь — без выплаты душой. — И многозначительно обвёл глазами кладбище.

— Россия никак не может разродиться свободой. Вроде схватки у неё взялись, ан нет, не тут-то было, только преждевременный уродец выплюнулся. И этот недоделанный такой кручённый вьюн, что своими каменными желваками только мужика жуёт. А почему? А потому, что искусственная беременность была ещё при советах. Вот и пожинаем чудовище. Народ опять в стойле оказался. Люди с лёгкостью отдали свою свободу сквалыге. И рубль подмял душу.

Помолчав, он добавил:

— Живём мы иждивенцами у природы, а не умом. Она нас только и выручает.

— А чё, да. Пожалуй, ты прав, — согласился Игнат. — Выходит, была эпоха идейных дураков. А крокодилы повывлазили и всё поглотали.

Тут блаженный Немша совсем разревелся. Перевернувшись на живот, он ткнулся лицом в траву и зарыдал в припадке, вздрагивая. Но вскоре затих и уснул.

Игнат видит, как листва деревьев и кустарников волнуется тонами: где неожиданно намуруется густой зеленью, а где расслабится белесой. Берёзы отбеленными стволами туго вытянулись к солнцу. Выполощенное синевой небо глубит в себя его взгляд. И только сонные паутинки, лениво покачиваясь, вытягиваются в тоненькие ниточки в беззвучной прозрачности. И вдруг качнётся покой от крика испуганной птахи, она камнем кинет себя в чашу, и опять всё замрёт. И сознание чёрным кристаллом неморгающего зрачка умирает.

Опьяневший, увлечённый дуэт, забыв про Немшу, поднявшись, в разговорах стал удаляться с кладбища.

— Оно, конечно, жизнь наша не жемчужина, но и обуревать мрачностью тоже негоже, — напором налегал родственник.

— Но ты тоже пойми, у нас в детстве жизнь другая была, и мы это время спалили со школьной скамьи. В балду уходили. Мы же заразой-чудилкой заражены были. «Лучше бал-

ду бить, чем свай», — убеждал себя и родственника Игнат. — И вот ушла сказка, и всё до последнего разворовали, а мы только остались брэнчать скелетом.

Разгорячённые слова стали затухать в пространстве и, перейдя в глухой шум, вскоре совсем стихли. И удалившиеся фигуры, слившиеся с крайними постройками раскинувшегося посёлка, совсем потерялись.

Немша, проснувшись, подполз к венку и опять стал плакать. Поплакав, он, вытирая слёзы земельно-чёрным кулаком, густо измазал и так грязное лицо, стал ворчать.

— Жинщина должна верховодить житём. Мужик, ыхы-хы, охи дурак, охи дурак! Ну да-а-а!

Озираясь вокруг и обнаружив, что один, он стал натягивать на себя венки. Но венки не поддавались. Тогда он с силой рванул его и, натянув на себя вместе с крестом, медленно, бурча под нос, потащился с кладбища.

Шёл блаженный по улице уже в сумерках с крестом на спине и с венком на животе. Шёл, взлохмаченный, грязный, в разорванной рубахе, вылезшей из штанов, размахивая руками. То остановится, покричит, шатаясь, то опять пойдёт, кидаясь из стороны в сторону. Встречная старушка, увидев такое чудовище, в испуге, крестясь, шепчет.

— Свят, свят, свят! Матерь моя божия! И что ж творится-та? Ишто, никак бес ерепенится Русию поломать?! Нечистая окаянная повывлазила охотой люд дурить никак?

Изумлённые бабы столбенеют с вытаращенными глазами, охают, хлопая руками по бёдрам. Только бесстрашная пацанва любопытной толпой да дробью хохота сопровождает его.

Долю умершей жены Игнат так и не съел. Он не может дотронуться до доли усопшей. Эта доля так и лежит, им не коснувшаяся, высоко на шкафу, как доля поминальная по ушедшей из жизни жены. Живёт он только желанием, что скоро улетит тоже в вечный полёт. А сейчас он только шарит в тёмной комнате чёрного кота.

Теперь, оставшись один, Игнат домой уже не торопится, только медленно бродит по улицам, по помойкам.

Упитанная маслянистая рожица, разъезжа-

ющая на дорогой иномарке, смотря на возившегося в мусорных контейнерах Игната, убивающей издёвкой кричит ему, не вылезая из машины:

— Эй ты! Ты небось миллионером стал. Я тебе не чета. Не угнаться мне за тобой. — И, хохоча под рёв мотора, этот счастливчик, радостный за то, что растоптал слабого, горделиво уезжает.

А Игнат, серьёзно занятый спасением своей жизни, увидев проезжего, только вежливо отвечает на это: «Здравствуйте».

У него нет уже сил парировать на едкие выпады зажавшихся. Игнат сломлен и подавлен, не может дать отпор этим сильным смеющимся. Его жизнь на волоске. И кроме как «здравствуйте» (это его защитная реакция) ответить он ничем не может. Для него сидящие в машине чудовищно страшны. Этим огромным бесчувственным валом он раздавлен.

Лишь люди, не затянутые жиром, сочувствуют ему, подкармливают его, делясь с ним со своего стола: кто супчиком, кто картошечкой, кто хлебом.

Игната стали посещать видения. Лежит он, и видится ему, как катится по стране огромное воровское колесо хамской малины. Где осевая втулка — из жлобной людской суррогата, а спицы — из держиморд: сгублю душу от министра, бессмертной бестии, до чинушной кручёной блошки. А связующим ободом является зуботычная публика бандитов, жуликов, плутов, шулеров да шутов. И вся эта ряженая блудь, сплетённая в разбойничью конструкцию, кичливо и весело двигаясь, давит молодые всходы свободы. Эта чванливая камарилья, упиваясь властью, разухабисто отыгрывается, пируя на безысходности униженных. Она уверена, что народ всё равно зачуханный и живёт на полувздохе загнанным борзым.

Проморгавшись от видения, Игнат горько утверждает: «А ведь всё это есть воочию».

Забился безвылазно Игнат в доме-берлоге, задичал в общении приبلудных кошек. Стаями они прыгают к нему через форточку. Делится он с ними пропитанием с помойки, и кошки в благодарность зеленью своих глаз и мурлыканьем живут его. Полижут свою шерстинку и улягутся клубками цепочкой, охраняя его. А Игнат, изнывая, только силпо вытягивает:

— Вы тоже безработные, мышей не ловите,

затупились у вас когти, а у меня вот затупилась голова. Мы все с вами выброшенные безработные. Ну ладно, пришла ко мне тут красавица смерть и манит: «Пошли со мной, и ты полетишь. Здесь тебе плохо».

Стал Игнат задыхаться в лёжке омертвелой и вышел на улицу. Улица встретила пьяным воздухом, и он шёл, шатаясь, не разбирая дороги. Почерневшее небо опустилось на него свинцовой тяжестью, и он упал и пополз. Но силы его покинули, и Игнат лёг на землю недвижимым. Всё затянуло тишиной. Где-то только далеко-далеко тоненько звенит. Потом и звон прекратился, всё стихло. Всё потемнело. Всё исчезло. Стало ему хорошо и легко. Стали его поднимать, а он мёртвый.

В морге Игната побрили, из шланга напором воды прошлись по трупу, натянули одежду и, расчесав, упаковали в грубо сколоченный гроб. Лежит он с заострённым обескровленным лицом, маленький в большой безлюдности.

Хоронили Игната только двое: первая жена и повзрослевший сын. Сын стоит, мелом побелевший, и неотрывно смотрит на мёртвого отца. Смотрит и смотрит, не в силах оторваться. Словно привязан невидимыми нитями. Эти нити, нити родной крови тянут его, скованного, в страх. В страх предчувствия, что его отец пал усохшей грушей от бывших засахаренных начальников-скользунов и теперешних жуликоватых крутунов. Они подспудно мстят народу: «Вы хотели свободы! Вот и получайте, дохните свободно!» Они карают народ опустошением, стянули на себя всю скатерть полнокровной жизни и выжигают ему глаза башнями теремов, отдыхая на страдании обречённых.

Ушёл Игнат, упокоившись на кладбище, где деревья поднялись над крестами и сторожат тишину, которая усмирила и уравнила покоем всех здесь лежащих. Только месяц скучает в кладбищенской тиши да филин прошуршит крыльями, гоняясь за тенью привидений. Здесь спрятаны судьбы забытых поколений. Их души висят мерцающими звёздами, испуская лучи на землю, и, вспыхивая светлячками, оживают памятью об умерших.

ФИГУРА

В электричке ехал заросший человек с затасканной черной брезентовой сумкой. Наливал из грелки в алюминиевую кружку самогонку, закусывал краюхой хлеба, луком да килькой и громко разговаривал сам с собой.

— Вот где сейчас горбуша, кита, омуль байкальский? Во сейчас рыба какая! — потряхивал он хвостом кильки. — Куда все делось? Да и все втридорога, ну куда к черту! Зайдешь в пельменную, возьмешь порцию пельменей — семьдесят копеек. «Московские» пельмени! Да они что, растут там, что ли? Весь Союз на Москву работает. А вот в деревне, в столовой, на тридцать копеек наешься, да еще и останется, мать ее нихай. Все небо ракетами издырявили. Экологию нахратили, всю природу верхтормашкой поставили. Да какая тут рыба заведется? Она че, дура? Все этим, ну как его, ихним атомом попортили. А все это пупки, в три господу мать, переворошили. Знаю я этих коммунистов, они хитрые. Вот возьми во время войны: по разнарядке вот с этой, допустим, деревни сорок человек нужно взять — взяли, а господа эти — в стороне. Мой дед попал в это число и сгинул, а эти прохиндеи пригрелись, сладко едят, с бабами спят вдоволь на выбор, с какой хошь, да и посмеиваются, а мужики-то головы свои клали. Ты вот скажи, где же она, справедливость? Да случись сейчас война! Да я что, за родину пойду? Да я плевал!!! Нет у меня родины. Родина чихала на меня. Да я лучше этих гадов десятков вот этими руками задавлю, а там бери мою

жизнь, не жалко. Вот нашему дорогому Леониду Ильичу Брежневу дали орден Победы. Да этими орденами после войны были награждены всего шесть маршалов: Сталин, Жуков, Василевский и еще... Кто же? У черт, забыл. Да ну ладно. А Ленюшка Брежнев до чего додумался, нацепил себе этот орден, и никаких. В маршалы себя возвел. Хрущев и то до этого не допёр. Так генерал-лейтенантом на тот свет и отправился. А этот смотри, скоро себе генералиссимуса нацепит. Тьфу, срамота какая!

— Ты, ботало! Заткнись! — не вытерпел кто-то из пассажиров.

В вагоне возник шумок.

— Откуда динозавр этот взялся? Настроение портит.

А этот динозавр родился нормальным ребёнком, от нормальных родителей. Но...

Отец, Ерохин, порол своего сына за двойки. Порол, порол, устал. Остановился, перевел дух и скумекал по-другому. Переправили сына на воспитание к бабке, подальше от позора, и махнули на него рукой.

Бабка от скуки попивала. К появлению внучка отнеслась дружелюбно. Стали пить вместе, все ж веселей. На школу внук Гринька морщился, не по нраву она ему была. «Все как-то там чумные, за пятерки из шкуры лезут. Поделили всю жизнь на оценки». С бабкой жизнь была неделимой, без оценок, целостная. Плавал Гришуня в этой целостной жизни до самого призыва в армию.

В армии тащил службу Гришка ношей легкой. Знал он ее постольку, поскольку носил солдатскую форму. Но лучше освоил наряды и гауптвахту. Забавным времяпрепровождением были для него политзанятия. Командир взвода лейтенант Смышляев вправлял мозги несмышленишам.

— Вы знаете, что коммунизм — это всеобщее счастье?! Денег не будет вообще. А наказанием будет отлучение от работы.

С этим, правда, не соглашался Григорий.

— А как вора́м жить? Как им без работы-то быть, если денег не будет?

— Ты, Ерохин, не туда смотришь. Читай Моральный кодекс строителя коммунизма.

С достоинством вышел из тупика лейтенант. «Звонкий лапоть! Тмутаракань!» — сокрушался лейтенант на Гришку.

По своей натуре Гришка был прямой и шибко зашибся о службу, отбил себе к ней аппетит. От частых нарядов у него запершило в горле, потянуло глотнуть свежего воздуха. Отправился он за озоном в самоволку.

Ерохин был бельмом в глазу сержанта, зудящей болячкой в отделении, и чесались руки у командира прихлопнуть эту болячку, чтоб ладненько было, без изъяна. И вот представился случай — отсутствие Ерохина, сержант немедля доложил старшине. Старшина Жеребцов поднял роту по тревоге и повел третий взвод, в котором служил самовольщик, в соседнюю деревню Чигири.

— Взвод! Подтянись, аллюр в три креста, — подгонял он сонных солдат.

Войдя в деревню, подошли к одной из землянок. Носом чувствует старшина, что Ерохину быть здесь. Подошли к окну, в котором горит свет. Из окна, находившегося вровень с землей, доносился разговор. Кто-то из солдат постучал в окно.

— Ерохин, а ну выходи, ядрена мать.

Погас свет, голоса смолкли. Стали стучать в дверь.

В землянке обитали три семьи, вдоль нее виднелись три выхода.

— Ну, ясно, это он там, кому как не ему там быть, — гудела толпа, — ишь какой, тешится, а мы спать из-за него не должны. А ну вылазь, а то сейчас халупу разнесем! — кричали голоса. В дверь все сильнее и сильнее колотили. Изнутри слышался

женский плач, потом стук. Все насторожились. Женщина причитала, стук раздавался все сильнее и сильнее. Что это значило, все недоумевали.

Вдруг из соседней двери выбежал дед в кальсонах, в серых подшитых валенках.

— Мишка, етит твою мать, здесь же красноармейцы!

С молениями он бросился к солдатам.

— Бойцы, бойцы, ну что же это делаться такое, а? Он же мне, сукин сын, стену прорубил.

И, подбежав к окну, нагнувшись, забарабанил.

— Ты што же это вытворяешь, што затеял-то, дурья башка?

И, кинувшись опять к солдатам:

— Где, где же это ваш командир-то будет, где?

Стук прекратился, отворилась дверь, и солдаты увидели человека с бледным небритым лицом. В дрожащих руках был топор. На его лезвии мерцал холодный лунный свет.

— Сунулся бы кто, башку бы отрубил, — прохрипел мужик.

— Тьфу! — сплюнул старшина. — В три господа мать! Да ты что? Пьянь? Ты понимаешь, мы солдата своего ищем. Ну, выдь ты да скажи.

— А чё мне говорить? Вы ломитесь, а не я.

— Да если бы ты сразу вышел, мы бы поняли и ушли. А то сколько мы из-за тебя здесь проканители. Ой, горе луково! Сколько же вас, таких мишек-шатунов, по белу свету бродит!

Зашел старшина к старику и чуть не поперхнулся, в нос ударило тяжелым смрадом. Земляной пол, в углу — нары с горой грязного тряпья. Возле нар стол, сбит из грубых нестроганных досок. Рядом бочка с водой. Печка, мазанная глиной, стены не белены. Кишат тараканы, клопы да блохи. Стена возле печи и впрямь прорублена.

— Во! Видал, что удумал, шальная башка, выход прорубил ко мне. Втемяшил, что за ним опять пришли, — показал дед рукой на разрубленное место в стене. — Мишка энтот с местов заключения объявился и прямо к Маньке. Всю ночь воркуют да пьют. А я-то думал, вы ко мне пришли дрова колоть, — слукавил дед. — Но опять же, думаю, поздновато. Мне как-то Гринька говорил: «Дед, я приведу роту солдат, они тебе враз дрова наколют».

— Это Григорий Ерохин? — поинтересовался старшина.

— А бох его знает. Наверно. Да бегаёт он к Любке, — показал он рукой на соседку.

Старшина кинулся к двери Любки. Дверь отк-рылась, и предстал перед старшиной Ерохин.

— А, голубчик, ты тут!

— Тут, тут. Я тут к коммунизму Чигири го-товлю. Политзанятия провожу. Просвещаю доярку Любку.

— Я те сейчас напросвещаю! Ты уже напросвещался в дым, и нос в табаке. Сейчас ты у нас, просветитель, загремишь на пять суток.

Старшина снял с Ерохина ремень, проверил оттопыренные карманы шинели. В одном кармане была заломленная краюха хлеба, в другом — завернутый в бумагу кусок масла.

— Давай, пошел вперед, аллюр в три креста до части! — скомандовал старшина Ерохину.

Старшина Жеребцов был охотник на смекалку и стал в мысль оформлять увиденное. «Так это что же получается? Если сейчас, стало быть, шестьдесят четвертый, то до коммунизма осталось шестнадцать годков, а в Чигирях и конь не валялся. Этой деревне до коммунизма тысячу лет волочиться, и неизвестно еще, доберутся ли. Что-то тут не то. Я же в своей роте знаю, сколько у меня солдат, сколько нужно пар сапог и каких размеров, сколько нужно пар портянок, летних и зимних. Я же держу в башке, что к чему и что в моём хозяйстве творится. А тут, видать, о деревне и ухом не ведут. Какая-то запарка выходит. Угорели, закружились головы у вождей! А может, там вместо головы кочан торчит!» — раскидывал он мозгами, пока шли до казармы.

Наутро Ерохина увезли на гауптвахту. Канителил службу Гришка до демобилизации. Стер не одну пару сапог. Стерли и его, армейская терка все перышки содрала. У Любки от Гришки родился ребенок. Любка простудила его. Умышленно сделала сквозняк, открыв в холодную зиму форточку и двери. Невинное голенькое дитя заболело и умерло. Григорий по умершему печалился и сокрушался. Обрушивался на Любку, что не сберегла ребенка. Он догадывался, что смерть была уготована Любкиными руками. Эти руки не были готовы к материнству. Однажды Григорий заглянул к Любке, а у нее другой солдат проходит обкатку ее лаской. Сделалось Григорию дурно, помутнел сознанием. И обуглилось его сердце на женщин на всю жизнь.

После службы Григорий вернулся домой, а бабки нет — умерла, домишко развалился. Стал он проживать в подвалах, на чердаках и в коче-

гарках. Все собаки его знают, даже пустилайки за своего признают. С родственниками он даже переговоры не заводит. Придет к сестре, позвонит в дверь, та откроет и смотрит презренно. Григорий не заходит. Молча пляшет перед ней, кренделя выделывая, рожицы ей строит. Напляшется и уйдет. Сестра — учительница, муж её — начальник, дети воспитанные.

Но как-то сестра с матерью нашли Григория в кочегарке.

— Ты чего дурака валяешь? Нас позоришь. Чего нормально-то не живёшь, не работаешь, как все? Мы тебя посадим за тунеядство.

И посадили. Но виновным себя на суде Гришка не считал.

— Вот вы судите меня, сытые, холёные, ухоженные. Вы не знаете вкуса куска хлеба с глотком простой воды. А вот возьмёт да не взойдёт ваше солнышко, заспится, собьётся с расписания. Вы же все, как тараканы, кверху пузами ляжете.

— А ты не ляжешь? — задал вопрос судья.

— Х-э-э, а я уже валяюсь, сородичи позаботились, отобрали у меня моё солнышко. — Он посмотрел в зал, где сидели мать с сестрой.

— Ты вот всем вину развесил, а себя виновным не считаешь? — спросил один из заседателей.

— Считаю. Считаю, что я зря в этот мир попросился. Не достучаться мне до вас.

— Ну, если бы всех просьбы учитывали, тогда бы не жизнь была, а игра в палочки-выручалочки, — вмешался судья.

— Э-э-э, а жизни-то и так нет, есть только толкотня. Живёт тот молодец, кто на руку удалец. Поэтому что зря суетиться-то. Изжуете вы меня.

Другой заседатель посоветовал: «Ну надо же как-то совершенствоваться».

— О-о-о, совершенствоваться! На совершенство надо волю. А где волю взять? Она-то не рождается, воля закаляется, а у меня вся за-калка идёт на согревание тела.

После освобождения из мест заключения Ерохин стал занимать себя ездой в электричке, где мы его и встретили в начале рассказа, и игрой в шахматы.

У знакомого соперника по шахматам Петрова умерла жена. И тот попросил Ерохина съездить с ним к шурина за гробом. Он хороший столяр и смастерил себе заранее гроб, который сушился у него на чердаке. Сели в машину и

поехали. Приехали, погрузили гроб в кузов и, долго не разговаривая, поехали обратно. Шурин занял Гришино место в кабине, а Грише пришлось ехать в кузове. Возвращались уже ночью. В дороге их застала гроза, и Григорий спрятался от дождя в гробу, накрывшись крышкой. «Хороший домик!» Понравился Грише гроб, и Грише сделалось легко и ясно. Сосновый гроб разморил смолянистым духом Григория, и он заснул. Снится ему нормальная человеческая жизнь: живёт он в хорошей семье, сидят они все вместе за столом и кушают. Отец его не материт, а уважает, называет его Григорием. Не бьёт его. Купил ему для школы новый портфель, и они вместе читают сказки, играют, радуются, смеются. Ходят с отцом в баню, и отец ему мыльной мочалкой растирает распаренное тело.

Спит Гриша в гробу. А в кузов сели попутчики. На ухабистой дороге затрясло, гроб стало подкидывать. Гриша проснулся, поднял крышку, чтобы посмотреть, что происходит. Но как только заросшая голова осветилась лунной, попутчиков из кузова как ветром сдуло. И Гриша из сна явился в реальность.

Приехали, шофёр спрашивает:

— Ероха, а где попутчики?

— А кто их знает. Не понравилось им, пешком пошли.

— Знамо дело, где им с тобой понравится. Увидишь тебя, так от страха на луну запрыгнешь. Такое чучело в огороде поставь — вороны за версту облетать будут. Благодарю бога, чтоб живы остались.

Схоронил Петров жену. После поминок Петров шепнул шурина.

— Ты сыграй в шахматы с этой фигурой, — кивнул он головой на Гришу. — Тебе в твоём околотке нет равных.

И шурина уверенно стал играть с Григорием. Первую партию Григорий выиграл. Это шурина огорошило.

— Давай ещё, — предложил он Грише.

Сыграли ещё партию. Григорий выиграл.

— Фу! — перевёл дух шурина. Виски у него вздулись, глаза округлились.

— Ещё давай.

Сыграли ещё. Григорий выиграл. И сколько они ни играли, Григорий уверенно выигрывал. Устал шурина, затряс головой.

— Ну, фигура, скажи, ты случайно не гротмейстер?

— Гротмейстер, гротмейстер. Я в шахматы выучился играть в зоне, там от скуки будешь мастер на все руки. На жратву играли. Проигравший отдаёт свою пайку победителю. Не хошь быть голодным — шевели мозгами.

— Ну ладно, по такому случаю давай по чарке.

Захмелев, разговорились.

— А ты чё, бобылем топорщишься, словно жизнь пасешь? — спросил шурина.

— Пасешь... А мы все в этой жизни пасынки. Отец стегал меня, не оправдывал я его надежд. Он хотел впихнуть меня в социализм инженером, а мне хотелось быть просто человеком. Пупком не вышел в инженеры. Вот и драл он меня от обиды, не хотел обмишуриться. Знакомые-то в инженеры да в начальники кинулись, чтобы отхватить лакомый кусок, а я — Иванушка-дурачок. Вот и копчу небо один. Не хочу никому быть обязанным, не хочу ни перед кем расшаркиваться. А оказывается, человеком-то быть нельзя.

Теперь Гриша посещает кладбище, провожает усопших на погост. Народ стал замечать: где покойник — там обязательно появляется угрюмая, молчаливая фигура Григория, словно знак какой. Для него стало утешением и занятием бывать на кладбище, словно он в этом нашёл смысл.

Он тайно радуется и торжествует душой: чем больше расширяется кладбище, тем больше утверждается он. «Есть и над вами сила, вы все ей покорны. Не только вам дана сила изгальяться надо мной, но и над вами есть сила. Вон она вас сколько положила», — говорит в нём душа. И горящими глазами он окидывал кладбище.

С возрастом фигура Григория стала пугалом. Безрассудные жестокие мальчишки бросают в него камнями. Весёлая молодёжь улюлюкает, издевается над ним, добивает его смехом.

И вот не стало Григория, куда-то делся. Прошло несколько лет. На чердаке полузаброшенного многоэтажного дома была обнаружена сидячая мумия, спиной прислонившаяся к вентиляционной трубе. За пазухой у мумии была ещё одна мумия — мумия маленького щенка, крепко прижатого к груди руками.

В ОТПУСК С СЕВЕРА

В легкий весенний морозец радостная женщина, выйдя из дому, зашпешила в магазин. Навстречу ей соседка:

— Клань, какие у тебя унты-то баские!

— Да, баские! Сын с Северу привез! — она приподняла подол пальто. — Вот, говорит, тебе, ма-маня, носи да радуйся! Ы-эх, загляденье!

У Клани сын Венька укатил на Север за большим рублем. А Клане тоска, скучно, и пишет она ему письмо: «Ты там болтаишьси на Северу, а я здесь плачу, одна сижу, как сыч».

Венька отвечает: «Не плачь, мать, пусти в дом какого-нибудь мужика, и воркуйте, вдвоем веселее время коротать-то будет».

И только к приезду сына Клани успела мужичонкой обзавестись. И как на постой его приспособила, сразу стали пить вместе, спать вместе. Мужик тот по фамилии Терёшкин до приезда Веньки так и не мог себе в голову втемяшить, кто он Клане: то ли муж, то ли собутыльник, то ли квартирант. А потом бросил биться. Ещё сдвинутся, не дай бог, мозги. Что голову надрывать? Будь что будет — пан или пропал.

Венька тоже не один приехал, прихватил с собой девицу, и пока мать по магазинам рыщет, он, наскучавшись по родимой баньке, первым делом решил начать свой отпуск с неё. Настегался ядрёным берёзовым веничком, густым парком прокалил, раздумянился, чуждую грязь выгнал из своего сбитого тела. И, словно новенький, свеженький, стал Венька важно со своей девицей по селу прохаживаться.

Девица — каланча, на голову выше Веньки.

Венька упитанный, с широкой физиономией, идет чинно в новеньком кожаном пальто и всем знакомым представляет её:

— Моя избранница. Прошу любить и жаловать, — и приглашает в гости. А избранница только важно глазами водит да всё молчит, да Веньку зовёт только по фамилии: «Талданов, пошли!»

Венька, чтобы покорить родное село да при-дать форсу, отпустил бороду. Та борода своей густотой изумляет сельчан и глаза им выворачивает да вкрадывает сомнение об её нужности. Встретил Венька старого знакомого выпивоху и в знак широкой души прилепил ему погоны из червонцев:

— Пей, кирюха, за моё здоровье!

«Смотри-ка, Кланькин выкормыш прика-тил, отожрался на северных харчах, морда кирпичка просит! Дурак! Сорит деньгами!» — гудели сельчане.

Скоро из любопытства в дом набрались зна-комые, соседи, родственники, большой стол шумно заполнялся народом. Накрывая стол, Клани, бегая, привлекала внимание гостей на стенку, где висел портрет:

— Не правда ли, красавец какой, э-э-эх! — она указывала головой на портрет сына, саморучно намалёванный маслом Венькой, где мастер от души вольно побегал кистью по полотну, не подозревая о технике портретной живописи. Венька старался внушить вам сходство с живым оригиналом, лишь положившись на талант и желание. А с портрета всего

лишь навсего смотрит на вас гордый лик, пышущий самодовольством.

— Ну дак есть в кого, в мать пошёл! — поддакивали скорые на слово бабёнки.

Перед Венькой на столе была поставлена огромная чашка чищенной сырой рыбы.

— Ну, давайте по первой! — скомандовал Венька. Загрели стаканы. Венька после пропущенного стакана стал пожирать сырую рыбу. Видя, что народ насторожился, он, не тушуясь, стал призывать следовать его примеру. Один мужичонка потянулся было за рыбкой, но тут же его рука была отбита женой.

— Что вы какие-то тупые! — возмутился Венька. — Чё чванькаться-то, трескайте, да и баста, делов-то тут, в соль её макнул да и айда.

Тут едкий мужичок стал у Веньки допытываться:

— Как там на Северу-то? Деньги небось лопатой гребёте?

— А зачем лопатой, они сами с неба сыплются, только не зевай, карман шире подставляй, и вот они тут как тут. А ежели ещё ухо держать будешь остро, то деньгам вообще счёта не будет, — от этих слов мужик встал умом на развилку: — «То ли брешет, стервец, то ли правду брякнул, зараза. Нет, пожалуй, правду, нас обобрали, а север золотым дождём обсыпают. Далеко же отсюда, не видать. Ох, как не видать!»

Все чаще гремели стаканы и громко орудовали ложки, и так всё по очерёдности шло своим ходом. В разгаре шалмана кто-то ляпнул:

— Чё мырло-то своё не броешь!

Венька глазами всех буравит:

— Кто вякнул? Кому моя борода глаз колет?

Но все заняты едой, только ложки шумят да аппетитно рты причмокивают.

— У, крепостные! — обиделся Венька. Стал пить стакан за стаканом. Шея вздулась. Обстановка набухла взрывом. Венька взял и смазал по морде близидящему и косящемуся на него мужику. Тот ударил головой соседа, и пошла по цепочке драча. Потасовка овладела застольной массой, чашки, ложки были брошены, засверкали кулаки, затрещали рубахи. Венька, отмахиваясь, всаживал кулаки в наседавших на него, только хряп стоит да кровь брызгами разлетается. Женщины подняли визг. А Венькина избранница весело успеваешь пластинки ставить на радиолу. Руководит музыкальным сопровождением мордобоя.

— По кумполу ему, по кумполу! — вопил голос на Веньку.

Кто-то, изловчившись, огрел Веньку стулом. Визг сменился воем. В этом угаре Венькиному родственнику порвали ухо. Женщины стали растаскивать мужиков. И, как бойня улеглась, стало тихо, что в мавзолее. Терёшкин валяется в одном углу, Венька — в другом. А Венькина подруга сидит за столом и спит. Посредине комнаты застывшим камнем сидит Кланыя. Глаза её то ли куда-то смотрят, то ли какую-то мысль догоняют.

Утром, поднявшись, Венька, нащупав на голове шишку, подавил её, определяя состояние головы, и, убедившись, что угрозы никакой нет, стал активно входить в новый день. В доме что Мамай прошёл. На полу валяется изуродованный, превращенный в лохмотья Венькин портрет.

— Ничё, мать, не переживай, и не такое мы ещё Куликово поле проходили.

И, похмелившись, махнули в город купить телевизор. Попутно заехали на базар, купили поросёнка и с этим товаром прибыли домой. Телевизор поставили на этажерку. Поросёнка вытряхнули из мешка: «Пускай побегает, порезвится животинка». И, усевшись за стол, стали пировать, обмывать покупки.

А малюсенькая животинка, бегая, резво кружила по комнате, похрюкивая. Подбежав к этажерке, поросёнок айда о неё тереться, раскачивая. Хлопкая этажерка повалилась, телевизор хряпнулся на поросёнка и зашиб его намертво, а сам развалился. Кланыя, разводя руками, причитала:

— Почто напасть такая на нас?! Ну чё мы такие-то! Ну нет нам никакого счастья в жизни! У людей всё как у людей, но у нас всё не так! Нешто мы умом обойдённые, всё у нас на ветер пускается. Почему у нас так-то, а? Чем мы хуже других? — голосила она, надрываясь криком.

— Ладно, мать, не вой. Похлеще бывает, да ничё, подумаешь, беда-то большая, всё это наживное. Садись-ка лучше за стол, есть дело поважнее.

И стал Венька раскладывать свои планы.

— Вот счас поедем на юга на солнце пожариться, морской волной побаловаться, кислороду наглотаться, а то там, на Северу-то, от его нехватки мозги-то совсем ссохлись. А оттуда махнём в столицу. Колёса надо купить. И при-

катим на своей тачке, как все порядочные люди, вот так-то.

Тут явилась соседка Марья, чтобы посмотреть, не сбрил ли Венька бороду. «Нет, не сбрил, на месте, жива-живёхонька», — изумилась Марья.

— Эт ж над ж Петьша Кирьянов, холера его подери, сунулся с мырлом-то со своим, так яму ноздрю-то и откусили. Да, откусили, за длиннат языка-т, вот так вот яму! — принесла она сообщение о последствиях побоища.

Ну и ещё охота посмотреть, что там привезли-то с городу-то интересного! А как увидела разломанный телевизор и убитого поросёнка, так тут же сразу об этом и узнало всё село.

Несколько дней Венька с Терёшкиным красили крышу родительского дома, где Терёшкин обнаружил свою непригодность к работе, не столько красил, сколько нутро своё водкой промывал. И так ухлестался, что чуть с крыши не свалился. Покрасив крышу, Венька со своей девицей стал готовиться к отъезду на юг. Отъезд отметили бурным застольем. От застолья Терёшкин очнулся только к концу следующего дня. Очнулся, а Веньки с девицей уже не было, где-то катили в сторону юга. И в отсутствие Веньки Терёшкину ничего не оставалось делать, как поминать события да похмеляться, что они и делали с Кланей. Пили, дрались, мирились. Потом опять пили, опять дрались, опять мирились, оба в синяках да в ссадинах. И время пролетело быстро. Не заметили они даже, как Веньку притащили на буксире на разбитых «жигулях». Открыли глаза лишь тогда, когда Венька переступил порог дома.

— О-хо-хо, какой чёрный стал, от югов-то! — только и вскрикнула Кланыя.

Венька покачал головой да завалился от дороги в длинную спячку.

Проснувшись, он обвёл глазами неприбранный двор, сердито закрутил головой и, налившись свинцом, авансом набил морду Терёшкину. Набил, чтобы в его отсутствие не обижал мать. Не нравилось Веньке в Терёшкине, что он не охотник на работу. Пущен человеком в их дом, а смотрит всё волком в лес.

Перед отъездом пошёл Венька по родным местам да по окрестности запечатлеть на память край, где родился. Походил по местам бесхитростного босоногого детства, где жизнь не баловала его и он не баловал жизнь, не заживался у неё в должниках. И, найдя-шись, смахнув выбитую слезу по навсегда ушедшей ясноглазой громко-песенной юности, где край оглашенно тревожили задорными голосами, засобирался назад. Стрём щемящее сердце да свою зазную в охапку, сели в самолёт и улетели. Улетели на далёкий север зашибать северные. А «жигулёнок» его стоит во дворе дома, ржавеет в грусти, да на заборе болтается его изодранное кожаное пальто. Болтается на ветру в память о Веньке.

Уехал сын, а мать не найдёт себе места. Вспокоенный приезд Веньки зарыл в её голову тревогу, и что делать, Кланыя не знает. Мысли роем голову кружат, готовы её разорвать да сон прогоняют.

□

Виктор Маркович РУЖИН

родился в 1940 году в Копейске Челябинской обл.

Окончил Копейский горный техникум,

по специальности «горная электромеханика».

Прозаик.

Печатался в журналах «Южный Урал», «Графоман», «Московский Парнас», «Свечение», «Светунец» и других изданиях.

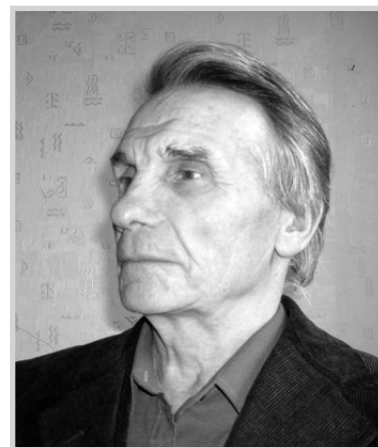
Автор четырех книг: «Распутица»,

«Жизнь без узора», «Тропа в никуда»,

«Дневниковые записи, записные книжки, рисунки и наброски».

Член Союза писателей России.

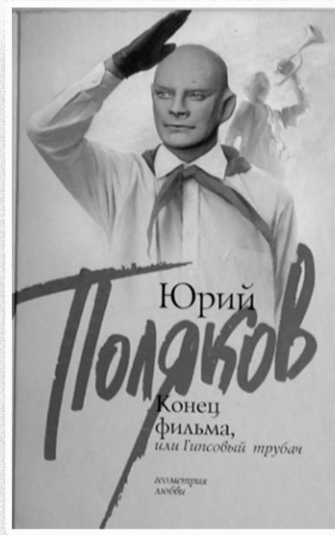
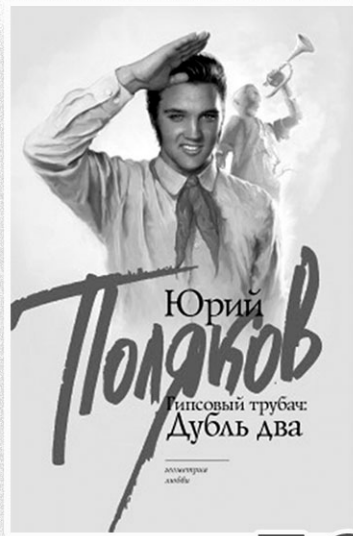
В журнале «Север» публикуется впервые.

Мария ФОМИНА

г. Москва

РУССКИЙ БОККАЧЧО НАРОДИЛСЯ?

Юрий Поляков – автор, которого всё еще читающей публике представлять нет надобности. Прославившись в перестроечные годы повестями о позднесоветских реалиях армии и комсомола – «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба» – в девяностые годы он написал два романа, которые, возможно, наиболее масштабно отразили жизнь и эволюцию мироощущения среднего горожанина эпохи невеликих, но мучительных перемен. Это «Козлёнок в молоке» и «Замыслил я побег», в которых любовно-авантюжная сюжетность соединилась с настоящей панорамой бытия русского интеллигента позднего СССР и ранней РФ. Они представили новый «извод» современного русского реализма, в котором сильны иронизм и культурные ассоциации, обычно свойственные постмодернистским сочинениям, но без ёрничества и цинизма. Несмотря на всю свою насмешливость, повышенный эротизм и склонность рассматривать персонажей и их движения души в безжалостное увеличительное стекло, Юрий Поляков сохраняет верность классической русской традиции – сострадать «маленькому человеку». Он пишет без всякой назидательности, легко и технически виртуозно, не тыкает пальцем в пороки общества и человека, шутя порой так, что читатель беззвучно сотрясается от хохота. Но почему-то вскоре ему, этому читателю, становится грустно...

В 2012 году появилась третья, заключительная, часть его последнего по времени романа «Конеч фильма, или Гипсовый трубоч», который выходил отдельными выпусками – что довольно для нас необычно – с 2008 года. Сама обложка первой части романа – Мэрилин Монро в красном галстуке, отдающая пионерский салют – уже настраивала знатоков поляковского иронического «постреализма» на привычный лад (в последующих частях романа нам салютовали с обложек Элвис Пресли и зеленорожий Фантомас). Первая часть прочиталась на одном дыхании: это была происходящая в течение нескольких дней (просто как в «Братьях Карамазовых») история совместного написания сценария фильма писателем Кокотовым и знаменитым режиссером Жарыниным – на фоне фантазмагорической жизни дома ветеранов культуры Ипокренино (отсылка к булгаковскому МАССОЛИТУ и кафкианской жизни совписов в поляковском «Козлёнке»); причем сей приют пожилых литераторов, революционеров и чекистов еще и пытался обороняться от рейдерского захвата. Но главный нерв увлекательного сюжета (а Поляков умеет «рассказывать истории») – писатель живет в тревожном ожидании медицинского диагноза и в трепыхающейся надежде на любовь обольстительной вип-вампдамы на грани развода. Всё это повествование густо пересыпано, как это водится у По-

лякова, историями из жизни главных героев, а также множества проходных персонажей, и каждая из них – и смешная, и печальная – еще один камешек в причудливой мозаике нашей общей судьбины. По сути, это цепочка «новелл», нанизанных на твердый стержень детективно-любовного романа, герои которого – не гангстеры, нувориши и золушки, а многоликая «прослойка» творческой и нетворческой интеллигенции. Впрочем, там есть и гангстеры, и нувориши, и золушки...

Захватывающая любовно-приключенческая фабула и диалоги, острые, как трость-кинжал режиссера Жарынина (ей еще предстоит «выстрелить» в конце романа чеховским ружьем), – главная «фишка» поляковского стиля. В этом романе сюда добавилась ещё и свойственная Полякову остроумная афористичность высказываний – только вложены авторские мысли в давно немые уста нобелевского лауреата Сен-Жон Перса. Его без устали «цитирует» фонтанирующий энергией и наблюдениями над жизнью Жарынин:

«Космополитизм начинается там, где деньги, а патриотизм заканчивается (курсив мой. – М.Ф.) там, где деньги.

Некоторым хорошая память заменяет ум.

Юристы – это люди, которые с помощью закона попирают справедливость.

Новое – это всего лишь свежая банальность» – и далее, не иссякая.

А кого только не найдёшь в паноптикуме вип-богательни в чудом уцелевшем дворянском доме! Там обитают старая чекистка, любившая во время допросов защемлять в дверях мужские гениталии; любимый фельетонист Сталина Иван Болт – в миру Ян Казимирович Болтынский, который в свои почти сто лет по-фаустовски жизнелюбив и весь роман рассказывает историю невероятно витальных сородичей, карикатурно отражающую жизнь страны; лучший Отелло соцреализма Позёмкин; знаменитый коммерческий директор всех джазовых банд Савелий Ящик; литератор с раздвоенной национальной ориентацией Жуков-Хаит и прочие наследники немеркнувших традиций НКВД и Союза писателей.

(Внимание, дальше – спойлер! Тем, кто не хочет узнать, что «убийца – дворник», просьба не читать выделенное курсивом.)

Юрий Поляков – мастер рушить им же самим сооруженные хрупкие карточные домики надежд, амбиций и вожделений. Составлявшая предмет желаний «писодея» Кокотова Наталья Павловна Лапузина, обитающая на «рублевско-успенской» вилле, оказывается, несмотря на истовую молитву в храме для «солидных господ», прожженной эгоисткой. Кокотов, узнав о роковом диагнозе, отвергает искус-

тельницу с титановой шейкой бедра. А гениальный режиссер Жарынин – не жертвой застоя, а «кипучим бездельником» и полубезумцем, который, впрочем, совершает подвиг во спасение Ипокрена от захватчика Ибрагимбыкова – но, увы, подвиг совершенно бессмысленный и беспощадный. Ибо Ибрагимбыков, в свою очередь, не этнобандит, а провинциальный актер, согласившийся сыграть свою последнюю роль по наущению настоящего злодея. Этим «главгадом» оказывается правнук Болтынского юрист Кеша, который всю дорогу «притворялся порядочным человеком», а на самом деле цинично нацелился на чудодейственные ипокренинские минеральные источники.

Инфернальнице Лапузиной противостоит женщина-друг Нина Валюшкина, преданная и искренняя русская душа. Она, как это и водится в русской литературе и в самой матушке-России, спасает главного героя Кокотова, отвозя его за свой счет лечиться от рака в Германию.

Вообще, женщина у Полякова весьма часто – сильный пол, способный на глубокую до самопожертвования любовь. Главный же мужской персонаж – честный, искренний, в меру талантливый – но «не орёл». Способность к поступку ироничный автор отдает другому герою – пассионарному и неистовому харизматику, пылкому любовнику и чудесному рассказчику с говорящей фамилией. (Некоторыми деталями напоминающего знаменитого режиссера с тоже весьма «говорящей» фамилией.) С ним же делится сочинитель романа и своими умо-заклечениями – веселыми и выстрадавшими, переклюкаясь с авторских безжалостно точных наблюдений над жизнью на «мудрые мысли»: «...власть в России существует только для того, чтобы не пустовал Кремль. Кинжал надежнее!»; «...со временем пришел Горбачев, болтавший так много, быстро и бестолково, что никакой общественно-политический строй не выдержит»; «Всех нынешних критиков интересует не то, что писатель написал, а то, что он прочитал»; «Настоящий писатель обязательно должен сочинить что-нибудь про собак, про детей и про выдавленного раба».

Юрий Поляков, в отличие от другого знаменитого режиссера, старающегося создать русский аналог Голливуда, сумел приспособить свой честный реализм к эпохе постмодерна. Видимо, это тот случай, когда художественный дар, достигнув своего «апофегея» в романах 1990-х, сумел сохранить набранную высоту, не скатиться на круги «неба падших» талантов.

Напротив, мысли дозрели, а стиль отстоялся.

В России надо жить долго. Особенно – прозаику.

Ирина ВАЖИНСКАЯ

г. Санкт-Петербург

«ВСЕГО ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ТОМУ НАЗАД...»

Книга избранных стихотворений петербургского поэта Юрия Шестакова (1949 – 2010) «Земное притяжение» посмертная, она вышла спустя три года, как поэта не стало. Его книга весома не только по силе притяжения, она весома в художественном смысле по силе мастерства, весома по своей значимости в миропонимании, по силе поэтического слова.

Уже в самом названии книги отражены два полюса мировосприятия автора. С одной стороны, Юрий Шестаков был кровно связан с курской землёй, где он родился, ярко воспел Ленинград – Петербург, город, в котором состоялась его поэтическая судьба, был в гуще земного бытия, путешествуя, общаясь с людьми. С другой стороны, он размышлял о смысле человеческой жизни, был философом, воспринимающим мироздание в космическом масштабе.

Арсений Тарковский, характеризуя поэзию Юрия Шестакова, писал: «Его стихи производят на меня столь сильное впечатление, что, по-моему, я имею право утверждать: это стихи истинного поэта, талантливого поэта, зрелые по форме и глубокие по мысли и чувству».

Юрий Шестаков обязан своему учителю Арсению Тарковскому страстным интересом к облику мироздания в целом, к тому преобразующему началу в человеке, которое возвышает его над судьбой. Обращаясь к образу Творца: «Я пойду

за незримо Ведущим / через бездны – к рассвету вдали?», поэт пытается дать ответ на мучительный вопрос: «Что будем значить для Вселенной мы? / Что зреет в звёздный мир из тьмы веков / под влажной скорлупою облаков?..»

Благодаря поэтическому дару и знаниям в области современной естественной науки поэту было присуще живое ощущение Универсума как реальности, а не как отвлечённого абстрактного понятия: «Я слышал, / Как Вселенная звучала – / То грандиозной музыкою Баха, / То формулой стремительной Эйнштейна!»

Особое место в философской лирике Юрия Шестакова занимают его личные отношения с Создателем, его христианское восприятие мира и сути вещей. Его творчество – диалог с Творцом. Именно Ему доверяет он свои сокровенные мысли:

*О, если не бесплоден был бы камень,
кусочек храмовых руин
посеял бы я в землю, как зерно!*

*.....
Вникаю в мир мышленьем, слухом, взглядом, –
дискретному движенью нет конца:
пульсирует в пространстве каждый атом,
пульсируют и звезды, и сердца.*

(«Пульс»)

Наблюдая равновесие микро- и макромира, как химик-ядерщик, поэт ощущает присутствие Того, Кто стоит за этим совершенством мироздания.

*Зачем же разум в этот мир загадан?
Что значит смерть – тупик или бесконечность?
Таинственно безмолвствует погост...
Но вновь и вновь проклевывает вечность
скорлупку неба клювиками звезд!*
(«Ньютон»)

Интуиция поэта, его пристальное вглядывание в космос внешний – Вселенную, напряжённое вслушивание в космос внутренний – собственную душу – помогли ему с художественной убедительностью поведать читателям, что в вечности творится какое-то особое полнокровное существование, наполняющее собою жизнь иную, «высшую», которую так неизменно взыскует душа человеческая:

*...и веселья мало стало,
и лихой беспечности.
Знать, моя душа устала
отдыхать от вечности.*
(«Торопил я в детстве время...»)

Трагический, пронзительный мотив того, что душа может прийти до некоего предела своего существования ещё при жизни, воспринимается как личный духовный опыт поэта, остававшегося человеком мыслящим и чувствующим, несмотря на всю косность земного бытия, в котором:

*...с каждым смертельным прорывом к свободе
душе всё теснее скафандр этой плоти.*
(«О чём эта ночь, это вечное небо?»)

Это страстное желание свободы рождалось у автора от глубокого осознания того, что:

*Рождение похоже на изгнание
из мира триединого в трехмерный,
в земную жизнь,
где царствует страданье,
где смерть равна рождению
в мир бессмертный.*

Поэзия Юрия Шестакова пронизана убеждением, что только мощные скрепы духа удерживают зыбкое равновесие мира, только духовные усилия каждого из живущих на земле наполняют смыслом существование человечества во Вселенной Бога.

Размышления о жизни и смерти, порождающие вопросы, ответы на которые Юрий Шестаков постоянно искал и в философии Платона, Вернадского, Булгакова и Флоренского, и у святых отцов в трудах свт. Игнатия Брянчанинова и свт. Луки Войно-Ясенецкого, а находил порой в собственных стихах, когда строки открываются чуткому внутреннему слуху из области непознаваемого, из сфер метафизических, когда, «замерев перед безднами неба», перед лицом «незримо Ведущего», поэт создает, что «дух его природе неподвластен, / а подвластен вечной силе тайной», и он вновь и вновь задаёт себе вопрос:

*Куда стремится дух, покинув тело?
Что вмещено словами «рай» и «ад»?
В каких моя душа была пределах –
всего земную жизнь тому назад?..*
(«Безответные вопросы»)

Для одних Юрий Шестаков – это поэт-философ, с научной точностью и рационализмом охватывающий взором макро- и микромиры. Для других – тонкий лирик, покоряющий своей искренностью. Для третьих – поэт-визионер, проникающий далеко в будущее, где:

*Небо в свиток ангел скрутит,
И за гранью смертных дней
Стран земных уже не будет –
Даже Родины моей.
.....
Но, вовек не умирая,
Помня брэнной плоти груз,
В самых светлых сферах рая
Будет жить Святая Русь!*
(«Мир к гибели несется!»)

В поэзии Юрия Шестакова соединилось высокое мастерство с подлинностью чувства, а чрезвычайно актуальное – с вневременным контекстом. Это поэзия визуальных образов, материализовавшихся в словах весомых, ярких, плотных, за которыми открываются зияющие глубины незримого, бесплотного, казалось бы, «не сказанного», которое поэт смог осознать и высказать.

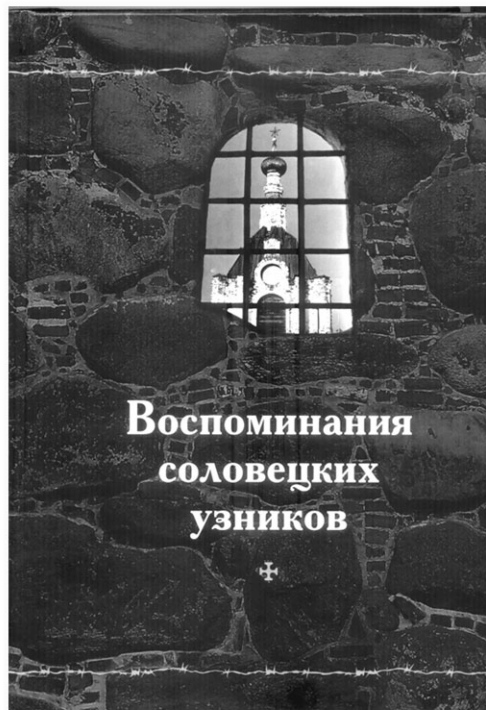
**Ю. М. Шестаков. Земное притяжение.
Избранное: Стихи и поэмы. – СПб.:
ИД «Родная Ладога», 2012. – 384 с.**

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

Книга О ТРУДНОМ ВЫБОРЕ

Издательство Соловецкого Спасо-Преображенского ставропигиального мужского монастыря приступило к выпуску серии мемуаров «Воспоминания соловецких узников». Вышел в свет первый том издания, в который вошли воспоминания людей, переживших заключение на Соловках в 1925–1927 годах, когда был создан знаменитый своей страшной славой СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

Издательство Соловецкого монастыря известно всем, кто интересуется историей Русского Севера. Огромный интерес представляет выпущенная в последние годы серия репринтных изданий, воспроизводящих книги, увидевшие свет более столетия назад. Это описания Соловецкого монастыря архимандрита Досифея и архимандрита Мелетия, «Соловецкий патерик», «Летописец Соловецкий» – книги, из которых можно почерпнуть множество сведений о северной обители, долгое время бывшей форпостом Православия на севере, игравшей заметную, ведущую роль не только в духовной, но и в политической, и в экономической жизни края.

Новая серия, посвященная трагическим страницам российской истории, вновь подтверждает высокий авторитет издательства. Впервые осуществляется проект, объединяющий все доступ-

ные воспоминания людей, переживших заключение в лагерях, существовавших на Соловецких островах с 1923 по 1939 год.

Первый том включает воспоминания почти полутора десятков узников СЛОНа. Часть из них хорошо известна российскому читателю, как, например, книга Бориса Ширияева «Неугасимая лампада», выходявшая уже несколькими изданиями, в том числе и в издательстве Соловецкого монастыря. Значительная часть мемуаров будет открытием для читателя, поскольку до настоящего времени была известна лишь не очень широкому кругу специалистов.

Перед глазами читателя проходит история основания лагеря, который стал полигоном для отработки модели ГУЛАГа, покрывшего страну в последующие годы. Мы видим, как начинался СЛОН, ставший местом заключения для врагов новой власти, точнее, для тех людей, которых власть сочла своими врагами. На Соловках, пожалуй, в те годы находились представители большинства не только политических, но и социальных групп населения бывшей империи.

Среди заключенных в первые лагерные годы выделялась большая группа бывших союзников новой власти, представителей социал-демократических движений. Кто-то из них, как Владимир

Рубинштейн, оказались в лагере в совсем юном возрасте. Рубинштейн, родившийся в 1903 году, сблизился с социал-демократами и вступил в социал-демократическую партию меньшевиков в 1922 году. В марте 1923 года он был арестован и отправлен на Соловки.

В его воспоминаниях, как в мемуарах Давида Бацера, Екатерины Олицкой, Бориса Сапира, отражены подробности пребывания в лагере тех представителей левых движений, от которых избавлялась советская власть. Однако, даже находясь в лагере, политические заключенные – анархисты, эсеры, меньшевики – еще испытывали иллюзии относительно своей дальнейшей судьбы. Иллюзии пришлось оставить после того, как в декабре 1923 года чекисты расстреляли нескольких политических заключенных, выразивших протест против запрета гулять в лагере в любое время суток. Подробно, почти по минутам описан этот расстрел безоружных людей в воспоминаниях некоего эсера, чье имя осталось неизвестным. Кстати, воспоминания эсера печатаются по публикации 1990 года в журнале «Север».

Были в лагере и те люди, которые действительно боролись с советской властью. Таков Борис Ширяев, воевавший в составе Добровольческой армии. У него была нелегкая судьба, трудно давать однозначные оценки его личности. Позднее, пережив годы лагерей и ссылок, он был редактором газет, выходивших на оккупированных немцами территориях, восприняв фашистское нашествие как возможность борьбы с большевизмом. Его жизнь окончилась в Италии, где он оказался со второй волной русской эмиграции. Еще четверть века назад мы безапелляционно объявили бы его предателем, но сейчас умудряемся и перестаем делить мир на белое и черное, на своих и чужих. Ширяев – русский писатель, наследник и продолжатель традиций большой русской литературы. Любовью к Родине проникнуты страницы его книг, в том числе и «Неугасимой лампы», публикующейся в томе.

Думаю, у кого-то из читателей может возникнуть соблазн рассматривать новую книгу как аргумент в споре о политических оценках прошлого России. С одной стороны, мемуары заключенных – это документ, с огромной силой свидетельствующий о зверствах безбожной власти. В свое время, когда мы увлеченно отказывались от социалистического пути развития, книги играли в этом процессе заметную роль. Тома Солженицына, Шаламова, Гроссмана читались и перечитывались.

Но есть другая сторона. Мы каждый на собственном опыте убедились, что на этом пути отказа от прежних идеалов нас ждали не только розы, но и тернии, не только находки, но и огромные потери. И потому свидетельства заключенных скорее можно рассматривать не как аргумент в политической дискуссии, а как напоминание об извечной борьбе добра и зла. В годы существования лагеря на Соловках эта борьба проявлялась с потрясающей силой, выявляя в людях и лучшие, и худшие качества, звериное и божественное. Как жить в условиях ада? Как сохранить свою душу? Ответ на эти вопросы на протяжении человеческой истории приходилось искать многим и во многих странах и обществах, где царил насилие.

Каждый делал свой выбор. А выбор часто приходилось делать между жизнью и смертью. «Хочешь жить, то есть вместо полагающихся тебе восьми вершков на нарах иметь отдельные нары и получать за счет других лучшую пищу, – становись начальником. Дави и без того несчастных людей, делайся мерзавцем, доноси на своего же брата, выгоняй его голого на работу... Не будешь давить – будут давить тебя. Ты не получишь трех лишних вершков койки, лишнего куска рыбы и сдохнешь с голоду», – писал Юрий Бессонов.

В книге Бессонова с поразительной силой описаны нравственные метания узника. «Я колебался... Меня шатало... Во мне было два я, два человека... Материя и дух. Христианин и человек земли. Раздвоенность. Она мешала и мучила...

Вот я на нарах. Ночью... Я один... Лежу и думаю...

Ведь я сейчас силен. Во мне есть дух. И Бог меня сюда поставил. Здесь я найду людей, которые меня поддержат. Вот случай мне проверить силу... Мне надо покориться Богу, страдать, терпеть, любить, прощать... Так говорил мне человек, которым я хотел бы быть. Но ведь условия тяжелы, я их не выдержу... Я человек земли... Я жить хочу, хочу борьбы, свободы, я не могу смириться... Так возражало мне мое земное я.

Что делать? Ведь выхода же нет. Одно из двух: страдать или изгадаться. Идти на компромисс... Давить – или тебя задавят.

Бежать...»

Бежать с Соловков удавалось немногим, но Юрию Бессонову удалось. Об этом побеге мы читаем и в его воспоминаниях, и в воспоминаниях его товарища по побегу Созерко Мальсагова.

Но далеко не все могли сделать такой выбор. Перед нами в книге проходят многие и многие, чьи-то имена известны, чьи-то забыты.

Верность своему долгу, сохранение веры, любовь к людям были отличительными чертами множества архипастырей, клириков, мирян, претерпевших заключение, а часто и мученическую кончину на Соловках. «Духовенство на Соловках, хотя и является самой притесненной и униженной лагерными властями группой заключенных, обращает на себя внимание смирением и стоицизмом, с которыми оно переносит физические и нравственные страдания. Будучи приученными с детства к тяжелому физическому труду, представители духовенства справедливо почитаются лучшими работниками в лагере. И с этой точки зрения почти по достоинству оцениваются администрацией, хотя они и эксплуатируются самым бесчестным образом. Священников посылают на изнурительнейшие работы; например, все отрезки узкоколейки были уложены исключительно духовными лицами. Естественно, любые виды религиозных служб находятся под запретом», – читаем в воспоминаниях Мальсагова.

«Непередаваемый гнет, насилия и издевательства соловецкой администрации с особенной яркостью обрушиваются именно на головы заключенного духовенства. Все наиболее трудные работы приходится выполнять священникам и епископам. С поразительным смирением, покорностью и выносливостью духовенство рубит лес, прокладывает дороги, чистит уборные, высушивает болота, разрабатывает торф.

Каждым словом, каждым жестом любой соловецкий чекист старается задеть, оскорбить заключенных священников. В их присутствии администрация бранится с особым кощунством. Их пайки обкрадываются со всех сторон», – находим подтверждение у А. Клингера.

Чем больше мы видим насилия по отношению к духовенству, тем большее уважение вызывает верность представителей клира своему долгу. В воспоминаниях священника Павла Чехранова рассказывается о том, как священнослужители в лагере сумели даже провести службу на Пасху: «Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. И все же сердце дышало радостью, что пасхальная служба все же совершается нами вопреки строгому приказу коменданта».

Можно бесконечно цитировать почти 800-страничный труд, находя все новые и новые примеры силы духа, искренней веры, светлой надежды, самоотверженного служения, явленные и духовенством, и многими мирянами. В этих примерах современный читатель сможет черпать мужество

для продолжения чтения, этими примерами смирать сердце, стонущее от боли при столкновении с описаниями страшного преступления Божьих и человеческих законов, которым стал Соловецкий лагерь. «История Соловков в минувшем веке с предельной ясностью свидетельствует о том, каких страшных масштабов может достигать зло, прорывающееся в мир через людей, сердца которых отпали от Бога», – говорит в «Слове к читателю» наместник Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря архимандрит Порфирий.

Выпуску тома предшествовал огромный труд большого коллектива специалистов во главе с ответственным редактором иереем Вячеславом Умнягиным. Все воспоминания сопровождаются биографическими статьями об авторах, подготовленными известными исследователями. Рады отметить, что в их числе – постоянный автор «Севера», доктор филологических наук Елена Сойни.

Также в томе помещены статьи, знакомящие читателя с многовековой историей Соловецкого монастыря и с историей Соловецкого лагеря особого назначения, множество архивных снимков лагерного периода. В настоящее время готовится второй том серии.

Воспоминания соловецких узников. Т. 1.
Отв. ред. иерей В. Умнягин.
– Соловецкий Спасо-Преображенский
ставропигиальный мужской монастырь,
2013. – 774 с.: илл. Тираж 2000 экз.

Борис ЛУКИН

г. Москва

ПУСТЬ БУДЕТ ВЕЧЕН ЭТОТ ЧАС...

Скажем, читатель, вместе, перефразируя поэта, когда в руках наших новая книга поэзии.

Эта миниатюрная книжица – размером с пачку сигарет – оказалась подведением итога тридцатилетия творчества Валерия Дударева, известного поэта, главного редактора журнала «Юность».

В прежние годы на таком посту у редактора вышло бы собрание сочинений. Мы же имеем перед собой прекрасно оформленные 190 страниц – и сожалеем об отсутствии более солидного «Избранного».

Всё в этой миниатюре-шкатулочке выложено по годам написания (при некоторой творческой неразберихе, вовсе не мешающей восприятию).

Стихи автором разбиты наособицу: «Стихотворения: 2009–1979 годы», заняв большую часть книги, продолжены стихами из циклов «Московские этюды, 1990–1988 годы», «Восточный вариант, 1991–1990 годы», «Из итальянских стихов, 2009–2008 годы».

А камертоном стало, на наш взгляд, последнее стихотворение «К Иисусу». Вот небольшая цитата:

*Не прекращай!
пусть весело живётся
В коротком сумраке
речного пустыря,*

*Где дела нет камням,
как гордо и животно
Взлетает над землёй последняя заря!*

*Ни в маленьких садах,
ни в речке,
ни в просторе*

*Нет колыханья уст,
нет наблюденья глаз.*

*Смоковнице нашлось решение простое –
Найдётся и для нас сегодня же.*

Сейчас!

Этакий доведённый до совершенства вариант «оды к радости» в исполнении Дударева, развитие открывающих сборник строчек: «Мне доступны и суша и море, И другая весёлая мгла!»

Естественно, с такой установкой поэт – по мысли автора – «мера всего».

Не только в жизни. Пожалуй, и в вечности.

Не потому ли так вдумчиво Дударев передвигается в пространстве жизни – Россия, Италия, бывшие республики СССР?

Может, в дороге продумана мысль-девиз, ставшая впоследствии строчками из стихотворения «Гунны»:

*Если творенья не пахнут степью –
Выкини их в окно!*

Опору этому взгляду поэта находим в середине книги, в стихотворении «Спаситель» более чем доходчиво объяснена эта тяга к пути – «одинокому», «миражному», «просёлочному», «дикому» – через образ Христа-странника. Переосмысливая евангельскую притчу о самаритянке, напоившей Его, предстающей теперь в виде русской старухи, устремившей «долгий, внимательный взгляд» на пьющего из крынки Спасителя перед – предугадываемым, но вовсе не естественным в каждых устах – возгласом: «Исусе, спаси!»...

Я прочитал эту книгу несколько раз, всякий раз стараясь ухватить ключевую идею.

Сразу не получалось. Удавалось лишь понять, что эти стихи необычны для дня нынешнего своим лиризмом.

Лирическая стихия – волна за волной – овладевает вами, и вы погружаетесь в круговерть по строчкам: «Тумань меня бездна! Тумань!»

Там в глубине сквозь «ночи синие до трезвости» иль «одиночество ручейное» увидится и «чудо рыжее, репейное», и «еловая илистость дна», и «даже летние мечты, тропинки, бабочка, цветы», «сухопутная ящерка ржавая», – а при всплытии «разлетаются пенные краски» и рождается возглас-всхрип: «дана вселенная – одна!.. и на губах земно, речно – и горько на губах».

Такого обилия обоснованно расставленных восклицательных знаков в стихах я не видел с цветаевской поры. Всё естественно в этой высокой тональности –

ЗАДОР, с которым только и можно так написать:

*В сумерки сонные,
в сумерки сочные
Кто-то же всё-таки смог
Вдруг рассмотреть в васильках у обочины,
Как наливается слог!*

ВОСТОРГ – «замри, как замирает тень!»

ЯРОСТНОЕ ЖИЗНЕЛЮБИЕ:

*Мелькнёт, чтоб снова повториться!
И повторяется уже
Сухим листком, смешной синицей,
Дымком на дальнем рубеже...*

УПОИТЕЛЬНЫЙ КУРАЖ:

*Я хочу, чтоб ты молчала.
Я хочу, чтоб я погиб.*

Кураж, вызванный не бесшабашностью характера, а вековой предначертанностью каждому своего пути:

*...Пусть ещё и темно!
Даже гибло и кисло!
Но душа-то уже ожиданьем полна!
Ожиданьем огня той немислимой доли,
Что дороже домашней нескладицы всей!
Надо только суметь!
Надо выбраться, что ли,
В дальний мир навсегда
из берлоги своей?
...Отыскать полынью!
А уже напоследок
И звезду отыскать в чёрном небе своём!*

Поистине ФИЛОСОФСКОЕ СМИРЕНИЕ, при всей возбудимости поэтической природы (вспомните знаки восклицания!):

*Господи, чего же людям надо?
И любовь и смерть в России есть!*

Даже когда Дударев иронизирует по поводу строчки Заболоцкого «не позволяй душе лениться...», выкрикивая современнику: «Ленись на славу! Ради Бога! Ленись! Ведь труд всему виной!», понимаешь: человечество настолько изменилось, что приходится радоваться наличию души, подразумевая – дальше всё приложится. А то и правда – один рабский труд остался. Ни труд во славу, ни труд как счастье и судьба, а подневольный – лишь бы семье с голоду не умереть (правда, об этом поэтом не говорится в лоб, а только подразумевается). Ирония убийственна для жизни и поэзии, но ничего другого не остаётся пииту – нет никакой надежды дожидаться, «когда, под лунами страдая, душа молитву обретёт!».

Если вы думаете, что книга Дударева напичкана словом «Бог», то ошибётесь. Все примеры я процитировал. Но внутренняя концентрация веры велика, и именно её я вычитал многократным повторением уже знакомых стихов.

Что это? Сознательная социализация, когда поэт подстраивается под светскость читателя?

Думаю, умышленное ритмическое пропевание в звуко-смыслах без произношения самого слова

– от уверенности, что душа читателя (при факте присутствия) ещё не потеряла родовую память и сама произнесёт в нужный момент главное Имя с выстраданной Дударевым *интонацией*. Простые смыслы и умения цивилизацией утеряны и физически, и духовно, но понимаем же мы, что соловей по весне поёт о любви... если слышим.

Слышащего читателя он ведёт дальше, чуть ли не к самоотрицанию, для того, чтобы стал он, как поэт – *мерой* всего в мире:

Поди!
     Упади на дорогу!
 Познай
     и крушенье,
                                 и путь!
 Поверь
     попрошайке,
                                 как Богу!
 Но даже поверив –
                                 забуди!
 Забудь даже ветхие крыши,
 Наличников прошлый канон,
 И всё,
     что даровано свыше, –
 Всё-всё до скончанья времён!
 Забудь,
     даже если распяты
 Почудится в звёздном ковше,
 И эхо
     разбойное,
                                 татье
 Прольётся в степном мираже!
 И счастье цыганская дева
 В скиту нагадает чуть-чуть,
 Где знаменье справа и слева!
 В них даже поверь!
     Но забудь!

Не противоречит поэт себе, когда его «душа не понимает, который нынче год!» – ничего не изменилось под луной: человек – грешен и свободен в выборе, а Бог – милостивый Творец, вдохнувший когда-то в него душу – вечную странницу.

Дударев развивает эту мысль на новом витке вечного пути поэта, уже познав, как «Трудно в России жестокой Добрый роман написать!»

Отсюда и – «Забудь!» Это как память знания, которое необходимо преодолеть в себе, иначе движения вперёд не будет. Всякий творческий человек в своей жизни избавляется от этого учебного внешнего знания. А сегодня в России всем-всем ой как требуется это освобождение от накиданных-наваленных за годы вседозволен-

ности лишних «знаний». Тогда и наступит свобода своего выбора.

Потому и – «Забудь!», что «знаменья справа и слева»: непроговариваемые в этом стихотворении (а мы-то привыкли подспудно ощущать и понимать, что же там писатель недоговаривает), высказаны они в другом: «*диким поверьем, былинной станем...*», т.е. есть с чем нам войти в историю, есть этот необходимый потомкам информационный пласт опыта поколения, пережившего распад великой империи и лицемерящего варваризацию, почти как в Древнем Риме.

Итогом периода познания рождается у поэта поистине мистическое предчувствие «освобождения». Но для чего, спросите, нам его «ожидание освобождения»? Ответ в стихотворении «В степи»: чтобы «*время ощутить бескрайне и полётно, как люди на земле ни разу не смогли!*»

Время ощутить... – бескрайнее. И вспомнить, что человек вечен, как небо над головой и степь под ногами.

Замкнулся наш круг – стихи опять запахли степью. (Абсолютно непреднамеренно для пишущего эти строки – пусть улыбнётся скептик-российский мудрец.)

Поубавив пафоса, крутанём карусель жизни, пробуя на вкус интонацию поэта: «*Не прекращай...*» «*Смоковнице нашлось решение простое – Найдётся и для нас сегодня же. Сейчас!*»

Может, для поиска подобных доказательств смысла бытия и существует поэзия...

**Валерий ДУДАРЕВ. Интонации:
 Стихотворения. – М.:
 Художественная литература,
 2012. – 192 с.: ил.
 – (Миниатюрные издания).
 – Тираж 1000 экз.**

П О Э З И Я

Александр ВОЛКОВ	«ЛЕТОМ ЦВЕТАМИ ПОРАДУЕТ ВНУК...»	5-6
Николай ГРЕБЕНЩИКОВ	«ПОЗВАЛА ДОМОЙ ДЕРЕВНЯ...»	3-4
Ольга ГУСЕВА	«СОЛНЦА СВЕТ РАСТОПИТ СТУЖУ...»	3-4
Валерий ДУДАРЕВ	«ЕСТЬ В РОССИИ ТИХИЕ ДОЛИНЫ...»	9-10
Иван ЕГОРОВ	«СОЛЬВЕЙГ БЕЖИТ НА ЛЫЖАХ...»	1-2
Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ	«РАЗНОЦВЕТНЫ МОИ ЖЕЛАНИЯ...»	1-2
Виктор КИРЮШИН	«МЫ ОСТАЕМСЯ САМИМИ СОБОЙ...»	11-12
Александр КОВАЛЕВ	«И СВЕТЛЕЕТ НЕБО И ДУША...»	11-12
Иван КОСТИН	«СЕЛО И ГОРОД – ДВА МОИХ КРЫЛА...»	3-4
Татьяна МЕХНИНА	«ПЕРЕД ПРЫЖКОМ В ЗАТЯЖНУЮ ОСЕНЬ...»	11-12
Олег МИШИН	«УСПЕТЬ УВИДЕТЬ НОВУЮ ЗАРЮ...»	9-10
Олег МОШНИКОВ	«А ЛЕПЕСТКИ ЛЕТЯТ, ЛЕТЯТ...»	5-6
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН	«РАСПАХНУЛА ОБЪЯТИЯ ЕЛЬ...»	11-12
Андрей РАСТОРГУЕВ	«ПОКЛОНИСЬ МАРЦИАЛЬНОЙ ВОДЕ...»	11-12
Валерий САВОСТЬЯНОВ	«ЧТОБЫ ВМЕСТЕ ВЕРИТЬ И СТРАДАТЬ...»	7-8
Елена СОЙНИ	«УСЛЫШАНА ТВОЯ МОЛИТВА, РУСЬ...»	5-6
Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ	«ПЕПЛОМ В ЗЕМЛЮ УШЛА СТАРИНА...»	7-8
Константин СТРУКОВ	«ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ...»	1-2
Галина СТУДЕНИКИНА	«ПОХОХОЧЕТ НАД ПОЛНОЧЬЮ СОЛНЦЕ...»	7-8
Вадим ТЕРЕХИН	«МЫ СОЧИНИЛИ СЕБЕ КАЛЕНДАРЬ...»	9-10
Алексей ФИЛИМОНОВ	«КАПЛЕЙ БЕССМЕРТИЯ И МИЛОСЕРДИЯ...»	3-4
Андрей ШАЦКОВ	«ЗАПОВЕДНЫХ ЦВЕТОВ АРОМАТ...»	11-12

П Р О З А

Александр АБДУЛАЕВ	ЗДРАВСТВУЙ, САШКА, повесть	3-4
Юрий АБРАМИЦКИЙ	ПРИВКУС ГОРЕЧИ, повесть из узелков памяти	5-6
Алексей АКИШИН	БЕСЕДКА ПОД ВЕТЛАМИ, повесть	5-6
Валентина АКУЛЕНКО	СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ, рассказ	7-8
Виктор АФОНИЧЕВ	А ГДЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?; НЕСООТВЕТСТВИЕ; КЛУБНИЧНОЕ ЭЛЬДОРАДО; СТЕПАШКИНЫ УНИВЕРСИТЕТЫ, рассказы	3-4
Наталья АХОНЕН	ЧЕШУЙКИ СЕРЕБРИСТОГО СИГА, рассказ	3-4
Кирилл БЕРЕНДЕЕВ	КРАСНЫЙ АВТОБУС; СУХОДРЕВ – МОСКВА, КИЕВСКАЯ, рассказы	5-6
Надежда ВАСИЛЬЕВА	ПЛАЧ СИНАЙСКИХ ГОР, повесть	3-4
Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ	РАССКАЗ О СЕМИ ТОПОРАХ; ЯБЛОЧНЫЙ СПАС, рассказы	3-4
Дмитрий ВОРОНИН	ИЛЬИЧ; БЕДНАЯ АЛКА; МИРОТВОРЕЦ, рассказы	3-4
Андрей ВОРОНЦОВ	КОРАБЛЬ ОТПЛЫВАЕТ, роман	9-10 11-12
Наталья МОЛОВЦЕВА	ПО ТУ СТОРОНУ СЧАСТЬЯ, рассказ	3-4
Елена НАУМОВА	ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБЕС, повесть	11-12
Станислав ОЛЕФИР	Я ПОКАЖУ ВАМ РОССИЮ, рассказы	11-12
Кирилл ОЛЮШКИН	СЧИТАННЫЙ ГОРОД, новелла	5-6
Павел ПАРАМОНОВ	РЕПЕТИТОР ДЛЯ ПОПУГАЯ, повесть	9-10
Наталья РОМАНОВА	МЫ – СИБИРЯКИ; СТУК; МЫ – СИБИРЯКИ; МАРМУНЯ; СРОДУ – РОДУ; МОРОЖЕНКИ; КОЛГОТКИ ДЛЯ «СНЕЖИНКИ»; ГОРСТЬ БРУСНИКИ, рассказы	9-10
Эдуард ПУОЛОКАЙНЕН	ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ, рассказ	11-12

П Р О З А

Владимир РУДАК	МЯТНЫЕ ПРЯНИКИ; КИБЕР- НЕТИКА; АНГЕЛЬСКИЕ РО- ЖИЦЫ; ТАНК, <i>рассказы</i>	1-2
Виктор РУЖИН	НЕНУЖНЫЕ ЛЮДИ; ФИГУРА; В ОТПУСК С СЕВЕРА, <i>рассказы</i>	11-12
Александр РУЛЕВ- ХАЧАТРЯН	ПУТНИК; ЖИЗНЕННО, <i>рассказы</i>	1-2
Евгений РУССКИХ	КРЕСТ; НА БЕРЕГУ, <i>рассказы</i>	1-2
Рима РЮМЕР	ДАВНЫМ-ДАВНО И ДАЖЕ РА- НЬШЕ; «КАСТУКАСУ, КОТО- РЫЙ ПРОФЕССОР...», <i>рассказы</i>	3-4
Зиновий САГАЛОВ	ЧАСТИ РЕЧИ, <i>рассказ</i>	5-6
Надежда СЕРЕДИНА	РОМАН НА КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ; БЫЛЬ СНЕЖНОЙ ЗИМЫ; ЗОЛОТАЯ МУШКА, <i>рассказы</i>	1-2
Вениамин СЛЕПКОВ	ПОСЛАНЕЦ ВСЕЛЕННОЙ, <i>повесть (окончание)</i>	1-2
Мария СОЛОДИЛОВА	МЕЖДУ ЗЕМЛЕЙ И НЕБОМ: БАРАМИН; КАТЕРИНА БЕРН- ГАРТД; АНТОНИНА & АНТО- НОВ, <i>рассказы</i>	7-8
Юрий СОЛОМОНОВ	ПЕЙЗАЖ НА ТРОИХ, <i>повесть</i>	7-8
Елена СЧАСТЛИВЦЕВА	ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО, <i>повесть</i>	7-8
Александр ТИТОВ	ПАЛАТА ДЛЯ ЧУДАКОВ, <i>повесть</i>	7-8
Арсен ТИТОВ	СЕНТЯБРЬ, <i>повесть</i> ИЗ СБОРНИКА «МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ О ВОЙНЕ И МИРЕ»	9-10
Ольга ТОРОЩИНА	МАШКИНА ЛЮБОВЬ; ОСТАНОВКА В ТУШИНО; ЧИЖИ-ПЫЖИ, <i>рассказы</i>	5-6
Григорий ФУКС	КТО СЛЕДУЮЩИЙ... (<i>крими- нальная история в двух частях</i>)	1-2
Олег ЦЕЛЕБРОВСКИЙ	КАК РАБОТАЕТ ЕЖЕДНЕВНИК; АНГЛИЙСКИЙ УКЛОН, <i>рассказы</i>	1-2
Андрей ЦУНСКИЙ	ВО ДВОРЕ 119-го, <i>главы из книги</i>	11-12
Наталья ЧЕРКАС	ЖЗЛ: ГИППОКРАТ; СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СО ЛЬВОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ;	
Татьяна ЮРИНА	СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ, <i>сказки</i> БЕЛЫЙ СТАРИК, <i>повесть</i>	7-8 1-2

Литературный конкурс журнала «Север»
СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Светлана АЛЕКСЕЕВА	«СКВОЗЬ ЗАСНЕЖЕННЫЙ КИТЕЖ-СИТИ...», <i>стихи</i>	3-4
Татьяна БАННОВА	СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛОГО БРАТА, <i>рассказ</i>	11-12
Марина ВОЛКОВА	«ПОКЛОНЮСЬ ОСЕННЕЙ БЕРЕГИНЕ...», <i>стихи</i>	9-10
Марина ЗАРУБИНА	«ДЫШАЛА УЛИЦА ВЕСНОЙ...», <i>стихи</i>	5-6
Дмитрий КОСЬМИНА	«ВЕЩИЙ Я УГАДЫВАЮ ГОЛОС...», <i>стихи</i>	7-8
Наталья МЕЛЕХИНА	СЕРДЦЕ БЕЗ ЛАПОК, <i>рассказ</i>	3-4
Екатерина МИТРОФАНОВА	СЕРДЦЕ ЛЕБЕДЯ, <i>маленькая трилогия</i>	11-12
Мария МОЛОТКОВА	«УТРОМ ХОЧЕТСЯ ДЕТСКИХ УЛЫБОК...», <i>стихи</i>	11-12
Юлия МОРОЗОВА	«ИЗМЕРЯЕМ УЛЫБКАМИ ВРЕМЯ...», <i>стихи</i>	1-2

ПО РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Александр ВОРОНИН	ГИМН ОЗЕРНОМУ «ВОЛКУ»	7-8
Дмитрий ЛЕДОВСКОЙ	СОБАЧИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ (<i>эпизоды великой гонки</i>)	1-2
Юрий ЛИННИК	ПРЕОБРАЖЕНКА	9-10

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

	ИЗ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ВИТЬКИНЫ КАНИКУЛЫ»	
Виктор КЛЕЩЕВ	ПЕРВАЯ КРОВЬ; ИКОНА; КИСЛЫЕ ЯБЛОЧКИ	7-8
Ирина ОРУМАА	«МОЕ ХМЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ...», <i>стихи</i>	5-6
Леонид КАРПОВ	«И ПЕРВЫЙ СНЕГ, И ВЕТРА ЧЕХАРДА...», <i>стихи</i>	1-2
Наталья РОМАНОВА	ЧЕТЫРЕ ГОДА ОСЕНИ	1-2

Э С С Е

Юрий ЛИННИК	ВЫБОРГ	1-2 3-4
Игорь МИХАЙЛОВ	НАШИ ПЕСНИ	7-8

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

	НА ВОЙНЕ, глава из книги	
Юрий	«Народный писатель Карелии	
ДЮЖЕВ	Антти Тимонен»	5-6
Алексей	ЗАГАДКА	
КАЗАКОВ	«СИРЕНЕВОГО ТУМАНА»	3-4
Сергей	ГАККАПЕЛИТЫ <i>Финские рейта-</i>	
ЛАПШОВ	<i>ры шведской армии в войнах XVII века</i>	7-8
Василий		
МАКУРОВ,		
Виктор	КАРИБСКИЙ КРИЗИС	
КОПАНЕВ	И СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ	5-6
Марина		
ОСИПЕНКО	ХРАНИТЕЛИ ВЕРЫ	3-4
Сергей		
ТИТОВ	ФЛОТИЛИЯ И ДИВИЗИЯ	9-10

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена	В ПОИСКАХ ОКЕАНА	
БЕРМУС	(<i>О поэтике рассказов В. Рудака</i>)	1-2
	ЛАЧУГА ДОЛЖНИКА	
Сергей	(<i>О духовном содержании</i>	
ИВАНОВ	<i>фантастики В. Шефнера</i>)	7-8
Ольга	МОНОЛОГИ ЕВТУШЕНКО:	
КРАВЦОВА	<i>выбор и альтернативная реальность</i>	11-12
	ПО ЗАКОНАМ СВОБОДНОГО	
Людмила	ЖАНРА (<i>О повести «Одинокое</i>	
СИПКО	<i>плавание» Галины Талановой</i>)	9-10

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Владимир	ТРИ ДОЛГИХ ПРОЩАЛЬНЫХ	
ВЕЙХМАН	ГУДКА	5-6
Юрий	ЗАПИСКИ ВОЕННОГО	
ПАХОМОВ	ЭПИДЕМИОЛОГА	1-2
Анатолий		7-8
ПЕРКИН	СЧАСТЬЕ ЗЕМНОЕ	9-10

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

	УДЕРЖАНИЕ РУССКОСТИ	
Василий	В РОССИИ (<i>Задача современно-</i>	
ДВОРЦОВ	<i>сти для литературы</i>)	11-12
	ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	
Сергей	В КАРЕЛИИ. НОВЫЕ ПОДХО-	
ВЕРИГИН	ДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ	5-6
Александр		
ВОЛКОВ	У ИСТОКОВ РОДНОЙ РЕЧИ	5-6
	НЕГАТИВ ДЛЯ ПИСАТЕЛЯ –	
Николай	НЕ «ТАБУ». НО ВАЖНЕЕ –	
ПЕРЕЯСЛОВ	ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ	9-10

МОНПАНСЬЕ

Владислав	РОДИНА НАШЕГО	
БАХРЕВСКИЙ	ГОЛУБЧИКА, <i>повесть</i>	9-10
Светлана	ДОРОГА; ПОЛЯНА; ВОРОНА	
ВЬЮГИНА	ПОЕТ; РУСАК, <i>рассказы</i>	11-12
	ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА;	
Олег	РАНЕНый «ОРЛЕНОК»;	
КОРНИЕНКО	ПОБЕДНАЯ НИЧЬЯ, <i>рассказы</i>	11-12
	ПЛЕТЬ, УЗДА И ПОДКОВА;	
Юрий	САМАЯ МЕДВЕЖЬЯ; ПОЧЕМУ	
МАСЛОВ-	ЗУЁК ГНЕЗДА НЕ СТРОИТ;	
ОСТРОВИЧ	ПРО БОБРА И ЗАЙЦА, <i>сказки</i>	3-4
	ШУТКА; ЗАЩИТНИК; ХИТ-	
Елена	РАЯ СОПЕРНИЦА; ФИМА;	
ПИЕТИЛЯЙНЕН	ГОСТЬЯ С СЕВЕРА, <i>рассказы</i>	1-2

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Александр	МОЯ БЕЛОРУССКАЯ	3-4
ЕРШОВ	МОЗАИКА	5-6
Надежда	МАДРИД, ИЛИ ТАМ, ГДЕ	
СЕРЕДИНА	ЛУНА – СОЛНЦЕ	7-8

ИНТЕРВЬЮ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

	«СОЛДАТЫ, ЛЕЖАЩИЕ В КА-	
	РЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ, ДОЛЖНЫ	
Александр	ОБРЕСТИ ИМЯ, ПОКОЙ	
АНИШИН	И ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ»	5-6
Александр		
ХУДИЛАЙНЕН		
Елена	«СЧАСТЬЕ В ТОМ, ЧТОБЫ	
ПИЕТИЛЯЙНЕН	ТВОРИТЬ ДОБРО...»	7-8

И М Я В И С Т О Р И И

Николай		
КОНЯЕВ	«ОТ ВЕТРА ГЛАВЫ СВОЕЯ»	9-10
Дмитрий	«Я С ДЕТСТВА РАНЕН ЖЕН-	
СВИНЦОВ	СКОЙ ДОЛЕЙ...»	3-4

К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Константин	ВОЛОГОДЧИНА ЛИТЕРАТУР-	
ГНЕТНЕВ	НАЯ: ДОСТУЧАТЬСЯ ДО СЕРДЦА	9-10

ПЕРСПЕКТИВА

Александр	«ЗАРНИЦУ» ЗАЖГЛИ	
ЕРШОВ	ЭНЕРГЕТИКИ	7-8
Алексей	ЛЕСА КАРЕЛИИ (<i>главная задача –</i>	
КУЗЬМИН	<i>сохранение карельского леса</i>)	1-2

О Ч Е Р К

Олег		
МОШНИКОВ	ПОЭТИЧЕСКОЕ ЛЕТО	11-12

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ирина ВАЖИНСКАЯ	«ВСЕГО ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ТОМУ НАЗАД...»	11-12
Александр ВАЛЕНТИК	СТРОКА – ЦВЕТОК, СТРОКА – ОГОНЬ...	9-10
Александр ВОРОНИН	ОН ИГРАЕТ В СЛОВА?... <i>О книге стихов Д. Гордиенко «Игра в слова»</i>	3-4
Александр ВОРОНИН	УМЕНИЕ ПАРИТЬ НАД МИРОМ <i>О книге А. Васильева «Имени твоему...»</i>	1-2
Борис ЛУКИН	«ПУСТЬ БУДЕТ ВЕЧЕН ЭТОТ ЧАС...»	11-12
Армас МАШИН	«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» ДЛЯ КРАЕВЕДОВ	1-2
Наталья МЕЛЕХИНА	МЕЖДУ «О» И «ДЛЯ»	7-8
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН	МУЗЫКА ДУШИ... <i>О книге стихов Н. Лайдинен «Яблоко»</i>	3-4
Вениамин СЛЕПКОВ	КНИГА О ТРУДНОМ ВЫБОРЕ	11-12
Мария ФОМИНА	РУССКИЙ БОККАЧЧО НАРОДИЛСЯ?	11-12

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Лев АННИНСКИЙ	НИКОЛАЙ РУБЦОВ: «РОССИЯ! КАК ГРУСТНО!»	7-8
----------------------	--	-----

ВЕРСИЯ

Лев АННИНСКИЙ	КТО ТАКОЙ МИХАИЛ ШОЛОХОВ?	9-10
----------------------	---------------------------	------

КРАЕВЕДЕНИЕ

Валерий ВЕРХОГЛЯДОВ	ВЕСЕННИЙ КОНТРАПУНКТ	5-6
----------------------------	----------------------	-----

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Борис ГУЩИН	САВЕЛИЙ – САВВА, КАКИМ ЕГО ПОМНЮ	9-10
Эдуард КОПЫЛОВ	ДНЕВНИК ОДНОЙ СУДЬБЫ ПО МИСТИЧЕСКИМ МЕСТАМ	5-6

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Арсений БОГАТЫРЕВ	РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ВМЕСТЕ С РУССКИМ ДИПЛОМАТОМ XVII ВЕКА	7-8
Денис КУЗЬМИН	ХАЙКОЛЬЦЫ ЧИСЛЯТСЯ В ШОМБОЗЕРЕ: ЗАГАДКИ ИСТОРИИ ИЛИ ПРОДЕЛКИ БЮРОКРАТИИ	5-6

К ЮБИЛЕЮ ТЕАТРА «ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ»

Мария КРАУКЛИТ	«ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ»: 25 ЛЕТ ИСКРЕННОСТИ	11-12
Александр ПОБЕРЕЖНЫЙ-БЕРЕГОВСКИЙ	«ХОЧЕТСЯ ОТСТАИВАТЬ ЦЕННОСТИ, КОТОРЫЕ ПОПРАНЫ И РАСПЯТЫ...»	11-12

МИЛАЯ МАЛАЯ РОДИНА

Кондопожский район

Валерий АНХИМОВ	ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО КОНДОПОГИ – ЛЮДИ	5-6
Виктор КАРЕЛИН	ИСТОРИЯ КОНДОПОЖСКОГО КРАЯ	5-6
Татьяна ОСИНИНА	КАК ДЕЛА, ЯНВАРЬ МИХАЙЛОВНА, <i>рассказ</i>	5-6
Анна СОСНОВА		
Валерий ЛОПАТКИН		
Эльвира КОЛЯДИЧ	МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД, <i>стихи кондопожских поэтов</i>	5-6
Светлана КОШКИНА	У МОРЯ БЕЛОГО В СУХОМ НАВОЛОКЕ	7-8
Елена КУБЛИ	ОСТРОВ СУЙСАРЬ	1-2

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Михаил ДАНКОВ	ПЕТРОВСКАЯ ФОРТЕЦИЯ НА БЕРЕГУ ОНЕГО, ИЛИ ПЕТРОПАВЛОВКА НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ?	9-10
----------------------	---	------

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Елена МАРКОВА	УЧЕНЫЙ В ПОТОКЕ ИСТОРИИ <i>Памяти Э.Г. Карху (1923–2008)</i>	11-12
----------------------	--	-------

К 10-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ПЕТРОЗАВОДСКОГО СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ ВМФ

Вячеслав КУЗНЕЦОВ	КАК ЭТО БЫЛО...	3-4
Вячеслав КАШИН	ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ ВМФ	3-4
Владимир ТОЛСТИКОВ	НА «ПАХОТЕ» СУЭЦКОГО КАНАЛА	3-4
Василий ЛУКЬЯНОВ	ЖЕНА КОНСТАНТИНОВИЧА...	3-4

ЧИТАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

Софья ШАПИРО	«Я ОПЫТ СОВЕСТИ И ДУХА В ГРЯДУЩЕЕ ПЕРЕДАЮ...»	7-8
---------------------	---	-----

Этот номер для Вас подготовили:

Елена Пиетилийнен
главный редактор

Елена Бермус
**редактор отдела
прозы**

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
**редактор отдела
очерка и публицистики**

Николай Трухин
художник

Александр Воронин
**редактор отдела поэзии
и сайта журнала**

Ирина Боякова
секретарь

Людмила Шанина
корректор

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Неёлов Евгений (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетилийнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)